

Славянский АЛЬМАНАХ

Учредитель:
Институт славяноведения РАН

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-61134 от 30 марта 2015 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Д. Батакович, доктор исторических наук, профессор,
Институт балканистики САНУ, Сербия

Т. И. Вендина, доктор филологических наук, профессор

А. Влашич-Анич, PhD, Институт старославянского языка,
Хорватия

П. Женьюх, доктор филологических наук, профессор,
директор Института славистики САН, Словакия

А. Зуппан, академик Австрийской академии наук, Австрия

К. В. Никифоров, доктор исторических наук, директор
Института славяноведения РАН (отв. редактор)

М. Номати, PhD, доцент, Славяно-евразийский
исследовательский центр Университета Хоккайдо, Япония

В. Радева, доктор филологических наук, профессор,
Софийский университет, Болгария

М. А. Робинсон, доктор исторических наук

А. Розман, PhD, профессор, Университет Любляны, Словения

Н. Н. Старикова, доктор филологических наук

Е. С. Узенева, кандидат филологических наук, доцент

А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

РЕДАКЦИЯ:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

М. Ю. Дронов, кандидат исторических наук

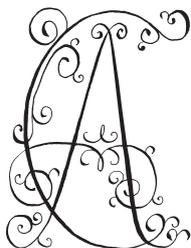
К. А. Кочегаров, кандидат исторических наук

М. М. Макарецев, кандидат филологических наук

Институт славяноведения РАН

Славянский АЛЬМАНАХ

1-2 · 2015

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2015

УДК 94(367)

ББК 63.3(4)

С 47

Славянский альманах 2015. Вып. 1–2. –
М.: Индрик, 2015. – 480 с.

ISSN 2073-5731

Выпуск 1–2 «Славянского альманаха» за 2015 г. подготовлен в основном по материалам Второго Всероссийского совещания славистов, прошедшего в Москве в Институте славяноведения РАН (ноябрь 2013 г.). В статьях участников совещания подведены некоторые итоги и намечены перспективы развития славяноведения в XXI в., затронуты вопросы истории и культуры славянских народов от Средневековья до наших дней, славянского языкознания, истории славяноведения, подняты актуальные проблемы подготовки научных кадров в области славянской истории и филологии.

Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

Issue 1–2, 2015 of «The Slavic Almanah» contains mainly the proceedings of the Second Russian National Convent of Slavists that took place in Moscow, in the Institute of Slavic Studies in November, 2013. The articles of the participants describe the ways and perspectives of development of Slavic Studies in the twenty-first century. Several issues from the history and culture of the Slavic peoples from the Middle Age until today are discussed, the problems of Slavic linguistics, history of Slavic studies, and professional training of academic researchers in Slavic history and philology are dwelt upon.

The book may be of interest not only to the scholars, but to a more general audience as well.

© Институт славяноведения РАН, 2015

© Коллектив авторов, 2015

© Издательство «Индрик», 2015

Содержание

От редколлегии	11
----------------------	----

История

<i>Белякова Т. А. (Берлин). Сербская царица Елена и Карейская келья св. Саввы: к интерпретации источников</i>	13
<i>Лукашова С. С. (Москва). Особенности формирования восточнославянских диаспор в Семиречье в 60–80-х гг. XIX в.</i>	25
<i>Кирилина Л. А. (Москва). Препородовцы. Начало пути к независимому югославянскому государству</i>	32
<i>Сератионова Е. П. (Москва). Poleмика К. Крамаржа и Э. Бенеша о роли России в решении «чешского вопроса»</i>	48
<i>Станков Н. Н. (Волгоград). Религиозная борьба в Чехословакии и германская дипломатия в 1920-е гг.</i>	57
<i>Пилько Н. С. (Москва). Словенцы в югославской политической жизни в 20–30-е гг. XX в.</i>	68
<i>Волокитина Т. В. (Москва). На рубеже войны и мира: Советский Союз и подготовка Соглашения о перемирии с Болгарией</i>	81
<i>Казак О. Г. (Минск). Русофильская интеллигенция в национально-культурной жизни Подкарпатской Руси (1939–1944)</i>	95
<i>Ильющин И. И. (Киев). Волынская трагедия 1943–1944 гг.: анализ проблемы и перспективы украинско-польского исторического примирения</i>	113
<i>Новосельцев Б. С. (Москва). Югославия и Каирская конференция неприсоединившихся стран (1964 г.)</i>	125
<i>Волобуев В. В. (Москва). Неосталинская оппозиция в Польше в 1956–1970 гг.</i>	140
<i>Майорова О. Н. (Москва). Политические последствия выступлений польских рабочих в июне 1976 г.</i>	156
<i>Лыкошина Л. С. (Москва). «Историческая политика» современной Польши в контексте российско-польских отношений</i>	170

История культуры

<i>Лабынцев Ю. А. (Москва). «Белая Русь» в светских канцелярских документах Российской империи XVIII – начала XIX в.</i>	180
---	-----

<i>Щавинская Л. Л. (Москва).</i> Названия белорусских территорий в местных конфессиональных административных документах рубежа XVIII–XIX вв.	193
<i>Байдалова Е. В. (Москва).</i> Украинская литература между Европой и Россией: к полемике К. Буревого и Н. Хвылевого	206
<i>Старикова Н. Н. (Москва).</i> Словенские писатели и «бархатная» революция	215
<i>Левкиевская Е. Е. (Москва).</i> К вопросу о методах культурного и этнодиалектного изучения украинских анклавов на территории России	225
<i>Амосова С. Н. (Москва).</i> Восточнославянская «климентовская» редакция «Сказания о 12 пятницах»: структура	236
<i>Шемякин А. Л. (Москва).</i> Об одном забытом юбилее (к 130-летию регулярных культурно-художественных связей между Россией и независимой Сербией)	246

Языкознание

<i>Ананьева Н. Е. (Москва).</i> Некоторые итоги и перспективы славянской филологии в XXI в.	260
<i>Вендина Т. И. (Москва).</i> «Общеславянский лингвистический атлас» и некоторые мифы лингвистической географии	277
<i>Кулешова М. Л. (Москва).</i> Пейоративные названия лиц со значением внешних/физических признаков в словенском и сербском языках	304

История науки

<i>Никифоров К. В. (Москва).</i> Институт славяноведения РАН между двумя Всероссийскими совещаниями славистов (2003–2013 гг.)	315
<i>Молдован А. М. (Москва).</i> Фундаментальные проблемы в тематике съездов славистов	328
<i>Лаптева Л. П. (Москва).</i> Галицкий славист Яков Федорович Головацкий (1814–1888) и его связи с чешскими учеными (к 200-летию со дня рождения)	335
<i>Чуркина И. В. (Москва).</i> И. И. Срезневский о словенцах и словаках	345
<i>Дуличенко А. Д. (Тарту).</i> Иван Александрович Бодуэн де Куртене и «казанская кашубология» второй половины XIX в.	360

<i>Клопова М. Э. (Москва).</i> Национальные движения восточнославянского населения Галиции XIX–XX вв. в современной русской и украинской историографии	365
<i>Марьина В. В. (Москва).</i> Создание и начало деятельности Комиссии историков СССР и ЧССР (1967–1968 гг.)	378
<i>Карев Д. В. (Гродно).</i> Белорусоведение в контексте европейской славистики XX – начала XXI в.	390

Наука и образование

<i>Матвеев Г. Ф. (Москва).</i> Чем живут историки-слависты Московского университета в начале XXI в.	405
<i>Ковтун Е. Н. (Москва).</i> Вузовская филологическая славистика сегодня: проблемы и перспективы	410

Публикации

<i>Мелентьев Ф. И. (Москва).</i> «Плыл по Волге князь с боярами...» Письмо цесаревича Николая Александровича вел. кн. Алексею Александровичу 8 июля 1863 г.	428
--	-----

Рецензии

<i>Узенёва Е. С. (Москва).</i> Новый труд по этнолингвистике	436
<i>Слоистов С. М. (Москва).</i> Фундаментальное справочное издание по истории и культуре карпатских русинов	443

Хроника

<i>Слоистов С. М. (Москва).</i> Круглый стол «Москва и Восточная Европа: государственно-территориальное урегулирование в регионе и проблема национальных меньшинств. События. Документы. Комментарии»	451
<i>Шалаева Т. В. (Москва).</i> XXXI Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2015»	456
<i>Вернер И. В. (Москва).</i> Пятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения	461

Юбилеи

Дронов М. Ю. (Москва). К 70-летию Пола-Роберта Магочи 466

Сведения об авторах 468

Content

Editorial	11
-----------------	----

History

<i>Beljakova T. A. (Berlin)</i> . Jelena, the queen of Serbia and St. Savva's cell in Karyes: on the interpretation of the sources	13
<i>Lukašova S. S. (Moscow)</i> . The forming of East Slavic diasporas in Zhetysuin 1860s–1880s	25
<i>Kirilina L. A. (Moscow)</i> . <i>Preporodovci</i> . On the way to forming an independent Yugoslav state	32
<i>Serapionova E. P. (Moscow)</i> . The argument of K. Kramář and E. Beneš about the role of Russia in solving the «Czech issue»	48
<i>Stankov N. N. (Volgograd)</i> . The religious fight in CzSR and the German diplomacy in 1920–1930s	57
<i>Pil'ko N. S. (Moscow)</i> . On Slovene political life in 1920–1930s	68
<i>Volokitina T. V. (Moscow)</i> . Between war and peace: the Soviet Union and the preparation of Peace Agreement with Bulgaria	81
<i>Kazak O. G. (Minsk)</i> . The russophile intelligentsia in the cultural life of Subcarpatian Rus (1939–1944)	95
<i>Iljušin I. I. (Kiev)</i> . Volhynia tragedy of 1943–1944: the analysis of the problem and the perspectives of the Ukrainian-Polish historical reconciliation	113
<i>Novosel'cev B. S. (Moscow)</i> . Yugoslavia and Cairo Conference of Non-Aligned Movement (1964)	125
<i>Volobuev V. V. (Moscow)</i> . Neostalinist opposition in Poland in 1956–1970	140
<i>Majorova O. N. (Moscow)</i> . The political outcome of the Polish workers' protests in June, 1976	156
<i>Lykošina L. S. (Moscow)</i> . The «historical politics» of Modern Poland in the light of Russian-Polish relations	170

History of Culture

<i>Labyncev Ju. A. (Moscow)</i> . «The White Rus» in secular writings of the Russian Empire of the 18 th – the beginning of the 19 th centuries	180
---	-----

<i>Ščavinskaja L. L. (Moscow)</i> . The name of Belarussian territories in local church documents of the 18 th –19 th centuries	193
<i>Bajdalova E. V. (Moscow)</i> . Ukrainian literature between Europe and Russia: on the debates between K. Burevoj and N. Xvylevoj	206
<i>Starikova N. N. (Moscow)</i> . Slovene writers and the «Velvet Revolution»	215
<i>Levkievskaja E. E. (Moscow)</i> . About the methods of cultural and ethnodialectal study of Ukrainian enclaves in Russia	225
<i>Amosova S. N. (Moscow)</i> . East Slavic «Clement» redaction of «The legend of 12 Fridays»: the Structure	236
<i>Šemjakin A. L. (Moscow)</i> . A forgotten jubilee. 130 years of cultural and artistic relations between Russia and independent Serbia	246

Linguistics

<i>Anan'eva N. E. (Moscow)</i> . Some results and perspectives of Slavic philology in XXI century	260
<i>Vendina T. I. (Moscow)</i> . The Slavic Linguistic Atlas and some myths of the linguistic geography	277
<i>Kulešova M. L. (Moscow)</i> . Pejorative naming of persons with the meaning of an outlook or physical traits in Slovene and Serbian	304

History of Science

<i>Nikiforov K. V. (Moscow)</i> . Institute of Slavic Studies (Russian Academy of Sciences) between two Russian National Slavistic Convents (2003–2013)	315
<i>Moldovan A. M. (Moscow)</i> . Some fundamental problems within the topics of Slavistic Congresses	328
<i>Lapteva L. P. (Moscow)</i> . The Galician Slavicist Jakov Fedorovič Golovackij (1814–1888) and his connections with the Czech academists. On the 200 th anniversary of his birth	335
<i>Čurkina I. V. (Moscow)</i> . I. I. Sreznevskij about Slovenes and Slovaks	345
<i>Duličenko A. D. (Tartu)</i> . Ivan Aleksandrovič Baudouin de Courtenay and the Kazan Kaszubian studies of the second half of the XIX century	360
<i>Klopova M. E. (Moscow)</i> . Russians or Ukrainians? National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19 th –20 th centuries in Russian and Ukrainian historical literature	365

<i>Mar'ina V. V. (Moscow)</i> . The creation and the beginning of the activities of the Historical commission of USSR and CSSR (1967–1968)	378
<i>Karev D. V. (Grodno)</i> . Belorussian studies in the context of Slavic Studies in Europe in the 20 th – the beginning of the 21 st century	390

Science and Education

<i>Matveev G. F. (Moscow)</i> . What the Slavic historians of the Moscow University live by in the beginning of the 21 st century	405
<i>Kovtun E. N. (Moscow)</i> . Slavic studies in Russian universities today. The problems and the perspectives	410

Publications

<i>Melent'ev F. I. (Moscow)</i> . «The prince with boyards were going down the river...»: a letter of the crown prince Nikolaj Aleksandrovič to grand prince Aleksej Aleksandrovič on July, 8 th , 1863	428
--	-----

Reviews

<i>Uzenjova E. S. (Moscow)</i> . A new book on ethnolinguistics	436
<i>Sloistov S. M. (Moscow)</i> . A fundamental reference book on history and culture of Carpatian Rusyns	443

Academic life

<i>Sloistov S. M. (Moscow)</i> . The round table «Moscow and Eastern Europe: state and territorial settlement in the region and the problem of national minorities. Events. Documents. Commentaries»	451
<i>Šalaeva T. V. (Moscow)</i> . XXXI Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2015»	456
<i>Verner I. V. (Moscow)</i> . The 5 th Cyril and Method Conference in Rome	461

Jubilees

<i>Dronov M. Ju. (Moscow)</i> . Paul-Robert Magocsi is 70	466
About the authors	473

От редколлегии

В 1–2 выпуске «Славянского альманаха» за 2015 г. в основном публикуются статьи участников Второго Всероссийского совещания славистов. Оно состоялось в ноябре 2013 г. в Москве и было организовано Институтом славяноведения РАН. В работе Совещания приняли участие не только российские ученые, но и их коллеги из других стран. Были подведены итоги развития отечественного славяноведения за период, прошедший с Первого Всероссийского совещания славистов (2003), выявлены актуальные направления славистической работы и намечены перспективы научных исследований. В этих и других материалах «Славянского альманаха» затронуты вопросы истории и культуры славянских народов от Средневековья до наших дней, славянского языкознания, истории славяноведения, подняты актуальные проблемы подготовки научных кадров в области славянской истории и филологии.

«Славянский альманах» переходит на новый формат издания, предусматривающий более частую периодичность, а именно четыре выпуска в год, которые будут публиковаться в сдвоенных томах. Превращение «Славянского альманаха» в фундаментальное периодическое научное издание по славистике соответствует потребностям развития славяноведения как комплексной дисциплины. Редколлегия убеждена, что обновленный «Славянский альманах» станет одной из ведущих площадок для публикации статей и сообщений, обзоров современной литературы и рецензий, дискуссионных материалов, подготовленных отечественными и зарубежными славистами, которые послужат дальнейшему углубленному, всестороннему изучению славянских народов, распространению и координации объективных научных знаний о славянском мире, а также укреплению межславянских научных и культурных связей.

Т. А. Белякова
(Берлин)

Сербская царица Елена и Карейская келья св. Саввы: к интерпретации источников

В статье рассматривается проблема отражения в источниках взаимоотношений царицы Елены и Карейской кельи, ее роли как ктитора и покровителя кельи св. Саввы Освященного на горе Афон. Сравниваются описания Скопского и Великого Прилепского хрисовулов с данными по так называемому завещанию игумена Дорофея для выявления статуса Елены.

Ключевые слова: *царица Елена, Карейская келья св. Саввы Освященного, игумен Дорофей, Афон.*

Супруга сербского царя Стефана Душана (1331–1355) Елена (ок. 1310 – 1375) была сестрой болгарского царя Ивана Александра (1331–1365). Елена сыграла выдающуюся роль в истории средневековой Сербии. Ее участие в политической деятельности супруга отражено как в сербских, так и в византийских источниках (прежде всего в грамотах Стефана Душана и «Истории» Иоанна Кантакузина¹). Особый след оставила царица Елена в истории горы Афон: эпизод с ее приездом на Святую гору в сопровождении мужа и сына² всегда упоминается исследователями в контексте изучения правовых предпосылок запрета для женщин посещать Афон и примеров его нарушения³.

Из сербских грамот эпохи пребывания Душана с семейством на Афон в 1347–1348 гг. известно⁴, что они посетили сербский монастырь Хиландар, а также келью св. Саввы Освященного в Карее, основанную на рубеже XII–XIII вв. святым Саввой Сербским. Интерес царицы Елены к проблемам церковей и монастырей проявился уже в 1340-е гг., выразившись в поддержке духовенства и церковных учреждений прежде всего на территории современной Македонии⁵. Афонские монастыри были также в сфере интересов царицы. И после визита на Афон, после смерти царя Стефана Душана имеются сведения, подтверждающие ктиторскую деятельность Елены по отношению к монастырям на Святой горе. В первую очередь это дарения сербскому монастырю Хиландару⁶, лавре св. Афанасия⁷.

Несмотря на то, что уже в 1935 г. была опубликована статья Радослава Груйича о царице Елене и Карейской келье, существует по-

требность в более подробном анализе и интерпретации источников. Осуществление этого анализа возможно в первую очередь благодаря новому этапу в публикации сербской средневековой дипломатики – выходу серии «Стари српски архив», критического издания с научными комментариями ко многим важным сербским грамотам.

Наиболее подробный рассказ о покровительстве Елены по отношению к Карейской келье содержится в двух грамотах Душана – так называемом Скопском и великом Прилепском хрисовулах, в которых сообщается об особом интересе царицы к Келии св. Саввы и назначении ее вторым ктитором келии. Уникальность этого титула Елены связана со множеством факторов. Во-первых, это редкий случай пребывания женщин на Афоне. Запрет женщинам находиться на территории горы Афон связан, вероятно, с тем, что данная территория воспринималась как единый монашеский комплекс, как единый монастырь (мужской). Безусловно, царица Елена была не первой женщиной, находившейся на территории Афона. В годы голода и набегов каталонцев местные жительницы находили пристанище в монастырях Афона⁸. Собственно, приезд царя Душана с семейством на Афон был вызван также исключительным обстоятельством – эпидемией «черной чумы», охватившей и Балканский полуостров. Тем не менее источники свидетельствуют о том, что царица активно использовала время пребывания на Афоне, заказывая рукописи и оставляя щедрые дары монастырям. Второй важный момент касается почетности наименования «ктитор», которого ни одна из многочисленных византийских и сербских женщин, несмотря на активное финансирование афонских монастырей, не добивалась. Что касается женского патрона по отношению к афонским монастырям, то византийские императрицы и просто обеспеченные женщины из Византии и других православных государств часто выступали инициаторами щедрых пожертвований монастырям⁹. Их имена вносились в кадастры и помянники афонских монастырей, что особенно значимо, учитывая важность аспекта мемории и литургического поминовения для средневековых обществ¹⁰. Однако именно Елена, с ее особым интересом к Карейской келье и участием в ее судьбе, а также при покровительстве монастырю Хиландара, удостоилась титула «второго ктитора» Карейской кельи¹¹. Третьим фактором, который также необходимо принимать во внимание, является особый статус Карейской кельи, даже по сравнению с остальными монастырями на территории горы Афон или Хиландаром, у которых был юридический статус «императорских монастырей». Монашеская община в Карее представляла

собой испосницу, или молчальницу (греч. ἡσυχαστήριον), собрание монахов, живущих по более строгим, отшельническим правилам¹².

Уставом в Карее служил типик, составленный основателем (ктитором) кельи, сербским архиепископом Саввой. Кроме того, в Хиландарском типике в главе о Карейской келье запрещается после смерти св. Саввы жертвовать что-либо в келью, вероятно, чтобы защитить келью от любых притязаний со стороны Хиландара, а также, возможно, от притязаний светских патронов¹³. Из источников известно, что еще в 1316 г. сербскому королю Милутину монахи запретили называться ктитором Карейской кельи, говоря «пусти ни и повели не пребивати у Келии хтиторовје у Карејах», поскольку «заповјед Светаго Сави в'збрађајет»¹⁴. Указание в грамотах Стефана Душана на то, что старейшину кельи отныне будет назначать царица Елена, идет вразрез с нормами Карейского типика, составленного св. Саввой, поскольку по типуку старейшину выбирает «вся братия» вкупе с игуменом Хиландара.

Из всех трех источников (см. таблицу) видно, что инициатива взять под особое покровительство келью, основанную св. Саввой, принадлежит именно царице Елене. В пункте «мотивация» видны некоторые различия в интерпретации: в Скопском хрисовуле подчеркивается особое отношение царицы к церквам вообще и келье особенно, а также душеспасительная функция поддержки кельи. Во второй грамоте большее внимание уделяется проявлению социальной заботы о благосостоянии монастыря, а также в пункте о выборе старца говорится о том, чтобы тот молился «за душу» царицы, то есть напрямую выражен средневековый мотив ктиторства, который в первую очередь связан с пользой для души¹⁵. В завещании игумена Дорофея (1359–1360)¹⁶, датируемом уже после смерти Душана, также подчеркивается инициатива царицы (в монашестве Елизаветы), но связывается с особым интересом царицы к уставу и монашеским практикам Карейской кельи.

Фрагмент, касающийся непосредственно статуса царицы Елены по отношению к келье, а именно о ее назначении «вторым ктитором», также вызывает особый интерес. В данном случае юридические формулировки в грамотах Душана являются калькой с греческого и отличаются от текста Дорофея. Так, формула «наречется во имя» почти никогда не встречается в сербской дипломатике, поиск аналога занял довольно много времени, однако при работе с греческими юридическими текстами выяснилось, что эта формула появляется уже при императоре Юстиниане: в новелле 67.2 говорится о людях, недоста-

точно финансово обеспеченных для того, чтобы основать собственную церковь; им предлагается с разрешения епископа позаботиться об уже существующей церкви и «назвать ее в свое имя» (ὀνόματος ἰσως ἐπιθυμῶν τοῦ καὶ αὐτὸς κτίστης ἐκκλησίας καλεῖσθαι). Это перекликается также с фразой из письма архиепископа Феофилакта Охридского императору Константину Дуке с критикой «скандального» положения вещей в церковной сфере, когда старые церкви остаются в запустении, а возводятся новые «во имя» их ктиторов¹⁷.

Название «второй ктитор» также является калькой с греческого δεῦτερος κτήτωρ¹⁸, к середине XIV в. оно встречалось в сербской дипломатике только в актах короля Милутина, при котором, как и впоследствии при Душане, происходила так называемая «византинизация» сербской культуры. В тексте игумена Дорофея этих юридических понятий нет, однако формула «своя ней келья» также заимствована из греческого. Права царицы здесь максимально четко прописаны, вероятно, чтобы предотвратить возможные притязания со стороны сербских правителей, наследников царицы-монахини.

Вопрос об интерпретации содержания данных источников уже ставился в сербской историографии. В первую очередь С. Чиркович, опираясь на издание В. Мошиным акта Дорофея, указывал на различия в пункте о выборах старца кельи между грамотой Душана и завещанием Дорофея¹⁹. Д. Живкович высказал предположение, что ситуация объясняется особым влиянием Душана и попыткой ограничить права царицы со стороны братии монастыря после его смерти²⁰.

Однако при тщательном изучении акта игумена Дорофея оказывается, что роли царицы и отношению к ней афонских монахов было уделено недостаточно внимания в историографии²¹.

Итак, исходя из текста данного акта, Елена (в монашестве Елизавета) обратилась с просьбой к игумену и монастырской братии Кельи святого Саввы о том, чтобы стать покровителем кельи: именовать в честь своего имени (то же в грамоте Душана – «во име царства ни»), направлять и укреплять ее. Однако, хотя братия Хиландарского монастыря ей это разрешила, поскольку она проявила активное желание помочь келии, но ей при этом были поставлены два условия, которые обязательно должны были быть соблюдены: чтобы молчальница не отделялась от монастыря и чтобы ее старца поставляли в соответствии с правилами Карейского типика святого Саввы Сербского.

Акт игумена Дорофея относится ко времени, когда Елена уже приняла монашеский постриг и имя Елизавета, оставаясь при этом

правительницей в так называемой «Серской области»²² (с центром в современном греческом городе Серрес, провинция Македония). Особое уважение к ней проявляется и в том, что игумен Дорофей называет Елену «святой царицей». С одной стороны, известно, что Елена не была канонизирована²³, с другой стороны, говоря о византийской дипломатике, мы знаем, что в официальную титулатуру императора всегда включалось слово *ἡγιος*. При этом в средневековой иерархии правителей только византийский правитель мог себя так называть. В сербской дипломатике титулы «святая кралица, святой краль» впервые встречаются при Стефане Душане в акте 1351 г., уже после помазания на царство²⁴, в подражание византийскому императору. В случае с царицей Еленой, вслед за мужем и по собственной инициативе много сделавшей для рецепции и распространения византийских традиций в Сербском государстве, в период ее правления в Серской области встречаются документы, где ее называют «святой деспинной»²⁵, в том числе в греческих актах (тогда как, например, самопровозглашение Душана царем мало признавалось со стороны греков). Тот факт, что Досифей использует это понятие, свидетельствует о его особом уважении к царице, признании ее статуса правительницы греческих областей (куда также относился Афон).

Из завещания также очевиден личный интерес Елены к келье, который объясняется ее особым уважением к монашескому уставу кельи и желанием «такой подвиг себе имети» – жить по уставу кельи. Этот момент крайне интересен и также нуждается в объяснении. Если в других случаях ссылок на типик св. Саввы в источнике очевидно желание подчеркнуть особый независимый статус кельи (не являвшейся «царским монастырем»), в отличие от крупнейших афонских монастырей), то данный фрагмент может относиться к монашеской жизни Елены-Елизаветы и ее духовным исканиям. Поскольку очевидно, что царица не могла намереваться жить в афонской келье наравне с монахами, то, вероятно, речь шла о том, чтобы царица-монахиня, продолжая жить в миру, следовала монашескому уставу кельи. Так, в более позднем Скитском уставе есть указание на то, что «не токмо иноци, но и мирских неции христолубивые и желающие свое спасение, паче же мнозии от жен благоверные и боящихся бога», были заинтересованы в написании устава, чтобы строить свою жизнь в соответствии с ним²⁶. Вероятно, Досифей имел в виду, что Елена планировала свою монашескую жизнь в Серресе строить в соответствии с Карейским уставом. Таким образом, можно сказать также, что Досифей играл роль духовного наставника царицы. Для

средневековой Сербии, где крайне мало сведений о существовании женских монашеских общин вообще в XIII–XIV вв., много примеров того, как правительницы, принимая монашеский постриг, оставались вне стен монастыря. Модель «монашеской жизни» во дворце существовала как возможность и в Византии²⁷, но особого размаха достигла в средневековой Сербии, по-видимому, в том числе из-за западного влияния позднесредневековых образцов женской святости²⁸.

Подчеркивание «соборной роли» братии кельи в принятии решений в том числе о наделении царицы правами *«да сию направља, и укрепља, и заданием и сели, и всем иним приложением, елико хоцет и како хоцет»* связано с желанием не столько ограничить права вдовы, как считают сербские исследователи, сколько подчеркнуть возможность отступления от устава св. Саввы, ограничивавшего ктиторскую инициативу по отношению к келье под предлогом «соборного» решения и уважения к личности монашествующей царицы.

**Сравнительная таблица по источникам
о взаимоотношениях царицы Елены и Карейской кельи**

	Скопский хрисовул²⁹	Великий Прилепский хрисовул³⁰	Завещание игумена Дорофея³¹
Мотивация	<i>По благосердному умолению и любви к святым и божественным церквам превысокой и богодарованной ми царицы кира Елены; по изволению боголюбного ея сердца, в душе полезно царства ее и в соблюдение и огледование места того светаго</i>	<i>Видевши нищету и велие недостатъчное; раждежена бывши любовию Христовою к той светой келии</i>	<i>И сему сподобльши се, ревность множайшу воспринет и видением и реченним и дели последовати... И возждеде такуюю добродетель и подвиг себе имети</i>
Дарение	<i>село Косориче, освобождение «от работ и велих и малых»</i>	<i>село Косориче, освобождение «от работ и велих и малых», перечисление даров</i>	
Каря, ктиторство	<i>нарече сию келию светаго Савы в свое имя; И втори хтитор да есть той божией церкви,</i>	<i>по изволению боголюбного сердца ея и нарекше ю на име царства ея, яко да есть той святой и божественной келии вторы хтитор в соблюдение и огледование места того светаго</i>	<i>И испроси у нас онузи келию, яко да есть и да именует се своя ней келия... И мы советовавши се общим советом, дасмо ей онузи келию, во всако ее хотение, да сию направља, и укрепляя, и заданием и сели, и всем иним приложением, елико хочет и како хочет</i>

Каряя, игумен	<i>да си избира от всего чина хиландарского старца коего любви и полагают в тои светей келии, но с упрошением и благословением хиландарским и по тое воли и хотении, а от инуде да не будет кроме церкви Хиландарской</i>	в Хиландаре: <i>поискав царство ми и с богодарованною ми царицею августиею кира Еленю старца предстателя келии той святой. И с изволением царства ни и благословением игумена и всех старец, благословисмо проигумена попа Феодула да есть предстатель... И такози му е даа царство ми, яко да му есть и до живота непременнаа, да молит Бога за живот и за спасение души царства ни</i>	Условия: <i>яко не отлученне бити кели от монастыра, и старцу ставити се по типику светаго Савы. Еще же к сим по ошьствиши ко Господу благочестивыя и христолюбивыя царицы нашей кира Елисаветы, никто да не угосподит се келие сей</i>
----------------------	---	--	--

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Johannes Kantakuzenos. Istorica*, III / Hrsg. von P. Wirth und W. Knzig; ins Deutsche übersetzt von G. Fatouros, T. Krischer. Stuttgart, 2011. S. 166 etc.

2 О пребывании Елены на Афоне и ее взаимоотношениях с игуменом и монахами Карейской кельи см.: *Грујић П.* Царица Јелена и ћелија Св. Саве у Кареји // Гласник Скопског Научног друштва. 1935. № 14. С. 43–57; *Živojinović M.* De nouveau sur le séjour de l'empereur Dušan à l'Athos // Зборник радова византолошког института. 1982. Јг. 21. С. 119–127.

3 *Talbot A.-M.* Women and Mt. Athos // *Eadem. Women and Religious Life in Byzantium*, Ashgate, 2001. P. 70; *Gothóni R.* Mount Athos During the Last Centuries of Byzantium // *Interaction and Isolation in Late Byzantine Culture* / Ed. by J. O. Rosenqvist. Stockholm, 2004. S. 57–69, 66–67; *Beaucamp J.* Les femmes et l'église: droit canonique, idéologie et pratiques sociales à Byzance // *Канон*. 2001. Т. 16. P. 92. Попытку историко-правового анализа запрета нахождения женщин на горе Афон см.: *Сайловић М.*

Забрана уласка женама на Свету гору Атонску // Осма казивања о Светој гори. Београд, 2013. С. 127–161.

4 *Живојиновић Д.* Скопска хрисовуља цара Душана за келију Светог Саве Јерусалимског у Кареји // Стари Српски архив. 2008. № 7. С. 61–64; *Живојиновић Др.* Велика Прилепска хрисовуља цара Стефана Душана Карејској келији Светог Саве (Хил. 149) // Стари Српски архив. 2008. № 7. С. 73–78.

5 Елена учествовала в наделении собственностью Богородицы Перивлепты в Охриде (см. текст грамоты: *Новаковић Ст.* Законски споменици српских држава средњега века. Београд, 1912. С. 673–674), а также монастыря св. Николая в деревне Кожле, основанном в 1303 г. Милутином (*Славева Л., Мошин В.* Српски грамоти од Душаново време. Прилеп, 1988. С. 77–78).

6 См.: Actes de Chilandar. N 53; Законски споменици. С. 439.

7 Actes de Lavra. № 140. Сербский вариант грамоты см.: Законски споменици. С. 493–494.

8 О женах и дочерях владов на Афоне см.: *Гуџи М.* Les Vlaques du Mont-Athos au début du XIIe siècle // Etudes slaves et roumaines. 1984. № 1. P. 39; *Talbot A.-M.* Women and Mt Athos. P. 70. См. также акты из монастыря Ватопеда 1308–1312, где мотивом для продажи монастырю земель по льготным ценам называется помощь монахов во время голода, упоминается, что женщины спасались на территории монастыря: Actes de Vatopédi. I / Éd. par J. Vompaire, J. Lefort, V. Kravari, G. Giros. Paris, 2001. № 43.

9 Проблема взаимоотношений византийских женщин и Афона сформулирована в статье: *Talbot A.-M.* Women and Mt Athos. P. 67–79; финансовые аспекты женского патронажа рассматриваются в следующих работах: *Kaplan M.* L'aristocrate byzantine et sa fortune // Femmes et pouvoir des femmes en Orient et en Occident du VIe au XIe siècle / Éd. par S. Lebecq, A. Dierkens, R. Le Jan, J.-M. Sansterre. Villeneuve d'Ascq, 1999. P. 205–226; *Ферјанчић Б.* Поседи припадника рода Палеолога // Зборник радова Византолошког института. 1976. № 17. С. 155–164. О сербских женщинах – ктиторах Афона см.: *Благојевић М.* Српске владарке – ктитори Хиландара // Хиландарски зборник. 2004. № 11. По османском периоду см.: *Demetriades V., Zachariadou E.A.* Serbian Ladies and Athonite Monks // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1994. Jg. 84. S. 35–55; *Boškov V.* Mara Branković u turskim dokumentima iz Svete Gore // Hilendarski zbornik. 1983. № 5. S. 194; *Kotzageorgis P.* Two vakfiyyes of Mara Branković // Hilendarski zbornik. 2004. № 11. P. 307–323. Наиболее актуальный сюжет в западных исследованиях на эту тему связан с руко-

писями и религиозными объектами, заказанными византийскими императрицами или знатными дамами для отдельных монастырей на Афоне. См.: *Talbot A.-M. Female Patronage in the Palaiologan Era: Icons, Minor Arts and Manuscripts // Female Founders in Byzantium and Beyond / Hrsg. von L. Theis, M. Mullett, M. Grünbart et al. Wien, 2014. S. 259–275.*

10 См. классический сборник статей по теме мемория: *Memoria in der Gesellschaft des Mittelalters / Hrsg. von D. Geunich, O. G. Oexle. Göttingen, 1994.* О мемории в Византии см.: *Grünbart M. Zur Memorialkultur im Byzantinischen Mittelalter // Byzantine Religious Culture / Ed. by D. Sullivan, E. Fisher, S. Papaioannou. Leiden; Brill, 2012. P. 373–393; Horden P. Memoria, Salvation and Other Motives of Byzantine Philanthropists // Stiftungen in Christentum, Judentum und Islam vor der Moderne / Hrsg. von M. Borgolte. Berlin, 2005. S. 137–146.*

11 *Живојиновић Д.* Скопска хрисовуља цара Душана... С. 63.

12 К вопросу о типологии монашеских общин в Сербии и особенностях Карейской кельи см.: *Popović D. The Deserts and Holy Mountains of Medieval Serbia // Heilige Berge und Wüsten. Byzanz und sein Umfeld / Hrsg. von P. Soustal. Wien, 2009. S. 53–71.*

13 В сербском переводе цитата звучит следующим образом: «да не дате у оно место ништа, нити пак дозвољавам да узмете од њега ништа» (Хиландарски типик, глава 42): *Свети Сава.* Сабрани списи, С. 102.

14 Цит. по: *Грујућ П.* Царица Јелена... С. 54.

15 В латинских грамотах и тестаментх мотив спасения души выражается формулой *per animam*, в греческих – ὄλερ ψυχῆ, а в сербских средневековых текстах – калькой «за душу», что будет в основе более позднего сербского слова «задужбина».

16 Наиболее актуальное издание: *Живојиновић Д.* Акт хиландарског братског сабора о давању келије светог Саве Јерусалимског у Кареји царици Јелени // Стари Српски архив. 2004. № 3. С. 89–105.

17 Феофилакт риторически приравнивает ситуацию к тому, как если бы при разболевшемся ребенке родители бросали бы его и обращались к новой супруге, чтобы она родила им новых детей: *Théophylacte d'Achrida. Discours, Traités, Poésies / Éd. P. Gautier. Thessalonique, 1980.* Письмо № 4. С. 188–189 (стр. 15–25).

18 Данное понятие означает обычно человека, который восстанавливает разрушенное религиозное сооружение или вкладывает значительные средства в уже существующую церковь. См.: *Zhishman J. Das Stifterrecht in der morgenländischen Kirche. Wien, 1888. S. 12; Трочицки С.* Ктиторско право у Византији и Немањинској Србији // Глас Српске Краљевске Академије. Београд, 1935. CLXVIII, 86. С. 97; *Mullett M.*

Founders, refounders, second founders, patrons // Founders and refounders of Byzantine monasteries / Ed. by M. Mullett. Belfast, 2007. P. 1–28.

19 *Тирковић С.* Хиландарски игуман Јован (Проблем аката српске царске канцеларије) // Осам векова Хиландара. Историја, духовни живот, књижевност, уметност и архитектура. Научни скупови САНУ. Књ. ХСВ. Одељење историјских наука. Књ. 27. Београд, 2000. С. 67.

20 *Живојиновић Д.* Карејске хрисовуље Стефана Душана // Историјски часопис. 2003. № 30. С. 44–45.

21 Я бы хотела выразить особую благодарность директору Хиландарской библиотеки в Колумбусе, Штат Огайо, Предрагу Матейичу за его совет уделить особое внимание рукописному тексту завещания (НМ.СДС.97).

22 См.: *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти. Београд, 1964; *Ферјанчић Б.* Византијски и српски Сер у XIV. столећу. Београд, 1994. С. 63–75.

23 *Грујић Р.* Царица Јелена... С. 45.

24 Впервые Елена названа «святой кралицей», а сын Урош «святым кралем» в грамоте Стефана Душана 1351 г.: *Miklosich F.* Monumenta serbica. Viennae, 1858. S. 151.

25 В акте суда Серской митрополии к царице обращаются с формулой «*κράταια καὶ ἀγία ἡμῶν κυρία καὶ δέσποινα*») (наша могущественная и святая госпожа и деспина), что соответствует титулу византийской императрицы. См.: *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти. С. 5.

26 Искренняя благодарность Елене Беляковой за совет обратиться к этому источнику. Цит. по: *Белякова Е. В.* Устав по рукописи РНБ Погод. 876 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2003. № 1. С. 90. Стр. 24–26.

27 Феофилакт Охридский восхвалял императрицу Марию Аланскую за ее преданность Христу и желание реализовывать идеалы монашеской жизни, но «более женским, деликатным» образом, практикуя монашество в миру: *Théophylacte d'Achrida.* Discours, Traités, Poésies / Éd. P. Gautier. Thessalonique, 1980. Письмо № 4. С. 186–187. Стр. 3–14.

28 См. *Klaniczay G.* Modele ženske svetosti u srednjoj Europi i u Italiji tijekom XIII. i XIV. stoljeća // Otium: časopis za povijest svakodnevnice. Zagreb, 1996. Књ. 4. N 1–2. Стр. 13–25.

29 Текст по изданию: *Живојиновић Д.* Скопска хрисовуља цара Душана... С. 61–64.

30 *Живојиновић Д.* Велика Прилепска хрисовуља цара Стефана Душана... С. 73–78.

31 НМ.SDS.97; *Живојиновић Д.* Акт хиландарског братског сабора о давању келије светог Саве Јерусалимског у Кареји царици Јелени // Стари Српски архив. 2004. № 3. С. 89–105; *Мошин Вл.* Акти братског сабора из Хиландара. Скопље, 1940. С. 193–194.

Beljakova T. A.

Jelena, the queen of Serbia and St. Savva's cell in Karyes: on the interpretation of the sources

The main focus of the article is the issue of relationship between Serbian Empress Jelena and the cell of Karyes on Mount Athos. Her role as a patron and the «second founder» of the famous monastic community of heremits of St. Sabbas is represented differently in the contemporary sources. On the basis of analysis of two Dušans charters (golden bull of Skopje and Great Prilep bull) with a so called testament of hegoumenos Dorotheus, to find out the status of Jelena and her motivation as a patron of the cell.

Keywords: *Empress Jelena, St. Sabbas' cell of Karyes, hegoumenos Dorotheus, Athos.*

С. С. Лукашова
(Москва)

Особенности формирования восточнославянских диаспор в Семиречье в 60–80-х гг. XIX в.

Статья посвящена вопросам заселения выходцами из украинских земель территорий Степного края и Туркестана, современного Кыргызстана, их взаимоотношений с семиреченским казачеством и «туземным» населением. На основании статистических данных поставлена проблема отличия первой волны заселения (60–80-е гг. XIX в.) от более поздних миграций. Ключевые слова: *Российская империя 60–80-х гг. XIX в., украинцы, миграция, Семиречье, переселенческая политика.*

Заселение русскими переселенцами Туркестанского края происходило в несколько этапов. Первоначально (40–60-е гг. XIX в.) речь шла о переселении сибирских казаков (9-й и 10-й полковые округа Сибирского Войска). Однако добровольно казаки переселяться не желали, а принудительно (по жребию) переселенных семей было недостаточно даже для обеспечения безопасности территории и ее защиты от внешних угроз. С 1857 г. сибирский генерал-губернатор разрешил переселяться в Семиречье желающим из сибирских ссыльно-поселенцев, «отличавшихся хорошим поведением», и разорившимся крестьянам, с прощением задолженности. Все эти переселенцы также записывались в казачество.

Вместе с тем было очевидно, что подлинное присоединение региона к России невозможно без политической и экономической интеграции этих земель. В 1865 г. была сформирована Степная комиссия, которая должна была исследовать их с точки зрения демографии, этнического состава населения, перспектив экономического и административного развития. Предварительные данные работы комиссии, возглавленной статским советником Ф. К. Гирсом, были опубликованы уже через два года¹. На основе собранной информации в 1867 г. Особый комитет под руководством военного министра Д. А. Милютина разработал Положения по управлению Степного

края и Туркестана, которое предусматривало выделение особого генерал-губернаторства и особого казачьего войска (Семиреченского) для казахско-киргизских земель².

Одновременно было создано Туркестанское генерал-губернаторство³, во главе которого встал П. К. фон Кауфман, с двумя областями – Сырдарьинской и Семиреченской. В Семиречье губернатором был назначен генерал-майор Г. А. Колпаковский, которому передавалось в подчинение и Семиреченское казачье войско. Административные преобразования повлекли за собой пересмотр приоритетов внутренней политики, которые впервые были сформулированы в 1875 г. в выводах Степной комиссии: «Расширение наших владений в киргизских степях и Средней Азии окажется благотворным лишь в том случае, если наши азиатские окраины станут развиваться в земледельческом и промышленном отношениях». Все это было невозможно только силами семиреченских казаков, на которые были возложены функции охраны государственной границы и общественного порядка, а также обеспечения почтового сообщения.

Губернатор Колпаковский, будучи наказным гетманом, прекрасно понимал, что подчиненные ему казаки малопригодны для сельскохозяйственного освоения этих земель не только из-за их занятости по службе, но и потому, что в первую очередь они были воинами, а не хлебопашцами. Сибирские переселенцы 1850-х гг. также состояли из неумелых или вовсе непригодных для земледелия людей.

Вместе с тем предшествовавшая политика поощрения казачьей колонизации края привела к тому, что казакам были выделены огромные земельные наделы – по 50 десятин на душу. Для сравнения, в период колонизации Сибири казаки получали по 10 десятин земли, а после прекращения «замирения края» – по 6 десятин. Именно такие участки и могла обработать среднестатистическая казачья семья. Выделение заведомо большего надела не приводило к росту сельскохозяйственной продукции – земли попросту оставались необработанными.

Кроме того, выделялись участки не только пустовавшие, но и использовавшиеся кочевыми киргизами. По поручению Колпаковского Н. А. Аристов подготовил отчет о поземельных отношениях в Семиречье, в котором констатировал, что «казакам отведены все лучшие в хозяйственном отношении земли, находящиеся вблизи поселений, без всякого внимания к интересам киргиз, у которых отняли не только все лучшие пашни с готовыми, стоившими им громадных трудов и расходов арыками, но отнимали даже иногда лучшие кочев-

ки, казакам совсем не нужные»⁴. Это порождало межнациональную напряженность и было чревато вооруженным конфликтом. Именно угроза общественному порядку, с одной стороны, и необходимость производства продуктов питания в товарных количествах, с другой, привели к изменению переселенческой политики в регионе. Новую социальную группу, которая могла бы составить опору центральной власти и служить противовесом как кочевым киргизам, так и привилегированным казакам, могли составить только крестьяне из мало-земельных центральных областей России.

Новые условия для переселенцев были описаны во «Временных правилах о крестьянских переселениях в Семиречье»⁵, подготовленных под руководством Г. А. Колпаковского в 1868 г. Они предусматривали выделение сравнительно большого земельного участка (от 10 до 15 десятин земли на душу, в расчеты закладывался и будущий естественный прирост населения), освобождение от налогов и податей по меньшей мере на 15 лет и выдачу денежных ссуд. Для создания однородной сплоченной социальной группы к переселению допускались лишь «русские подданные христианского вероисповедания, принадлежащие к состоянию сельских обывателей». Данный документ вызвал активное противодействие помещиков центрального черноземного региона и Малороссии, которые всеми силами стремились увеличить размер барской запашки и нуждались в дешевой рабочей силе. Правила противоречили духу «запретительной системы», созданной крестьянской реформой 1861 г., и потому не были утверждены официально. С другой стороны, они не противоречили букве закона о переселении 26 марта 1861 г. и полностью соответствовали государственным интересам России на ее имперских окраинах, и вследствие этого были приняты к исполнению и действовали до 1883 г. Аналогичная ситуация сложилась на Алтае, где в 1865 г. генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель разрешил переселение на земли Алтайского горного округа, «в видах доставления алтайским заводам большого числа рабочих рук»⁶, такая же практика существовала в восточной Сибири и на Дальнем Востоке⁷.

Первая организованная партия переселенцев прибыла в край в том же 1868 г. из Воронежской губернии. Затем потянулись крестьяне из Харьковской, Полтавской, Киевской, Тульской, Курской, Екатеринославской и Ставропольской губерний, Области Войска Донского и других регионов. В соответствии с принципами «триединой русской нации» «русскими» считались все восточные славяне православного вероисповедания, поэтому точный национальный

состав переселявшихся был неизвестен. В историографии сложилось мнение, что среди них отчетливо доминировали русские, вторую по численности группу составляли украинцы. Так, по итогам переписи 1897 г. в селах Семиреченской области проживало 95 тыс. человек, отнесенных к «триединой» нации, из них русскими считались 76,6 тыс. человек, а малороссами – 18,6 тыс. человек⁸. В городах соотношение было другим: на 10 русских приходился один малоросс, вообще же в городах осело всего 2,3 тыс. человек, говоривших на «малороссийском наречии»⁹.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в 60–80-х гг. XIX в. переселялись преимущественно жители Малороссии, Слободской Украины и граничащих с ними районов исторического расселения украинцев, поэтому процент неучтенных украинских переселенцев может быть довольно высок¹⁰.

Переселение в Семиречье происходило целыми конгломератами семей, и после переезда люди стремились сохранять земляческие связи, что прямо поощрялось местными властями: в новых поселениях земля передавалась крестьянской общине, а не индивидуальному собственнику. В результате в восточнославянских анклавах с самого начала стали формироваться черты диаспоры¹¹: компактное проживание, административное самоуправление, сохранение собственных языка и культуры, оказание социальной поддержки «своим». Переселенцы представляли собой сравнительно однородную социальную массу: подавляющее большинство их относилось к крестьянам-среднякам. По своему имущественному положению, размерам получаемого земельного надела и сословным правам новоприбывшие заметно отличались от семиреченских казаков, поэтому сближения этих двух групп не произошло.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от переселенческих движений XX в. (в результате столыпинской аграрной реформы¹², строек первых пятилеток в СССР, сталинских репрессий), переселения 60–80-х гг. XIX в. происходили не просто стихийно, но и в условиях противодействия со стороны местной администрации покидаемых районов. Так, Полтавское губернское присутствие 17 мая 1869 г. приняло постановление, которое предписывало прекратить попытки переселенцев к самовольному уходу в составе целых семей. Паспорта выдавались теперь не целым семьям, а не более как двум работникам из семьи. Черниговское губернское присутствие, в свою очередь отказавшее в разрешении переселиться крестьянам ряда волостей Черниговского уезда, мотивировало свой отказ тем, что «малоземелье и

даже безземелье не могут быть основанием для переселения, так как малоземельные крестьяне могут существовать заработками у помещиков и другими промыслами»¹³.

Другим важным отличием переселенческой кампании 1860–1880-х гг. было практически полное отсутствие официальной информации и централизованной помощи. Вместе с тем мы видим чрезвычайно оперативное реагирование крестьянских общин черноземных губерний, что говорит о существовании частных каналов, по которым, по меньшей мере, распространялись сведения о предоставляемых в Семиречье льготах. Характеристика этих каналов и описание реального процесса переселения пока остались за пределами внимания исследователей, хотя они относятся не только к истории повседневности, но и уточняют, каким образом происходила корректировка даже важнейших направлений государственной политики в империи.

Наконец, третьим отличием именно этой кампании стал ничтожный процент вернувшихся на прежние места обитания¹⁴. Причина состоит не только в том, что семиреченские власти приветствовали первопроходцев и предоставляли им более льготные условия по сравнению с последующими волнами мигрантов. Миграция первой волны не была продиктована угрозой голода, но являлась результатом принятия взвешенного решения, в отличие от переселений 1890-х гг., носивших вынужденный характер¹⁵. Из-за того, что мигранты действовали заведомо на свой страх и риск, они боролись до последнего. Возвращаться им было просто некуда, поэтому они в большинстве своем либо погибли, либо добились успеха.

Специфические особенности процесса формирования восточнославянских диаспор в Семиречье в 60–80-х гг. XIX в. имели далеко идущие последствия. Без их понимания и адекватного представления в историческом контексте невозможна правильная трактовка многих общественно-политических событий и явлений не только новой, но также и новейшей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Глуценко Е. А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. Текст размещен на интернет-сайте: <http://admw.ru/books/Rossiya-v-Sredney-Azii--Zavoevaniya-i-preobrazovaniya/11> (дата обращения: 01.12.2014).

2 Временное положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях, от 11.07.1867 // Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. № 117; О преобразовании управления степных областей Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства // Опись дел архива Государственного совета. СПб., 1911. Т. 7. С. 113.

3 Об учреждении Туркестанского военного округа, от 13.07.1867 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1871. Т. 42. Отд. первое. № 44844.

4 *Аристов Н. А.* О поземельном устройстве Семиреченской области. Текст размещен на интернет-странице: http://www.bizdin.kg/elib/kitepter/html/taryh/aristov_turk/section9.html (дата обращения: 08.10.2013).

5 Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 38. Л. 1об.

6 Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1867. Т. 40. Отделение первое. 1865. № 42353.

7 Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900; *Кирьяков В. В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. (В связи с историей заселения Сибири). М., 1902.

8 Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Текст размещен на интернет-сайте: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=17 (дата обращения – 01.12.2014).

9 http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=219 (дата обращения – 01.12.2014).

10 *Плоских В. М.* Динамика численности населения Киргизии за 100 лет // Известия АН Киргизской ССР. 1964. № 6. С. 20–26.

11 *Чаптыкова Т. И.* Национальная диаспора как объект этносоциологического исследования: Автореферат дисс. ... канд. социологич. наук. М., 1997; *Полоскова Т. В.* Диаспоры в системе международных связей: Автореферат дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2000; *Лолаева Д. Т.* Диаспоральные группы как социально-этнический феномен (социально-философский анализ): Автореферат дисс. ... канд. философ. наук. М., 2001.

12 *Чиркин Г. Ф., Тургаменов Н., Данрачев А.* Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. включительно. Пг., 1916.

13 *Липин А. М.* Переселения украинцев в Западную Сибирь и земские учреждения во второй половине XIX – начале XX в. // Актуальные

вопросы истории Сибири: Вторые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 301–302.

14 Столыпин утверждал, что из переселенцев 1896–1909 гг. вернувшиеся составили 10%. См.: П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин об итогах и проблемах переселенческого движения в Сибирь // Сибирские переселения. Документы и материалы. Новосибирск, 2003. Вып. 1. № 61. С. 190–193.

15 *Ураимов Р.* Переселенческое движение на юге Кыргызстана (колониальный период) // Вопросы истории Кыргызстана. 2008. № 2. С. 5.

Lukašova S. S.

The forming of East Slavic diasporas in Zhetysu in 1860s–1880s

The article dwells upon the settling of Ukrainian migrants in Governor-Generalship of the Steppes and in Turkestan (in the region that now is Kyrgyzstan), their relationships with the local Cossacks and the «aborigines». Basing on the statistics we propose a way to differentiate the first wave of migrations (1860s–1880s) from the latter waves.

Keywords: *Russian Empire in 1860s–1880s, Ukrainians, migrations, Zhetysu, migrational politics.*

Л. А. Кирилина
(Москва)

Препородовцы. Начало пути к независимому югославянскому государству

В статье рассматривается ряд ключевых вопросов, связанных со спецификой движения препородовцев (учащихся средних школ) – первой политической группы в словенских землях, выступившей еще до Первой мировой войны за образование независимого югославянского государства. Раскрываются предпосылки зарождения этого движения, дается характеристика идейной эволюции препородовцев, основных этапов их деятельности, их роли в словенском национально-освободительном движении.

Ключевые слова: *Балканские войны 1912–1913 гг., словенские земли, национально-освободительное движение, югославянские идеи.*

Деятельность препородовцев («препород» по-словенски – «возрождение». – Л. К.) получила достаточно широкое освещение в словенской историографии 1930–1980-х гг., когда Словения входила в состав королевской Югославии и СФРЮ. Общая характеристика этого течения в более широком контексте развития словенского национально-освободительного движения была дана в трудах Ф. Цвиттера и В. Мелика¹. Детально исследовали «препородовскую» проблематику И. Колар, Э. Тюрк, Л. Уде, Д. Бибер, И. Гантар-Година². После образования в 1991 г. независимой Республики Словения интерес к югославянской идее в целом и к препородовцам как ее проводникам в частности сократился. Из исследований последних 20 лет можно отметить главу о препородовцах в книге А. Рахтена и краткие разделы о них в обобщающих трудах по истории словенцев, написанные П. Водопивецем³.

В российской историографии взгляды препородовцев в общих чертах освещены в ряде работ И. В. Чуркиной, Л. А. Кирилиной, Е. А. Легеньковой⁴, однако подробного исследования целей этой группы, деятельности и роли в развитии словенского национально-освободительного движения еще нет. В данной статье на основе привлечения различных источников – словенской прессы 1912–1914 гг. (прежде всего газеты «Препород») и воспоминаний (самих препоро-

довцев и о них) – мы попытаемся хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г., воспринятой словенцами с энтузиазмом в надежде на укрепление позиций славянских народов в монархии, идеи югославянства в идеологии всех трех словенских политических партий получили новый импульс к развитию. В январе 1909 г. краинское провинциальное собрание приветствовало аннексию и выразило надежду, что она будет «первым шагом к объединению всех южных славян нашей монархии в самостоятельный государственный организм под жезлом Габсбургской династии»⁵.

Католики (Словенская народная партия), бесспорные лидеры на политической сцене, поддерживавшиеся большинством словенского населения, выдвинули свою программу триализма, предусматривавшую объединение всех австро-венгерских югославянских земель в отдельную федеративную единицу в составе империи. Католические круги понимали югославянство как победу католицизма, для них была характерна антиправославная направленность.

Либералы (Национально-прогрессивная партия) в целом поддерживали триалистическую концепцию. В отличие от католиков, стремившихся к укреплению связей главным образом с единоверцами-хорватами, либералы проявляли интерес также к православным славянам – сербам и болгарам.

Национальные радикалы (леволиберальное студенческое течение, отделившееся от Национально-прогрессивной партии в начале XX в.) на своем III съезде (1909 г.) приняли резолюцию, в которой предусматривалось глубокое изучение студентами югославянского вопроса и установление тесных связей с югославянскими студентами не только Австро-Венгрии, но и Сербии и Болгарии⁶. В том же 1909 г. на югославянской социал-демократической конференции в Любляне была принята Тиволийская резолюция, в которой провозглашалась цель объединения всех югославян Австро-Венгрии, независимо от их диалектов, письменности, религии и территориальных границ. В резолюции подчеркивалось, что «югославянская социальная демократия считает нынешние югославянские народы лишь элементами, которые должны создать единый народ»⁷.

Мысль о том, что югославяне являются единым народом, либо что они станут им раньше или позже, в последнем предвоенном десятилетии пустила корни в умах многих представителей словенской интеллигенции и политиков разных направлений. Обосновывалась

она ими по-разному, но в основе было одно – сомнения в силах и жизнеспособности своего маленького народа, боязнь, что сербы и хорваты заключат союз без словенцев, а без поддержки более сильных славянских народов словенцы обречены. В то время распространилось движение неоиллиризма, вождем и идеологом которого стал историк Ф. Илешич. Он был убежденным сторонником языкового и культурного сближения югославян, считавшим целью словенцев «полное объединение» с хорватами, так как сами по себе словенцы «ничего не значат»⁸.

Ни одна из югославянских программ словенских политиков не ориентировалась на отделение словенских земель от Австро-Венгрии. Единственной политической группой, выступившей уже в то время с антиавстрийских позиций, за образование югославянского государства вне рамок империи, стали препородовцы⁹ – юноши, образовавшие в конце 1911 г. в Любляне «Организацию югославянских учащихся средних школ». По социальному составу они в основном были выходцами из семей крестьян, городских ремесленников и торговцев, мелких чиновников.

Относительно идейных предпосылок возникновения этого течения в словенской историографии существуют различные точки зрения. По излишне категоричному, на наш взгляд, утверждению Э. Тюрка, препородовцы «были полностью независимы» от какой-либо политической партии (эту мысль постоянно подчеркивали и сами препородовцы) и «не имели ничего общего с буржуазным национализмом»¹⁰. И. Колар, напротив, полагал, что они «вышли из рядов словенской “национально-радикальной молодежи”»¹¹. По воспоминаниям бывшего препородовца Е. Ловшина, большое влияние на становление их югославянских идей оказывала газета национальных радикалов «Ютро» («Утро», 1910–1912)¹². И. Лах (журналист, национальный радикал) также указал на ряд факторов, способствовавших формированию взглядов словенских школьников в то время: это чтение художественной литературы, участие в физкультурном движении «Сокол» и изучение славянских языков. Некоторые будущие препородовцы посещали занятия «Русского кружка», которые тогда вел Лах, среди них – один из теоретиков этого движения А. Енко. При этом Лах верно отмечал, что новое поколение гимназистов «все больше отдалялось от национальных радикалов»¹³, придерживавшихся выдвинутой чешским либералом Т. Г. Масариком теории «малых дел». Выдающийся словенский историк Ф. Цвиттер справедливо указал, что препородовцы были «частью югославянского националь-

ного молодежного движения, возникшей в рамках национально-радикальной и социал-демократической организаций», но «на основе... отторжения этих направлений»¹⁴.

Зарождение их нового течения исследователи относят к 1910–1912 гг., «когда во взаимных контактах югославянской молодежи утвердились новые тенденции»¹⁵. Ф. Фабиянчич и Л. Клеменчич еще в 1911/1912 уч. г. в Вене завязали контакты с руководителем заговорщической организации «Млада Босна» В. Гачиновичем. Знакомство с революционными организациями хорватской и боснийской молодежи во многом подвигло группу люблянских учащихся основать свою.

Организация не чужда была мистической обрядности. Каждый новый ее член давал присягу на револьвере. Возглавил новое движение Ф. Фабиянчич, в «круг тайной пятерки»¹⁶, называвшей себя «кладиварьями» («молотобойцами»), помимо него входили другие основатели движения: его брат В. Фабиянчич, Л. Клеменчич, А. Енко, Й. Берце. В начале 1913 г. к ним присоединился Ю. Козак, в будущем известный писатель. Енко называл своих доверенных лиц «ковачами» («кузнецами»). «Ковачи» привлекали в организацию новых членов, которые именовались «жебли» («гвозди») и объединялись в кружки – «кладива» («молоты»). На эту символику школьников вдохновила поэма О. Жупанчича «Ковашка» («Песня кузнецов»).

Программа и устав организации, составленные Ф. Фабиянчичем, были утверждены на общем учредительном съезде 13 января 1912 г. Съезд проходил тайно, в нем приняли участие 18 учащихся средних учебных заведений Любляны. Характерно, что главный акцент в программе делался на повышении образования учащихся, изучении ими славянских языков (прежде всего сербохорватского) и установлении связей с другими югославянскими школьниками. Также выдвигались задачи борьбы против клерикализма, работы в народе и т. п. Следует согласиться с И. Гантар-Годиной, указывающей на относительное сходство этой программы с программой национальных радикалов¹⁷. Никаких революционных национальных лозунгов в начале 1912 г. препородовцы еще не выдвигали.

Одним из лидеров движения вскоре стал И. Эндлихер, приехавший в Любляну из Сушакской гимназии. Уже в мае 1912 г. в одном из своих выступлений он первым среди препородовцев высказался за объединение южных славян вне рамок Австро-Венгрии¹⁸.

Во время летних каникул 1912 г. некоторые руководители организации для установления связей с югославянской молодежью

отправились в поездку по Хорватии, Сербии и Болгарии. А вскоре, в сентябре 1912 г., началась Первая балканская война. Балканский союз (Сербия, Болгария, Греция, Черногория), образованный при поддержке России, объявил войну Турции. Победы славян вызвали воодушевление широких слоев словенской общественности. В Любляне был создан благотворительный комитет в поддержку антитурецкой коалиции, словенские добровольцы отправлялись воевать в Сербию. Все словенские партии высказывались в поддержку освободительной борьбы балканских славян. Именно с началом Первой балканской войны, по справедливому замечанию Л. Уде, взгляды членов люблянкой организации учащихся средних школ приобрели «ярко выраженный югославянский революционный националистический характер»¹⁹.

В октябре 1913 г. братья Ф. и В. Фабиянчичи и А. Енко установили в Вене «Югославянский клуб словенских академиков (учащихся. – Л. К.)», уже зимой объединившийся с хорватской («Звонимир») и сербской («Зора») студенческими организациями в югославянский клуб «Единство». А 1 ноября 1912 г. был опубликован первый номер их печатного органа, газеты «Препород» («Возрождение»). Выходила газета один-два раза в месяц, всего было 12 номеров. Последний вышел 25 июня 1913 г., потом австрийские власти запретили выпуск газеты.

Главное внимание препородовцы уделяли национальному вопросу. Идеологами и наиболее плодовитыми авторами «Препорода» были все те же члены «тайной пятерки». С каждым новым номером газеты они излагали свои идеи все более радикально.

Препородовцы считали, что югославяне являются единым народом, насильственно разделенным историей, и их будущее – не только политическое объединение, но и постепенное слияние языков и культур. В своих статьях они, в противовес мнению всех словенских политиков, доказывали, что Габсбургская монархия никогда не осуществит национальные требования югославянских народов, входящих в ее состав (немцы, главные враги словенцев, не допустят этого), поэтому они должны объединиться и завоевать свободу, создав собственное государство вне Австро-Венгрии.

Юных гимназистов не устраивала политика ни одной из словенских партий, она казалась им «оппортунистической» и неэффективной. Идею «Объединенной Словении» (главный лозунг словенских либералов начиная с 1848 г.) они отвергали. По мнению Ю. Козака, этот идеал «зиждился на чисто словенской основе», он «сепаратист-

ский и бессмысленный»²⁰. Точно так же резкой критике препородовцы подвергали теории федерализма и триализма. Федерализации монархии, по мнению В. Фабиянчича, можно было бы достичь лишь «с помощью оружия», а оно «в руках немцев и венгров, для которых федерализм означает гибель». Югославянам и чехам лучше создать собственные государства, чем «брататься с немцами и венграми». И вообще, «федерализация Австрии стала бы поводом для мирового конфликта»²¹. Осуществить идеи триализма конституционным путем нереально, тут нужна революция. «Австрия свободных народов – это утопия, поскольку жизненные интересы этих народов перекрещиваются», – писал Л. Клеменчич. Ее удерживают от распада «милитаризм, централизм, насилие»²². Фабиянчич приходит к выводу, что «Австрия и Габсбургский дом возможна только в той форме, в которой существует сейчас, то есть в форме дуализма»²³.

Свобода югославян и их государственное объединение произойдут лишь на развалинах Австро-Венгерской монархии. Осуществить югославянскую программу возможно только революционным путем²⁴.

Для решения словенского национального вопроса необходимо преодолеть «сепаратизм между словенцами, сербо-хорватами и болгарями»²⁵. Истоки его, препятствующие созданию единого югославянского народа, В. Фабиянчич видел в том, что югославяне никогда не имели единого государства, всегда были в рабстве у других народов, и поэтому «возник идеал Великой Болгарии, Великой Сербии, Великой Хорватии и Объединенной Словении к неизмеримому вреду для общего югославянства»²⁶.

Какие народы должны войти в состав будущего государства? Единого мнения по этому вопросу у препородовцев не было. Сербы и хорваты в основном рассматривались как два народа, но иногда как один – «сербо-хорватский». Касательно включения болгар в югославянское государство взгляды также разнились. Так, например, в статье «Наша молодежь» в первом номере «Препорода» в качестве «единого народа» упоминаются сербы, хорваты и словенцы. Об объединении «трех народов» пишет в своих статьях и А. Енко²⁷. В. Фабиянчич, напротив, считает, что словенцы, хорваты, сербы и болгары – члены «единого народа югославянского»²⁸. Накануне II балканской войны, когда сербо-болгарский конфликт еще разгорался, препородовцы призывали болгар отказаться от шовинистических и сепаратистских устремлений²⁹. После II балканской войны они более не включали их в свои югославянские проекты³⁰.

Кто из югославянских народов – сербы или болгары – выступит инициатором объединения, в какой форме оно осуществится и каково будет внутреннее устройство их общего государства – над всеми этими вопросами препородовцы еще не задумывались всерьез, считая, что «будущее покажет». Они были слишком юными, чтобы разработать серьезный проект государственного устройства. К слову сказать, через несколько лет, в 1918 г., накануне образования югославского государства, и маститые словенские политики еще не имели подобной детально продуманной программы.

Позиция препородовцев относительно того, сохранят ли словенцы свою национальную индивидуальность в югославянском государстве или же сольются вместе с остальными народами в единый югославянский народ, также не была единой. Некоторые из них придерживались высказанного В. Фабиянчичем мнения о том, что из всех югославянских народов «возникнет только один, новый, нераздельный народ югославянский... а к общему языку нас приведет естественное развитие»³¹. Ф. Фабиянчич считал, что словенский народ из-за своей малочисленности культурно менее развит, чем другие европейские народы, и может подняться на более высокий уровень культуры только в составе югославянского государства³². Сходные мысли прослеживаются и в рассуждениях Л. Клеменчича по вопросу об основании словенского университета в Триесте. Это требование словенских либералов он расценивал как «утопию и большую ошибку», поскольку, по его мнению, «словенский народ сам абсолютно не способен содержать такой университет», следовательно, речь может идти только о требовании открыть «югославянский университет с полностью равноправными словенским и хорватским языками»³³.

Ряд словенских политиков и деятелей культуры увидели в подобных высказываниях стремление к югославянскому интегрализму, неоиллирские тенденции. Особенно резко против «скрытого иллиризма» препородовцев высказывался либерал М. Ростохар в своем журнале «Напредна мисел» («Прогрессивная мысль»). Он справедливо указал на то, что каждый из югославянских народов уже сформировался, и из них «невозможно создать единого народа всех югославян, не разрушив прежде существующие сейчас национальные индивидуальности»³⁴. Однако Я. Кос, а затем А. Енко выступили с опровержением обвинений препородовцев в неоиллиризме. Я. Кос определенно высказался против языкового объединения, «поскольку оно противоречило бы естественному развитию»³⁵. А. Енко в статье «Мысли о нашей национальной проблеме» подчеркнул, что

члены их организации против «любого насильственного языкового объединения», заметив вместе с тем, что они не считают «языковое объединение путем естественного развития никаким злом» и даже верят, что «когда-нибудь это произойдет»³⁶.

В целом, на наш взгляд, нельзя отрицать близость взглядов препородовцев неоиллиризму, хотя, как вспоминал Е. Ловшин, лишь единицы из них были «за интеграционное объединение»³⁷, многие выступали против его крайних форм. При этом нельзя упускать из виду то, что препородовцы, в отличие от «неоиллиров», главным считали политическое объединение, произойдет ли впоследствии и культурно-языковое и в какой форме – это для них был уже второстепенный вопрос.

Вероисповедание препородовцы считали «личным делом человека, к которому надо относиться с уважением»³⁸. Православие сербов и болгар они не рассматривали как препятствие к объединению.

Статьи препородовцев были пропитаны идеями югославянского мессианства. Югославянство для них – носитель новой, чистойшей человеческой мысли, которая спасет этот испорченный мир³⁹. «Югославяне... займут место западных народов, разбудят спящую энергию славянства и покажут ей путь», – писал А. Енко в статье «Мысли о нашей национальной проблеме»⁴⁰. Л. Клеменчич в числе величайших достижений Первой балканской войны выделял возрождение идеи национальной свободы во всей Западной Европе и в России. Он также полагал, что началась «новая эпоха европейской истории», молодые югославянские народы стали мощным «европейским фактором, и перед ними трепещет... вся Европа»⁴¹. Ю. Козак считал, что «югославянская раса самая молодая и здоровая из всех славянских», и посему именно она создаст «будущее славянство, его культуру, его мощь»⁴².

Взгляды препородовцев на социальные проблемы, по мнению Ф. Цвиттера, испытали на себе влияние социалистических идей⁴³. Л. Клеменчич называл их движение «социальным», так как оно выступало против «рабства (национального. – Л. К.) – первопричины наших социальных бедствий»⁴⁴. А В. Фабиянчич упрекал словенских социал-демократов в отсутствии интереса к крестьянскому вопросу⁴⁵. Достижение национальной свободы в политическом объединении с другими югославянами, по мнению препородовцев, во многом решило бы и социальные проблемы.

Препородовцы на страницах своей газеты с юношеской горячностью и нетерпимостью резко критиковали программы и деятель-

ность практически всех словенских партий и общественных движений, доставалось и интеллигенции. В свою очередь, их радикальные взгляды и крайний максимализм не нашли поддержки почти ни у кого из словенских национальных деятелей, воспринимавших их как незрелые и опасные мечтания подростков.

Газета «Словенски народ», орган Национально-прогрессивной партии, охарактеризовала «Препород» как «печатную тряпку, вредную для партии и народа»⁴⁶. А на заседании 18 апреля 1913 г. исполнительный комитет партии принял заявление, в котором подчеркивалось, что либералы выступают за «объединенное австрийское югославянство» исключительно в рамках монархии и «отклоняют любые стыки с пустыми мечтаниями о других возможностях»⁴⁷. Орган католической Словенской народной партии тоже не преминул подчеркнуть свое несогласие с «радикальным югославянством, которое пропагандируют так называемые “препородаши”»⁴⁸.

Впрочем, не все политики заняли такую резкую позицию по отношению к юным «революционерам». Один из идеологов словенских социал-демократов, Х. Тума, не поддерживая взглядов препородовцев, все-таки выразил симпатии к новому движению словенской молодежи на страницах журнала «Наши записки», остальная же социал-демократическая печать о них вообще не писала⁴⁹. С симпатией относился к ним и близкий социал-демократам писатель И. Цанкар, который и сам выступал за образование независимого югославянского государства.

Национальные радикалы, в 1912 г. вновь вошедшие в состав Национально-прогрессивной партии и образовавшие в ней крыло «младолибералов», отнеслись к движению препородовцев по-разному. Их газета «Омладина» («Молодежь») высказалась против «ирредентизма» препородовцев, но через некоторое время исполком организации национально-радикальных учащихся выступил за установление более тесных связей и пригласил членов «Препорода» на общую встречу на летних каникулах 1913 г. Наиболее близка движению препородовцев была «независимая» газета «Дан» («День»), объединявшая младолибералов. Ее редакция рекомендовала своим читателям газету «Препород», считая, что препородовцы нашли «правильный путь», на страницах «Дана» периодически публиковались статьи В. Фабиянчича и Я. Коса⁵⁰.

Какова же была социальная база движения, против идей которого выступили практически все словенские политики? Сами препородовцы, похоже, не имели об этом ясных представлений. Сна-

чала они подчеркивали, что их газета выпускается для словенской молодежи и интеллигенции, позже высказывались, что их взгляды популярны прежде всего у простого народа – среди крестьян, ремесленников, мелких чиновников. Ю. Козак считал, что на их сторону встала «лишь незначительная часть интеллигенции», а Ф. Фабиянич утверждал прямо противоположное. В последнем номере «Препорода» приведены данные о том, что газета имела около 2500 подписчиков и получала материальную помощь от симпатизировавших движению людей⁵¹.

В сборнике «Препородовцы против Австрии» Е. Ловшин опубликовал список препородовцев и их сторонников, в основном составленный по данным И. Колара. Оказалось, что движение поддерживали около 700 учащихся средних школ, учителей, интеллигентов и т. п. в Любляне, Новом месте, Кране, Птуе, Горице, Триесте, Идрии, некоторые студенты в Вене и Граце⁵². Круг приверженцев движения продолжал расширяться и после запрещения «Препорода».

Препородовцы, потеряв возможность публиковать свою газету, не опустили рук. Летом 1913 г. они организовали первый югославянский «каникулярный союз», возглавил который Я. Кос. Руководство люблянкой организацией взял на себя Е. Ловшин. Вместе с И. Эндлихером и А. Поникваром они провели цикл лекций по югославянской истории. Осенью 1913 г. люблянские препородовцы установили контакты с католической организацией учащихся, и они провели несколько общих встреч.

В. Фабиянич и Ю. Козак летом 1913 г. отправились в Белград для установления связей с сербской молодежью. Впрочем, там они убедились, как впоследствии констатировал Ю. Козак, что сербы «плохо понимали идеи словенцев»⁵³. Л. Клеменчич поехал в Россию и в том же году вернулся. Что он там делал, с кем встречался, неизвестно. По мнению словенского историка Д. Кермавнера, он сблизился с эсерами⁵⁴. Продолжали развиваться и связи препородовцев с «Млада Босной». Исследователи считают, что прежде всего с ней был связан И. Эндлихер, но об этом известно не много. По свидетельству Е. Ловшина, о своих контактах с этой организацией Эндлихер «из конспиративных соображений не рассказывал подробностей»⁵⁵. А. Енко и В. Фабиянич имели связи с более умеренным течением югославянских националистов, отвергавшим террористические акции как метод борьбы⁵⁶.

А. Енко, В. М. Залар, И. Эндлихер, Ю. Козак стали готовить издание другой газеты – «Глас юга». Первый ее номер (вышло всего

два) увидел свет 1 марта 1914 г. В программе, составленной А. Енко, выдвигались задачи изучения югославянской культуры, развития идеологии югославянского национализма и изучения экономического положения словенцев. По-прежнему подчеркивалось единство югославянского народа.

В преддверии 500-летней годовщины возведения на престол последнего каринтийского герцога (18 марта 1414 г.) препородовец А. Пониквар написал брошюру «Призыв Госпы Светы»⁵⁷. В ней он описал историю словенцев в Каринтии, обрисовал их современное тяжелое положение. По словам самого Пониквара, препородовцы с помощью этой брошюры «хотели всколыхнуть чувства и интерес словенской общественности к отмирающей ветви словенского народа»⁵⁸. Брошюра Пониквара, а также демонстрации против преследований итальянцами хорватских и словенских учащихся в Триесте подтолкнули препородовцев к решению провести общественную манифестацию в день годовщины. Организацией ее занялся И. Эндлихер. Однако школьная администрация запретила учащимся средних школ отмечать это событие, и тогда препородовцы, совместно с организацией католических учащихся (что вызвало шок у словенских католических политиков), устроили акцию протеста. 18 марта 1914 г. учащиеся всех средних школ Любляны бастовали. Широкое участие в забастовке люблянских школьников показало, что движение препородовцев действительно набирает силу, становится все более привлекательным для словенской молодежи.

Журналист В. П. Сватковский в своей записке в российский МИД упомянул о том, что в словенских землях демонстрации учащихся по поводу 500-летия возведения на престол последнего каринтийского герцога были «оставлены без последствий». Он считал такую «гуманность» властей проявлением новой политики «уступчивости» по отношению «к южнославянским землям монархии», к которой австрийское правительство перешло «ввиду грозного проявления южнославянского единения вокруг сербского знамени»⁵⁹. Однако Сватковский ошибся.

Забастовка люблянских школьников стала последней каплей, переполнившей чашу терпения австрийских властей. Вскоре начались репрессии по отношению к препородовцам. На следующий день после убийства в Сараеве австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда членом организации «Млада Босна» Г. Принципом был арестован И. Эндлихер, а затем прошли массовые аресты препородовцев. В тюрьме оказались руководители движения Я. Новак,

А. Пониквар, Е. Ловшин, В. М. Залар, Ю. Козак. А. Енко и В. Фабиянчич бежали в Сербию и уже в конце июля 1914 г. вступили добровольцами в сербскую армию. Енко погиб в августе 1914 г., Фабиянчич был ранен.

Процесс по обвинению препородовцев – 6 студентов и 26 учащихся средних школ – в государственной измене начался в сентябре 1914 г., суд над ними состоялся в декабре. Юноши держались мужественно. Верные своей клятве, они ни в чем не признались и никого не выдали. Характерно, что значительная часть словенской общественности, хоть и не разделяла взглядов препородовцев, встала на сторону арестованных. Среди тех, кто старался помочь им на суде и смягчить их участь, были словенские юристы – либералы И. Триллер, В. Равнихар и Ф. Милчински. В результате на тюремное заключение осуждены были только двое: И. Эндлихер (умер в тюрьме в 1915 г.) и Я. Новак (осужден на 5 лет, освобожден в 1917 г. по амнистии императора Карла I). Остальных юношей освободили в зале суда.

Многие препородовцы, призванные в австро-венгерскую армию, во время войны перешли на сторону сербов, вступили в ряды добровольцев.

Еще в октябре 1912 г., в начале Первой балканской войны, окрыленный первыми победами южных славян, А. Енко произнес слова, которым суждено было стать пророческими: «Уже нынешнее поколение станет свидетелем судьбы словенского народа, который только в югославянстве должен искать положительный ответ на свой вопрос “быть или не быть”»⁶⁰. Препородовцы продолжали бороться за осуществление своей мечты о Югославии, но далеко не все из них дожили до того времени, когда она стала реальностью.

Препородовцы не были первыми, кто размышлял о возможности решения словенского вопроса вне рамок империи. Идея полностью независимой от Австро-Венгрии Словении возникала у отдельных словенских патриотов и раньше, начиная с 1860–70-х гг. Препородовцев нельзя назвать совершенно изолированным явлением. У них были сторонники, даже среди людей старшего поколения. Одновременно с их движением развивались сходные революционные движения других югославян. Деятельность препородовцев Цвиттер справедливо охарактеризовал как «конкретную акцию, связанную с подобными акциями других народов и развившуюся в обстановке большой внутри- и особенно внешнеполитической напряженности, что придало ее целям непосредственную актуальность»⁶¹. Их идеи были еще по-юношески сумбурны, во многом

противоречивы и неопределенны. Однако препородовцы стали первой политической группой в словенских землях, стремившейся к образованию независимого югославянского государства, бесстрашно и энергично пропагандировавшей эту идею и сумевшей увлечь за собой значительную часть словенской молодежи. И прежде всего этим, на наш взгляд, определяется их роль в развитии словенского национально-освободительного движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973; *Zwitter F., Sidak J., Bogdanov V.* Nacionalni problemi v habsburski monarchiji. Ljubljana, 1962; *Zwitter F.* Spremna beseda // Preporodovci proti Avstriji / Ured. A. Ponikvar. Ljubljana, 1970. S. 5–9.

2 *Kolar I.* Preporodovci 1912–1914. Kamnik, 1930; *Idem.* Slovenska akademska mladina v dobi avstro-ogrske nadoblasti // Preporodovci proti Avstriji. S. 95–117; *Idem.* Vladimir Dedier, Sarajevo 1914. (Pripombe k poglavju o preporodovcih) // Preporodovci proti Avstriji. S. 394–404; *Türk E.* Kratka oznaka gospodarskih, družbenih, političnih in kulturnih razmer pri slovincih od začetka našega stoletja do prve svetovne vojne // Preporodovci proti Avstriji. S. 37–74; *Ude L.* Slovenci in jugoslovanska skupnost. Maribor, 1972; *Biber D.* Jugoslovanska ideja in slovensko narodno vprašanje v slovenski publicistiki med balkanskimi vojnami v letih 1912–1913 // Istorija XX veka. Zbornik radova. Beograd, 1959. T. I; *Gantar Godina I.* Masaryk in masarykstvo na Slovenskem (1895–1914). Ljubljana, 1987.

3 *Rahten A.* Jugoslovanska Velika noč. Slovenski pogledi na balkanski vojni (1912–1913) in jugoslovansko vprašanje. Ljubljana, 2012; *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18 Stoletja do konca 20. Stoletja. Ljubljana, 2006.

4 *Чуркина И. В.* Национальный вопрос в программах словенских партий накануне Первой мировой войны // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997; *Кирилина Л. А.* Словенские земли накануне и в период Первой мировой войны. (90-е гг. XIX в. – 1918 г.) // *Кирилина Л. А., Пилько Н. В., Чуркина И. В.* История Словении. М., 2011. С. 239–289; *Легенькова Е. А.* Югославянская идея в контексте словенской национальной политики. Словенско-хорватское сближение (60-е гг. XIX в. – 1914 г.). Дисс. ... канд. ист. наук. 2002 (рукопись).

- 5 *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države... S. 147.
- 6 *Lah I.* Predhodniki preporodovcev // 20 let Preporoda. 1912–1932. Ljubljana, 1932. S. 11.
- 7 Zgodovinski arhiv KPJ. Beograd, 1951. T. 5. Socialistično gibanje v Sloveniji 1869–1920 / Ured. D. Kermavner, R. Golouh, M. Pijade. S. 202.
- 8 *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države... S. 153.
- 9 *Ibid.* S. 152.
- 10 *Türk E.* Kratka oznaka. S. 69–70.
- 11 *Kolar I.* Vladimir Dedier... S. 395.
- 12 *Lovšin E.* Spomini na preporodovska leta // Preporodovci proti Avstriji. S. 130.
- 13 *Lah I.* Predhodniki preporodovcev. S. 16.
- 14 *Zwitter F.* Spremnna beseda. S. 6–7.
- 15 *Ibid.*
- 16 *Rahten A.* Jugoslovanska Velika noč... S. 146.
- 17 *Gantar Godina I.* Masaryk... S. 107–108.
- 18 *Rahten A.* Jugoslovanska Velika noč... S. 145.
- 19 *Ude L.* Slovenci in jugoslovanska skupnost. S. 53.
- 20 Preporod. 25.VI.1913.
- 21 *Ibid.* 1.IV.1913.
- 22 *Ibid.* 1.III.1913.
- 23 *Ibid.* 25.VI.1913.
- 24 *Biber D.* Jugoslovanska ideja... S. 294.
- 25 Preporod. 1.XI. 1912.
- 26 *Ibid.* 15.V.1913.
- 27 *Ibid.* 1.III.1913.
- 28 *Ibid.* 1.II.1913.
- 29 *Biber D.* Jugoslovanska ideja... S. 291.
- 30 *Gantar Godina I.* Masaryk... S. 113.
- 31 Preporod. 1.II.1913.
- 32 *Ibid.* 1.XII.1912.
- 33 *Ibid.* 1.IV.1913.
- 34 *Rostohar M.* Ali so Južni Slovani narodna enota? // Napredna Misel. 1913. Zv. 3. S. 140.
- 35 *Kolar I.* Vladimir Dedier... S. 400.
- 36 Preporod. 1.III.1913.
- 37 *Lovšin E.* Spomini na preporodovska leta. S. 133.
- 38 *Biber D.* Jugoslovanska ideja... S. 292.
- 39 *Ude L.* Slovenci in jugoslovanska skupnost. S. 57.
- 40 Preporod. 1.III.1913.

- 41 Ibid. 15.IV.1913.
- 42 Ibid. 15.IV.1913.
- 43 *Zwitter F.* Spremna beseda. S. 9.
- 44 Preporod. 1.VI.1913.
- 45 Ibid. 25.VI.1913.
- 46 Slovenski narod. 14.IV.1913.
- 47 *Gantar Godina I.* Masaryk... S. 116.
- 48 Slovenec. 16.IV.1913.
- 49 Подробнее см.: *Biber D.* Jugoslovanska ideja... S. 296–299.
- 50 *Idid.* S. 298–299, 318.
- 51 Подробнее об этом см.: *Gantar Godina I.* Masaryk... S. 115; *Ude L.* Slovenci in jugoslovanska skupnost. S. 60.
- 52 *Lovšin E.* Seznam preporodovcev 1912–1914 // Preporodovci proti Avstriji. S. 171–228.
- 53 *Kozak J.* Recenzija na Kolarjevih «Preporodovcev» // Ljubljanski zvon. 1930. Št. 11. S. 693.
- 54 *Ude L.* Slovenci in jugoslovanska skupnost. S. 53.
- 55 *Lovšin E.* Zveza «Preporoda» z «Mlado Bosno» v letih 1912–1914 // Preporodovci proti Avstriji. S. 234.
- 56 *Ude L.* Slovenci in jugoslovanska skupnost. S. 72.
- 57 Госпа Света по-словенски – Богоматерь. Возведение на престол каринтийских герцогов проходило на Господетском поле. Эта традиция существовала со времен Карантанского княжества (VIII в.), являвшегося символом словенской государственности. Подробнее см.: *Чуркина И. В.* Переселение славян. Карантания. Христианизация. Нижняя Паннония. Потеря независимости // *Кирилина Л. А., Пилько Н. В., Чуркина И. В.* История Словении. С. 17–19.
- 58 *Ponikvar A.* Uvod // Preporodovci proti Avstriji. S. 10.
- 59 Архив внешней политики Российской империи. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 329. Л. 6об., 7об. Записка В. П. Сватковского «Новые веяния в Австро-Венгрии». 22.4/5.5.1914.
- 60 *Kolar I.* Slovenska akademska mladina v dobi avstro-ogrske nadoblasti. S. 117.
- 61 *Zwitter F.* Spremna beseda. S. 5–6.

Kirilina L. A.

Preporodovci. On the way to forming an independent Yugoslav state

The article considers a number of key questions related to specific features of the *Preporod* movement (its members were mainly school pupils) – the first political group on the territories settled by Slovenians, who had formulated the idea of a Yugoslav state before World War One. The article shows the prerequisites of the movement, characterises ideological evolution of the *Preporod*-movement members, main stages of their activities and their role in the Slovenian national liberation movement.

Keywords: *Balkan Wars of 1912–1913, territories settled by Slovenians, national liberation movement, Yugoslavian ideas.*

Е. П. Серапионова
(Москва)

Полемика К. Крамаржа и Э. Бенеша о роли России в решении «чешского вопроса»

В статье рассматриваются различные точки зрения ведущих чехословацких политиков Э. Бенеша и К. Крамаржа о роли и значении российской политики в деле обретения Чехословакией независимости в 1918 г.

Ключевые слова. *Э. Бенеш, К. Крамарж, Россия, образование Чехословакии в 1918 г., чехословацкое национальное движение, Первая мировая война.*

Роль России в обретении чехами и словаками самостоятельного государства была одним из вопросов, по которым резко разошлись взгляды ведущих политиков межвоенной Чехословакии – К. Крамаржа и Э. Бенеша¹. Ответ на него они давали совершенно по-разному, в зависимости от своей позиции по главной проблеме – отношению к России: как воспринимать Россию дореволюционную, императорскую, и как строить отношения с Россией большевистской, советской.

Э. Бенеш в этом вопросе шел за Т. Г. Масариком и утверждал, что царская Россия ничего не сделала, чтобы помочь решить «чешский» или «чехословацкий» вопрос. Аргументировал он это тем, что Россия противилась созданию чехословацкого войска на своей территории. Бенеш – в развернувшейся в 1920-е гг. дискуссии с Крамаржем – упрекал его в некритичном отношении к России, в ее идеализации. Тот, в свою очередь, искренне считал, что если бы не огромные жертвы России на фронтах, победа Антанты была бы сомнительной, а при сохранении Австро-Венгрии чехословацкое государство создать вряд ли бы удалось.

Уже в самой постановке вопросов заметна разница в мышлении двух политиков. Если Бенеш старался подтвердить свою позицию конкретными событиями и фактами, то Крамарж оперировал геополитическими соображениями и логикой, оставляя детали «за скобкой». Можно отметить и совершенно разный стиль выступлений и письма. Бенеш говорил и писал четко, достаточно сухо, логично, Крамарж – красочно и крайне эмоционально. В статье «Чешский народ и Славянство», опубликованной в газете «Národní Listy» в канун

нового 1920 г., Крамарж восклицал: «Я хочу верить и надеяться, что чешский народ не изменит своему прошлому, и что не будет так низко, чтобы он, не обращая внимания на все миллионы жизней, принесенных русским народом в жертву за нашу и славянскую свободу – ведь ему никто не угрожал – отказался от своего славянского чувства и своей любви к России на том основании, что русский народ теперь несчастен, покинут, а мы свободны и поэтому уже в нем не нуждаемся, или же чтобы быть русофилом лишь потому, что считает Россию наиболее подходящей для вывоза своих промышленных изделий»².

Выступая в начале февраля 1920 г. в заграничной комиссии Национального собрания с обоснованием своей «русской» политики, Бенеш подчеркнул солидарность МИДа, который он возглавлял, с позицией президента Т. Г. Масарика. Он заявил, что различное отношение к России сложилось в Чехии еще в годы войны, так как существовали прозападное и пророссийское направления среди чешских политиков, ориентировавшихся на победу Антанты. Представителей пророссийского направления Бенеш называл наивными романтиками в духе старого славянофильства, не знавшими и не понимавшими российской действительности, переоценившими освободительный потенциал слабого, не готового к войне российского государства. Бенеш утверждал, что Россия не собиралась решать славянские проблемы, что старый режим был против чехословацкого сопротивления, не понимая его так же, как и большевики. Концепцию славянской политики министр иностранных дел оценил как неправильную, политически незрелую и непригодную³.

Крамарж не оставил это выступление без ответа. Полемика между двумя политиками становилась все острее и острее. Русская эмигрантская пресса отслеживала ход дискуссии и публиковала выступления Крамаржа и Бенеша. В феврале 1921 г. в интервью газете «Tribuna» Бенеш критиковал слова оппонента о том, что Россия выступала в войне за интересы славянства, прямо указывая, что царское правительство препятствовало формированию чехословацких воинских частей в России. Крамарж в ответной статье в «Národní Listy» возражал против этого, объясняя, что негативное отношение к увеличению национальных воинских подразделений было вызвано опасениями создать прецедент – появление чехословацкой армии повлекло бы за собой стремление к созданию польской и других, что могло вызвать неразбериху в высшем военном командовании в опасный момент войны. При этом Крамарж ссылаясь на то, что по той

же причине А. Ф. Керенский, в бытность его главнокомандующим и военным министром (после февральских событий 1917 г.), очень осторожно относился к этому вопросу, отказываясь содействовать росту чехословацких воинских формирований.

На самом деле это было несколько не так. Обнаруженные мной архивные документы позволяют уточнить некоторые моменты и прояснить причины негативного отношения российских властей к расширению чехословацкого войска. Напомню, что вскоре после начала войны, 12 сентября 1914 г., из чехов, проживавших в России, в расположении штаба Киевского военного округа была сформирована так называемая Чешская дружина⁴. При этом российская сторона руководствовалась политическими соображениями, не предполагая боевое использование чешских частей в составе русской армии⁵. Ядро дружины составили 720 добровольцев (позднее получивших название «стародружинников»). После прохождения боевой подготовки 3 ноября дружина была отправлена на фронт в распоряжение 3-й армии ген. Радко Димитриева. Отряды дружинников были распределены по полкам армии, и предполагалось их использование в качестве агитаторов и переводчиков в готовившемся наступлении на словацкую и чешскую территорию.

Во главе чешских частей стояли русские офицеры, которых планировали заменить чехами, добровольно перешедшими на сторону России из австрийской армии, в случае их согласия⁶. Уже в сентябре 1914 г. верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич (младший) разрешил зачислять в дружину пленных-добровольцев, при условии принятия их в российское подданство, приведения к присяге и ручательства за них представителей чехословацких организаций в России⁷. В декабре по ходатайству видных чешских деятелей в России было получено разрешение зачислять в дружину чехов-добровольцев, тотчас по взятии их в плен⁸. Набор осуществляли деятели Союза чешских обществ в России. Состав бригады пополнился двумястами так называемыми «новодружинниками». Позже к ним смогли присоединиться и военнопленные словаки. В донесении на имя министра внутренних дел от 9 апреля 1915 г. указывалось: «В настоящее время Его императорское высочество признал в равной мере возможным разрешить прием в означенную дружину на одинаковых основаниях с чехами также и военнопленных словаков»⁹. Причем чехословацкие формирования с самого начала, в отличие, скажем, от польских, не рассматривались как части русской армии, а имели характер союзных¹⁰.

В марте 1915 г. по решению съезда Союза чешских обществ в России его правление обратилось в Совет министров с новым ходатайством разрешить начать формирование особого войска из чехов и словаков¹¹. В докладной записке, подписанной председателем Союза чешских обществ в России Богумилом Чермаком (1870–1921), петербургским предпринимателем и российским подданным, в частности, говорилось: «Массовые сдачи чешских солдат наводили нас на мысль, что явление это нельзя считать последствием трусости, а только как сознательную пассивную помощь братскому оружию»¹². В этом документе содержалась также просьба освободить всех пленных чехов и словаков, пожелавших вступить в ряды чехословацкого войска, и считать их русскими подданными лишь временно, а «после объявления самостоятельности чешско-словацкого государства признать их гражданами оногo»¹³.

На организацию и содержание войска правление Союза испрашивало у российского правительства необходимые денежные средства в форме займа будущему чехословацкому государству. Военное министерство поддерживало эту идею, хотя отдельные военные косо смотрели на солдат и офицеров, нарушивших военную присягу, считая, что если они могли так поступить в отношении собственного отечества, то на них нельзя положиться. Вместе с тем Главное управление Генерального штаба и военный министр обращали внимание на то, что в условиях военного времени затруднения встречаются не столько в изыскании денежных источников, сколько в получении необходимых средств ведения войны: обученного личного состава и имущества всевозможных категорий. Кроме того, в донесении начальнику штаба Верховного главнокомандующего от 27 апреля 1915 г. указывалось: «В то время как чешские общества в России выносят целый ряд резолюций о необходимости добиться политической самостоятельности, чехи и словаки, подданные Австро-Венгрии, продолжают спокойно выполнять свой верноподданнический долг перед Монархией и не выказывают никаких стремлений к активным выступлениям с целью добиться своей независимости с оружием в руках»¹⁴.

Там же отмечалась необходимость учитывать неблагоприятное впечатление, которое на русское общество произвело бы появление в рядах армии чехов и словаков, «еще так недавно храбро сражавшихся за интересы Австро-Венгрии»¹⁵. В документе утверждалось, что, по свидетельству участников боев, «австро-венгерские войска, в том числе и чехи и словаки, сдаются в плен лишь тогда, когда все сред-

ства сопротивления исчерпаны»¹⁶. Против расширения дружины выступили представители МИД и МВД. Министерство иностранных дел занимало очень осторожную позицию, стараясь не брать на себя никаких обязательств относительно послевоенного устройства Европы. При этом ведомство внешней политики объясняло свою отрицательную позицию тем, что использование плененных противоречит международным нормам и договоренностям, и тем, что в случае повторного пленения эти люди в Австро-Венгрии будут казнены. Министерство внутренних дел было заинтересовано в использовании плененных в качестве рабочей силы, поэтому также негативно расценило такие планы. Его представители высказали сомнение в том, что все пленные оказались в русском плену из «идейных побуждений», подчеркивая, что, вероятно, большинство из них, выражая желание вступить в ряды чехословацких добровольцев, хотело лишь избавиться от условий, в которых содержались военнопленные, либо надеялись таким путем вернуться на родину¹⁷.

Итак, дальнейшее расширение чехословацких частей натолкнулось на ряд препятствий объективного и субъективного характера, хотя дружинники прекрасно зарекомендовали себя в боевых действиях. 8 мая 1915 г. в телеграмме в Ставку генерал С. С. Саввич указывал: «Опыт почти 5-месячной разведывательной работы чешской дружины на фронте 3 армии показал, что чешские разведчики добывают весьма ценные сведения благодаря умению владеть языками большинства различных народов, сражающихся в рядах неприятельской армии. Кроме того, командующий армией признает чешских дружинников отличными рядовыми бойцами, неудержимо стремящимися вперед с глубокой верой в окончательное торжество русского оружия и с полным сознанием, что борются за правое дело. Пленные чехи и словаки весьма охотно изъявляют желание служить в рядах единоплеменной им чешской дружины и по боевым качествам мало отличаются от коренных дружинников»¹⁸. Благодаря проявленной доблести чехов и словаков на фронте в начале июля 1915 г. было принято решение о пополнении дружины¹⁹.

Но значительное увеличение числа легионеров стало возможным уже после Февральской революции в России. Этому в немалой мере способствовал проявленный чехами и словаками героизм в битве у Зборова (июль 1917) – их первом серьезном сражении на стороне России. В Российском государственном военно-историческом архиве хранится документ, в котором командир 3-го Чешско-словацкого стрелкового полка им. Яна Жижки

подполковник Н. П. Мамонтов подробнейшим образом описывал подготовку и ход этой операции, а также беспримерный героизм чехов и словаков, сумевших преодолеть, казалось бы, неприступные укрепления противника²⁰.

Масарику, находившемуся в это время в России, удалось решить вопрос о создании независимого чехословацкого войска: чехословацкая бригада в дальнейшем была преобразована в дивизию, а затем в корпус, насчитывавший 50 тыс. бойцов. По численности чехословацкое войско в России было несопоставимо с легионерами во Франции и Италии. Крамарж не мог согласиться с мнением Масарики и Бенеша о том, что Россия не сыграла никакой роли в решении «чехословацкого вопроса». Он оценивал ее очень высоко, отмечая, что хотя российский МИД не делал официальных правительственных заявлений в ходе войны, Николай II во время аудиенции чешской делегации пообещал после ее окончания поддержать независимость чешской нации. Ссылаясь на воспоминания французского посла в Петрограде М. Ж. Палеолога, Крамарж отмечал, что уже в 1914 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов высказался в том духе, что распад Австро-Венгрии и независимость чехов и других славян является одной из целей войны. В России появилось и первое чешское воинское подразделение – дружина. (Кстати, решение о ее создании было принято уже через 6 дней после начала войны, 7 августа 1914 г.) Наконец, Россия единственная из союзников признала чехословацкую независимость сразу после войны. Таким образом, по словам Крамаржа, Россия была первой и долгое время единственной страной, которая выступала за чехословацкую независимость²¹.

На упреки Бенеша, что Россия не имела славянского плана в войне, Крамарж отвечал, что такого плана не имела никакая страна²². Крамарж во многих своих выступлениях и работах настаивал на том, что чехи и словаки обязаны России своей независимостью, а следовательно, имеют перед ней моральные обязательства. Поэтому он считал недопустимым признание большевистской России, таким образом, он связывал этот, казалось бы, уже исторический вопрос с практической политикой.

Крамарж был не совсем прав в том, что касается объяснений причин медленного продвижения вопроса о расширении чехословацких воинских формирований в России, но с его оценкой роли России в решении «чешского вопроса» в целом – вполне можно согласиться. Конечно, совсем не плодотворно дискутировать о том, что было бы, если бы Россия вообще не участвовала в «великой»

войне. Поэтому оставим этот аргумент Крамаржа, хотя учитывать его надо, чтобы понять ход мыслей чешского политика.

Но факт остается фактом, что именно в России было создано самое большое по численности чехословацкое войско за границей. Если отвечать на вопрос, хотело или не хотело царское правительство увеличения чехословацкого войска, то, на наш взгляд, это было по-разному в разные периоды: с начала войны до мая 1915 г. предполагалось, как об этом уже говорилось, лишь использование дружинников в качестве разведчиков и пропагандистов. С мая 1915 г. (начало поражений русской армии) даже если бы российские власти и хотели, то не смогли бы развернуть чехословацкие формирования в силу объективных причин: не хватало самых необходимых средств на снабжение русской армии, которая оказалась в критическом положении. Лишь к 1916 г. удалось наладить связи фронта с тылом. Весь 1916 г. в МИДе обсуждались различные проекты послевоенного европейского устройства. Там стали всерьез считаться с возможностью распада Австро-Венгрии и подумывали уже о расширении чехословацких воинских формирований в России, но рассчитывали иметь эту армию под своим контролем. С этим связана так называемая «афера» с Й. Дюрихом, которого пригласили в Россию и попытались создать под его началом независимый от масариковского Чешско-словацкого национального совета (ЧНС) в Париже и противостоящий ему Чешско-словацкий народный совет в России.

Желание российских властей контролировать значительные иностранные вооруженные силы на своей территории вполне естественно. Кто бы вооружал и снабжал армию, если ее политическое руководство находится на территории другого государства, на которое оно в основном и ориентировано? Тем более что опасения иметь неконтролируемую значительную вооруженную силу в стране вполне оправдались позднее во время вооруженного конфликта легионеров с большевиками. Причем успехи чехословацкого корпуса в России объективно способствовали укреплению позиций чехословацкой делегации в Париже, позволили ей отстоять почти все территориальные претензии Чехословакии и закрепить границы государства, что признавали и Т. Г. Масарик, и Э. Бенеш.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например: *Serapionova E. Karel Kramář o úloze Ruska v řešení «české otázky» // Karel Kramář (1860–1937). Život a dílo. Praha, 2009. S. 261–268.*

2 Статью в переводе на русский язык см.: Славянская заря. 9.II.1920.

3 Там же.

4 На заседании Совета министров 30 июля 1914 г. рассматривалось ходатайство со стороны чешских обществ в России о формировании особых войсковых частей из чехов-добровольцев для совместных действий против Австрии. Расчет был на то, чтобы, вторгнувшись с российской армией в Австро-Венгрию, поднять там восстание и освободить родину. Совет министров единогласно признал формирование чешских добровольческих частей вполне целесообразным. См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (1). Л. 3–3об. В телеграмме на имя начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего ген. Алексеева генерал Ходарович 12 сентября 1914 г. сообщал, что Чешская дружина в Киеве сформирована (см.: Там же. Л. 18).

5 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (1). Л. 3об.

6 Там же. Л. 5.

7 Там же. Л. 20–21.

8 Там же. Л. 36.

9 Там же. Д. 323 (3). Л. 169об.

10 Там же. Д. 323 (1). Л. 52, 84.

11 Там же. Д. 323 (2). Л. 118.

12 Там же. Л. 120.

13 Там же. Л. 120об.

14 Там же. Д. 323 (3). Л. 157.

15 Там же. Л. 157об.

16 Там же.

17 Там же. Д. 323 (1). Л. 41–42.

18 Там же. Д. 323 (3). Л. 174.

19 Там же. Д. 323 (4). Л. 224–224об.

20 Там же. Ф. 391. Оп. 2. Д. 64. Л. 2–7.

21 *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S. 66.*

22 *Kramář K. Na Obranu Slovanské Politiky. Praha, 1926. S. 68–71.*

Serapionova E. P.

The argument of K. Kramář and E. Beneš about the role of Russia in solving the «Czech» issue

The article deals with diverse points of view expressed by the leading Czechoslovak politicians Edvard Beneš and Karel Kramář towards the role played by Russia in the emergence of the independent Czechoslovak State in 1918.

Keywords: *Edvard Beneš and Karel Kramář, Russia, foundation of Czechoslovakia in 1918, Czechoslovak national movement, World War One.*

Н. Н. Станков
(Волгоград)

Религиозная борьба в Чехословакии и германская дипломатия в 1920-е гг.

В статье рассматривается отношение германской дипломатии к антикатолическому движению в ЧСР, к борьбе за создание Чехословацкой национальной церкви, за возрождение православия в Словакии и Подкарпатской Руси. На основе анализа документов германского посольства в Праге показана реакция германской дипломатии на сотрудничество Чехословацкой национальной церкви с православными церквями, в частности – с Сербской Православной Церковью.

Ключевые слова: *Чехословацкая национальная церковь, германская дипломатия, архиепископ Пражский Франтишек Кордач, К. Фарский, епископ Моравско-Силезский Горазд (Павлик), возрождение Православия.*

В последние десятилетия отмечается все возрастающий интерес к истории религиозной жизни в Чехословацкой республике. Появился ряд монографий и статей, в которых рассматривается антиримское движение чешского духовенства, борьба за создание Чехословацкой национальной церкви, распространение православия и формирование православных епархий, церковно-государственные и межконфессиональные отношения в ЧСР¹. В настоящей статье предпринимается попытка, основываясь на анализе документов посольства Германии в Праге², показать отношение к этим процессам германской дипломатии.

В первые годы существования ЧСР внимание германских дипломатов привлекало антиримское движение среди чешского католического духовенства, которое рассматривалось как форма проявления национального движения. Германский консул в Праге М. Кениг сообщал 30 июля 1919 г. в Берлин о торжествах в ЧСР по случаю 500-летия сожжения Яна Гуса* и о требованиях чехов создать национальную церковь. Отмечая вклад Яна Гуса в реформаторское

* Ян Гус был сожжен на костре 6 июля 1415 г. по решению Констанцского собора. В 1915 г. власти Австро-Венгрии запретили отмечать в Чешских землях 500-летие этого события.

движение, германский дипломат подчеркивал, что для чехов он не столько предшественник Реформации, сколько национальный герой, что в гусизме кроются «корни конфликта чешской нации с немцами». Консул особо указывал на то, что в своих книгах президент ЧСР Т. Г. Масарик положительно освещал роль Яна Гуса и его последователей в истории Чехии. Масарик был противником римского клерикализма, и германский дипломат не сомневался, что сторонники создания Чехословацкой национальной церкви найдут в его лице своего покровителя³.

Борьба за создание национальной церкви усилилась после неудачной попытки чешского реформаторского духовенства вступить в переговоры с Римом. По сообщениям прусского посланника в Ватикане Д. фон Бергена, чешские реформаторы требовали: 1) создания в Чехословакии патриархата; 2) выборов священников и епископов мирянами и клириками; 3) введения богослужения на чешском языке; 4) обучения клириков в одногодичной семинарии; 5) реформы управления церковной собственностью; 6) отмены celibата⁴. Папа Бенедикт XV отказался удовлетворить эти требования. В сентябре 1919 г. он назначил нового Пражского архиепископа. Им стал профессор теологии Карлова университета Франтишек Кордач, который был принципиальным противником церковной реформы⁵.

Но Ф. Кордач не мог справиться с ростом реформаторского движения, которое приобретало все более массовый характер. 9 января 1920 г. М. Кениг сообщал в германское министерство иностранных дел, что движение за национальную церковь в ЧСР достигло чрезвычайно широкого размаха. Во многих местах богослужения, несмотря на запреты католического епископата, совершались на чешском языке. В новогодние дни 1920 г. богослужения на чешском языке состоялись в бывшей русской церкви святителя Николая в Праге. «Почти вся чешская пресса, особенно аграрная и национал-социалистическая, — отмечал Кениг, — выступает с большими статьями в защиту богослужения на чешском языке». Эта агитация, по наблюдениям консула, еще больше усилилась после того, как богослужение на чешском языке посетил министр связи Ф. Станек, что рассматривалось как знак одобрения действий чешского реформаторского духовенства со стороны правительства ЧСР. Получив столь солидную поддержку, лидеры реформаторов заявили, что их не устраивают данные папой во время переговоров в Риме обещания разрешить богослужение на чешском языке в монастырях, где памятны кирилло-мефодиевские славянские литургические традиции (Эмаус, Сазава и Велеград), они

требуют его повсеместного введения⁶. 9 января 1920 г., сообщал Кениг, священник Б. Заградник и доктор теологии К. Фарский создали собрание реформаторов в Праге⁷, которое приняло решение об отделении чешского клира от Рима и создании Чехословацкой национальной церкви. Из 220 участников собрания, отмечал Кениг, лишь 66 выступили против этого предложения⁸.

В оценке церковной ситуации в ЧСР между германскими дипломатами существовали расхождения. В частности, посланник в Праге С. Зенгер считал, что сообщения консула М. Кенига о национально-церковных устремлениях чехов несколько преувеличены. 15 января 1920 г. он писал в Берлин об отрицательном отношении архиепископа Кордача к деятельности чешских реформаторов и подчеркивал: «Я думаю, что победа останется за Римом: в обозримом будущем страстный чешский национализм разобьется о скалу Петра» (имеется в виду св. Петр, символизирующий Ватикан). В то же время Зенгер, как и Кениг, отмечал «всеобъемлющий» характер раскола в католической церкви, в котором он прежде всего видел новую угрозу для и без того непростых немецко-чешских отношений в ЧСР, так как 93% богемских немцев были католиками⁹.

Для прояснения ситуации, связанной с расколом, Зенгер посетил архиепископа Кордача, о чем 13 декабря 1920 г. сообщал в Берлин. Во время беседы германский дипломат обратил внимание архиепископа на недружественный тон чешских католических изданий по отношению к богемским немцам и обсудил ситуацию, связанную с церковным расколом¹⁰. Кордач считал, что вдохновителей раскола следовало искать в кругах низшего духовенства, и связывал антиримское движение в чешском клире с односторонним национальным и материалистическим воспитанием в чешских школах, где «совершенно предана забвению католическая универсальная идея»¹¹. По его убеждению, раскол ни к чему не привел, все застопорилось, и Чехословацкая национальная церковь искала себе опору в лице Сербской Православной Церкви (СПЦ). С. Зенгер «обратил внимание архиепископа на то, что сербские епископы разворачивают активную пропагандистскую деятельность во многих чешских землях, и эта пропаганда имеет панславянский характер»¹². Архиепископ с пониманием отнесся к опасениям германского посланника¹³.

Тесную связь Чехословацкой национальной церкви с православными славянскими церквями С. Зенгер отмечал и в сообщении о ее соборе, состоявшемся 8–9 января 1921 г. в Праге. На соборе, писал Зенгер в Берлин, было зачитано приветственное послание еписко-

па Нишского Досифея (Васича), и в работе съезда принимал участие представитель СПЦ. Зенгер с удовлетворением отмечал, что, несмотря на славянофильские убеждения главных докладчиков Б. Заградника и К. Фарского, часть участников собора выступила против объединения с СПЦ¹⁴. Он обращал внимание Берлина на стремление участников собора установить тесные связи с англиканской церковью и с «Чешским братством», на поддержку ими всех антиримских церквей. Вместе с тем Зенгер утверждал, что «новая национальная церковь стремилась к примирению католицизма с гусизмом»¹⁵. События показали, что это утверждение верно лишь отчасти. В Чехословацкой национальной церкви существовали разные течения. Были и сторонники примирения католицизма с гусизмом. Но в конце 1920 – 1921 гг., очевидно, наибольшую активность проявляли приверженцы сотрудничества с СПЦ, о чем свидетельствует адресованный ей меморандум Чехословацкой церкви от 3 сентября 1920 г. с просьбой о принятии в семью православных церквей. 29 августа 1921 г. очередной собор Чехословацкой национальной церкви в качестве вероучения принял Никео-Цареградский Символ веры и правила, установленные на семи Вселенских соборах¹⁶. 3 июля 1922 г. сотрудник германского посольства в Праге Г. Г. Диккхоф сообщал в Берлин: «Чехословацкая церковь... присоединилась к Сербской Православной Церкви, и в официальном обращении с православными церквями она именуется “Чехословацкая православная церковь”. Ее священники и епископы получают благословение от сербского патриарха. В догматическом отношении она приняла учение Православной Церкви, только в отправлении литургии она хочет сохранить самобытность»¹⁷. Диккхоф указывал на негативные последствия этих событий для Германии. Он отмечал, что «через связь с Православной Церковью правительство в первую очередь стремится присоединиться к славянскому Востоку», и особо подчеркивал, что «основание этой церкви больше опирается на национальную противоположность всему немецкому, чем на религиозные различия»¹⁸. Эти обстоятельства серьезно беспокоили германского дипломата. Диккхоф отмечал численный рост Чехословацкой церкви, которая к середине 1922 г. насчитывала приблизительно 2 млн человек.

Германскую дипломатию также тревожило движение за восстановление православия в Словакии и Подкарпатской Руси. 8 декабря 1922 г. германский посланник в Праге В. Кох сообщал в министерство иностранных дел о преобладании православных среди русин в некоторых областях Подкарпатской Руси¹⁹. 14 июня 1923 г. герман-

ский консул в Братиславе Э. Г. Шмидт, отвечая на запрос германского посольства в Праге, сообщал, что чешские власти поощряют или, во всяком случае, терпимо относятся к деятельности украинских агитаторов, призывавших карпаторусин порвать с униатством и принять православие. «Во многих местах... – писал Шмидт, – население, подстрекаемое украинцами, изгоняет греко-католических священников или, по крайней мере, отбирает храмы и церковную землю», а правительство склонно уступать освободившиеся должности на приходах православному духовенству. Он отмечал, что в Подкарпатской Руси насчитывается 70 тыс. сторонников Православной Церкви, что православные приходы стремятся присоединиться к Сербской церкви и что сербский епископ недавно посетил Подкарпатскую Русь²⁰.

Чехословацкой национальной церкви и межконфессиональным отношениям в ЧСР целиком посвящено сообщение советника германского посольства в Праге Р. Кестера от 31 июля 1924 г. в министерство иностранных дел. Германский дипломат указывал на резкое сокращение численности католической церкви. Если Пражский диоцез насчитывал в 1910 г. 2280 тыс. католиков, то в 1924 г. – 1430 тыс. Причем большинство из оставшихся – 800 тыс. человек – составляли немцы. На это обстоятельство Кестер обращал особое внимание. Далее германский дипломат подробно осветил деятельность Чехословацкой национальной церкви, отметив, что она «основала епархии в Праге, Турнове, Оломоуце и Моравской Остраве и сегодня располагает более чем 150 приходами, из которых 110 признаны государством (из них 80 – в Чехии, 18 – в Моравии, 10 – в Силезии)». Кестер отмечал, что Чехословацкая национальная церковь отказалась от притязаний на католические храмы, которые вначале насильно конфисковывала, поскольку начала строить новые храмы. В своей деятельности она опиралась на поддержку государства. В 1923 г. Чехословацкая национальная церковь получила из государственного бюджета 9 млн. крон.

Особое внимание германский дипломат обращал на связи Чехословацкой национальной церкви с СПЦ. Он подчеркивал, что хиротония епископа Моравско-Силезского Горзда (Павлика) состоялась в Югославии и что он стремился к присоединению Чехословацкой национальной церкви к СПЦ. Кестер также отмечал, что Чехословацкую церковь поддерживало югославское правительство, которое проявляло к православному движению в ЧСР не меньший интерес, чем сама СПЦ. «Насколько сильно югославская сторона заинтересована в новой Чехословацкой национальной церкви, – писал

германский дипломат, – свидетельствует тот факт, что Белград сразу при создании Чехословацкой национальной церкви обещал 3 млн динаров, и в 1921 г. из югославского бюджета было выделено 1 млн динаров для поддержки Чехословацкой церкви». Кроме того, отмечалось в сообщении, «Моравская епархия получила в дар от сербов 75 тыс. крон, а сегодня 25 чехословацких богословов учатся в Белграде за счет югославской стороны»²¹. Германский дипломат подчеркивал, что ЧСР по поручению Белграда многократно посещал епископ Нишский Досифей (Васич), для того чтобы подготовить присоединение Чехословацкой национальной церкви к СПЦ.

Значительная часть сообщения Кестера посвящена кризису Чехословацкой национальной церкви, вызванному догматическими спорами между епископом Гораздом и доктором К. Фарским. Владыка Горазд выступал за православную ориентацию Чехословацкой национальной церкви, а К. Фарский стремился к пересмотру догматов Православной Церкви и к реформированию ее «в либеральном духе», в чем его энергично поддерживали национально-социалистическая и национально-демократическая партии ЧСР. По мнению Кестера, «движение Фарского одержало победу в Чехии и Моравии». В доказательство он приводил тот факт, что Чехословацкая национальная церковь избрала его своим «патриархом». Кестер считал, что «при этом не только Горазд... потерпел решительное поражение, но также и Сербская Православная Церковь, которая потратила так много усилий и средств на победу Чехословацкой национальной церкви»²². Вместе с тем германский дипломат отмечал, что епископ Горазд предпринимает попытки объединить все православные группы под юрисдикцией СПЦ и что «в настоящее время сербский епископ Досифей ведет переговоры с правительством в Праге о признании сербской юрисдикции над православными церквями в Чехословакии»²³.

В заключение Кестер коснулся мер католической церкви по противодействию росту влияния Чехословацкой национальной церкви. Для этой цели, отмечал он, «католицизму в Чехословакии необходимо приобрести по возможности национальный оттенок», что, однако, было непросто, принимая во внимание большой удельный вес немцев-католиков как среди мирян, так и среди клириков. Кестер указывал и на сложности во взаимоотношениях чехов и словаков. Словацкие клерикалы во главе с А. Глинкой хотя и не представляли угрозу католицизму, но находились в оппозиции к правительству ЧСР²⁴.

По мнению Кестера, укреплению католицизма в национальной форме в ЧСР должно было служить распространение унитарства. Эта

идея завоевывала все больше сторонников в Чехословацкой католической церкви. Он считал, что «Чехословакия должна стать мостом для продвижения Римской Церкви на Восток. Восточные православные нации Европы должны посредством распространения униатства покориться религиозному примату папства»²⁵. Как отмечал Кестер, Рим со своей стороны намеревался пойти на уступки: сохранить восточный обряд, разрешить богослужение на славянском языке. Центром униатского движения всех славян должен был стать древний Велеград – столица Великой Моравии, где в IX в. проповедовали святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. Именно в Велеграде 30 июля 1924 г. открылся униатский конгресс, в котором участвовали представители всех славянских наций. Германского дипломата, правда, насторожило участие в конгрессе представителя от лужицких сербов (священника Чижа из Мейссена) и многих известных французских священнослужителей²⁶.

Об итогах работы конгресса сообщал в Берлин в своем донесении от 1 октября 1924 г. посланник В. Кох. Он отмечал, что униатский конгресс в Велеграде, главная цель которого состояла в том, чтобы привести восточных славян в католическую церковь, и который рассматривался чехами как средство достижения славянской солидарности, нашел слабый отклик в Восточной Европе. Кроме чешской печати, о нем писала лишь украинская, белорусская и русская эмигрантская пресса, а также литовские и эстонские газеты. Польская печать не проявила к конгрессу большого интереса, так как варшавское и краковское духовенство считало, что роль посредника между Римом и славянским Востоком принадлежала не чехам, а полякам. Резюмируя свои наблюдения, посланник подчеркнул: «Внимание, которое уделил европейский Восток Велеградскому конгрессу, в целом было значительно меньше, чем ожидала чешская сторона»²⁷. В своем донесении В. Кох упомянул еще о двух крупных мероприятиях католической церкви: конгрессе чешских католиков Моравии, Силезии и Глучинска (Хюльчина), который состоялся в середине августа в Брно, и евхаристическом конгрессе в Братиславе во второй половине августа. По мнению германского посланника, оба конгресса «явились значимыми манифестациями католицизма». «Братиславский конгресс, – отметил В. Кох, – особо подчеркнул католические умонастроения в Словакии, направленные против гуситских тенденций чехов»²⁸.

Большую часть своего сообщения от 1 октября 1924 г. В. Кох посвятил «генеральному съезду» («собору») Чехословацкой нацио-

нальной церкви, который состоялся 29–30 августа 1924 г. в Праге. Съезд должен был окончательно определиться в догматических и политических вопросах. «В догматических вопросах, – отмечал германский посланник, – Чехословацкая церковь колебалась между православием и протестантизмом». Сторонники православной ориентации во главе с епископом Гораздом еще до съезда отделились от Чехословацкой национальной церкви, и ведущую роль на «генеральном съезде» играл «патриарх» К. Фарский²⁹.

К проблеме раскола в Чехословацкой национальной церкви В. Кох вновь вернулся в донесении от 30 января 1925 г. Он сообщал на Вильгельмштрассе, что после «собора» произошло окончательное размежевание национального и православного направлений в Чехословацкой церкви, и епископ Горазд «приступил к организации православной церкви в Чехии и Моравии»³⁰.

Во второй половине 1920-х гг. интерес германской дипломатии к межцерковным конфликтам в ЧСР заметно ослабевает. В третьем томе документов германского посольства в Праге, охватывающем 1926–1933 гг., опубликованы лишь два сообщения, касающиеся религиозной ситуации в Словакии и Подкарпатской Руси, – донесения германского консула в Кошице М. Гессе в министерство иностранных дел Веймарской республики. В одном из них, от 30 июля 1927 г., речь идет о католическом студенческом конгрессе, состоявшемся 24 июля в Кошице, на котором выступал лидер Словацкой народной партии А. Глинка. В своем выступлении он подчеркнул большую роль униатов «в новом объединении славянской Православной Церкви с Римом, в котором особенно заинтересованы словаки как посредники»³¹.

В донесении в Берлин от 14 апреля 1931 г. М. Гессе отмечал улучшение положения в межконфессиональных отношениях в Подкарпатской Руси в начале 1930-х гг., которое было достигнуто благодаря усилиям чехословацких властей, стремившихся решить вопросы о принадлежности храмов, о строительстве новых церквей, урегулировать распри между греко-католиками и православными. В этом донесении Гессе упоминал о деятельности епископа Битольского Иосифа (Цвийовича) по возвращению униатов в православие в Подкарпатской Руси³².

Таким образом, дипломатические документы посольства Веймарской республики в Праге свидетельствуют о том, что религиозная ситуация в ЧСР интересовала германских дипломатов прежде всего в связи с развитием чешского национального движения.

В первой половине 1920-х гг. германскую дипломатию беспокоила националистическая и антинемецкая пропаганда К. Фарского и его сторонников в Чехословацкой национальной церкви, а также деятельность епископа Горазда, его контакты с СПЦ и правительством Королевства сербов, хорватов и словенцев. Берлин опасался, что деятельность Чехословацкой церкви будет способствовать укреплению отношений ЧСР с восточноевропейскими странами, прежде всего с Югославией, что могло привести к ухудшению международного положения Германии. Интерес германской дипломатии к Чехословацкой церкви начал угасать с середины 1920-х гг., когда в результате Локарнской конференции и вступления в Лигу наций Германия преодолела послевоенную внешнеполитическую изоляцию, стала играть заметную роль в европейской и мировой политике и могла уже меньше обращать внимание на состояние межконфессиональных отношений в небольшой соседней стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Бурега В. В. Проблема юрисдикции Православной Церкви в Чешских Землях в XX веке // Церковно-исторический вестник. М., 2002. № 9. С. 154–185; *Он же*. Епископ Вениамин (Федченков) и православное движение в Закарпатье первой половины 1920-х годов // Церковь и время. 2004. № 1 (26). С. 214–271; *Он же*. Чехословацкое государство и православное движение в Подкарпатской Руси (1919–1922) // Славянский альманах 2008. М., 2009. С. 207–219; *Frýdl D.* Reformní náboženské hnutí v počátcích Československé republiky: snaha o reformu katolicizmu v Čechách a na Moravě. Brno, 2001; *Marek P.* K problematice církevního rozkolu v Československu v roce 1920 // Český časopis historický. 2001. Č. 1 (99). S. 85–118; *Idem.* Církevní krize na počátku první Československé republiky 1918–1924. Brno, 2005; *Marek P., Bureha V.* Pravoslavní v Československu v letech 1918–1953: Příspěvek k dějinám Pravoslavné církve v českých zemích, na Slovensku a na Podkarpatské Rusi. Brno, 2009; *Schulze Wessel M.* Konfessioneller Koflikt im Nationalstaat ČSR // Religion im Nationalstaat zwischen den Weltkriegen. Polen – Tschechoslowakei – Ungarn – Rumänien. Stuttgart, 2002. S. 75–105.

2 Deutsche Gesandtschaftsberichte aus Prag. Innenpolitik und Minderheitenprobleme in der Ersten Tschechoslowakischen Republik (DG). München; Wien, 1983. T. 1. Von der Staatsgründung bis zum ersten Kabinett Beneš 1918–1921. Ausgewählt, eingeleitet und kommentiert von Manfred Al-

exander; DG. München; Wien, 2004. Т. 2. Vom Kabinett Beneš bis zur ersten übernationalen Regierung unter Svehla 1921–1926. Ausgewählt, eingeleitet und kommentiert von Manfred Alexander; DG. München; Wien, 2009. Т. 3. Von der ersten übernationalen Regierung unter Svehla bis zum Vorabend der nationalsozialistischen Machtergreifung in Deutschland 1926–1932. Ausgewählt, eingeleitet und kommentiert von Manfred Alexander.

3 См.: DG. Т. 1. S. 181–183. Dok. 64.

4 Ibid. S. 240. Dok. 87. Anm. 3.

5 *Kárník Zd. České země v éře První republiky (1918–1938)*. Praha, 2003. D. 1. S. 317.

6 DG. Т. 1. S. 237–238. Dok. 87.

7 Собрание в действительности состоялось 8 января 1920 г. (см.: *Slapnicka H. Die Kirchen in der Ersten Republik // Bohemia sacra. Das Christentum in Böhmen 973–1973*. Düsseldorf, 1974. S. 337; *Бурега В. В. Проблема юрисдикции... С. 156*).

8 DG. Т. 1. S. 239. Dok. 87.

9 Ibid. S. 240. Anm. 3; *Slapnicka H. Die Kirchen... С. 338*.

10 DG. Т. 1. S. 365. Dok. 151.

11 Ibid. S. 366–367.

12 Ibid. S. 367.

13 Ibidem.

14 Ibid. S. 389. Dok. 162.

15 Ibid. S. 390.

16 *Бурега В. В. Горазд (Павлик), священномученик, епископ Чешский и Моравско-Силезский // Православная энциклопедия*. М., 2006. Т. 12. С. 89.

17 DG. Т. 2. S. 60. Dok. 28.

18 Ibidem.

19 Ibid. S. 103. Dok. 42.

20 Ibid. S. 153. Dok. 60.

21 Ibid. S. 239. Dok. 96.

22 Ibidem.

23 Ibid. S. 240.

24 Ibid. S. 240–241.

25 Ibid. S. 241.

26 Ibidem.

27 Ibid. S. 261. Dok. 104.

28 Ibid. S. 260.

29 Ibidem.

30 Ibid. S. 298–299. Dok. 120.

31 DG. T. 3. S. 79-80. Dok. 30.

32 Ibid. S. 272–274. Dok. 115.

Stankov N. N.

The religious fight in CzSR and the German diplomacy in 1920–1930s

In the present article, the attitude of German diplomacy to the anti-Catholic movement in the Czechoslovakian Republic and to the fight of the Czechs for the creation of the Czechoslovakian National Church and the reviving of the Orthodoxy in Slovakia and Sub-Carpathian Russia (Ruthenia) are explored thoroughly. On the basis of the analyses of the documents of the German embassy in Prague, the author tries to show the reaction of the German diplomacy to the cooperation of the Czechoslovakian National Church with the Orthodox Churches, especially with the Serbian Orthodox Church. Keywords: *Czech National Church, German diplomacy, Archbishop of Prague František Kordač, K. Farsky, Bishop of Moravia and Silesia Horazd (Pavlik), resurrection of Eastern Christianity.*

Н. С. Пилько
(Москва)

Словенцы в югославской политической жизни в 20–30-е гг. XX в.

Статья посвящена словенской политической жизни в 20–30-е гг. XX в. После падения Австро-Венгерской монархии территории, населенные словенцами, вошли в состав Королевства Югославия. Сформировавшиеся до 1918 г. политические партии и движения сохранились, но под влиянием новых реалий претерпели ряд изменений. Неизменными остались характер национальной идентичности, сформировавшейся еще в составе многонационального государства, и борьба за право голоса на внутривнутриполитической арене.

Ключевые слова: *Королевство Югославия, Государство СХС, парламентские выборы, Словенская народная партия, национальный вопрос, политические партии, конституция, централизм.*

Переломным моментом в истории словенцев стало образование в конце октября 1918 г. независимого Государства словенцев, хорватов и сербов (Государства СХС), хотя оно и не получило международного признания, не имело государственного аппарата и главное – армии, которая могла бы защитить территориальную целостность страны. Несмотря на все усилия политической элиты нового государства доказать силам Антанты свою лояльность, последние не видели в новом государственном объединении союзника. Ситуацию усложняли и агрессивные действия Италии, стремившейся захватить обещанные ей Лондонским договором* территории.

Окруженное со всех сторон враждебно настроенными странами, Государство СХС было вынуждено искать поддержки извне, и нашло

* Лондонский договор заключен 13 апреля 1915 г. между Великобританией, Россией и Францией с одной стороны и Италией – с другой. Согласно договору Италия обязалась вступить в войну на стороне Антанты. В качестве компенсации Королевству были обещаны территории: Трентино, Цизальпинский Тироль, Горица и Градишка, Триест и вся Истрия до пролива Кварнеро, Далмация, Додеканесские острова.

союзника в лице Сербии. 24 ноября Народное вече в Загребе приняло решение объединить Государство СХС с Королевством Сербия. Объединение произошло 1 декабря 1918 г. Новое государственное образование получило название Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС).

20 декабря 1918 г. указом регента при короле Петре I – принца Александра Карагеоргиевича было образовано правительство Королевства. Надежды словенцев на автономию в новом государстве не оправдались: министр внутренних дел С. Прибичевич начал проводить политику, направленную на укрепление централизма, словенское Национальное правительство было вскоре ликвидировано. Его заменило областное правительство, главу и заместителя которого назначал принц-регент Александр. Возглавивший областное правительство Я. Брейц пытался сохранить остатки автономии, но пришедшие к власти либералы, представители Словенской народной прогрессивной партии (впоследствии Югославянская демократическая партия) Г. Жерьяв, а затем В. Балтич, продемонстрировали полную лояльность Белграду.

Одним из важнейших событий стали выборы в Учредительную скупщину 28 ноября 1920 г., главной задачей которой была разработка текста конституции нового государства. Участие в выборах приняли все словенские партии. После распада Австро-Венгрии словенская политическая жизнь претерпела значительные изменения, коснувшиеся в первую очередь социалистического и либерального лагеря, в то время как католический лагерь, представленный Словенской народной партией (СНП), оставался практически однородным вплоть до Второй мировой войны и имел стабильную поддержку избирателей¹. Идеология этой партии строилась на концепции христианского социализма. Лидер СНП А. Корощец считал, что Словении нужна автономия с местным парламентом и подчиненным ему местным правительством, что особо оговаривалось в программе. Также было подчеркнуто, что партия стремится к равноправию словенцев, хорватов и сербов. Особое внимание уделялось идее объединения всех словенцев в югославянском государстве, свободе вероисповедания и равноправию религий, прежде всего православия и католицизма в многоконфессиональной стране.

Противоположностью СНП была либеральная Югославянская демократическая партия (ЮДП), образованная в июне 1918 г. Она выступала поборником централистского государства, поддерживала монархию, отвергала политический католицизм и диктатуру

пролетариата. Что касается национального вопроса, то в программе партии было записано: «Национальность – наша животворная сила, которая должна оказывать влияние на всю общественную и частную жизнь: в семье, в школе, в науке и искусстве, словесности, в политике, в правовых и социальных постановлениях»².

Марксистские партии, такие как Югославянская социал-демократическая партия (ЮСДП) и словенская фракция Коммунистической партии Югославии (организована в 1920 г.), выступали за коренные изменения в обществе. ЮСДП рассматривала создание югославского государства в качестве первого шага на пути к балканскому союзу республик всех южных славян и осуждала сепаратизм. Главным условием для этого должно было стать создание единого югославского народа³. Партия выступала за общественную собственность на средства производства, за строительство народной республики и за самоуправление общин⁴, требовала проведения аграрной реформы, социальной защищенности рабочих. Словенские коммунисты стремились к революционной классовой борьбе и к созданию коммунистической рабоче-крестьянской советской республики, выступали за мир между народами и за установление дипломатических отношений с Советским Союзом. Так же как и ЮСДП, они считали необходимым создание единого югославского народа.

Свои политические программы представили также новые словенские либеральные партии. Независимая крестьянская партия (НКП) выступала за равноправие словенцев, хорватов и сербов и сначала поддерживала автономию Словении, но позднее изменила свою позицию. Идею автономии поддержала и Национальная социалистическая партия (НСП). Ее представители подчеркивали равноправие всех вероисповеданий и считали неприемлемым использование религии в политических целях.

На выборах в Учредительную скупщину победила Словенская народная партия, которая получила 37,27% голосов и 15 депутатских мест⁵. Второй стала Независимая крестьянская партия, получившая 20,86% голосов и 9 депутатских мест. Учредительная скупщина начала работу 12 декабря 1920 г. Представленные в ней словенские партии в вопросе о государственном устройстве разделились на два блока. К первому примкнули сторонники автономного устройства государства, ко второму – унитарного. Большинство словенских партий выступало за централизм, за автономизацию государства выступали только СНП и Национальная социалистическая партия. Подобное разделение было характерно не только для словенских партий.

В целом период становления Королевства СХС прошел под знаком борьбы центристов и федералистов. Первые выступали за создание единого государства, с твердой центральной властью, федералисты же требовали равноправия всех народов Королевства.

12 февраля 1921 г. Югославянский клуб, в который помимо СНП входила Хорватская народная партия, представил свой проект конституции, согласно которому югославское государство должно было стать конституционной, парламентской и наследственной монархией с образованием отдельных автономных районов: Сербии, Хорватии со Славонией и Междумурьем, Боснии и Герцеговины с Далмацией, Черногории, Воеводины и Словении с Прекмурьем. В каждом из этих районов должна была быть своя скупщина, частично наделенная правом законодательной деятельности в вопросах общественного управления, областных финансов и налогов. Кроме того, области должны были иметь свои правительства. В их ведении находились бы внутренние дела, торговля и производство, строительство, полезные ископаемые, вопросы, связанные с аграрной реформой, образование, здравоохранение, социальная политика, правосудие и финансы⁶.

Лагерь центристов был представлен Независимой крестьянской партией и Югославянской демократической партией, выступавшими за создание единого югославского народа, согласно принципу «один народ – одно государство». При этом НКП отвергала идею автономии Словении в новом государстве, поскольку полагала, что это будет препятствовать экономическому и политическому развитию словенцев⁷.

Одновременно с вопросом о будущем устройстве государства был поднят вопрос о культурной и языковой самостоятельности словенцев. Представители культурной интеллигенции выступили с так называемым «Заявлением» («Izjava»), где требовали для словенцев культурной автономии. Под этим документом подписалось 43 представителя передовой словенской интеллигенции. Несмотря на сдержанную реакцию со стороны народных масс («Заявление» восприняли с энтузиазмом только в политических кругах), это стало первым шагом к участию интеллигенции в делах государства, который свидетельствовал о преодолении ею аполитичности⁸. Большая часть интеллигенции поддержала идею сохранения словенской идентичности в рамках югославской общности.

Конституция Королевства, названная Видовданской, была принята 28 июня 1921 г. Страна провозглашалась конституционной, пар-

ламентской, наследственной монархией. Законодательную власть осуществляли монарх и Народная скупщина, которую он имел право собирать и распускать. Король же назначал министров и главу правительства. Суды вершились именем монарха, который не был никому подчинен, обладал иммунитетом и не мог быть привлечен к суду⁹. Согласно статье 134 конституции 12 июля было распущено областное правительство Словении. Вместо него была создана областная администрация. На словенских землях администрацию возглавил Иван Хрибар.

26 апреля 1922 г. правительство Николы Пашича объявило о разделе страны на 33 области, во главе каждой был поставлен наместник, назначенный королем. Словенские земли были разделены на Люблянскую и Мариборскую области. 31 декабря люблянским жупаном (баном) был назначен Вилко Балтич, мариборским – Мирослав Плой.

В 1921 г. на Словению распространилась деятельность сербской Народной радикальной партии (НРП). В начале августа в Кочевье был создан областной штаб НРП Словении. В октябре был образован штаб в Любляне, его возглавил Н. Жупанич, который с декабря 1922 по май 1923 г. был министром без портфеля в правительстве Н. Пашича. Несмотря на разногласия по поводу государственного устройства, радикалы поддерживали монархию и централизм, придерживались идеей югославского национального унитаризма, выступали против большевизма и политического клерикализма, осуждали стремления СНП к автономии.

В марте 1923 г. состоялись выборы в Народную скупщину, в ходе которых большинство голосов получили партии, выступавшие за федеративное или автономное устройство государства. В Словении с большим отрывом победила СНП, издавшая перед этим брошюру «Судите по делам», где Видовданская конституция была названа реакционной, уничтожающей «народную свободу и самоопределение и санкционирующей гегемонию сербства, что является губительным для государства, в котором проживают три народа»¹⁰. В Хорватии победу одержала Хорватская республиканская крестьянская партия (ХРКП), возглавляемая С. Радичем, в Боснии и Герцеговине – Югославская мусульманская организация. Радикальная партия Н. Пашича не получила ожидаемого большинства и была вынуждена искать поддержки, которую нашла в лице ХРКП. В апреле 1923 г. между ними было заключено соглашение, получившее название «Марков протокол» по имени Марко Джуричича, подписавшего его со сто-

роны радикалов. Добившись желаемого большинства в парламенте, Пашич провел несколько законов, направленных на ужесточение политического режима в стране. Ситуация накалялась, недовольство правительственной политикой возрастало. Работа парламента была приостановлена почти на пять месяцев. Премьер-министр хотел распустить скупщину, где его партия не имела большинства, и провести новые выборы. Против этого выступили Демократическая партия, Югославская мусульманская организация и СНП¹¹. В опубликованном воззвании они осудили внепарламентский режим. Правительство Пашича было отправлено в отставку, однако сам он вскоре, правда, ненадолго (май – июль 1924 г.), вернулся на свой пост.

27 июля 1924 г. было созвано новое правительство, которое составили партии парламентского большинства. Его возглавил лидер Демократической партии Л. Давидович. СНП получила три министерских портфеля: Корошец стал министром просвещения, А. Сушник и И. Весеняк – соответственно министрами транспорта и аграрных реформ.

На новых парламентских выборах в феврале 1925 г. Словенская народная партия получила 56% голосов и 20 из 26 депутатских мест в парламенте. В марте 1925 г. в скупщине вновь оформился оппозиционный блок, куда наряду с СНП вошли ХРКП, Югославская мусульманская организация, Демократическая партия. Объединение получило название «Блок народного соглашения и крестьянской демократии».

Вскоре ХРКП отделилась от блока и перешла на сторону радикалов. Племянник С. Радича – Павел – на заседании скупщины заявил о поддержке централистской политики и сотрудничестве с сербскими радикалами, что вызвало резкое неодобрение СНП. Корошец назвал поступок Радича предательством и отметил: «Когда это произошло, мы должны были думать не о том, как скрыть программу автономии, но о том, как попытаться ее реализовать»¹². В конце марта 1925 г. было решено создать коалиционное правительство из радикалов и ХКП (партия перестала именовать себя республиканской).

Новая тактика СНП была сформулирована в резолюции от 10 октября 1926 г., где было отмечено, что экономические, финансовые и социальные условия в стране настолько ухудшились, что определенно можно говорить о кризисе. Решение этих проблем должно стать главной задачей правительства¹³.

Правительство, сформированное в апреле 1926 г. Н. Узуновичем, обещало обратить особо пристальное внимание на проблемы

экономического развития страны. Желание войти в правительство выразил и Корошец, при условии, что люблянская и мариборская части Словении будут объединены¹⁴, однако приглашен не был. В дальнейшем СНП находилась в оппозиции правящему режиму, и лишь в феврале 1927 г. после длительных переговоров три словенских представителя стали членами правительства Узуновича: Д. Сернец получил пост министра общественных дел, Ф. Куловец – министра по делам крестьянства, А. Госар – министра социальной политики.

В январе 1927 г. в Королевстве были проведены выборы в областные органы правления. В Люблянской областной скупщине СНП получила 40 мест, все остальные партии – 13. В Мариборской скупщине ею было завоевано 42 места¹⁵. 20 февраля 1927 г. депутаты СНП обеих областных скупщин собрались на съезд в Целье. В своем выступлении новый заместитель лидера партии М. Натлачен заявил, что задача членов СНП заключается в обеспечении единства работы словенских органов самоуправления в обеих областях¹⁶.

Выборы в других частях страны нередко сопровождались беспорядками и жестоким их подавлением. В итоге оппозиционная часть Народной скупщины потребовала привлечения к ответственности министра внутренних дел Б. Максимовича. Правительство Узуновича ушло в отставку. В апреле 1927 г. его сменило правительство В. Вукичевича. В июне 1927 г. скупщина была вновь распущена, выборы назначены на 11 сентября. Стремясь создать сильное прокоролевское крыло, Вукичевич начал переговоры с оппозицией, в том числе и с СНП. 11 июля 1927 г. на озере Блед между Вукичевичем и Корошецем было заключено соглашение. На сентябрьских выборах СНП получила 50,94% голосов, Корошец вошел в правительство в качестве министра внутренних дел.

В ноябре 1927 г. была создана Крестьянско-демократическая коалиция (КДК), куда вошли представители ХКП и сторонники С. Прибичевича, лидера Независимой демократической партии. Коалиция критиковала действия правительства, требовала покончить с коррупцией в административных и правительственных кругах, призывала отказаться от кабальных заграничных займов. Отношения между проправительственным большинством и КДК обострились. Заседание скупщины 20 июля 1928 г. закончилось трагически. В ответ на саркастические замечания депутатов КДК депутат от радикальной партии Пуниша Рачич выхватил пистолет и открыл стрельбу, убил и ранил нескольких депутатов ХКП. Тяжело раненный С. Радич скончался через несколько недель. Последовавшие за этим

беспорядки вынудили правительство Вукичевича подать в отставку. 24 июля 1928 г. право на создание нового правительства было предоставлено лидеру СНП А. Корошецу. В новое правительство вошли представители Народной радикальной партии, Демократической партии и Югославской мусульманской организации. Корошец занял две должности: премьера и министра внутренних дел¹⁷. Однако уже через полгода правительство Корошеца подало в отставку. 6 января 1929 г. королевским манифестом деятельность всех партий была запрещена. Конституция 1921 г. отменялась. Одновременно был издан «Закон о королевской власти и верховном государственном управлении», согласно которому исключительное право на издание законов и назначение чиновников на посты принадлежало монарху.

Начало 1930-х гг. характеризовалось глубоким политическим и экономическим кризисом, сопровождавшимся безработицей. Все это вело к тому, что люди стали тяготеть к более радикальным и популистским политическим течениям¹⁸. Причем разброс политических пристрастий был весьма разнообразным: от католического направления, которое поддерживало сословное устройство государства, до коммунистической диктатуры по образцу Советского Союза. Между ними сконцентрировалось много различных политических либеральных и демократических групп. Главным вопросом, вокруг которого велись наиболее жаркие дискуссии, был национальный. Часть словенского общества придерживалась мнения, что в области культуры и языка словенцы должны постепенно сливаться с другими народами Югославии и в итоге стать частью единого югославского народа. Другие же, напротив, выступили в защиту словенской идентичности.

3 октября 1929 г. был принят закон о новом административном делении государства, которое теперь было разделено на девять бановин. Словенцы вошли в состав Дравской бановины. В сентябре 1931 г. была провозглашена Октроированная конституция, то есть «дарованная свыше» монархом. Согласно конституции монарх получал абсолютную власть. СНП перешла в оппозицию и вернулась к борьбе за идею автономного устройства государства. Против централизации государства выступили и словенцы. Самые жесткие заявления прозвучали на митинге в честь дня рождения Корошеца. 1 января 1933 г. была опубликована Словенская декларация, или, как ее называли, «Люблянские пунктуации». В этом документе СНП сделала основной упор на тот факт, что словенский народ продолжает оставаться разделенным между четырьмя государствами. Было

выдвинуто требование предоставить Словении такое положение внутри страны, которое стало бы привлекательным для всех словенцев, проживающих за ее пределами, что возможно лишь при условии превращения государства в союз равноправных народов, одним из которых является словенский. Самобытность словенцев, их этническая целостность должны были быть признаны, так же как их право распоряжаться собственными финансами и иметь свой флаг. Если бы подобные требования были выполнены в отношении и других народов Югославии, отмечалось в пунктуациях, это позволило бы государству стать союзом равноправных народов¹⁹. Декларация вызвала недовольство правительства, Корошец был отправлен в ссылку сначала в Тузлу, а потом на Хвар. В знак протеста СНП бойкотировала выборы в скупщину 1935 г.

После гибели короля Александра I Карагеоргиевича (1934) политическая жизнь страны ожила. Партии, находившиеся в оппозиции, решили принять участие в выборах, состоявшихся в мае 1935 г. Проправительственные партии во главе с Б. Ефтичем набрали голосов немногим больше, чем оппозиционные. Это было воспринято как неудача, и правительство подало в отставку. Новое правительство возглавил член Народной радикальной партии М. Стоядинович.

Находясь в изгнании, Корошец связался с М. Стоядиновичем, чтобы обсудить возможность создания новой прогосударственной партии²⁰. Самовольно вернувшись из ссылки, он сразу же направился в Белград, где активно включился в политическую жизнь. Понимая, что прежние взгляды делают его выход на политическую арену невозможным, Корошец пересмотрел свою позицию по вопросу государственного устройства. В этих непростых условиях в СНП произошел раскол. Одна часть партии, возглавляемая бывшим министром Госаром, лидером мариборского отделения, считала необходимым объединение с правительственным блоком. Вторую возглавил М. Натлачен, считавший более целесообразным объединение с оппозиционным блоком. Корошецу стоило большого труда предотвратить полный развал партии.

Для укрепления своих позиций премьер Стоядинович приступил к созданию собственной политической силы – Югославского радикального союза (ЮРС), в который вошли бы партии, во времена диктатуры оказавшиеся в оппозиции. На учредительном съезде он выступил в поддержку идеи децентрализации государственной власти, пообещав издание демократических законов и введение самоуправления. Эти заявления помогли ему перетянуть на свою сторо-

ну Мусульманскую партию и СНП. Их лидеры М. Спахо и Корошец вошли в состав правительства, получив министерские портфели. В Словении появление новой политической силы вызвало в целом широкую поддержку. При этом не все члены самой СНП ее приветствовали. Противники ЮРС образовали так называемую «Старую СНП» и настаивали на том, чтобы партия вернулась к реализации требований Словенской декларации 1933 г. Эту группу возглавили Антон Брецель и Иван Становник. Вскоре Корошец стал главой бановинского комитета Югославского радикального союза. Постепенно ЮРС занял лидирующее положение во всех органах власти Дравской бановины, вытеснив представителей других партий.

Одной из задач, которые ставил перед собой Корошец, находясь в правительстве, было восстановление системы местного самоуправления. Он полагал, что именно самоуправление позволило бы ЮРС поставить под свой контроль настроения в стране. Осенью 1936 г. были проведены выборы в органы местного самоуправления. В Дравской бановине победу одержал ЮРС, основу которого составляли члены СНП.

Другим достижением Корошеца во время его пребывания в правительстве Стоядиновича стало возвращение к вопросу о конкордате с Ватиканом. Положение католической церкви в Королевстве Югославия было неопределенным, поэтому представители Хорватии и Словении в правительстве всеми силами пытались добиться повышения ее статуса. Но выступившая с резким протестом православная церковь смогла приостановить процесс заключения договора, поскольку опасалась, что он может предоставить католической церкви больше прав, чем православной. Несмотря на то, что скупщина большинством голосов поддержала конкордат, он так и не получил силу закона. Синод православной церкви предал анафеме депутатов, проголосовавших за него, в том числе и самого Стоядиновича.

Очередные выборы в скупщину состоялись 11 декабря 1938 г. ЮРС составил блок с Югославянской народной партией. Большинство голосов и мест в парламенте получил Югославский радикальный союз, однако перевес был незначительным, оппозиция, возглавляемая В. Мачеком, получила немногим меньше голосов. Это обстоятельство было расценено как поражение, в котором обвинили премьера. А его политику, в свою очередь, осудили ведущие члены ЮРС, в том числе Корошец и Спахо²¹. После падения правительства Стоядиновича Корошец стал министром просвещения в правительстве Д. Цветковича. Он выступал против вступления Югославии в

войну, поскольку понимал, что в случае нападения Германии и Италии Югославия рассыплется как картонный домик, а сохранение государства является единственной гарантией безопасности словенского народа. Поэтому отстаиваемые им на протяжении всего периода существования СНП идеи автономии были отодвинуты на второй план. При этом появились новые соображения, касавшиеся уже не автономии, а независимости Словении. Так, после образования Словацкой республики (1939) возникла идея переговоров с Хорватской крестьянской партией об образовании союзного словенско-хорватского государства, рассматривалась и возможность создания независимого государства под германским протекторатом. В новой программе СНП особо отмечалось, что главным требованием остается создание «независимой Словении [...] Словения должна быть самостоятельной и равноправной составляющей частью обновленного, расширенного, федеративного Королевства Югославия»²². Подчеркивалось, что государство обязано заниматься международными отношениями, защитой государственной безопасности и неприкосновенности границ, а также управлением страной как таковой с целью сохранения ее единства. После смерти Корошеца 14 декабря 1940 г. в партии обострились споры и трения относительно судьбы Словении, в итоге она раскололась на два лагеря, один из которых возглавил Антон Куловец, другой – Марко Натлачен.

Большое влияние на внутривнутриполитическую жизнь Королевства оказало изменение внешнеполитического курса. Постепенно Югославия отдалялась от своей прежней ориентации на Францию и все больше сближалась с Германией и Италией. Итогом этого стало присоединение Югославии 25 марта 1941 г. к Тройственному пакту. В этих условиях сложились две основные политические силы: антифашисты и те, кто выступал против коммунистов, в первую очередь католики и либералы.

Несмотря на незначительный опыт участия в политической жизни (первые словенские партии стали появляться только в конце XIX – начале XX в.), словенские политики быстро адаптировались в новом государстве – Королевстве Югославия, принеся с собой из Австро-Венгрии идеи автономии, федерализма, децентрализации. Несомненно, что именно это наследие наложило отпечаток на характер взаимоотношений словенской политической элиты с центром в 1920–30-х гг., которые прошли под знаком борьбы за национальную идентичность и право голоса на внутривнутриполитической арене.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Nečak D., Repe B.* Kriza. Svet in Slovenci od prve svetovne vojne do sredine tridesetih let. Ljubljana, 2008. S. 145.
- 2 *Perovšek J.* Programi političnih strank, organizacij in združenij na Slovenskem v času Kraljevine SHS (1918–1929) // *Viri.* 1998. Št. 13. S. 23. Dok. № 1.
- 3 *Mikuž M.* Razvoj slovenskih političnih strank v stari Jugoslaviji // *Zgodovinski časopis.* 1955. Št. 1–4. S. 114.
- 4 *Naprej.* 1920. 5.X; 3.XI.
- 5 *Perovšek J.* Volitve v Ustavodajno skupščino // *Slovenska novejša zgodovina 1848–1992.* Ljubljana, 2005. Knj. 1. S. 237–239.
- 6 *Perovšek J.* Programi političnih strank... S. 78 (dok. N 18).
- 7 *Perovšek J.* Volitve... S. 242.
- 8 *Dolenc E.* Med kulturo in politiko. Ljubljana, 2010. S. 95.
- 9 *Perovšek J.* Sprejetje vidovdanske ustave // *Slovenska novejša zgodovina.* S. 247.
- 10 *Slovenec.* 1923. 4.II.
- 11 *Пилько Н. С.* Политическая жизнь Антона Корошца // *До и после Версаля: Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе.* М., 2009. С. 93.
- 12 *Slovenec.* 1927. 4.I.
- 13 *Stipovšek M.* Slovenska ljudska stranka in uvedba oblastnih samouprav leta 1927 // *Prispevki za novejšo zgodovino.* 1995. XXXV. S. 37.
- 14 *Пилько Н. С.* Политическая жизнь... С. 94.
- 15 *Stipovšek M.* Slovenska ljudska stranka... S. 42–43.
- 16 *Пилько Н. С.* Политическая жизнь... С. 95.
- 17 Там же. С. 97.
- 18 *Dolenc E.* Nova ideološka razhajanja na pragu vojne // *Slovenska novejša zgodovina.* S. 265.
- 19 *Jutro.* 1933. 11.I.
- 20 *Vidovič-Miklavčič A.* Vrnitev SLS na oblast // *Slovenska novejša zgodovina.* S. 361.
- 21 *Пилько Н. С.* Политическая жизнь... С. 101.
- 22 *Arhiv Republike Slovenija, Ljubljana.* AS 1898. Politični programi SLS. F. 5.

Pil'ko N. S.

On Slovene political life in 1920–1930s

The article is devoted to Slovenian political life in the 1920–1930s. After the dissolution of the Austro-Hungarian Monarchy, territories populated by Slovenians became a part of the Kingdom of Yugoslavia. Political parties and movements, which had been founded before 1918, went on with their activities, but – under the influence of new realities – underwent a number of changes. The very concept of national identity in a multinational state and the fight for the right of political participation in the interior policy remained though invariable.

Keywords: *Kingdom of Yugoslavia, State of Serbs, Croats and Slovenes, Slovenian people's party, national question, political parties, constitution, centralism.*

Т. В. Волокитина
(Москва)

На рубеже войны и мира: Советский Союз и подготовка Соглашения о перемирии с Болгарией

В статье анализируются позиции СССР и его западных союзников по антигитлеровской коалиции относительно соглашения о перемирии с Болгарией в 1944 г.

Ключевые слова: *СССР, союзники по антигитлеровской коалиции, болгарская политика нейтралитета, подготовка Соглашения о перемирии с Болгарией.*

Весной 1944 г., освободив значительную часть Правобережной Украины и Молдавской ССР, войска 2-го Украинского фронта форсировали пограничный Прут. После упорных кровопролитных боев на территории Румынии Красная Армия начала наступление на балкано-дунайском направлении. Предстояли военные операции в Венгрии, Болгарии, Югославии. На Западном театре летом 1944 г. была осуществлена высадка союзных войск в Нормандии и в районе Марселя, развернулись военные действия по освобождению Франции, Бельгии, Голландии, Италии. В условиях коренного перелома на фронтах Второй мировой войны, предвещавшего неминуемый разгром гитлеровской Германии, ведущие страны антигитлеровской коалиции, действуя от имени Объединенных Наций, сочли возможным начать процесс мирного урегулирования.

Для советского политического руководства вопрос о будущем Соглашении о перемирии с Болгарией, как и с другими странами-сателлитами гитлеровской Германии, актуализировался летом 1943 г. Успешные действия армий западных союзников в Италии и реальная перспектива ее капитуляции стимулировали необходимость совместной выработки механизма прекращения военных действий против германских союзников. Первым свои предложения на этот счет представило правительство Великобритании, обратившись к советской стороне с Памятной запиской от 1 июля 1943 г. о принципах, которыми следовало руководствоваться при прекращении военных действий с европейскими странами – членами «оси»¹. Авторы Записки считали, что все предъявляемые сателлитам требования и условия должны быть представлены в «едином исчерпывающем документе,

охватывающем все Объединенные Нации, находящиеся в состоянии войны с этой страной – членом “оси”, и воплощающем принцип безоговорочной капитуляции». После подписания перемирия для его реализации и контроля за выполнением предусматривалось создание межсоюзнической комиссии с поочередно меняющемся руководством – представителями Великобритании, США и СССР. При полной или частичной оккупации страны союзными войсками полная ответственность за соблюдение законности и порядка возлагалась на главнокомандующего Объединенных Наций на оккупированной территории. Представительная комиссия Объединенных Наций по Европе из числа политических представителей высокого ранга от США, Великобритании, СССР, Франции и малых европейских союзников должна была действовать как наблюдательный орган, являясь «верховой властью Объединенных Наций в Европе». В ее функции входило направлять и координировать деятельность различных комиссий по перемирию, союзного главнокомандующего и любых гражданских властей, которые могли быть созданы, решать текущие вопросы военного, политического и экономического характера, направленные на поддержание порядка. Предусматривалось создание особого Руководящего комитета из представителей США, Великобритании, СССР и Франции. Оправдывая свое название, он должен был осуществлять соответствующие функции и действовать на основе «правила единогласия».

Судя по введенным в научный оборот документальным материалам, этот документ привлек внимание советского руководства позднее, непосредственно перед созывавшейся в Москве в октябре 1943 г. конференцией министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Для выработки принципиальной позиции по вопросам мирного урегулирования в начале сентября 1943 г. при Наркомате иностранных дел СССР были созданы специальные комиссии – по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (комиссия М. М. Литвинова), по вопросам перемирия (комиссия К. Е. Ворошилова), а также по возмещению ущерба, нанесенного СССР гитлеровской Германией и ее союзниками (комиссия И. М. Майского)². Среди материалов комиссии Ворошилова и нашла место означенная Памятная записка.

Ранее, в сентябре 1943 г., обсуждение советскими и английскими дипломатами ситуации в Венгрии показало, что Москва с готовностью восприняла условие безоговорочной капитуляции стран-сателлитов и впоследствии настаивала на его безусловном примене-

нии. Однако позиция западных союзников претерпевала изменения: как полезные и перспективные начали рассматриваться «мирные пробные шары со стороны вражеских государств»³, то есть попытки мирного зондажа со стороны оппозиционных элементов в странах «оси» и сателлитах. По предложению англичан, поддержанному американцами, вопрос о возможных переговорах с сателлитами был включен в повестку дня Московской конференции⁴. Упомянутая выше Памятная записка трансформировалась к тому времени в британскую платформу по вопросу об обращении союзников с Германией и другими вражескими странами в Европе *в течение периода перемирия* (здесь и далее курсив мой. – Т. В.)⁵. Советская сторона, таким образом, оказывалась перед согласованной позицией союзников, чья решимость выработать общую линию в отношении мирных зондажей со стороны вражеских государств подкреплялась к осени 1943 г. соответствующими не только венгерскими, но и румынскими инициативами⁶.

Важнейшим результатом Московской конференции стало создание Европейской консультативной комиссии (ЕКК) из представителей СССР, Великобритании и США с задачей «рассматривать европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать, и давать по ним трем правительствам совместные рекомендации». Особо оговаривалось пожелание в качестве первостепенной задачи как можно скорее выработать «детальные рекомендации по поводу условий капитуляции, которые должны быть предъявлены каждому из европейских государств, с которым любая из трех держав находится в состоянии войны, а также по поводу механизма, необходимого для обеспечения выполнения этих условий»⁷.

Таким образом, новому межсоюзническому консультативному органу предстояло осуществлять выработку и согласование будущих шагов по отношению к отпадающим от фашистского блока сателлитам Германии, включая Болгарию.

Московская конференция закрепила также и некоторые важные с точки зрения дальнейшей перспективы прецеденты, уже возникшие при практическом осуществлении союзнического контроля за выполнением перемирия. Прежде всего *итальянский прецедент*, когда такой контроль оказался всецело прерогативой той союзной державы, чьи войска вступили на территорию этой страны или нанесли ей поражение. Другим союзным державам отводились консультативные функции.

Что касается упомянутого выше принципиального вопроса о возможных мирных зондажах со стороны стран «оси», то советской стороне удалось преодолеть разногласия с британской делегацией и добиться крайне благоприятного для себя исхода обсуждения – признания, хотя и не зафиксированного в секретном протоколе, что переговоры с сателлитами Германии, воюющими против СССР, «могут быть только по вопросу о безоговорочной капитуляции» и что «советское правительство должно иметь решающий голос» в отношении этих стран. «Всякие другие переговоры – это несостоящие переговоры, они даже могут помешать решению главного вопроса, – подчеркнул в своем выступлении В. М. Молотов. – Во время теперешней войны переговоры могут идти не о перемирии, а только о капитуляции, о сдаче. [...] Я уже не говорю здесь о том, что контролировать проведение половинчатых мер невозможно»⁸. В то время Советский Союз находился в состоянии войны с Румынией, Венгрией и Финляндией, и, следовательно, в отношении именно этих стран был определен его приоритет при ведении переговоров. В секретный протокол конференции вошло решение «О линии поведения в случае получения пробных предложений мира от враждебных стран», согласно которому правительства условились взаимно информировать друг друга о любых «пробных предложениях мира» и консультироваться друг с другом в целях согласования своих действий⁹.

Возможность практического применения этой договоренности открылась в конце февраля – начале марта 1944 г., когда американские союзники сообщили Москву и Лондон об установлении контактов с болгарскими представителями и шансах начать переговоры о выходе Болгарии из войны¹⁰. К иницилирующим действиям болгар подтолкнули начавшиеся в январе бомбардировки Софии авиацией союзников. После «черного понедельника» – 10 января 1944 г., когда было совершено два налета на болгарскую столицу, бомбардировки приняли систематический характер, особенно усилившись к весне. Состояние войны с Болгарией ставило западных союзников в положение активных сторон при выработке в ЕКК условий для Болгарии, тогда как на долю СССР приходилась роль участника обсуждения предложенных партнерами проектов.

К тому моменту, как вопрос о выработке условий вывода Болгарии из войны перешел в практическую плоскость, советская сторона активизировала свою деятельность в стратегически важных для безопасности СССР регионах, в том числе и на Балканах. Предпринятые в этом отношении самостоятельные дипломатические шаги были

направлены на то, чтобы заставить болгар ослабить сотрудничество с Берлином. В нотах от 17, 26 апреля и 9 мая советское правительство заявило, что предоставление болгарскими властями территории страны для военных целей Германии несовместимо с «нормальными отношениями между СССР и Болгарией» и что «такое положение дальше терпимо быть не может»¹¹. Отрицая обвинения, болгарская сторона, действовавшая в тесном контакте с германским руководством, уклонилась от требований Москвы предоставить возможность представителям советского правительства провести на месте необходимую проверку фактов использования Германией болгарской территории и портов против Советского Союза. По совету из Берлина, переданному германским полномочным министром в Софии А. Бекерле, болгарские власти отказались также восстановить закрытое в 1942 г. консульство в Варне и открыть новые – в Бургасе и Русе. Их наличие, заявил Бекерле, «дало бы русским возможность констатировать факт, что в Варне действительно строятся корабли, необходимые германским войскам» для борьбы с русскими подводными лодками на Черном море, разминирования и пр.¹²

13 мая 1944 г. в совместном заявлении правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, обращенном к сателлитам гитлеровской Германии, союзники отметили, что Венгрия, Румыния, Болгария и Финляндия «своей нынешней политикой и позицией существенно укрепляют силу германской военной машины». «Эти государства, – говорилось в заявлении, – все еще могут путем выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с Германией и путем сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами сократить срок европейской борьбы, уменьшить свои собственные жертвы, которые они понесут в конечном счете, и содействовать победе союзников. [...] Чем дольше они будут продолжать участвовать в войне и сотрудничестве с Германией, тем более губительными будут для них последствия и тем более суровыми будут условия, которые им будут предписаны»¹³.

Действуя в отношении сателлитов вместе с союзниками, советская сторона предъявила Софии и собственные конкретные требования. Поставив в очередной раз в ноте от 18 мая 1944 г. вопрос об открытии консульств, советское правительство предупредило, что в противном случае оно «будет считать невозможным сохранение отношений с Болгарией как с государством, которое помогает и намерено помогать впредь гитлеровской Германии в войне против Советского Союза»¹⁴. Нажим советской стороны стал причиной отстав-

ки кабинета Д. Божилова, так и не решившегося пойти в условиях германского военного присутствия в стране против воли Берлина.

Но и новое болгарское правительство всячески оттягивало разрыв с Германией. Действуя по принципу «ни с теми, ни с другими», кабинет Ивана Багрянова усиленно маневрировал, стремясь не порывать с Германией и избегать разрыва дипломатических отношений с СССР¹⁵. По-прежнему решающую роль играли опасения, что в противном случае оба эти варианта приведут к оккупации страны. Однако налицо было намерение болгар улучшить отношения с Москвой. Помимо словесных заявлений, были предприняты и конкретные действия: из акватории Варненского порта удалены германские военные суда, возобновило работу советское консульство в Варне. Одновременно кабинет Багрянова, рассчитывая использовать противоречия внутри антигитлеровской коалиции, попытался найти выход в усилении контактов с Западом в целях обсуждения возможности заключения перемирия и выхода Болгарии из войны. Осенью 1944 г. этот процесс значительно активизировался. С болгарской стороны был предпринят зондаж возможности заключения Болгарией сепаратного мира с США и Великобританией. В Вашингтоне возобновились переговоры, которые вел представитель болгарских деловых кругов промышленник Георгий Киселов, а установление контактов с Лондоном было поручено бывшему председателю Народного собрания Стойчо Мошанову, известному своими англофильскими настроениями¹⁶. Секретная миссия Мошанова в Анкаре получила продолжение в конце августа 1944 г., когда он вновь направился в Турцию, а затем в Каир теперь уже для конкретных переговоров с Ближневосточным командованием союзнических сил¹⁷.

Капитуляция Румынии 23 августа 1944 г. осложнила ситуацию для болгарских верхов. Обрисованная в ноте от 18 мая готовность советской стороны пересмотреть отношения с Болгарией расценивалась в Софии как реальная перспектива советского военного вторжения. София попыталась снять угрозу, вновь заявив 26 августа 1944 г. о своем нейтралитете.

К переговорам с болгарскими о перемирии западные союзники подошли, согласовав между собой совместный проект, который 28 августа 1944 г. вручили председателю ЕКК Ф. Т. Гусеву. Советская сторона, ознакомившись с документом, сочла целесообразным не принимать участия в обсуждении выработанных союзниками условий и «предоставить правительствам США и Великобритании самим решить этот вопрос»¹⁸. Ф. Т. Гусев вместе с тем заявил о жела-

нии получать в неофициальном порядке информацию о возможных изменениях в проекте, и западные союзники, соблюдая достигнутые договоренности, регулярно сообщали о контактах с болгарами.

Устраняясь от переговоров, Москва опиралась на прецедент неучастия американцев в обсуждении условий перемирия с Финляндией, поскольку Соединенные Штаты не находились в состоянии войны с ней. Отказ советской стороны участвовать по аналогичной причине в каирских встречах соответствовал нормам международного права, хотя и лишал Москву возможности на том этапе непосредственно влиять на принятие решений по выводу Болгарии из войны. Однако в условиях приближения Красной Армии к границам Болгарии это обстоятельство не особенно беспокоило советскую сторону, не без оснований рассчитывавшую на добровольную «сдачу» союзниками Болгарии в соответствии с ведущейся сторонами большой политической игрой, связанной с разграничением сфер интересов. И расчет Москвы оправдался: в Каире союзники явно не стремились форсировать переговоры в ожидании очередного хода советской стороны, надеясь на встречные шаги советского руководства в других странах региона, в частности в Греции. В такой обстановке Болгария неумолимо двигалась к новому политическому кризису.

Советское руководство тем временем усилило нажим на Софию. Оно проигнорировало меры кабинета Багрянова по разоружению немецких частей, отступавших из Румынии через добруджанскую границу¹⁹, равно как и его требование вывода германских войск с территории страны. Попытка болгарского правительства внести таким образом некоторые важные изменения в отношения с германским союзником не нашла отклика в Москве. В ноте от 29 августа 1944 г., переданной поверенным в делах СССР в Болгарии Д. Г. Яковлевым министру иностранных дел Пырвану Драганову, советская сторона указала на то, что «по достоверным данным» Болгария оказывает «прямую помощь немцам в войне против Советского Союза»: пропускает в Румынию через свою территорию части вермахта²⁰. В действительности же дело заключалось в том, что болгарскому правительству не удалось добиться от Германии вывода из страны немецких войск, которые после разгрома Румынии отступали на фронт в Сербию²¹. Усилия правительства убедить Москву в своем нейтралитете оказались тщетными. 30 августа 1944 г. ТАСС опроверг слухи о признании и одобрении советским правительством нейтралитета Болгарии, подчеркнув его совершенную недостаточность в сложившейся обстановке²².

2 сентября 1944 г. в Болгарии был сформирован новый правительственный кабинет Константина Муравиева, составленный впервые за длительное время на партийной основе. В него вошли представители легальной оппозиции, традиционно ориентирующиеся на Запад, что само по себе должно было служить знаком новой политической ориентации страны. Это отметил и Г. Димитров в записке на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова от 4 сентября. В ней говорилось: «Новое правительство создано под давлением событий и народного движения с целью осуществить переход с позиций пронемецкого “нейтралитета” Багрянова на позиции соглашения с союзниками»²³. Однако Димитров крайне скептически оценивал возможности нового кабинета, указав, что «его политика неизбежно будет половинчатой»: правительство «явно непригодно для проведения решительной политики активного сотрудничества Болгарии с союзниками против немцев, для подавления сопротивления пронемецких, фашистских сил в стране, а также для преодоления пронемецкого, фашистского наследия... его можно рассматривать только как очень кратковременное правительство»²⁴.

Прогноз Димитрова подтвердился. Кабинет Муравиева в декларации от 4 сентября 1944 г. вновь провозгласил нейтралитет, на сей раз «полный» и «строгий». Советская сторона в ответ заявила, что болгарский нейтралитет выгоден лишь для Германии, а от Болгарии требуется полный разрыв с ней²⁵. Подчеркнутое недоверие к правительству Муравиева было проявлено в то время, когда советское военное командование завершало разработку операции «Болгария» – вступления Красной Армии в пределы страны. План был готов 4 сентября и на следующий день утвержден Ставкой Верховного Главнокомандования²⁶.

5 сентября 1944 г. СССР, предварительно проинформировав западных союзников, объявил, что разрывает дипломатические отношения с Болгарией и вступает в состояние войны с ней. Болгарскому полномочному министру в Москве Ивану Стаменову была вручена соответствующая нота советского правительства. С объявлением войны Советский Союз обрел по отношению к Болгарии статус воюющей страны, сравнявшись, таким образом, со своими западными союзниками. Это обстоятельство, помимо прочего, открывало перед Москвой новые возможности при обсуждении вопросов о будущем перемирии с Болгарией.

Расчеты советского руководства на то, что предпринятые им крайние меры возымеют действие, оправдались: кабинет Муравиева

рано утром 6 сентября принял решение разорвать отношения с Германией и обратиться к советскому правительству с предложением о перемирии. Вступление в силу этого решения по настоянию военного министра генерала Ивана Маринова было по военным соображениям (вывод болгарских войск из оккупированных Сербии и Македонии) отсрочено на 72 ч. Практически одновременно, 7 сентября, Болгария разорвала отношения с Италией, Хорватией и Словакией. Москва, получившая неожиданный временной выигрыш, никак не отреагировала на этот уже запоздалый шаг болгарской стороны.

Вплоть до 8 сентября 1944 г. советская сторона не предпринимала никаких военных действий по операции «Болгария». Однако, информированное через Георгия Димитрова о готовившемся в стране государственном перевороте, советское руководство активно содействовало его подготовке: авиация 3-го Украинского фронта в течение трех ночей перебрасывала оружие, боеприпасы, амуницию и другие военные грузы в район Добро-Поле и Црна-Трава (поблизости от болгаро-югославской границы), где формировалась Первая Софийская партизанская дивизия. Как сообщал командир партизанских сил Д. Знепольский, в результате удалось «отлично» вооружить около 10 тыс. болгарских и югославских партизан, а часть оружия даже отправить во внутренние районы страны²⁷. Советская сторона пошла навстречу просьбе Димитрова и об оказании материальной помощи болгарским коммунистам, выделив для этой цели 50 тыс. долларов²⁸.

«Выжидательная» позиция советской стороны, хотя говорить о ней можно с определенной оговоркой, дала возможность Отечественному фронту (ОФ) самостоятельно решить вопрос о власти, избежать возможных упреков западных союзников в прямом вмешательстве Москвы в болгарские дела. К моменту вступления Красной Армии в Болгарию 8 сентября 1944 г. комитеты ОФ действовали уже более чем в 160 населенных пунктах²⁹. В ночь с 8 на 9 сентября был нанесен основной удар по правительственным учреждениям в Софии, а в 6 часов утра 9 сентября премьер-министр нового правительства Кимон Георгиев объявил по столичному радио о переходе власти в руки Отечественного фронта и о готовности нового коалиционного правительства всеми силами и средствами способствовать изгнанию немцев с Балканского полуострова. 9 сентября 1944 г. по приказу Верховного Главнокомандующего Сталина операции Красной Армии в Болгарии были завершены³⁰. В тот же день правительство ОФ направило в штаб 3-го Украинского фронта к генералу армии Ф. И. Толбухину полномочную делегацию для переговоров об ус-

ловиях перемирия с Объединенными Нациями и об установлении взаимодействия советских и болгарских войск в будущих военных действиях на Балканах.

В новой обстановке ведущая роль в болгарском вопросе перешла к Советскому Союзу, поскольку советские вооруженные силы находились на территории страны. Представитель СССР в ЕКК уведомил членов комиссии, что советское правительство считает необходимым заново обсудить в ЕКК условия перемирия. Не ограничиваясь отдельными поправками и дополнениями к проекту перемирия, предложенному ранее англичанами и американцами, советская сторона 12 сентября внесла в ЕКК свой проект.

Камнем преткновения, как показывают архивные материалы, стали, по существу, три пункта советского проекта: о месте подписания перемирия и подписантах от имени союзников; о статусе Болгарии по отношению к Объединенным Нациям после ее присоединения к ним; об организации союзнического контроля в Болгарии и принципах деятельности Союзной контрольной комиссии (СКК).

Основными оппонентами являлись советские и английские представители. Американцы поначалу заняли осторожно-уклончивую позицию, претендуя, таким образом, на роль посредника. Отсюда компромиссный характер их предложений, который фактически все же означал поддержку англичан³¹.

Вопрос о том, кто будет подписывать перемирие от имени союзников – представитель Советского Главнокомандования или Верховного Командующего Союзников в Средиземном море, – после обсуждения решился на компромиссной основе: подписание договорились поручить двум представителям. По уполномочию правительств трех держав эта задача возлагалась на маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина и генерал-лейтенанта Джеймса Гаммеля. Местом подписания была определена Москва, как это и предлагал советский проект (англичане настаивали на Каире).

По второму вопросу была принята позиция западных союзников. Предложено было отметить факт разрыва Болгарии с Германией и прекращения состояния войны с Объединенными Нациями. Вместо же констатации фактического участия Болгарии в войне против Германии*, на чем настаивала советская сторона,

* 16 сентября 1944 г. Болгарская армия была подчинена в оперативном отношении командованию 3-го Украинского фронта. В его составе в октябре 1944 г., еще до подписания Соглашения о перемирии, участвовала в Брегалницко-Струмишской, Страцинско-Кумановской

предлагалось указать на обязательство Болгарии предоставить свои войска для действий под советским командованием. Таким образом, уже на этой стадии обозначился будущий спорный вопрос, имевший ключевое для судьбы Болгарии значение, – о статусе совоюющей стороны.

По вопросу об СКК стороны согласились с американским предложением разделить весь период перемирия на два этапа: 1) от заключения перемирия до окончания военных действий в Европе и 2) от окончания военных действий до подписания мирного договора с Болгарией. Общее руководство Комиссией на первом этапе было оставлено за Союзным (Советским) Главнокомандованием, а вопрос о втором этапе вызвал острые споры. Но преодолеть разногласия на стадии обсуждения в ЕКК не удалось. Западные союзники предлагали, чтобы СКК действовала на втором этапе в соответствии с инструкциями правительств трех стран. Это означало, что ведущая роль СССР в СКК признавалась союзниками только на первом этапе, а в дальнейшем ее должно было сменить «равное участие» трех держав. Для советской стороны такой подход был неприемлемым, рассматривался как неизбежное ущемление прерогатив советских представителей в СКК в дальнейшем. Москва допускала возможность некоторого расширения в будущем компетенции западных представителей в СКК, однако выработать четкую позицию относительно второго этапа перемирия союзники не смогли и в окончательном документе. В Соглашение о перемирии было включено советское определение, что СКК учреждается «на весь период перемирия» и будет решать возложенные на нее задачи «под председательством представителя Союзного (Советского) Главнокомандования с участием представителей Соединенного Королевства и Соединенных Штатов»³². Американские представители оставили за собой право позднее вернуться к вопросу об организации работы СКК на втором этапе, однако эта оговорка не была зафиксирована ни в тексте Соглашения, ни в прилагавшемся к нему протоколе³³.

Готовя подписание Соглашения о перемирии с Болгарией, союзники опирались на уже имевшиеся аналогичные документы по Италии и Румынии, закрепившие приоритеты, соответственно, западных и советских интересов и доминирующую роль Запада

и Белградской наступательных операциях. Впоследствии вела бои на Дунайском стратегическом направлении, внося вклад в освобождение Северной Югославии, Южной Венгрии и Австрии.

и Востока при решении вопросов будущего развития указанных стран. Документы, однако, свидетельствуют, что в болгарском случае события разворачивались не столь гладко, как можно было ожидать, исходя из признания союзниками по антигитлеровской коалиции принадлежности Болгарии к советской сфере влияния. Стороны, безусловно, были настроены на диалог и принятие консолидированных решений, однако при этом не упускали возможности «утяжелить» свой собственный вес и влияние в Болгарии, подчас пересмотреть согласованные ранее позиции. Нарастание напряженности в отношениях между великими державами уже давало себя знать. Болгария на этапе подготовки Соглашения о перемирии явилась ареной достаточно жесткого противостояния союзников по антигитлеровской коалиции, пробы их сил и установления допустимых пределов как наступления, так и отступления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0511. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 34–37.

2 *Филитов А. М.* В комиссиях Наркоминдела... // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–71.

3 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1978. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сборник документов (далее – Московская конференция...). С. 48, 380.

4 Там же. С. 274.

5 Там же. С. 60–62.

6 *Гибянский Л. Я.* Советский Союз и соглашения о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией // *Études balkaniques*. Sofia, 1983. № 1. P. 6–8.

7 Московская конференция... С. 348.

8 Там же. С. 187–188.

9 Там же. С. 343–344.

10 *Калинова Е.* Победители и Бългрия. 1939–1945. София, 2004. С. 31.

11 Нота миссии СССР в Болгарии правительству Болгарии по вопросу об учреждении трех советских консульств. 18 мая 1944 г. //

Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы: в 3-х томах. М., 1976. Т. 1. Ноябрь 1917 – сентябрь 1944 г. С. 593–594.

12 Служебная записка министра иностранных дел Болгарии Д. Шишманова по вопросу об открытии советских консульств в Варне, Бургасе и Русе. 8 мая 1944 г. // Там же. С. 592.

13 Заявление правительств Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, обращенное к сателлитам гитлеровской Германии – Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии. 13 мая 1944 г. // Там же. С. 593.

14 Нота миссии СССР в Болгарии правительству Болгарии по вопросу об учреждении трех советских консульств. 18 мая 1944 г. // Там же. С. 594.

15 *Мигев В.* Иван Багрянов (1891–1945) // Български държавници и политици. 1918–1947. София, 2000. С. 168–184.

16 См., например: *Пинтев С.* Англия и мисията на Стойчо Мошанов в Кайро // Векове. София, 1981. Кн. 5.

17 Подробнее см.: *Мошанов Ст.* Моята мисия в Кайро. София, 1991.

18 АВП РФ. Ф. 6. Оп. 6. П. 34. Д. 403а. Л. 2.

19 Циркулярная шифрованная телеграмма МИД Болгарии представительствам в СССР, Турции, Испании, Швеции, Венгрии, Германии и др. об указании правительства разоружать немецкие части, идущие через Болгарию. 26 августа 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи. С. 599.

20 Нота правительства СССР правительству Болгарии с предложением немедленно прекратить пропуск немецких войск на румынскую территорию. 29 августа 1944 г. // Там же. С. 600.

21 Болгария // Русский архив. 14-3(2). Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной и Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944–1945. М., 2000. С. 84.

22 Опровержение ТАСС по поводу так называемого «болгарского нейтралитета» // Известия. 30 августа 1944 г.

23 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1130. Л. 16.

24 Там же.

25 *Калинова Е.* Победители и България... С. 105.

26 План представителя Ставки Верховного Главнокомандования и командования 3-го Украинского фронта на болгарскую операцию, представленный Верховному Главнокомандующему Красной Армии. 4 сентября 1944 г. // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София, 1999. С. 190–192.

27 *Винаров И.* Бойцы тихого фронта / Сокращ. перевод с болг. яз. София, 1987. С. 368–369; *Калинова Е.* Победители и България... С. 105.

28 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1130. Л. 18; Д. 1131. Л. 57; *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 436, 438.

29 *Иусов М.* Политическите партии в България. 1944–1948. София, 1978. С. 16; *Петрова Сл.* Борбата на БРП за установяване на народнодемократичната власт: май – септември 1944 г. София, 1965. С. 213.

30 Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 234.

31 *Гибанский Л. Я.* Советский Союз и соглашения о перемирии... С. 21.

32 Советско-болгарские отношения и связи. М., 1981. Т. 2. Сентябрь 1944 – декабрь 1958 г. С. 39.

33 *Гибанский Л. Я.* Советский Союз и соглашения о перемирии... С. 23; Советско-болгарские отношения и связи... Т. 2. С. 37–40.

Volokitina T. V.

Between war and peace: the Soviet Union and the preparation of Peace Agreement with Bulgaria

The article analyses the positions of the USSR and the Allies concerning the Armistice Agreement with Bulgaria in 1944.

Keywords: *the USSR, Allies, Bulgarian policy of neutrality, preparation of the Armistice Agreement with Bulgaria.*

О. Г. Казак
(Минск)

Русофильская интеллигенция в национально-культурной жизни Подкарпатской Руси (1939–1944)

В статье рассматриваются основные направления деятельности русофильски настроенной интеллигенции Подкарпатской Руси в период вхождения региона в состав Венгрии, характеризуются механизмы адаптации частью представителей интеллектуальных кругов своих русофильских взглядов к условиям неблагоприятной идеологической конъюнктуры. Культурно-идеологический ландшафт Подкарпатской Руси показан как сложный и неоднородный комплекс, в котором роль русофильского направления определялась сочетанием ряда факторов.

Ключевые слова: *русины, русофилы, «угро-русинизм», идентичность.*

Подкарпатская Русь (сегодня – Закарпатская область Украины) является регионом с богатой историей различных опытов этнокультурной инженерии в отношении коренного восточнославянского населения, традиционно именовавшего себя этнонимом «русины». После краха монархии Габсбургов Подкарпатская Русь вошла в состав Чехословакии, что открыло для местной интеллигенции довольно широкие возможности свободного выражения своих воззрений в прессе и публицистике, впрочем, при определенных предпочтениях Праги приверженцам проукраинских идей (особенно в 1920-е гг.). В указанный период интеллектуальные элиты региона представили на суд общественности несколько моделей идентичности восточнославянского населения, которые, при определенной доле упрощения, можно определить как русофильскую, украинофильскую и русинофильскую. Согласно определению М. Ю. Дронова, «сам термин *русофильство* применительно к русинам, как правило, понимается совершенно иначе, чем в случае, когда речь заходит, например, о симпатизирующих русским и их культуре немцах, французах или даже западных и южных славянах. Последние, хотя и акцентировали свое положительное отношение к русскому народу, все же не отождествляли себя с ним. Напротив, именно такое отождествление имело место быть у русофильски ориентированных русинов»¹.

Во главе русофильского спектра общественно-политической жизни Подкарпатской Руси стояли А. И. Бродий и С. А. Фенцик – лидеры влиятельных в межвоенный период партий Автономный земледельческий союз (АЗС) и Русская национально-автономная народная партия (РНАНП) соответственно. Из названий данных партий становится понятно, что основной целью их программ являлось достижение обещанной Прагой автономии для Подкарпатской Руси. Их стремление находило поддержку у венгерских властей. Так, уже в 1922 г. Бродий и его коллега по партии И. Каминский установили контакты с представителями провластных кругов Венгрии и получили гарантии финансирования своей деятельности². Спонсирование указанных партий продолжалось весь межвоенный период. При этом вопрос автономии Подкарпатской Руси был для руководства Венгрии прежде всего средством дестабилизации ситуации в Чехословакии для реализации собственных ревизионистских планов, а отнюдь не заботой о судьбе русинского населения региона. Так, министр иностранных дел Венгрии К. Каня во время переговоров с польской делегацией в апреле 1936 г. делился своими планами относительно вопроса предоставления автономии Подкарпатской Руси: если бы правительство Чехословакии предоставило региону обещанную автономию, Каня предлагал представителям партии АЗС дискредитировать этот акт в парламенте и сорвать его путем выдвижения таких условий, которые правительство ни в коем случае не смогло бы удовлетворить. Министр иностранных дел полагал, что это могло бы быть требование предоставить краю такую автономию, какой пользовалась Хорватия в составе Австро-Венгерской империи. Польская сторона обещала поддержать данную инициативу³.

Польские властные элиты также поддерживали автономистское движение в Подкарпатской Руси. Регион рассматривался польской стороной с точки зрения установления в будущем общей польско-венгерской границы. Так, например, в финансировании газет, издаваемых С. А. Фенциком в 1930-е гг., активное участие принимал консул Польши в Ужгороде⁴. Между представителями венгерских и польских политических элит велись активные обсуждения ситуации в Подкарпатской Руси на протяжении всего межвоенного периода. Данный вопрос, например, стал темой переговоров консула Венгрии в Братиславе Д. Петровича с консулом Польши в Ужгороде М. Халупчинским. Венгерская сторона считала необходимым остановить финансирование партийных структур Бродия и Фенцика и сосредоточиться на поддержке русинофильского крыла общественно-

политического спектра региона. М. Халупчинский предлагал осуществить данную корректировку совместного курса в отношении Подкарпатской Руси уже после присоединения края к Венгрии, а до этого продолжить сотрудничество с АЗС и РНАНП, которые могли выступать активным противовесом украинофильским политикам и общественным деятелям⁵.

Дальнейшие события фактически развивались согласно сценарию польского консула. В условиях поэтапного восстановления венгерского господства в регионе (ноябрь 1938 г., март 1939 г.) был разработан новый идеологический курс, получивший название «угрорусинизм». Утверждалось, что местные русины являются отдельным народом, которому одинаково чужды прорусские и проукраинские настроения. Также подчеркивалась историческая верность восточнославянского населения идеям венгерской государственности, в рамках которой было возможно развивать местную культуру. При этом на официальном уровне постоянно отмечалось, что любая попытка использовать языковой и культурный аспекты в политических целях должна жестко пресекаться⁶.

В данных условиях А. И. Бродий и С. А. Фенцик выступили с заявлениями, которые, с одной стороны, демонстрировали их лояльность новому режиму, с другой же стороны – свидетельствовали об их серьезных амбициях. Так, в одной из статей Бродия утверждалось следующее: «Сильное государство то, в котором человек как единица сумеет поставить все свои физические, духовные, моральные и душевные силы на пользу общего блага целого народа. Быть стойкими и убежденными членами народного единства, здоровой и полезной частью единого тела, вечная жизнь и лучшая будущность которого мыслима лишь в рамках давнего нашего отечества короны Святого Стефана. [...] Время опять приказывает мне быть во главе своего народа и – как в прошлом – непоколебимой и твердой рукой повести его к объединению с Венгрией»⁷. Фенцик со страниц издания «Карпаторусский голос» пытался позиционировать особую роль членов РНАНП и «гвардии чернорубашечников» (полувоенного радикального молодежного объединения его сторонников) в деле присоединения региона к Венгрии: «На протяжении тысячи лет мы шли всегда рука об руку с венгерским народом, участвовали в блеске и величии Венгрии, помогали ему в трудные минуты его истории, скорбели вместе с ним в минуту тяжких исторических ударов и страданий... Венгрия гарантировала нам полную национальную и культурную автономию, гарантировала нам избавление от украин-

ско-чешских марксистских политиков и авантюристов. Венгры решили вместе с нашими чернорубашечниками бороться до последней капли крови за освобождение Карпатской Руси⁸; венгерские солдаты с вернейшими сынами карпаторусского народа, первыми карпаторусскими легионерами-гвардейцами – членами Русской Народной Гвардии Чернорубашечников, своей кровью освобождали русские Карпаты от чешско-украинских угнетателей⁹. Сразу после Венского арбитража ноября 1938 г., когда к Венгрии была присоединена часть Подкарпатской Руси с городами Ужгород, Мукачево, Берегово, Фенцик обратился к министру внутренних дел Венгрии с просьбой передать помещения украинофильской организации «Просвита» в пользование «карпаторусским культурным организациям и гвардии чернорубашечников». Интересно, что центральные власти Венгрии были более благосклонны к начинаниям экстравагантного политика. Так, советник министра Я. Пашканади в письме наджупану Ужанской жупы Ю. Дюричу предлагал принять проект Феницка, так как он мог служить «противодействием чешской пропаганды» и демонстрацией наличия в регионе «лояльных карпатороссов». Советник министра делал следующее заключение: «Поэтому справедливо, что центр украинской пропаганды, который на протяжении 20 лет получал многомиллионную помощь, будет передан карпаторусским организациям и чернорубашечникам»¹⁰. Однако наджупан позволил себе не согласиться с мнением сотрудника министерства внутренних дел, отметив, что культурная жизнь русинов должна регулироваться правовыми основами будущей автономии, а для ее успешной реализации недопустимо делать кому-то «специальные уступки»¹¹.

По прошествии чуть более месяца Ю. Дюрич в письме министру внутренних дел Венгрии пояснил свое недоброжелательное отношение к Фенцику и его соратникам: «15 марта, когда венгерские сыновья проливали кровь в Карпатах, штаб чернорубашечников забавлялся в увеселительных заведениях Ужгорода, и это шокировало венгерских жителей города. По конфиденциальной информации, члены гвардии в последующие дни занимались тем, что там, где население с радостью устанавливало венгерский флаг и с восторгом встречало венгерские войска, чернорубашечники убеждали население, что это “русская” территория по своей природе, заменяли венгерские флаги русскими триколорами. Это можно было наблюдать во многих местах»¹². Негативная оценка деятельности Фенцика и его ближайшего окружения прослеживается и в аналитической записке Ужгородского отделения контрразведки штаба 8 корпуса венгерских войск от

1 ноября 1939 г.: «Почти все без исключения являются ненадежными великорусскими националистами, исповедующими панславистские принципы. Многие люди не знают венгерский язык, и многие настолько ослеплены, что хотя и хорошо его знают, не хотят говорить по-венгерски. Почти все являются молодыми людьми в возрасте до тридцати лет, многие из которых имеют симпатии к Советской России и не имеют никаких симпатий к венграм»¹³. Работники этой же военной структуры обращали внимание на опасную с точки зрения государственной безопасности деятельность А. И. Бродия. Так, относительно курируемого им издания «Русское слово» отмечалось, что публикуемый там материал отличается «сильным панславизмом»¹⁴.

Представители венгерской власти в регионе в целом негативно оценивали проявления русофильских настроений в среде местной интеллигенции. Так, жупан жупы Унг – Берек – Угоча А. Шименфалви в письме полицейскому капитану Мукачево Я. Помпеньи сетовал на наличие в городе вывесок на русском языке, мемориальной доски в честь А. С. Пушкина на стене гимназии. Недовольство руководителя административной единицы вызывали также следующие факты: главная площадь города носит имя А. Митрака (известный культурный деятель русофильской ориентации конца XIX в., автор венгерско-русского словаря), государственный переводчик Г. Байет делает переводы официальных документов с венгерского языка на русский¹⁵. Следует отметить, что в 1939–1940 гг. шел активный процесс смены вывесок на зданиях учреждений региона. Как правило, вывески на чешском языке заменялись вывесками на венгерском языке, а на месте русскоязычных вывесок появлялись вывески на русинском языке (в частности, такая практика наблюдалась в Раховском округе¹⁶). Русофильская пресса с живостью откликнулась на данный шаг раховской администрации. В «Русской правде» (газета А. И. Бродия, с 1940 г. – «Русское слово») появилась заметка, в которой новый язык вывесок объявлялся «не соответствующим элементарнейшим грамматическим правилам», «портящим братские отношения между двумя равноправными народами»¹⁷. В иной статье этой же газеты вывески на русинском языке именовались как «малые, обыкновенно неграмотно написанные русские надписи»¹⁸. Вскоре после письма А. Шименфалви бюст А. Митрака был перенесен из Мукачево в одно из пригородных сел, и только личная инициатива С. А. Фенцика, который обращался с многочисленными жалобами в компетентные органы, помогла вернуть бюст русофильского деятеля в город¹⁹. Следует отметить, что венгерские власти активно поль-

зовались подобного рода манипуляциями с исторической памятью населения Подкарпатской Руси. Так, в ночь с 22 на 23 мая 1939 г. с одной из улиц Ужгорода неизвестными был украден бюст А. Добрянского – одного из «русинских будителей» XIX в., последовательного приверженца прорусских идей²⁰. Причастность властей к этому делу уже в то время не вызывала сомнений.

Серьезные сложности возникли и с регистрацией русофильских общественных организаций, в том числе и центральной русофильской институции региона в межвоенный период – «Общества имени А. В. Духновича». С. А. Фенцик как избранный секретарь организации в своем письме министру внутренних дел перечислил достижения «Общества имени А. В. Духновича» в предыдущие годы, заявив при этом: «Я осмелюсь заметить, что по данным официальных кругов около 70% культурной работы в Подкарпатье выполнило “Общество имени А. В. Духновича”, при этом с 1932 г. оно не получило от государства ни филлера, в то время как украинская “Просвита” получила в сумме больше миллиона»²¹. Со страниц «Карпаторусского голоса» Фенцик позиционировал организацию как чуждую всякой политической деятельности, а также, сохраняя свою приверженность русофильским идеям, все же пытался сделать некоторые реверансы в сторону официального курса «угро-русинизма»: «“Общество Духновича” никогда не проводило москвофильской тенденции, ибо это была бы политика, общество же работало чисто на культурной почве. Свои издания общество выпускало на литературном языке, на котором писали все наши писатели и культурные деятели, и никогда не отступало от их заветов. Но общество не пренебрегало также фольклором, и десятки произведений написано на народном говоре»²². При утверждении устава, однако, возникли определенные трудности. Так, наджупан Ужанской жупы в письме министру внутренних дел высказал свои мысли по этому поводу. В частности, он предлагал заменить в уставе определения «русский» и «угро-русский» на «русинский» («рутенский»), исключить упоминание тех целей организации, которые выходили за рамки культурной деятельности²³. В конечном счете традиционные для организации определения «русский» и «угро-русский» в уставе были сохранены, однако формулировка цели соответствовала пожеланиям представителя венгерской власти: «Воспитывать культурный и нравственный дух угро-русов, живущих на территории Венгрии, заботиться о братстве венгров и русских, содействовать хозяйственному и духовному развитию Подкарпатья. Политика полностью исключается

с повестки дня»²⁴. «Общество имени А. В. Духновича» продолжило неактивную деятельность в период венгерского господства и было запрещено правительством просоветского квазигосударства «Закарпатская Украина» в начале 1945 г.²⁵

Судьба другого крупного русофильского объединения – «Школьная помощь» – сложилась еще менее завидно. Данная организация в межвоенный период занималась издательской деятельностью, доходы от которой шли на содержание двух общежитий для учащейся молодежи в Ужгороде и Мукачево. Представитель государственного департамента печати Й. Тороцкой в одной из аналитических записок называл типографию «печатным станком для русских эмигрантов низкого уровня», доходы от которого идут «на воспитание молодежи не в русинском, а в великорусском духе»²⁶. Правительственный комиссар Э. Малинич, специально уполномоченный решить вопрос существования «Школьной помощи», предлагал сохранить организационную структуру и органично использовать ее в деле распространения курса «угро-русинизма». По мнению Малинича, лишенная былого русофильского характера организация должна была существовать для того, чтобы дать «сыновьям угро-русского народа культурное образование в венгерской идее, укрепить свято-стефанскую мысль»²⁷. Анонимный автор печатного органа А. И. Бродий (последний был тесно связан с организацией «Школьная помощь» – в ее типографии, например, на протяжении некоторого времени и выходила газета «Русская правда»²⁸) подверг резкой критике деятельность Малинича, а также заявил о том, что «Школьная помощь» организует свою работу «по нужному пути» и «не нуждается в правительственном комиссаре»²⁹. Известно, что сам Бродий вел переговоры с представителями венгерской администрации в регионе, пытаясь добиться возможности возобновления деятельности организации³⁰. Достичь каких-либо результатов русофильский деятель не сумел, и в 1941 г. типография и значительная часть имущества «Школьной помощи» были переданы «Подкарпатскому обществу наук» – крупнейшей организации академического типа в регионе, действовавшей в русле политики «угро-русинизма»³¹.

В русскоязычных газетах региона («Русская правда» / «Русское слово» и «Карпаторусский голос») наряду с хвалебными строками в адрес руководства Венгрии помещался и критический материал, направленный в первую очередь против политики «угро-русинизма». Одним из важных элементов данного идеологического курса стала дискредитация традиционно свойственных значительному числу

местной интеллигенции русофильских идей. Этот феномен проявился, например, в научном исследовании венгерского слависта с русинскими корнями Ш. Бонкало, которое вышло в 1940 г. и носило название «Русины». Автор объяснял приверженность значительной части интеллигенции Подкарпатской Руси XIX – начала XX в. (прежде всего «русинских будителей» А. Духновича и А. Добрянского, а также М. Лучкая, И. Раковского и др.) панславистским и русофильским идеям главным образом деятельностью русских шпионов. При этом Бонкало утверждал, что среди местного населения идеи русофильски настроенной интеллигенции не имели существенного отклика, а также считал произведения таких авторов низкокачественными с художественной точки зрения (так, знаменитое «русинское кредо» авторства Духновича он назвал «примитивным и наивным»)³². И. Андрашко – автор развернутой рецензии на труд Бонкало – отвергал предложенную последним трактовку русинской идентичности населения региона, которому приписывалась чуждость любых прорусских симпатий, и считал доводы слависта попыткой «доказать, что дорога, которой веками шли наши предки и на которой ныне и мы стоим, – ошибочна, и попали мы на нее по одному лишь недоразумению»³³.

Резкую критику русофильски настроенной интеллигенции Подкарпатской Руси вызвала попытка кодификации русинского литературного языка на основе местных говоров (грамматики Ю. Марины и И. Гарайды). Приведем некоторые пассажи из анонимной критики грамматики русинского языка, опубликованной на страницах «Карпаторусского голоса»: «Литературный язык всегда до некоторой степени отличается от языка разговорного. Или великодоброгский крестьянин говорит так, как писал великий Петефи, Верешматри? Или саксонские рабочие говорят тем языком, каким написал свои бессмертные произведения гений Гете?³⁴ [...] Язык Продана (молодой писатель региона. – О. К.) более чистый и более правильный, более совершенный. И не нисходить же Продану к уровню крестьянина, но нужно стремиться этого последнего возвысить на уровень Продана. Вот вам задача и цель»³⁵. Интересно, что аргументы автора данной статьи были фактически идентичны доводам русофильских интеллектуалов региона во второй половине XIX в. В частности, в программной статье издания «Новый свет» за 1871 г. утверждалось следующее: «Слабым детям необходимо молоко, а не грубый, черствый хлеб; – а наш народ в деле грамоты, в большинстве своем, действительно, находится еще в детстве. Но из этого не следует, что его нужно навсегда оставить на этом месте»³⁶.

На страницах изданий А. И. Бродия языковая политика венгерских властей определялась как «насилие над нашей родной речью»³⁷. Авторы (как правило, не называющие своих имен) часто с нескрываемой иронией оценивали попытки кодификации русинского литературного языка: «В таблице химических элементов Менделеева остались еще пустые, незаполненные места, которые химики упорным трудом стараются заполнить. По-видимому, также в таблице языков есть еще пустые места для открытия новых языков. Иначе и объяснить себе нельзя упорное стремление некоторых языковедов открыть новый язык смешением всех языков или их ужасным исковерканием. Это не создает нового языка, а только безмозглое язычие»³⁸. В подобном тоне выражал свои мысли и анонимный автор заметки в «Карпаторусском голосе»: «Мы желаем доказать миру, что в изобретениях и находчивости не уступаем другим народам. Хотим доказать также и то, что действительно не спим, не отстаем в области нашей лингвистики, но упорно изобретаем новые и новые грамматические схемы. И в самом деле, вряд ли найдется еще в нынешнем веке конкурент, который мог бы соперничать с нами в продукции “грамматики языка”. В этом мы непобедимы и достигли рекорда»³⁹.

Не вся информация с резкой критикой национально-культурной жизни Подкарпатской Руси проходила цензуру и появлялась в печати. Так, цензор из Будапешта Л. Берия-Балога курировал издания А. И. Бродия⁴⁰. В филиале Государственного архива Закарпатской области (г. Берегово) сохранились гранки газет «Русская правда». Их анализ дает возможность установить, какого рода информация казалась наиболее опасной венгерскому цензору. Например, из текста парламентской речи Бродия были вычеркнуты его слова о более благоприятных условиях для студентов из Подкарпатской Руси в период чехословацкого господства, неподготовленности венгерской общественности к решению проблем русинского населения региона, необходимости предоставления автономии краю⁴¹. Некоторые статьи целиком изымались из уже подготовленного к печати номера газеты. Как правило, в них звучала острая критика политики венгерских властей в культурной и языковой сферах⁴², декларировалось плохая осведомленность властных элит и общественности Венгрии в делах Подкарпатской Руси⁴³.

Русофильские издания утверждали, что их деятельность ограничивается исключительно культурным полем. Типичным в этом плане является выдержка из публикации в «Карпаторусском голосе»: «Русскость – явление глубоко идеологическое, бытовое, тради-

ционное и политической окраски не имеет. Тысячу лет мы считали себя русскими и, тем не менее, оставались под короной Святого Стефана, ибо карпатская русскость не означает карпаторусской иреденты»⁴⁴. С. А. Фенцик в своей программной статье, посвященной двухлетней годовщине присоединения региона к Венгрии, говоря об «угрорусском народе», отмечал: «Было бы ошибкой видеть в этом названии какие-то посторонние политические моменты. Наш народ угрорусский без всякой политики, он был угрорусским еще тогда, когда ни о политике, ни о всяких этнографических, языковых и партийных учениях не имел ни малейшего понятия. Русскость нашего народа – это исторический факт, и ее не могут поколебать факторы политические и партийные, как сложившиеся значительно позже»⁴⁵. Декларируя свою аполитичность, Фенцик, однако, занимался активной пропагандой фашистских идей: «Фашизм – явление новое, передовое, прогрессивное. Демократия одряхла, обанкротилась. Ей на смену идет фашизм как концентрация народных сил. Фашизм конструктивен. Его задача не разрушать, а строить»⁴⁶. На страницах своего печатного органа Фенцик излагал свое видение будущего Европы: «Национализм должен во всем мире победить иудо-марксизм, гримирующийся под демократизм, либерализм и атеизм. Европа как духовное сердце мира должна на основе национальных идей сгруппировать все народы, объединить все человечество и обеспечить ему лучшую будущность. Английский империализм в сегодняшней борьбе на жизнь и смерть репрезентует старый, отживший капиталистический порядок, против которого восстал новый, трудовой порядок, репрезентуемый национал-социализмом и фашизмом»⁴⁷. Партия Фенцика активно сотрудничала с российской белой эмиграцией и русскими националистами, в частности, с К. Родзаевским. Фенцик с начала 1930-х гг. был почетным членом основанной последним Российской фашистской партии, действовавшей в Харбине (Маньчжурия). Даже газета «Наш путь» (печатное издание РНАНП) была названа так в подражание аналогичному изданию харбинских фашистов⁴⁸. Деятельность Фенцика и его окружения активно освещалась в эмигрантских русскоязычных изданиях профашистского толка⁴⁹. На кадрах видеохроники выступлений Фенцика видно, что его основной публикой были молодые люди с российскими триколорами, которые слушали своего вождя, вскинув руки в традиционном нацистском приветствии⁵⁰. Такая деятельность политика вызывала беспокойство венгерских правящих кругов⁵¹.

А. И. Бродий, как и Фенцик, декларировал возможность сочетания русофильских настроений в культурной сфере с лояльностью венгерскому государству. Данные идеи были изложены в работе Бродия «Панславизм и русины Карпатской земли», опубликованной в немецкоязычном венгерском издании «Юго-восточное немецкое обозрение» («Südostdeutsche Rundschau») в 1943 г. и основанной на тексте выступления политика в венгерском парламенте в ноябре 1939 г. «Панславизм так и остался сном, а сегодня уже нет и сна», – писал Бродий о событиях 1848–1849 гг. Согласно его интерпретации, в то время русские войска впервые пересекли Карпаты – «природную границу между Востоком и Западом». Бродий считал, что на момент написания его статьи СССР не собирался переступить Карпаты, а если бы и сделал это, то рассматривал бы регион лишь в качестве «трамплина, который служил бы маской “защиты расы”», для дальнейшего продвижения к Адриатическому морю. В связи с этим, на взгляд Бродия, становилось ясно, сколь тесно судьба русинов переплетена с судьбой венгерской нации⁵². Кроме того, в «Русском слове» была перепечатана статья из издания «Пестер Ллойд» («Pester Lloyd») за 1942 г. «Панславизм, германство и мадьярство». Автор данного материала делал вывод, что в то время Германия и Венгрия противостояли угрозе панславизма, которая становилась «страшной и опасной реальностью»⁵³.

Несмотря на схожесть позиций, отношения между Бродием и Фенциком оставались напряженными. Так, Фенцик неоднократно обвинял Бродия в узурпации права выражать интересы русинов⁵⁴. Когда издание Бродия «Русская правда» из-за проблем с финансированием на некоторое время прекратило свой выход, в «Карпато-русском голосе» появился насмешливый некролог на сей счет⁵⁵. На страницах печатного органа Бродия публиковались материалы с язвительной критикой его основного политического конкурента. Примером может служить четверостишие Г. Керчи «Бесславному потомку» (С. А. Фенцик был племянником известного русофильского писателя Е. А. Фенцика):

Говорил он в свое время:
«От чего-то до Камчатки»;
А теперь сам за деньжонки
Сном уснул глубоким, сладким...⁵⁶

С началом венгерского господства выкристаллизовывается и набирает силу особое течение русофильского лагеря, приверженцы

которого ориентировались на СССР, видя в нем главный оплот общерусских, общеславянских идей. Особенно сильными данные настроения стали после коренного перелома в ходе Второй мировой войны, когда присоединение региона к СССР представлялось реально возможным. Таким образом, феномен «просоветского русофильства» отображал сочетание традиционных русофильских идеалов и романтизированных представлений о советском строе.

Группа молодых русофилов просоветского течения сформировала свои литературные школы в Ужгороде, Мукачево, гимназиях Хуста, издала шесть литературных альманахов. Среди наиболее успешных писателей-русофилов следует отметить Г. Керчу (псевдонимы Таня Верховинка, ГИК, В. Горемыка, В. Горькоуст), Г. Гойду (псевдоним Карпатский), В. Сочку (псевдоним Боржавин), К. Гласа (псевдоним Красин, Вершан), М. Шпитсера (псевдоним Вершинский, Беспризорный) и др. Авторы, произведения которых выходили на страницах официальных изданий в военное время, не могли явно демонстрировать свою приверженность идеям воссоединения с СССР. Поэтому в своих работах они чаще использовали символические образы. К. Глас, например, для характеристики современного ему интеллектуального климата использовал такие метафоры, как «угрюмая непроглядь ночи»⁵⁷, «сети сна», «плесень прошлых лет»⁵⁸, а Г. Керча – «желтая муть»⁵⁹, «гнилые туманы»⁶⁰. Некоторые авторы выражали свои русофильские и просоветские идеи в стихах, которые внешне мало чем напоминали образцы открытой пропаганды. Этим приемом, позволявшим усыпить бдительность цензоров, наиболее часто пользовался Е. Недзельский (псевдоним – Юрий Вир):

Откликнись! Дай мне знак! Звездой!
Пронзи полуночную тьму,
Серпом качнись над той водою
Блесни зарей – и я пойму⁶¹.

Значительная часть русинской общественности в Северной Америке, которая сыграла решающую роль в процессе вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии после Первой мировой войны, придерживалась русофильских и просоветских позиций. В «Американском Русском Вестнике», одном из самых влиятельных изданий русинской эмиграции, часто встречались материалы подобного характера: «В бенешовских газетах пишут, что советское правительство обещало Бенешу Карпатскую Русь. Мы в этом сомнева-

емся, ибо в Москве хорошо знают, как жилось русскому народу под чехами... Мы не верим, что московское правительство обещало Карпатскую Русь чехам, достойным наследникам монархии Габсбургов. В России теперь окрепло русское национальное чувство. Тысячи русских воинов умирают не за величие пана Бенеша и Чехословакии, но за свободу, а не за то, чтобы вернуть часть русского народа под чехов. Мы верим, что Россия, так как и мы, здесь в Америке, поддержит идею плебисцита в Карпатской Руси, чтобы наш народ смог сам свободно сказать, чего он хочет»⁶². Подобным пафосом проникнуты и статьи из «Карпаторусского календаря Лемко Союза»: «Целыми веками наши предки мечтали о национальной свободе и объединении со своими братьями на Востоке. Целыми веками они ждали своего освобождения, и целыми веками они верили, что этот момент их освобождения наступит. Только эта вера в освобождение и объединение со своими братьями на Востоке сохранила Карпатскую Русь, ее национальность. Эта вера в грядущий момент освобождения сохранила наше национальное лицо»⁶³. Далее авторы статьи делали вывод о будущей судьбе Подкарпатской Руси: «Стоит посмотреть на положение этой нашей карпаторусской территории, чтобы увидеть, что она по природному, географическому и народному праву принадлежит не Чехословакии, а Советскому Союзу. То, что этот край принадлежал в начале русской истории русскому государству, вначале Киевскому, а затем Галицко-русскому, наилучшим образом доказывает существование на этой территории нашего народа, его язык и восточная вера, а главное, вечное стремление нашего народа к объединению с Востоком, со своими кровными братьями»⁶⁴. Очевидно, что пропаганда подобных идей в Подкарпатской Руси была крайне нежелательная для венгерских властей. Решением министра внутренних дел Венгрии от 16 февраля 1940 г. распространение изданий Лемко-Союза в стране было запрещено⁶⁵.

Органы безопасности Венгрии тщательно отслеживали проявления русофильских и просоветских настроений у местного населения, предлагая свои способы минимизации их влияния на обстановку в регионе. В частности, в ноябре 1941 г. руководство Ужгородского отделения контрразведки штаба 8 корпуса венгерских войск выступило с предложением к сельским и районным нотариусам сформировать группы для поездки в оккупированную немцами соседнюю Галицию. Данные командировки должны были продемонстрировать «ужасы советского строя», а участники поездок после «обогащения личного опыта» должны были на местах проводить агитацию «про-

тив большевизма и панславизма»⁶⁶. Интересная информация содержится в докладной записке сотрудника Канцелярии Совета министров Венгрии премьер-министру П. Телеки от 20 сентября 1939 г. Сотрудник Канцелярии связывал успех коммунистов Подкарпатской Руси в межвоенный период с симпатиями большинства населения к русским, что проявлялось в различных формах. Автор докладной записки делал следующий вывод: «В прошлом партии Бродия и Фенцика не были способны поглотить это движение, и кажется невозможным, чтобы это случилось в будущем». У этих партий, по его мнению, не было четкой идеологии, а «лидерские амбиции этих двух руководителей не могли притянуть широкие слои»⁶⁷.

После 1945 г., когда регион вошел в состав УССР, русофильски настроенная интеллигенция была вытеснена на периферию общественной жизни. Имело место физическое устранение ее лидеров: в 1946 г. Бродий и Фенцик были приговорены «народным судом» к расстрелу за «коллорабационизм» и «антисоветскую деятельность». Многие произведения приверженцев просоветской версии русофильства выходили в переводе на украинский язык, литературные критики намеренно искажали их взгляды и позиционировали писателей в качестве предвестников «воссоединения украинского народа». В настоящее время отдельные активисты русинского движения на Украине (во главе с православным священником Д. Д. Сидором) отстаивают позиции, близкие традиционному русофильству региона.

Таким образом, русофильские деятели смогли сохранить относительно серьезное влияние на идеологическую и культурную ситуацию в Подкарпатской Руси в 1939–1944 гг. Действуя в неблагоприятных для себя условиях, русофилы были вынуждены постоянно лавировать на грани лояльности Будапешту. Жестко критикуя официальную идеологическую политику «угро-русинизма», они в то же время постоянно демонстрировали свою приверженность идеям венгерской государственности. Наиболее серьезную угрозу для венгерских властей представляла та часть местной интеллигенции, которая являлась носителем прорусских идеи вкупе с ориентацией на СССР. Вследствие этого просоветское крыло русофильской интеллигенции имело намного меньше возможностей для деятельности, чем лояльные режиму организации и отдельные личности. Русофильское движение в Подкарпатской Руси в период венгерского господства представляет собой интересную и малоизвестную страницу истории региона. Этот феномен, несомненно, требует дальнейших исследований, в том числе в рамках микроистории, компаративистики и других современных направлений науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Дронов М. Ю.* К вопросу о месте русофильства в национально-культурной жизни русинов Словакии в XX столетии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1. С. 77.

2 *Вегеш М. М., Гиря В. I., Король I. Ф.* Угорська іредента на Закарпатті між двома світовими війнами (1918–1939 рр.). Ужгород, 1998. С. 64.

3 *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1934 – январь 1937 г. М., 1996. С. 224–225.

4 *Пушкаш А. И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М., 2006. С. 383.

5 *Brenzovics L.* Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján (1939–1944). Ungvár, 2010. 36.old.

6 *Казак О. Г.* «Освобождение от чешского ярма»: культурно-национальная политика Венгрии в Закарпатье в 1939–1944 гг. // *Русский Сборник: исследования по истории России*. 2012. Т. 12. С. 328–344.

7 *Бродий А.* Угрорусскому народу. Русские люди, братья мои! // *Русская правда*. 1939. 22 сентября. С. 1.

8 *Фенцик С.* Карпатороссы! // *Карпаторусский голос*. 1939. 15 марта. С. 1.

9 Манифест С. Фенцика // *Карпаторусский голос*. 1939. 24 марта. С. 1–2.

10 Государственный архив Закарпатской области (ГАЗО). Ф. 47. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.

11 ГАЗО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

12 ГАЗО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 67. Л. 8.

13 ГАЗО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

14 Там же. Д. 5. Л. 19.

15 *Botlik J.* Egestas Subcarpathica: adalékok az Északkeleti-Felvidék és Kárpátalja 19–20. századi történetéhez. Budapest, 2001. 247 old.

16 ГАЗО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 49. Л. 15.

17 Русский язык в Раховском округе пренебрегается // *Русская правда*. 1940. 18 февраля. С. 2.

18 *ФВИ.* В защиту родного языка // *Русская правда*. 1939. 2 октября. С. 3.

19 *С. А. Ф.* Бюст А. Митрака снова в Мукачево // *Карпаторусский голос*. 1943. 3 апреля. С. 1.

20 *Fedinec C.* A karpataljai magyarság történeti kronológiája: 1918–1944. Galánta, Dunaszerdahely, 2002. 331 old.

21 ГАЗО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

- 22 *Степан Андреевич*. Угрорусский научный институт // Карпаторусский голос. 1941. 14 января. С. 4.
- 23 ГАЗО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 66. Л. 10.
- 24 ГАЗО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 356. Л. 14.
- 25 *Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / Уклад. П. Р. Магочій, І. Поп. Ужгород, 2010. С. 735.*
- 26 ГАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
- 27 ГАЗО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 67. Л. 10.
- 28 ГАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 5. Л. 162.
- 29 Почему «Школьная помощь» не проявляет деятельности? // Русская правда. 1940. 25 января. С. 1.
- 30 ГАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 5. Л. 74.
- 31 *Енциклопедія історії... С. 819.*
- 32 *Bonkáló S. A rutének // Sulinet. 2014. – URL: http://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszag_i_nemzetisegek/altalanos/a_rutenek/ (дата обращения: 13.02.2014).*
- 33 *Андрашко И.* О книге проф. Бонкало «Русины» (критический разбор) // Русское слово. 1941. 9 марта. С. 2.
- 34 *-сяк.* Одному из неграмотных и глупцев // Карпаторусский голос. 1941. 2 августа. С. 3.
- 35 *-сяк.* Одному из неграмотных и глупцев // Карпаторусский голос. 1941. 5 августа. С. 3.
- 36 Как нам писати? // Новый свет. 1871. 4 февраля. С. 1.
- 37 О новой «Грамматике угрорусского языка» (Статья в дискуссионном порядке) // Русское слово. 1940. 6 октября. С. 4.
- 38 *П.* Из языковой лаборатории // Русское слово. 1940. 11 декабря. С. 5.
- 39 *Вца.* Новая «Грамматика русского языка» в зеркале критики // Карпаторусский голос. 1941. 6 июня. С. 3.
- 40 *Капраль М.* Русскоязычная периодика Венгрии: газеты Андрея Бродия (1938–1944) // *Studia Russica XIX. Budapest, 2001. С. 66.*
- 41 Речь б. премьеры А. И. Бродия въ мадыарском парламенте // Русская правда [гранка]. 1939. 10 декабря. С. 4.
- 42 Ответь русинам из матерной Мадярщины // Русская правда [гранка]. 1939. 24 декабря. С. 2.
- 43 Проблемы нашего края (письмо из Будапешта) // Русская правда [гранка]. 1939. 16 декабря. С. 2.
- 44 *А.* Еще о русинизме // Карпаторусский голос. 1939. 18 июня. С. 2.
- 45 *Фенцик С. А.* 15 марта 1939–1941 // Карпаторусский голос. 1941. 15 марта. С. 1.
- 46 *Капраль М.* Русскоязычная периодика... С. 124.

- 47 *Степан Андреевич*. Христос Воскресе! // Карпаторусский голос. 1941. 19 апреля. С. 1.
- 48 *Lipscher L.* Die magyarischen, polnischen, ruthenischen und jüdischen Parteien in der CSR // Die erste Tschechoslowakische Republik als multinationaler Parteienstaat. München, 1979. S. 234.
- 49 *Казак О. Г.* Стефан Фенцик и его проект автономии Закарпатья в составе Венгрии (1939–1944 гг.) // Сборник научных статей молодых ученых. Минск, 2012. Вып. 1. С. 211–216.
- 50 Fenczik István volt kárpátaljai miniszter mondott beszédet a kárpátoroszok őrsegyváltásakor az Országzászló előtt // Filmhíradók Online. 2014. URL: <http://filmhíradokononline.hu/watch.php?id=3164> (дата обращения: 14.02.2014).
- 51 *Пушкаш А. И.* Цивилизация или варварство... С. 383.
- 52 *Офіційський Р.* Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944). Київ, 1997. С. 117.
- 53 Панславизм, германство и мадьярство // Русское слово. 1942. 22 июля. С. 4.
- 54 *Brenzovics L.* A magyar kormányzat Kárpátalja-politikája, 1939–1941 // Kárpátalja 1938–1941. Magyar és ukrán történeti közelítés. Budapest, 2004. 97 old.
- 55 ГАЗО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1. С. 32.
- 56 *Керча Г.* Бесславному потомку // Поэзия Закарпатья 1939–1944 гг. Братислава, 1957. С. 197.
- 57 *Голос К.* Мы идем... // Поэзия Закарпатья... С. 259.
- 58 *Голос К.* Вот – вижу! вижу! – день грядет... // Поэзия Закарпатья... С. 259–260.
- 59 *Керча Г.* Нет света, нет солнца, нет жизни... // Поэзия Закарпатья... С. 187.
- 60 *Керча Г.* «–к» // Поэзия Закарпатья... С. 188.
- 61 *Вир Ю.* Невеста поет // Накануне. Сборник стиховъ и прозы ужгородской литературной школы. Ужгород, 1941. С. 11–12.
- 62 *Шевченко К. В.* Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М., 2011. С. 268.
- 63 Американский Карпаторусский Конгресс // Карпаторусский Календар Лемко Союза на 1943 год. New York City, 1943. С. 18.
- 64 Там же. С. 19.
- 65 ГАЗО. Ф. 281. Оп. 1. Д. 1284. С. 42.
- 66 ГАЗО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1. С. 33.
- 67 3 доповідної записки службовця канцелярії ради міністрів Угорщини прем'єр-міністрові про поширення комуністичних ідей і

популярність Комуністичної партії на Закарпатті // Шляхом Жовтня: боротьба трудящих Закарпаття за національне і соціальне визволення та возз'єднання з Радянською Україною. Збірник документів. Ужгород, 1967. Т. 5. С. 121.

Kazak O. G.

The russophile intelligentsia in the cultural life of Subcarpatian Rus
(1939–1944)

The article shows the main activities of the russophile intelligentsia of Subcarpatian Rus at the time the region was a part of Hungary. The mechanisms of adaptation of russophile views of some intellectuals to the unfriendly political environment are analysed. The cultural and ideological landscape of Subcarpatian Rus is shown as complex in which the role of the russophiles was defined by a series of factors.

Keywords: *Ruthenians, russophiles, «ugro-ruthenianism», identity.*

И. И. Ильюшин
(Киев)

Волынская трагедия 1943–1944 гг.: анализ проблемы и перспективы украинско-польского исторического примирения

Автор акцентирует внимание на мотивах, которые побудили Краевой провод Организации украинских националистов (бандеровцев) на Волыни и Полесье принять в 1943 г. решение о создании Украинской повстанческой армии и проведении деполонизационной акции на этих территориях.

Ключевые слова: *межнациональные отношения, украинцы, поляки, Волынская трагедия, ОУН, УПА, бандеровцы.*

Прежде чем ставить вопрос о каких-либо перспективах украинско-польского примирения в понимании сложнейших исторических проблем во взаимоотношениях украинцев и поляков, следует поговорить о сущности самих этих проблем, и в первую очередь главной из них – так называемой волынской трагедии 1943–1944 гг. Именно эти события стали поводом для принятия польскими Сеймом и Сенатом известных решений, квалифицирующих антипольские действия как этническую чистку с чертами геноцида.

Волынские события 1943–1944 гг. являются одним из кровавых этапов украинско-польского конфликта времен Второй мировой войны и первых послевоенных лет. Многие исследователи выделяют его из общей картины тогдашнего межэтнического украинско-польского противостояния, которое имело место на территории совместного проживания двух народов – Полесья, Западной Волыни, Восточной Галиции, Холмщины, Подляшья, Надсяння, Лемковщины.

Анализ хода событий, а также имеющиеся документы, прежде всего украинских повстанцев, свидетельствуют о том, что весной 1943 г. Краевой провод Организации украинских националистов (бандеровцев) – ОУН (Б) на Северо-западных украинских землях (Північно-західні українські землі – ПЗУЗ) во главе с Дмитрием Клячківским («Климом Савуром») принял решение о том, чтобы избавиться любой ценой на этих землях от местного польского населения. Обосновывалось это решение прежде всего стратегией борьбы украинских повстанцев. По мнению командования созданной тогда же Украинской повстанческой армии (УПА), деятельность

волинских, а позже и галицийских поляков мешала реализации этой стратегии.

После поражения вермахта под Сталинградом и отступления с Волги для руководства ОУН (Бандеры) стало ясно, что, скорее всего, Германия войну проиграет, что вскоре в провозглашенную в 1939 г. «Западную Украину» возвратится Красная Армия, а местные поляки будут «препятствовать» борьбе УПА с ней. То, что советские партизанские отряды на Волыни и Полесье, не говоря уже о Галиции, будут находить поддержку в основном только в польских колониях и поселениях, стало ясно уже в 1942 г. Именно на рубеже 1942–1943 гг. на Волынь пришли первые крупные партизанские группировки Сидора Ковпака и Александра Сабурова, которые разрушили хрупкий нейтралитет, державшийся здесь до весны 1943 г. между коммунистами и националистами¹.

Красная Армия и советская власть становились теперь для украинских повстанцев не просто формальным врагом № 1, а реальным, к тому же – самым сильным. Поэтому, по мнению руководства ОУН (Бандеры), необходимо было сделать все возможное, чтобы мобилизовать в западноукраинском регионе силы, способные оказать советским войскам максимальное сопротивление. Тем более что даже после разрыва в апреле 1943 г. Москвой в одностороннем порядке дипломатических отношений с польским эмигрантским правительством из-за так называемой катынской проблемы кабинет министров во главе с генералом Владиславом Сикорским продолжал настаивать на том, что СССР остается «союзником наших союзников», то есть союзником США и Великобритании, а значит, косвенно, и польским союзником. При этом польские правительственные круги и подконтрольные им подпольные военно-политические формирования на «кресах восточных» бескомпромиссно отстаивали позицию незыблемости довоенных границ Второй Речи Посполитой, которая с точки зрения польских геополитических интересов была вполне мотивирована. Как известно, ОУН имела собственные планы, направленные на создание Украинской самостоятельной соборной державы (УССД) с включением в ее состав всех украинских этнических территорий, в том числе тех, которые до войны принадлежали Польше. Таким образом, именно из-за активизации враждебного фактора в виде советского партизанского движения Краевой провод ОУН (Бандеры) на Волыни и Полесье принял решение о создании УПА и «деполонизации» этих земель.

Первый напрашивающийся вывод таков: характер непростых взаимоотношений между украинцами и поляками на территориях их совместного проживания в годы войны нельзя объяснить только ростом напряженности между ними и стремлением отомстить за старые обиды на национальной и социальной почве (как это ошибочно пытаются делать некоторые украинские и польские исследователи), то есть эти события невозможно понять в рамках только национальной истории. Взаимоотношения между украинцами и поляками менялись в зависимости от их осведомленности о мероприятиях советской и нацистской властей, а также от хода войны. Поэтому в 1943–1944 гг. определяющим во время противостояния в волынско-галицком регионе был именно военный фактор, тогда как территориально-политический, этноконфессиональный, социальный и все остальные служили только общим фоном.

Среди других мотивов принятия решения о начале «деполонизационной» акции было стремление наказать часть местных поляков за деятельность в немецкой оккупационной администрации и полиции. В свою очередь, эти поляки пошли на сотрудничество с немцами посл того как оттуда дезертировали около шести тысяч украинских служащих и полицейских. Целью сотрудничества была месть украинцам, а также попытки усилить польские позиции в регионе накануне поражения вермахта и возвращения сюда Красной Армии и советской власти. Украинская сторона также говорила о мести за убийства польскими партизанами украинских общественных деятелей на Холмщине в предшествующий период. И хотя Провод ОУН (Бандеры) внимательно следил за событиями в смежном с Волынью холмском регионе, понятно, что на тот момент этот мотив мог быть только второстепенным.

Поскольку до сих пор не обнаружен документ, который содержал бы приказ о физическом уничтожении поляков (о нем известно лишь из показаний арестованных НКВД членов ОУН и УПА, впрочем, в письменной форме он мог и не существовать), мы не можем пока однозначно утверждать, что картина генезиса и протекания антипольской акции на Волыни до конца ясна. Однако отчеты о результатах проведенных отрядами УПА антипольских акций не оставляют сомнений относительно их цели.

Сначала действия украинских повстанцев были направлены против польских сотрудников немецкой администрации, работавших в службах охраны лесов, путей сообщения и так называемых лигеншафтов. Постепенно они распространились также на польское

сельское население, причем и на колонистов межвоенного периода, и на поселившихся гораздо раньше. С февраля 1943 г. антипольские акции охватили восточные районы (поветы) довоенного польского Волинского воеводства – Сарненский, Костопольский, Ровенский и Здолбуновский. В июне убийства распространились на Дубенский, Кременецкий и Луцкий районы, в июле – на Гороховский, Владимир-Волинский и Ковельский, а в конце августа – на последний волинский район – Любомльский.

Антипольские действия УПА поддерживала значительная часть местных украинцев. Причину этой поддержки следует видеть, помимо прочего, в стремлении украинских крестьян воспользоваться ситуацией и отобрать у своих польских соседей вместе с их жизнью имущество и землю. На это же была направлена земельная политика командования УПА – распределить отобранные у поляков участки среди украинцев (декрет от 15 августа 1943 г.). Несомненно, именно поддержка УПА гражданским украинским населением, вооруженным косами, вилами, топорами, ножами, и сделала убийства на Волини массовыми и особенно жестокими. К тому же эти события происходили в условиях полного беспорядка, способствовавшего проявлению худших человеческих инстинктов.

Со второго квартала 1943 г. убийства поляков на Волини фактически приобретают массовый характер. В то время бандеровская УПА подчинила себе вооруженные формирования своих политических противников, в частности, отряды УПА («Полесская Сечь») Тараса Бульбы-Боровца, которые с конца 1942 г. действовали на территории Сарненщины и Костопольщины, а также отделы ОУН (Мельника). К середине 1943 г. силы УПА составляли не менее 10–12 тысяч бойцов.

Но далеко не все, даже в Центральном проводе ОУН (Бандеры), не говоря уже о политических оппонентах бандеровцев, разделяли мнение о необходимости «очищения украинской повстанческой территории от польского присутствия» (среди них – тогдашний фактический глава Центрального провода Николай Лебедь, член провода Михаил Степаняк). Лишь в августе 1943 г. на Третьем чрезвычайном съезде ОУН антипольские действия на Волини получили одобрение нового руководителя Центрального провода ОУН (Бандеры) Романа Шухевича – и позже была дана санкция на их проведение также на территории Восточной Галиции.

Особенно остро против проведения антипольских действий бандеровцев выступил Боровец-Бульба. Он обратился с открытым

письмом к членам Центрального провода, в котором отметил: «Уже во времена переговоров вместо того, чтобы проводить акцию по совместно намеченной линии, военные отряды ОУН под маркой УПА и еще якобы по приказу Бульбы стали истреблять гнусным способом гражданское польское население и другие национальные меньшинства... Может ли истинный революционер-государственник подчиниться руководству партии, которая начинает построение государства с вырезания национальных меньшинств и бессмысленного сжигания их жилищ? Украина имеет более грозных врагов, чем поляки. Каждый ребенок знает, что с уничтожением нескольких сотен поляков в некоторых областях не ликвидируется польская опасность для Украины. Польский народ все равно существует, и как долго он будет в той же неволе, что мы, так долго силой обстоятельств он будет не врагом нашим, а союзником»².

О способе и цели истребления гражданского польского населения свидетельствуют многочисленные отчеты исполнительных референтов Службы безопасности ОУН (Бандеры), которые содержатся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины в Киеве, Государственном архиве Ровенской области и др. Прочитав некоторые из них: «Получил я приказ уничтожить два поселения – Горькая Полонка и Городище... Без единого выстрела проникаем внутрь селений. Из-за колючки раздаются выстрелы часового. В ответ мы сделали несколько выстрелов. Начался короткий, но упорный бой. Поляки отстреливались из-за стен. Чтобы лучше сориентироваться, откуда бьет враг, мы зажгли солому. Ляхи начали убегать из фольварка. Повстанцы захватывали дом за домом. Из домов вытаскивали ляхов и резали, говоря им: “Это вам за наши села и семьи, которые вы сожгли”. Поляки, выкручиваясь на длинных советских штыках, умоляли: “На милость Бога, даруйте нам жице, я ниц не винен и не винна”. А сзади взводный О., с разбитой головой, отзывается: “Наши дети, наши старики, были виноваты, что вы их бросали живыми в огонь”. И работа идет дальше... После короткого боя мы подожгли дома с ляхами, где они сгорели»³.

А вот фрагмент из отчета исполнительного референта Службы безопасности ОУН из района Млынов на Дубенщине, за период с 1 по 10 сентября 1943 г.: «В течение отчетного периода ликвидировано 17 польских семей (58 человек)... Район в целом очищенный. Чистокровных ляхов нет. Вопрос о судьбе смешанных семей рассматривается...»⁴

Уже после июльских 1943 г. массовых нападений УПА на польские поселения (а что они были массовыми, не вызывает сомнения, поскольку только в отчете от 27 июля о военной акции 1-й группы УПА за подписью ее командира Ивана Литвинчука («Дубового») речь идет об уничтожении в течение 17–19 июля 27-ми польских сел и колоний)⁵ их жители стали искать спасения у советских партизан. Вскоре в составе советских партизанских отрядов на Волыни будут воевать около двух тысяч поляков.

Другим следствием массовых июльских антипольских нападений стало то, что командование Армии Крайовой (АК) Волынского округа наконец решилось на частичную деконспирацию своих сил и применение радикальных мер противодействия отрядам УПА и местным украинцам. Во-первых, значительный процент офицеров и рядовых бойцов кадрового состава АК в городах и сельской местности был направлен на базы самообороны, которые в то время уже создали их жители во многих поселениях. Во-вторых, 20 июля было принято решение о создании подвижных (летучих) партизанских отрядов, которые извне должны были сотрудничать с защитниками баз. Согласно этому решению, в ближайшее время было организовано 9 партизанских отрядов.

В течение 1943 г. на территории Волыни возникло более 100 польских пунктов самообороны. Первые из них были созданы уже в апреле. К наиболее мощным базам следует отнести те, которые были организованы в поселениях Пшебраже на Луччине, Гута-Степанская и Старая Гута на Костопольщине, Панская Долина на Дубенщине, Засмыки на Ковельщине, Белин на Владимирщине и некоторые другие. Подавляющее большинство пунктов сопротивления, а среди них и вышеупомянутый в Гуте-Степанской, не выдержали натиска отрядов УПА и были уничтожены. Только из немногих населенных пунктов местным полякам удалось эвакуироваться в города под охрану немецкой администрации или добраться до других крупных очагов самообороны. Люди бежали через границу в Генеральную губернию или соглашались на добровольный выезд на работу в Германию. Местное командование АК пыталось сдержать этот поток польских беженцев, но безуспешно.

Выстоять в боях против украинских вооруженных формирований удалось только тем польским базам самообороны, которые, во-первых, были многочисленными и в которых сосредотачивалось иногда даже по несколько тысяч человек, во-вторых, тем, которые получили солидную материальную поддержку со стороны коман-

дования АК оружием, амуницией, а также профессиональными военными, в-третьих, тем, которые пользовались помощью советских партизан (преимущественно в лесистых восточных и северных районах Волыни).

Вот, например, какая информация о характере таких боев содержалась в показаниях командира отряда «Котловина», который входил в состав военного округа (группы) УПА «Турич», Степана Коваля («Рубашенка»). Прочитую один из фрагментов протокола его допроса в НКВД: «В июне 1943 г., после того, как поляки совместно с немцами начали нападать на украинские села, ОУН отдала приказ уничтожить все польские колонии на территории Волынской области, а в случае сопротивления необходимо было уничтожить и людей. В частности, Олег, находясь в с. Журавичи Цуманского района, дал указание своим сотням уничтожить следующие колонии: сотне “Мороза” – Марьяновку, сотне “Богдана” – Вулку Котовскую, сотне “Рыбака” – Софиевку... На проведение этих акций было дано двое суток. После их завершения сотни должны были прибыть к колонии Пшебраже Киверцевского района и совместными усилиями ее уничтожить». Далее Рубашенко описывал бой в Пшебраже, подчеркивая, что поляки создали там настолько мощную базу сопротивления, что ее пришлось обстреливать даже из 45-миллиметровой пушки. Бой продолжался до тех пор, пока в тылу сотни Богдана не появились советские партизаны. Столкнувшись еще и с ними, украинские повстанцы с большими потерями отступили⁶.

Некоторым польским селам на Волыни помогали также немцы или польская вспомогательная полиция, в частности, давали оружие, чтобы поляки могли защищаться самостоятельно. Как правило, это делалось в тех местностях (чаще Луцкого, Гороховского и Кременецкого районов), откуда оккупанты вывозили зерно (например, колония Галы возле г. Сарны). Благодаря полученному от немцев оружию поляки, например, поселения Гута-Степанская смогли удерживать оборону от нападений отрядов УПА на протяжении трех дней – с 16 по 18 июля 1943 г. Польскую самооборону оккупанты пытались использовать также для борьбы с УПА и советским партизанским движением, которые все более крепки.

Несмотря на призывы командования АК Волынского округа и волынских представителей польского эмигрантского правительства «ни в коем случае не сотрудничать с немцами и советскими партизанами», далеко не все местные поляки прислушивались к ним. Ситуация на Волыни сложилась таким образом, что решаю-

щим фактором в выборе своего места для них служили чаще не приказы руководителей подполья, а инстинкт самосохранения. Немецкая оккупационная администрация и советские партизаны были единственной силой, как казалось местным полякам, на которую они могли рассчитывать.

С другой стороны, письма с Волыни в Варшаву тех лиц, которые были жертвами антипольских нападений, свидетельствуют о том, что несколько десятков тысяч польских крестьян, далеких от политики, согласились быть втянутыми в отряды самообороны только потому, что хотели физически выжить, и действовали они в ней не столько из патриотических соображений, сколько в целях самосохранения. В такой ситуации люди были согласны искать поддержки и защиты не только у немецкой оккупационной власти или советских партизанских отрядов, но, как говорится, и «у самого черта».

Именно в результате действий польских полицаяев и жандармов (среди последних было немало привезенных немцами из Генеральной губернии) на Волыни пострадало наибольшее число местных украинцев. Но польское общество, как и украинское, не должно отвечать за действия тех, кто перешел на службу немецкому нацистскому режиму. Следует считать, что это преступления этого режима.

В течение 1943 г. местные поляки были стороной, которой приходилось чаще обороняться. В конце года силы УПА, вероятно, достигли 15–20 тысяч бойцов. К тому же антипольские действия УПА поддерживали местные украинцы, а это около 80% общего населения Волыни, тогда как поляков было до 16%, а до 1943 г. их представительство уменьшилось еще где-то до 8–10% (около 200 тысяч). По данным же Волынского командования АК, польские партизанские отряды насчитывали только около 1300 бойцов. Еще примерно 3600 человек, которые имели хоть какое-то оружие, воевало в отрядах самообороны. Этим можно объяснить и разницу в количестве жертв противостояния на Волыни. С украинской стороны – несколько тысяч, с польской – несколько десятков тысяч.

Только создание в первых месяцах 1944 г. 27-й Волынской дивизии пехоты АК сохранило определенную часть поляков от гибели и способствовало усилению их действий против УПА, поэтому возросло число жертв среди украинского населения. Сохранившиеся документы опровергают утверждение многих польских авторов о том, что действия этой дивизии не имели характера «ответных акций» украинцам, а были вызваны только необходимостью «очищения» территории от отрядов УПА с целью расширения оперативной

базы для борьбы с немцами в рамках реализации операции «Burza» («Буря»).

В подтверждение этой мысли процитирую отрывок из отчета на имя представителя польского эмигрантского правительства на Волыни. Один из подчиненных сообщал ему 31 января 1944 г.: «То, что сейчас происходит в сельской местности, ничем не отличается от того зверства, которое демонстрировали еще недавно украинские банды в своем отношении к полякам. Польские партизанские отряды организуют нападения на украинские села, выгоняют из них украинцев, отбирают инвентарь, а поселения целиком сжигают. Тех украинцев, которые не успели убежать, расстреливают на месте, не делая исключения, кажется, даже для женщин и детей»⁷.

Другой участник тех событий, командующий Здолбуновским регионом АК и руководитель участка в г. Рожище Винцент Романовский, отмечал: «Поляки в своих действиях применяли принцип коллективной ответственности и на нападения, разбой и грабеж отвечали убийствами, реквизициями, ограблением. Убийства считались делом чести. Молодые ребята, которые потеряли семьи, на прикладах винтовок делали пометки, считая количество своих жертв. Человеческое правосудие превращалось в звериную месть»⁸.

Суммируя вышеизложенное, акцентирую внимание на том, что в украинской историографии немало ее представителей до сих пор поддерживают ошибочное мнение, что во время межэтнического противостояния в волыноско-галицийском регионе в 1943–1944 гг. «во многих действиях польского и украинского повстанческих движений наблюдаем полную симметрию и применение одинаковых средств борьбы»⁹. Как исследователь, проработавший в украинских и польских архивах не один год, изучая все доступные документы, по этому поводу отмечу следующее.

Антиукраинские «ответные акции» подразделений 27-й Волынской дивизии пехоты Армии Крайовой в январе – марте 1944 г., о которых выше упоминалось, или даже «ответно-превентивная» акция отрядов АК и Батальонов Хлопских против украинских сел на Грубешевщине (территория Люблинского дистрикта Генерал-губернаторства) в марте 1944 г., только в миниатюре напоминали действия бандеровских отрядов против польского гражданского населения на территории всей той части Западной Волыни и Восточной Галиции, которая до войны принадлежала Польше и в конце войны оставалась предметом территориального спора. Польские партизанские отряды также «зачищали» от украинского гражданского населения

район своих боевых действий и совершили многочисленные военные преступления, однако у местных поляков просто не было ни намерений, ни необходимости, ни даже возможностей «деукраинизировать» всю Западную Волынь и Восточную Галицию или какой-то один из их районов. Даже если принять во внимание программы польских правых партий, в частности, эндеков (*Stronictwo Narodowe*), по переселению украинцев, которые уже после войны в ходе акции «Висла» пытались воплотить в жизнь польские коммунисты, то все же следует помнить, что одно дело – строить планы по устранению иной этнической группы, но совсем другое – практически их реализовывать, да еще варварским способом, с целью достичь этнической однородности на определенной территории. Отсюда, еще раз повторюсь, и такая поразительная разница в количестве украинских и польских жертв во время конфликта на Западной Украине.

Мы также считаем, что бандеровское руководство в первую очередь несет ответственность за принятое решение относительно убийств нескольких десятков тысяч гражданских поляков на основании примененного им принципа коллективной ответственности. Если же абстрагироваться от бандеровской антипольской акции в Западной Волыни и Восточной Галиции 1943–1944 гг. и говорить об общих причинах и фоне украинско-польского межэтнического противостояния военного времени, то, учитывая длительную напряженность в отношениях на протяжении всей многовековой истории сосуществования украинцев и поляков, невозможно признать виновной какую-либо одну сторону, как это часто делалось и делается в историографии.

Может ли изложенная нами концепция понимания волыньских событий 1943–1944 гг. восприниматься если и не всеми, то, во всяком случае, большинством как компромиссная? Мне лично представляется, что может. Одновременно я хотел бы подчеркнуть следующее. В самосознании украинского народа сосуществуют не просто разные представления об истории своей страны, но разные ценностные ориентации, причем этот ценностный раскол распространяется на все социальные слои общества, включая церковь. Одни люди рассматривают жизнь и безопасность отдельной личности как сакральную ценность, не считая, что они могут быть принесены в жертву даже ради самой святой идеи, а зачастую просто абстрактных идеалов. Другие же полагают, что любые борцы за независимость Украины, даже если они практиковали в своей борьбе

насилие по отношению к другим народам, однозначно являются героями. И это убеждение покоится на вере в то, что собственное самостоятельное государство является наибольшей ценностью в системе гражданских свобод.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. М., 2012. Т. 1: 1939–1943. С. 678.

2 Центральний державний архів Вищих органів влади і управління України (далее – ЦДАВО України). Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 107. Арк. 5–7. Крайовий провід ОУН на західних українських землях. Політична референтура. Відкритий лист командувача Української народної революційної армії Тараса Бульби (Боровця) до членів проводу ОУН бандерівського крила. Б. д.

3 ЦДАВО України. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 112. Арк. 4. Крайовий провід ОУН на західних українських землях. Політична референтура. Вістки з боїв відділів УПА та рейди їх на схід (поч. липня 1943 р.).

4 Державний архів Рівненської області (ДАРО). Ф. Р-30. Оп. 2. Спр. 30. Арк. 259. Колекція матеріалів ОУН і УПА, що діяли на території Рівненської області. Звіти про рух збройних сил ворога по районах, про роботу групи Енея (1943–1944). Звіт виконавчого реферату СБ району Млинів за час 1–10 вересня 1943 р.

5 Волинь і Полісся: УПА та запілля 1943–1944. Документи і матеріали. Літопис УПА. Нова серія. Київ; Торонто, 1999. Т. 2. С. 175–176.

6 Галузевий державний архів Служби безпеки України (ГДА СБУ). Ф. 6. Спр. 75175-ф. п. Арк. 27–28. Витяг з протоколу допиту С. Коваля від 27 серпня 1953 р. Копія всего архивного судового дела Степана Коваля – в собственном архиве автора.

7 Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego. Dział Rękopisów. Sygn. 2131. Karta 19. Raporty i sprawozdanie okresowe do Pana Wołyńskiego Delegata Rządu. Raport do Pana Wołyńskiego Delegata Rządu z 31.I.1944 r.

8 *Romanowski W.* ZWZ-AK na Wołyniu 1939–1944. Lublin, 1993. S. 181–182.

9 *В'ятрович В.* Друга польсько-українська війна 1942–1947. Київ, 2011. С. 163.

Ilyušin I. I.

Volhynia tragedy of 1943–1944: the analysis of the problem and the perspectives of the Ukrainian-Polish historical reconciliation

The author dwells upon the motives of the Regional Command (Ukr.: *Krajovyj provid*) of the Organization of Ukrainian Nationalists (under S. Bandera's leadership) in Volhynia and Polesia for creating the Ukrainian Insurgent Army in 1943 and depolonisation of the territory.

Keywords: *interethnic relationships, Ukrainians, Poles, Volhynian Massacre, Organization of Ukrainian Nationalists, Ukrainian Insurgent Army, banderivci.*

Б. С. Новосельцев
(Москва)

Югославия и Каирская конференция неприсоединившихся стран (1964 г.)

Статья посвящена обстоятельствам развития Движения неприсоединения в первой половине 1960-х гг. В ней делается попытка проанализировать причины активности Югославии, направленной на укрепление многостороннего сотрудничества внеблоковых государств; выявить обстоятельства, повлиявшие на успех организации и проведения Второй конференции неприсоединения, и рассмотреть позицию югославской делегации на форуме.

Ключевые слова: *Югославия, внешняя политика, Движение неприсоединения, Йосип Броз Тито.*

Начало 1960-х гг. стало временем консолидации Движения неприсоединения и распространения его влияния на международные отношения. После окончания Первой конференции неприсоединившихся государств в Белграде (1961 г.) многие лидеры внеблоковых стран (Д. Неру, Г. А. Насер, А. Сукарно) полагали, что она останется единичной акцией. В такой ситуации президент Югославии Й. Броз Тито предпринял попытку создать практику регулярного проведения подобных конференций, тем самым закрепив существование движения в общемировом масштабе и его претензии на участие в решении важнейших международных вопросов.

На рубеже 1950–60-х гг. Тито придавал огромное значение сотрудничеству со странами «третьего мира». Югославский президент стремился объединить их в мощное политическое движение и стать одним из его лидеров.

Важнейшей задачей Белградской конференции он считал достижение большей скоординированности действий внеблоковых государств на международной арене, особенно в Организации Объединенных Наций. Однако в 1961 г. его устремлениям не суждено было исполниться. Как справедливо заметил югославский историк Д. Богетич, «Неру, Насер и Сукарно были против этой югославской инициативы [...] Большая часть делегатов Белградской конференции настаивала на том, чтобы встреча осталась единичной политической манифестацией группы стран против

колониализма и проявлений “холодной войны” в международных отношениях»¹.

Каждый из лидеров неприсоединения имел на то свои причины. Джавахарлал Неру полагал, что такая инициатива означает создание «третьего блока», что поставит под вопрос реализацию стратегии равноудаленности Индии и станет причиной недовольства сверхдержав. Он по-прежнему ориентировался в первую очередь на США и СССР, продолжал придерживаться политики «неприсоединения к неприсоединившимся» и не верил в то, что страны «третьего мира» смогут объединиться и эффективно действовать на международной арене. Поэтому Неру склонялся к мысли, что отношения с ними следует развивать исключительно в форме двухстороннего сотрудничества. Индийский лидер продолжал свои попытки стать посредником между Востоком и Западом, поэтому по всем важнейшим вопросам (Берлинский кризис, испытания атомного оружия, ситуация в Юго-Восточной Азии) занимал компромиссные позиции. Это не добавляло ему популярности ни в африканских странах, ни в американском Конгрессе.

Гамаль Абдель Насера больше волновали собственные планы, связанные с объединением всех арабов в рамках одного государства. В 1961 г. стало окончательно ясно, что проект по созданию Объединенной Арабской Республики (ОАР) утопичен, однако египетский лидер еще некоторое время сохранял определенные надежды в отношении этого замысла². Идея движения внеблоковых государств предполагала объединение их политических усилий на наднациональной основе, а также сохранение и укрепление их суверенитета, что сложно было увязать с панарабской объединительной риторикой главы Египта. Тем не менее именно Насер занимал позиции, наиболее близкие к Тито.

Ахмед Сукарно был недоволен слишком скромной ролью Индонезии среди внеблоковых стран и все больше действовал в русле политики Китая, стремясь создать афро-азиатское движение, значительно более радикальное по своей идеологии и основывающееся на географическом принципе, как движение стран Мирового Юга.

Тито приходилось фактически продавливать идею продолжения многостороннего сотрудничества на базе политики неприсоединения. Так, 18–19 ноября 1961 г. на тройственной встрече глав Индии, ОАР и Югославии ему с большим трудом удалось убедить Г. А. Насера и Д. Неру в целесообразности проведения в 1962 г. экономической конференции стран «третьего мира». Причем этот форум не

имел ярко выраженного внеблокового характера: в нем приняли участие и государства, ориентировавшиеся на одну из сверхдержав.

Международная обстановка, сложившаяся в начале 1963 г., оказалась значительно более благоприятной как для Югославии в частности, так и для развития политики неприсоединения в целом.

После окончания Карибского кризиса, поставившего человечество на грань атомной войны, в отношениях между сверхдержавами произошли определенные изменения. От конфронтации и взаимных угроз лидеры США и СССР постепенно переходили к более конструктивной позиции. В ситуации, когда своей главной задачей Вашингтон и Москва признавали недопущение нового ухудшения отношений, борьба между ними за влияние в Азии и Африке не ослабла, но, напротив, разгорелась с новой силой и по новым правилам. Теперь сверхдержавы, опасаясь негативной реакции друг друга, в меньшей степени были нацелены на давление или другие силовые варианты расширения сферы своего влияния в странах «третьего мира» и в большей – на диалог и компромиссы.

Руководители СССР продолжали рассматривать неприсоединение как «запасной путь», ведущий к построению социализма, а внеблоковые страны – как своих «природных союзников»³. Это, отчасти, было и заслугой Тито, который постоянно подчеркивал, что «сейчас отношение к двум блокам не может быть одинаковым»⁴, неоднократно упоминал о «миролюбии советского правительства»⁵ и о поддержке политики неприсоединения со стороны СССР.

Соединенные Штаты, стремясь приостановить советское продвижение в «третьем мире», были вынуждены отказаться от жестких позиций в отношении с неприсоединившимися странами и сделать ставку на программы экономической помощи и американские кредиты⁶.

Сложившаяся в международных отношениях ситуация многократно увеличивала в глазах лидеров стран Азии и Африки значение политики неприсоединения, которую они рассматривали как инструмент лавирования между Москвой и Вашингтоном.

25 мая 1963 г. в Аддис-Абебе была основана Организация африканского единства (ОАЕ). Одним из ее основополагающих принципов стало неприсоединение, ставшее обязательным условием для членства в ОАЕ. Лига арабских государств (ЛАГ) также провозгласила его среди своих уставных принципов⁷. Таким образом, в Африке и на Ближнем Востоке не только увеличивалось общее число внеблоковых стран, но и углублялись связи между ними, а также по-

являлись новые организации, в рамках которых была возможна их совместная деятельность.

Г. А. Насер, желая добиться сотрудничества с обеими сверхдержавами, получать от них помощь и кредиты, все большее внимание уделял политике неприсоединения, а кроме того, смягчил свою агрессивную панарабскую риторику. Это позволило ему продвигаться по пути улучшения отношений с СССР и США.

Значительное влияние на развитие политики неприсоединения оказало поражение Индии в пограничном конфликте с Китаем, разразившемся осенью 1962 г.* 20 февраля 1963 г. на переговорах между Й. Брозом Тито и генеральным секретарем министерства иностранных дел Индии Р. К. Неру** последний подчеркнул, что из конфликта с Китаем было извлечено несколько уроков. Во-первых, необходимо укреплять обороноспособность страны, во-вторых, больше сконцентрироваться на социально-экономическом развитии и, в-третьих, больше внимания уделять достижению единства неприсоединившихся стран, многие из которых продемонстрировали колебания во время индийско-китайского конфликта⁸.

Другими словами, Индия, убедившись, что сверхдержавы не станут гарантией ее безопасности в случае конфликта с Китаем, была готова пересмотреть свои позиции и принять участие в многосторонней активности внеблоковых государств. По этой причине индийские дипломаты совершили ряд поездок по странам Азии и Африки (а также в Югославию). Изменилась позиция Дели и по вопросу проведения новой конференции неприсоединения. По мнению Неру, она должна была усилить международные позиции Индии, особенно в отношении Китая и Пакистана***, а во внутренней политике при-

* Причинами разногласий были споры о границах в горных районах и предоставление Индией политического убежища Далай-ламе, бежавшему из захваченного Китаем Тибета. Также не стоит забывать, что одним из главных противников КНР на пути к доминированию в афро-азиатском регионе была именно Индия. Военное поражение должно было подорвать авторитет Дели в глазах руководителей стран «третьего мира» и продемонстрировать, что у них нет иного пути, кроме как действовать в русле политики Пекина.

** Ратан Кумар Неру (1902–1981). Индийский государственный деятель, дипломат. Двоюродный брат Д. Неру. Посол в Китае (1955–1958). Посол в ОАР (1958–1960). Впоследствии долгое время работал генеральным секретарем министерства иностранных дел Индии.

*** Противостояние Индии и Пакистана началось в 1947 г., когда обе страны получили независимость от Великобритании. Главной

вести к консолидации сил, поддерживающих правительственный курс⁹.

Лидеры неприсоединившихся государств были склонны считать, что на удачное разрешение кубинского и даже индийско-китайского кризисов большое влияние оказала их последовательная миролюбивая позиция¹⁰. Также заслугой своей активности и морального давления на сверхдержавы они считали подписание московского Договора о запрещении испытаний ядерного оружия*. Следующей целью они видели полное уничтожение ядерного оружия и всеобщее разоружение¹¹.

Прогнозы югославских аналитиков относительно будущего политики неприсоединения были весьма оптимистичны. Согласно их оценкам, поскольку «атомное оружие хоть и не исключает практической возможности войны, но делает победу слишком дорогой и бессмысленной», теперь неизбежно «признание невозможности отстаивания своих интересов военным путем». В ближайшем будущем они ожидали повсеместного распространения «политики активного мирного сосуществования государств с различными общественно-политическими системами», а также «дальнейшего роста и усиления влияния прогрессивных сил». Важное значение придавалось советской политике мирного сосуществования, причем особенно подчеркивалось, что «Хрущев... в недавних переговорах с Тито больше не связывал понятия “социализм” и “прогрессивные силы” с лагерем». Из всего этого следовал вывод: «Сейчас мы считаем наши международные позиции лучшими, чем когда бы то ни было ранее [...] так как все больше ощущаем действия принципов, за которые мы выступали [...] В свете последних событий “неприсоединения” в какой-то степени недостаточно. Все больше созревают условия, позволяющие говорить о всех миролюбивых силах, независимо от того, где они находятся»¹².

причиной спора являлась провинция Кашмир, на которую претендовали оба государства. Кроме того, огромное значение имел этнорелигиозный фактор. В ходе индо-пакистанского конфликта столкновения трижды перерастали в полномасштабные боевые действия: в 1947–1949 гг., 1965 г. и 1971 г.

* Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (также известный как Московский договор) был подписан 5 августа 1963 г. в Москве представителями СССР, США и Великобритании. Франция и Китай отказались присоединиться к договору.

Все чаще в выступлениях югославских лидеров, официальных документах, а также в аналитических статьях употреблялся термин «прогрессивные силы», под которыми понимались «социалистические страны и движения, а также демократические освободительные движения в бывших и нынешних колониях»¹³. По сути, речь шла о надеждах на союз между социалистическими государствами и внеблоковыми странами на базе борьбы за мир и против колониализма.

В октябре 1963 г. на встрече в Каире между Г. А. Насером и Сиримаво Бандаранаике* египетский руководитель предложил премьер-министру Цейлона выступить с совместной инициативой о проведении новой международной конференции неприсоединившихся стран¹⁴. Бандаранаике ответила согласием.

В дальнейшем последовали консультации между главами ведущих внеблоковых государств, и все они согласились с необходимостью саммита.

Активную позицию занял Тито. Ему удалось настоять на том, что «новая конференция не должна готовиться в спешке», так как она требовала «солидной и широкой подготовки». Кроме того, он убедил Насера, что «на конференцию мы не должны звать страны, которые, как Китай, в целях пропаганды выступают за мир, но по вопросам сосуществования [...] и неприсоединения занимают противоположную позицию. Участие Китая на конференции представляло бы собой попытку изнутри расколоть миролюбивые страны»¹⁵. Тито знал, что Насер был не против участия в саммите КНР и вообще стремился к улучшению отношений с Пекином.

В посланиях, разосланных Д. Неру¹⁶, А. Сукарно¹⁷, Х. Селассие¹⁸ и другим руководителям внеблоковых стран, югославский президент проводил мысль о «перерастании неприсоединения в мощное и широкое движение за мир и мирное сотрудничество» и делал вывод, что «необходимо поставить неприсоединение на еще более широкую основу»¹⁹. По его мнению, «на конференцию следует приглашать те государства, которые стараются проводить политику, основанную на принципах Белградской декларации. А именно, страны, подписавшие Устав Организации африканского союза; азиатские государства, участвовавшие в Белградской конференции, а также Лаос; арабские

* Сиримаво Ратватте Диас Бандаранаике (1916–2000). Цейлонский политический деятель. Премьер-министр Цейлона/Шри-Ланки (1960–1965, 1970–1977 и 1994–2000 гг.). Первая в мире женщина премьер-министр.

страны; страны Латинской Америки, которые готовы принять приглашение, и европейские нейтральные государства, если они захотят»²⁰. Особое внимание югославский президент уделил Латинской Америке, в которой он, очевидно, видел резерв для географического расширения Движения неприсоединения. Недаром осенью 1963 г. он отправился в турне именно по этому региону и посетил Бразилию, Чили, Боливию, Мексику²¹. Тито настаивал, что «по ключевым вопросам современности» позиции латиноамериканских и неприсоединившихся государств совпадают²².

В феврале 1964 г. представители более 60 стран были приглашены на подготовительную конференцию в Коломбо (Цейлон). Решение о том, приглашать то или иное государство или нет, принималось Постоянным комитетом, сформированным из представителей 10 стран: Алжира, Ганы, Гвинеи, Индии, Индонезии, Ирака, ОАР, Цейлона, Эфиопии и Югославии.

В Коломбо было решено, что Второй саммит неприсоединения состоится в начале октября в Каире. Кандидатуру египетской столицы выдвинули Югославия, Индия, Цейлон, Гана и Гвинея.

Была разработана повестка дня будущей конференции. На ней предполагалось обсудить такие актуальные вопросы, как текущее международное положение, мирное сосуществование и кодификация его принципов в ООН, соблюдение суверенитета и территориальной целостности независимых государств, колониализм, неоколониализм и империализм, расовая дискриминация и апартеид, решение спорных вопросов без применения силы, всеобщее полное разоружение, запрет испытаний и распространения атомного оружия, военные пакты и наличие иностранных военных баз на территории независимых государств, ООН и ее роль в международных отношениях, экономическое развитие стран «третьего мира» и сотрудничество между ними.

Предложение СФРЮ о расширении числа участников саммита было поддержано, но с оговоркой, что их не должно быть слишком много, чтобы избежать «размывания конференции». На этом настаивали Индия и Цейлон²³ при поддержке ОАР²⁴. Таким образом, другие лидеры неприсоединения не поддержали стремления Тито превратить его в «движение за мир и мирное сотрудничество». Для них единство позиций, качество саммита было важнее числа его участников. В споре с Тито победу одержал Неру, который считал, что «термин “неприсоединение” тяжело заменить каким-то более адекватным»²⁵. Попытка добиться сближения неприсоединившихся и со-

циалистических стран, указывая на то, что их цели в значительной мере совпадают, окончилась неудачей.

СССР, тем не менее, занял по отношению к конференции благожелательную позицию. Советские руководители полагали, что она «объективно будет направлена против распространения китайского влияния в Азии и Африке»²⁶. Кроме того, в Москве рассчитывали, что, как и в 1961 г., страны-участницы подвергнут критике западный империализм и колониализм, чем еще больше упрочат советские позиции в «третьем мире».

США и их союзники опасались, что на саммите могут восторжествовать радикальные концепции и что он будет иметь в целом антизападную направленность. Тем более что Д. Неру, одна из главных фигур в движении, сдерживавшая чрезмерную активность радикалов и заботившаяся о сохранении равных и доброжелательных отношений со сверхдержавами, скончался незадолго до начала Карского саммита.

В целом югославские аналитики все же ожидали, что «в нынешних условиях позиция ведущих западных государств по отношению к саммиту не будет такой негативной, как перед Белградской конференцией»²⁷. Главным противником организации форума неприсоединения были отнюдь не сверхдержавы.

Как и во время подготовки к Белградской конференции 1961 г., активизировался Китай. КНР, Индонезия и Пакистан снова объявили о подготовке ко Второму саммиту стран Азии и Африки. Они не выступали напрямую против конференции неприсоединения, но спешили с приготовлениями своего форума. Их действия «провоцировали конфронтацию двух инициатив»²⁸. Стало очевидно, что важнее будет та конференция, которая состоится раньше. Поэтому во всех инструкциях Секретариата иностранных дел СФРЮ звучала одна и та же мысль: «необходимо провести новую конференцию неприсоединения раньше второго Бандунга»²⁹.

Главная роль в организации саммита стран Азии и Африки была уготована президенту Индонезии А. Сукарно, выдвинувшему радикальную концепцию противостояния «новых» и «старых сил». К первым он причислял страны Азии и Африки, социалистические государства и полагал, что впоследствии в их состав войдут государства Латинской Америки³⁰. Им, по мнению индонезийского президента, противостояли «старые силы» – развитые капиталистические страны, проводящие империалистическую и неокOLONIAльную политику. Сукарно утверждал, что «политика мирного сосуществова-

ния не должна проводиться по отношению к империалистическим странам»: это их только усилит. «Необходимо сделать все возможное, чтобы на борьбу [...] поднимались все новые и новые народы и революционные движения, чтобы их ряды росли и становились сильнее»³¹. Таковую концепцию поддержали Китай, Северная Корея, Северный Вьетнам и Албания. Отчасти склонность к ней проявляли также Алжир, Гвинея, Куба и ОАР³².

Как можно заметить, взгляды А. Сукарно имели много общего с китайской концепцией противостояния мировых Севера и Юга³³. Очевидно, что за активностью Джакарты стоял Пекин, использовавший в своих целях связи и авторитет Индонезии. Необходимо подчеркнуть, что конференция «новых сил» – Второй Бандунг – планировалась как региональный форум стран Азии и Африки. Китай стремился не допустить к участию в ее работе Советский Союз, аргументируя это тем, что он не является азиатским государством: в таком случае именно КНР играла бы доминирующую роль на саммите. Югославия, по понятным причинам, тоже не могла бы принимать в нем участия.

Используя в своих интересах концепцию «новых сил» и Вторую конференцию стран Азии и Африки, Китай стремился распространить свое влияние в «третьем мире». Конечной его целью, по всей видимости, было создание третьего военно-политического блока, противостоящего США и СССР.

Подготовка к новому саммиту неприсоединившихся государств началась раньше и, в отличие от подготовки ко Второму Бандунгу, проходила в более благоприятной обстановке, в отсутствие скандалов и конфликтов. Внеблоковым странам удалось опередить Китай и его сторонников и провести свой форум раньше.

Каирская конференция состоялась с 5 по 11 октября 1964 г. В ней приняли участие делегации 47 государств, еще 10 прислали своих представителей в качестве наблюдателей. Таким образом, по сравнению с Белградским саммитом в Каир приехало вдвое больше участников. Увеличения их числа удалось добиться главным образом за счет африканских стран – членов ОАЕ.

Споры вызвало желание присутствовать на конференции конголезского диктатора М. К. Чомбе*, известного своей пробельгийской

* Моиз Капенда Чомбе (1919–1969). Конголезский политик. Президент государства Катанга в 1960–1963 гг., премьер-министр Демократической Республики Конго в 1964–1965 гг.

политикой и ставшего жупелом в советской и югославской печати. Часть неприсоединившихся стран – Нигерия, Либерия, Сенегал и Того – выступали за его присутствие на саммите, в то время как Югославия при поддержке Алжира, ОАР и Цейлона – против³⁴. В итоге большинством голосов было принято решение отказать Чомбе в участии в работе саммита. 6 октября его самолету была запрещена посадка в каирском аэропорте. 7 октября он все же прибыл в египетскую столицу регулярным рейсом, однако на заседания конференции допущен не был³⁵.

Увеличение состава участников нового саммита, по сравнению с предыдущим, привело к тому, что конференция оказалась значительно более гетерогенной. 29 октября 1964 г. министр иностранных дел СФРЮ Коча Попович в своем докладе на заседании Союзного Исполнительного Вече, посвященном итогам прошедшего форума, подчеркнул: разные страны имели различные позиции по важнейшим проблемам политики неприсоединения³⁶.

Центральным вопросом стало соотношение двух важнейших принципов внеблоковой политики: мирного сосуществования и антиколониализма. В ходе обсуждений были сформулированы две основные точки зрения.

Индонезия, Мали и Гвинея предложили радикальную формулировку: «борьба против колониализма и империализма как условие для последующего мира и сосуществования»³⁷. Эта точка зрения, которую можно условно обозначить как «сосуществование через антиколониализм», являлась продолжением внешнеполитических концепций Индонезии и Китая.

Большинство стран поддержали умеренную позицию Югославии: «только в ходе борьбы за обеспечение мира во всем мире и всестороннего применения принципов сосуществования [...] можно вести успешную деятельность, направленную на ликвидацию колониализма, неоколониализма и империализма»³⁸. Югославское предложение, которое можно назвать «антиколониализм через сосуществование», предполагало, что в условиях мира во всем мире и повсеместного распространения политики сосуществования, направленной на нахождение взаимоприемлемых компромиссов по всем спорным вопросам, политика империализма и колониализма потеряет свой смысл. Таким образом, в качестве способа устранения этих негативных проявлений во внешней политике развитых стран Югославия предлагала развивать движение за мир и мирное сосуществование. Агрессивная антиимпериалистическая риторика, учиты-

вая международную ситуацию и заинтересованность большинства внеблоковых стран в американской помощи и торговле с США, была вредна, неуместна и вела к ослаблению позиций и подрыву единства неприсоединившихся стран.

Важное место в повестке дня заняли вопросы национального самоопределения, государственного суверенитета, территориальной целостности и невмешательства в дела независимых государств – ключевые для внеблоковой политики.

Участники саммита подчеркнули значимость основополагающих принципов, принятых в Белграде, и необходимость их кодификации в ООН.

Обсуждались проблемы экономического развития стран «третьего мира», ситуация в Конго, на Кипре и в Юго-Восточной Азии³⁹.

Одной из наиболее острых проблем в отношениях между неприсоединившимися странами были названы пограничные споры*. Сомали, Афганистан и Марокко (а также арабские государства, памятуя о проблеме Палестины) настаивали на исправлении неправильно и несправедливо проведенных границ, в то время как Индия, Эфиопия и Алжир – на сохранении статус-кво по этому вопросу. Тито, пытаясь сгладить противоречия, занял компромиссную позицию и подчеркнул, что главное – мирное решение всех спорных вопросов⁴⁰.

Итоговая декларация Каирской конференции была составлена на основе проектов, разработанных делегациями ОАР, Индии, Ганы, Индонезии и Югославии, а также 29 предложений разных стран по отдельным вопросам. По оценкам югославских аналитиков, самым важным было то, что в преамбуле и основной части декларации мир и сосуществование увязывались с антиколониализмом и антиимпериализмом. Предложенная Югославией концепция «антиколониализм через сосуществование» одержала верх.

Участники саммита приняли «Программу мира и международного сотрудничества», которая предусматривала «согласованные действия по освобождению зависимых стран, ликвидацию колониализма, неоколониализма и империализма, призывала к оказанию помощи народно-освободительным организациям, подчеркивала необходимость строгого соблюдения принципов мирного сосущество-

* Например, в 1963 г. начались полномасштабные боевые действия между двумя странами – участницами Белградского саммита – Алжиром и Марокко. Причиной конфликта стал неурегулированный вопрос о принадлежности провинции Тиндуф на западе Алжира.

вания, призывала к урегулированию конфликтов мирным путем и отказу от применения силы»⁴¹.

Каирский саммит означал победу индийско-югославской концепции неприсоединения. Удалось гарантировать его глобальный всемирный охват, избежать проявлений радикализма (прежде всего, со стороны Индонезии и некоторых африканских стран), добиться увеличения состава участников почти вдвое. По ключевым вопросам повестки дня стороны пришли к единству мнений. Там, где между делегациями существовали расхождения, чаще всего принимались компромиссные решения и умеренные формулировки, предложенные делегацией СФРЮ.

В октябре 1964 г. политика неприсоединения достигла пика своих возможностей. Однако, вопреки ожиданиям глав внеблоковых стран, вторая половина 1960-х гг. стала эпохой «застоя», «упадка» и даже «деградации» неприсоединения⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Bogetić D. Jugoslavija između Istoka i Zapada // Jugoslavija u Hladnom ratu: prilozi istraživanjima. Beograd, 2010. S. 21–22.*

2 Единственной страной, которая вошла в состав ОАР, была Сирия (февраль 1958 г.). В конце сентября 1961 г. в результате военного переворота она вновь объявила о своем суверенитете. Это было связано, с одной стороны, с проведением там радикальной экономической реформы (новый валютный режим, национализация, аграрная реформа), которая вызвала недовольство части местной элиты. С другой стороны, Насер рассорился со своими сирийскими союзниками – социалистической партией БААС – и лишился их поддержки. Недовольство вызывало и его стремление управлять Сирией, опираясь на египетских чиновников и офицеров, которых он массово назначал на руководящие посты.

После переворота Насер быстро пришел к убеждению, что интервенция повредила бы имиджу ОАР как в мире, так и среди арабских государств, к тому же эта задача была трудновыполнима для египетской армии. Поэтому Каир отказался от силового пути решения конфликта и признал право Сирии на отделение.

В деликатной ситуации оказалась Югославия. С одной стороны, Египет был одним из ее ближайших союзников, с другой – у Белграда существовали определенные экономические интересы в Сирии, а кроме того, риторика неприсоединения требовала признания суверенитета

Дамаска. В итоге югославское руководство пошло на этот шаг, но одним из последних – 8 октября 1961 г., после СССР, США, Индии и самой ОАР (Arhiv Jugoslavije. Kabinet Predsednika Republike (далее – AJ. KPR). F. 837. I-2/14. Trojni sastanak u Kairu Tito, Naser, Nehru // Informacija o Ujedinjenoj Arapskoj Republici).

3 *Petranovič B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Treća knjiga. Socijalistička Jugoslavija 1945–1988. Beograd, 1988.

4 AJ. KPR. I-3-a/38-26. Poseta Ministra Inostranih Poslova Indije Ratan Kumar Nehru-a Jugoslaviji 17–20.II.1963 // Zabeleška o razgovoru druga Predsednika sa generalnim sekretarom Ministarstva Inostranih Poslova Indije R. K. Nehru-om. 20.II.1963.

5 Isto. I-1/202. Poruka Predsednika Republike Josipa Broz Tito, Caru Etiopije Haile Selasiju. 10.1.1963.

6 AJ. KPR. I-2/17-18. Put J. B. Tita u SAD. 17–25.X.1963 // Monografija o SAD i jugoslovensko-američkim bilateralnim odnosima. 30.7.1963.

7 *Тузмухамедов Р. А.* Развивающиеся страны в мировой политике (международные правительственные организации развивающихся стран). М., 1977. С. 92, 177.

8 AJ. KPR. I-3-a/38-26. Poseta Ministra Inostranih Poslova Indije Ratan Kumar Nehru-a Jugoslaviji 17–20.2.1963 // Zabeleška o razgovoru druga Predsednika sa generalnim sekretarom Ministarstva Inostranih Poslova Indije R. K. Nehru-om. 20.2.1963.

9 AJ. KPR. I-3-a/38-10. Prijem zamenika ministra inostranih poslova Indije Dinesh Singh-a. 4.2.1964 // Informacija o Indiji.

10 Isto. I-1/1297. Odgovor Predsednika Nasera Predsedniku Titu. 12.2.1963.

11 AJ. KPR. I-1/1298. Poruka Predsednika Republike Josipa Broz Tita – Predsedniku UARA Gamal Abdel Naseru. 9.9.1963.

12 AJ. KPR. I-5-a/5. Teze za ocenu sadašnjeg stanja međunarodnih odnosa i našeg položaja. 13.2.1963.

13 Ibidem.

14 AJ. KPR. I-1/1298. Odgovor Predsednika UARA Gamal Abdel Nasera, Predsedniku Republike Josipu Brozu Titu. 3.XII.1963.

15 Ibid. I-3-a/121-32. UAR. Zabeleška o razgovoru PR J. B. Tita s ambasadorom UAR Abu Zeid-om. 4.XII.1963.

16 Ibid. I-1/381. Poruka Predsednika Republike Josipa Broza Tita, Predsedniku Vlade Indije Džavaharlalu Nehru. 10.XII.1963.

17 Ibid. I-1/435. Poruka Predsednika SFRJ Josipa Broza Tita, Predsedniku Indonezije Sukarnu. 11.XII.1963.

18 Ibid. I-1/205. Poruka Josipa Broza Tita, Caru Haile Selasiju. 21.III.1964.

19 Ibid. I-1/381. Poruka Predsednika Republike Josipa Broz Tito, Predsedniku Vlade Indije Džavaharlalu Nehru. 10.XII.1963.

20 Ibid. I-1/205. Poruka Josipa Broza Tita, Caru Haile Selasiju. 21.III.1964.

21 Подробнее см.: Isto. I-2/17-(1-5).

22 Ibid. I-1/435. Poruka Predsednika SFRJ Josipa Broza Tita, Predsedniku Indonezije Sukarnu. 11.XII.1963.

23 Ibid. I-4-a/5. II konferencija nesvrstanih zemalja. 5-10.X.1964 // Informativno-politički materijal. Informacija o pripremi konferencije.

24 Ibid. I-3-a/38-10. Prijem zamenika ministra inostranih poslova Indije Dinesh Singh-a. 4.II.1964 // Zabeleška o poseti pomoćnika ministarstva inostranih poslova Indije Dineša Singa Predsedniku Republike. 4.II.1964.

25 Ibid. Zabeleška o razgovorima državnog sekretara Koće Popovića i državnog podsekretara Marko Nikezića sa zamenikom ministra inostranih poslova Indije Dineš Singom 1.II.1964.

26 Ibid. I-4-a/5. II konferencija nesvrstanih zemalja. 5-10.10.1964 // Informativno-politički materijal. Informacija o pripremi konferencije.

27 Ibidem.

28 Ibid. Instrukcija ambasadama u zemljama učesnicama BK br. 43458. 30.I.1964.

29 См., например: АЈ. КРР. I-4-a/5. II konferencija nesvrstanih zemalja. 5-10.X.1964. Ambasadi Delhi poslata instrukcija. br. 441312. 31.12.1963; Ambasadi Džakarta depeša br. 439772. 18.XII.1963; Instrukcija ambasadama u zemljama potencijalnim učesnicama NKN. br. 412985. 17.II.1964.

30 Ibid. «Nove snage». Indonežanska inicijativa.

31 Ibid. I-1/438. Poruka Predsednika Indonezije Dr. Ahmeda Sukarna Predsedniku Republike Josipu Brozu Titu. 19.I.1965.

32 Ibid. I-4-a/5. II konferencija nesvrstanih zemalja. 5-10.X.1964 // «Nove snage». Indonežanska inicijativa.

33 Подробнее см.: *Čavoški J.* Jugoslavija i Daleki Istok – Treći Svet između Jugoslavije i Kine // Jugoslavija u hladnom ratu: prilozi istraživanjima. Beograd, 2010.

34 АЈ. КРР. I-4-a/5. Druga konferencija šefova država i vlada neangažovanih zemalja.

35 Правда. 1964. 7.X. № 281. С. 5.

36 АЈ. КРР. I-4-a/5. Informacija o Kairskoj konferenciji nesvrstanih zemalja.

37 Ibid. Druga konferencija šefova država i vlada neangažovanih zemalja.

38 Ibid. I-4-a/5. Druga konferencija šefova država i vlada neangažovanih zemalja.

39 Ibid.

40 Ibid.

41 Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1979. С. 93–94.

42 История дипломатии. М., 1979. Т. 5. Кн. 1. С. 669–671.

Novosel'cev B. S.

Yugoslavia and Cairo Conference of Non-Aligned Movement (1964)

The article is devoted to development of the Non-Aligned Movement in the first half of the 1960s. It attempts to analyze the reasons of the Yugoslavian activity to strengthen the multilateral cooperation of non-aligned states, identify the circumstances that influenced the success of the organization and conduct of the Second Conference of the Non-Aligned, and consider the position of the Yugoslav delegation at the forum.

Keywords: *Yugoslavia, foreign policy, Non-alignment Movement, Josip Broz Tito.*

В. В. Волобуев
(Москва)

Неосталинская оппозиция в Польше в 1956–1970 гг.

В статье проанализирована история консервативной оппозиции в Польской объединенной рабочей партии после возвращения на пост ее главы В. Гомулки. Показаны идейные и организационные связи этой оппозиции с албанским и китайским посольствами в Варшаве, а также ее место в глобальном конфликте СССР и Китая.

Ключевые слова: *оппозиция, Польша, В. Гомулка, СССР.*

Возвращение В. Гомулки на пост лидера партии в октябре 1956 г., проходившее в обстановке общественных выступлений и советского давления, вызвало к жизни два любопытных явления внутривнутрипартийной жизни. Первое – это так называемый польский ревизионизм, под которым понимается совокупность взглядов ряда интеллектуалов (философов, социологов, литераторов и т. д.), направленная на расширение области свободной дискуссии в официальной идеологии и текущей политике. Польский ревизионизм давно привлекал внимание исследователей и хорошо описан в историографии¹. Куда меньше известно о его противоположности – так называемом «догматизме», или неосталинской критике В. Гомулки с его концепцией «польского пути к социализму». Между тем данное течение долгое время казалось правящей верхушке не меньшей проблемой, чем разгул свободомыслия в партийных рядах. Причиной этого было как присутствие в рядах «догматиков» влиятельных персон предыдущего периода, так и воздействие на внутривнутриполитические события конфликта между СССР и Китаем. В этом конфликте В. Гомулка принял точку зрения Советского Союза, в то время как «догматики» взяли ориентацию на Китай.

Статья подготовлена в рамках проекта «Поиски новой государственности: инакомыслие и диссидентство в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 60–80-е годы XX в.» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

VIII пленум ЦК Польской объединенной рабочей партии 19–21 октября 1956 г. привел к существенным переменам в составе Политбюро и ЦК: в состав этих структур были введены люди Гомулки, которые прежде находились на обочине политической жизни или в тюрьме по обвинению в правонационалистическом уклоне. При этом свои посты потеряли многие представители старого руководства. Подчиняясь партийной дисциплине, участники пленума не высказывали возражений против этих перестановок.

Единственным, кто голосовал против избрания Гомулки на пост первого секретаря, был министр коммунального хозяйства К. Мияль, ранее занимавший посты шефа канцелярии Б. Берута и заведующего Управлением Совета министров. Он был далеко не единственным, у кого антисталинский поворот выбил почву из-под ног. Чувствовали себя разочарованными многие чиновники, писатели, сотрудники госбезопасности и даже рабочие, вмиг лишившиеся надежд на быстрый карьерный рост, потерявшие важный пост или просто утратившие расположение власти.

Уже в мае 1957 г., когда Гомулка на IX пленуме громил ревизионизм и догматизм, по стране ходили листовки, в которых он сам обвинялся в ревизионизме. Автор их остался неизвестен². В сентябре того же года литераторы консервативного толка Л. Кручковский, Л. Пастернак, С. Р. Добровольский жаловались членам писательской делегации из СССР, что «союз писателей систематически проводит линию отрыва писателей от общественной жизни, а таких литераторов, которые до 8 пленума (октябрь 1956 г. – В. В.) были общественно активны, часто выступали в прессе, Союз писателей игнорирует и отталкивает»³. Посетивший Польшу в декабре 1957 г. советский писатель М. Соколов также отметил, что многие лица в разговоре с ним выказывали недовольство происходящим в Польше. Уже в поезде ему довелось встретить бывшего военного атташе в Пекине, «старого коммуниста и рабочего» С. Висека, который, получив отставку, выражал крайнее негодование политикой министра обороны М. Спыхальского и вообще всей линией руководства ПОРП. По его словам, Польша в своем развитии пошла вспять, и лучшие люди оказались не у дел. То же самое заявляли в Варшаве бывший заместитель заведующего Иностранным отделом ЦК Т. Тщалковский и бывший председатель правления Союза польских литераторов Л. Кручковский. А писатели С. Р. Добровольский и Л. Пастернак вновь поспешили известить советского коллегу, что их больше не печатают, называя «сталинистами»⁴.

Решительное наступление «догматики» предприняли в марте 1958 г., используя для этого трибуну XI пленума ЦК ПОРП. Прежде, однако, они решили заручиться поддержкой Москвы и Пекина. 28 января 1958 г. советское посольство посетил председатель Ревизионной комиссии ЦК ПОРП С. Матушевский (в сталинские годы возглавлявший Административный отдел ЦК). Он представил послу П. А. Абрасимову целый список обвинений против Гомулки, заявив, в частности, что в стране падает жизненный уровень рабочих, прекращено строительство новых предприятий (а это грозит безработицей), в то время как на селе растет расслоение. «Если партия – говорил Матушевский, – [...] не возьмет по-настоящему в свои руки вопросы сельского хозяйства и не примет мер по предупреждению усиления кулацких и среднекрестьянских хозяйств, то это неизбежно приведет к еще большему классовому расслоению деревни и ее обогащению за счет ухудшения положения рабочего класса, что может создать реальную угрозу рабоче-крестьянскому союзу».

Далее Матушевский заявил: «В руководстве партии имеются люди, которые сознательно стремятся сохранить ревизионистов в партии. На мой (Абрасимова. – В. В.) вопрос, кого он имеет в виду, Матушевский прямо не ответил, но дал понять, что это делают люди непольской национальности, но близко стоящие к Гомулке». Гость также сообщил послу, что на ближайшем пленуме с Гомулки спросят, почему он сохранил ревизионистов в партии, а также потребуют отчета о совещании компартий мира в Москве в ноябре-декабре 1957 г.

«В ходе беседы Матушевский заметил, что ЦК ПОРП ведет политику сохранения провалившихся и скомпрометированных партийных кадров непольской национальности, переставляя их с места на место на ответственных участках партийной и государственной работы [...] Гомулка ничего не делает для того, чтобы пересмотреть и укрепить аппарат ЦК ПОРП политически стойкими и преданными делу строительства социализма кадрами. Он (Матушевский. – В. В.) сообщил, что из 30 заведующих, заместителей заведующих и секретарей комиссий ЦК ПОРП 21 человек является евреем по национальности. На ответственных участках идеологического фронта, начиная с ЦК ПОРП и кончая редакциями многих газет и журналов, а также в руководстве Польского радио, как правило, стоят лица непольской национальности, которые и определяют идеологическую линию партии. Больше того [...] и среди членов ЦК ПОРП имеется значительная группа евреев, которые заранее уславливаются и проводят свои предложения в решениях пленумов».

Нарисовав столь апокалиптическую картину, Матушевский, должно быть, думал, что посол тут же отправит соответствующее уведомление в Москву, а его самого заверит в дружеских чувствах и поблагодарит за ценную информацию. Так бы, конечно, и случилось, если бы дело происходило до 1956 г., когда советское руководство выражало обеспокоенность заметным присутствием евреев в высших эшелонах польской власти. Но теперь ситуация изменилась, и Абрагимов лишь посоветовал Матушевскому донести свою озабоченность до Гомулки и выразил убежденность, что всем партийным кадрам нужно сейчас сплотиться вокруг первого секретаря. Матушевский с неохотой согласился с ним, явно не ожидая такого ответа⁵.

Куда больше понимания «догматики» нашли в китайском посольстве, о чем без обиняков сообщил Абрагимову китайский посол в ПНР Ван Бинь-нань. Добрые взаимоотношения, еще существовавшие тогда между Советским Союзом и Китаем, способствовали большой откровенности двух дипломатов. Из частых визитов Ван Бинь-наня к Абрагимову в 1958 г. вообще складывается впечатление, что китайский коллега пытался как-то координировать действия с советским послом (такой доверительности, возможно, способствовало то, что Абрагимов в 1956–1957 гг. занимал должность посланника-советника в Пекине).

15 марта 1958 г. Ван Бинь-нань передал Абрагимову мнение «догматиков» о только что состоявшемся пленуме ЦК ПОРП. На этом пленуме один из лидеров данной группировки, заместитель министра труда и соцобеспечения В. Клоевич, выступил с критикой экономического доклада правительства. Клоевич также задал вопрос руководству, почему польская делегация не хотела включать фразу «во главе с Советским Союзом» в заключительную декларацию Московского совещания компартий мира. Выступавшего поддержал целый ряд членов ЦК из числа «догматиков», однако это не спасло «возмутителя спокойствия» от расправы – он был исключен из ЦК и потерял должность в министерстве (его соратник С. Матушевский был понижен до рядового члена Ревизионной комиссии).

Тем не менее, по словам Ван Бинь-наня, «догматики» вовсе не считали, что потерпели поражение на партийном форуме. «Положительная роль пленума (по мнению «догматиков». – В. В.) сводится к следующему: во-первых, была подвергнута критике ошибочная, ревизионистская линия руководства ПОРП; во-вторых, в результате этой критики внесены частичные изменения в решения XI пленума,

было принято решение о Московской декларации представителей коммунистических и рабочих партий». Далее Ван Бинь-нань поведал Абрасимову о состоявшейся сразу после пленума его встрече с членом Политбюро Э. Охабом, возглавлявшим партию в марте–октябре 1956 г. Выяснилось, что Охаб целиком разделял точку зрения Гомулки на происходящее: главной опасностью он тоже считал ревизионизм, а что касается «догматиков», то их, по мнению Охаба, можно было разделить на две группы – противников Хрущева и противников Гомулки⁶.

Ван Бинь-нань не скрывал от Абрасимова своего скептического отношения к польскому лидеру. 17 января 1958 г. он заявил советскому послу, «что, вероятно, Гомулка повторяет свои прежние ошибки, совершенные еще в 1948 г. В ПНР, – продолжал посол, – только говорят об изучении сельскохозяйственного опыта СССР, а фактически перенимают опыт Югославии»⁷.

На очередной встрече, состоявшейся 14 ноября 1958 г., Ван Бинь-нань опять заявил, что Гомулке «по-прежнему присущи некоторые тенденции правого уклона». Абрасимов возразил на это: «Гомулка – самая сильная и влиятельная фигура в ПНР [...] он честный коммунист и его надо поддерживать», добавив: «Так называемые догматисты, среди которых есть и старые коммунисты, по существу занимаются фракционной деятельностью, критиканством, не помогают Гомулке, и все это на руку ревизионистам. Ван Бинь-нань, согласившись со мной (Абрасимовым. – В. В.), заметил, что надо бы чаще встречаться с этими так называемыми догматиками и разъяснять им суть дела. [Я] ответил, что это личное дело Посла, я же считаю, что это внутреннее дело ПОРП»⁸.

Невзирая на такое расхождение во взглядах, китайский посол и в дальнейшем продолжал наносить визиты в советское представительство, хотя уже не так часто. Еще 25 января 1960 г., всего за несколько месяцев до антикитайской речи Хрущева в Бухаресте, положившей начало открытому противостоянию, Ван Бинь-нань подробно проинформировал Абрасимова о грядущих перестановках в ЦК ПОРП. Советский посол выразил удовлетворение намеченными отставками ряда наиболее рьяных реформаторов и повышением в должностях людей консервативного склада⁹.

Наконец, и сам Гомулка очень четко определил свое отношение к «догматикам». На встрече с венгерской партийно-правительственной делегацией в марте 1960 г. он «якобы сказал, что в ПОРП была также группа людей, выступавших против КПСС и лично товари-

ща Н. С. Хрущева, однако теперь и она полностью отошла от своих прежних взглядов»¹⁰.

Под «группой людей» первый секретарь имел в виду, конечно же, «догматиков». Действительно, к 1960 г. они почти сошли со сцены. У власти остались лишь те, кто целиком и полностью принял точку зрения партийного лидера. Но все же, прежде чем признать свое поражение, «догматики» предприняли попытку донести свои взгляды непосредственно до руководства КПСС, действуя через голову советского посла, который был настроен к ним явно недоброжелательно.

Своим эмиссаром они выбрали главу католической проправительственной организации «Товарищество ПАКС» Б. Пясецкого. ПАКС, созданный в послевоенные годы, зарекомендовал себя как послушное орудие власти, умело действовавшее во вред польскому епископату. Опираясь на сплав христианских и социалистических идей, ПАКС неизменно поддерживал все мероприятия партии, направленные против католической иерархии, считая эту иерархию реакционной и антинациональной (поскольку она подчинялась Ватикану).

Верхушка ПАКСа имела тесные связи с Политбюро ЦК ПОРП. В ходе кризиса 1956 г. ПАКС ориентировался на консервативное крыло ЦК ПОРП, то есть на тех, кого в скором будущем стали называть догматиками. При этом организация была на хорошем счету у советских дипломатов. Автор информационной справки о ПАКСе, составленной для IV Европейского отдела МИД СССР в марте 1960 г., отметил, что «паксовские газеты и журналы были в то время (в 1956 г. – *В. В.*) одними из немногих, которые не только не печатали откровенно антисоциалистические и антисоветские материалы, но, наоборот, во многих случаях выступали объективно в защиту достижений социалистического строя в стране и основ польско-советской дружбы»¹¹. Похвалы от советского дипломата удостоился и Б. Пясецкий, который, по словам автора справки, проявил себя в 1956 г. «как реально мыслящий деятель, здраво оценивающий опасность разнужданной антисоциалистической и антисоветской кампании»¹². Удаление из Политбюро в октябре 1956 г. лидеров консервативного крыла не могло прийти по душе этой организации.

В информационной справке советского посольства говорится: «Оценивая направление и характер общественно-политической деятельности ПАКС после октябрьских событий (1956 г. – *В. В.*), а также в свете некоторых принципиальных моментов политики руководства

ПОРП более позднего времени, необходимо подчеркнуть, что эта деятельность имеет определенные черты своеобразной оппозиции. Это особенно рельефно выступало в течение 1957 года, когда ПАКС резко негативно оценивал многие основные положения “польского пути к социализму”¹³. Работник советского посольства отметил также, что «линия поведения ПАКС в это время не могла быть приемлема для некоторой части польского руководства, которая расценила ее как сопротивление установкам VIII пленума ЦК ПОРП (в октябре 1956 г. – В. В.). Вот почему определенное время отношение к ПАКС характеризовалось явным недоброжелательством и даже были попытки его ликвидировать»¹⁴.

ПАКС чувствовал себя обманутым. «До 1956 г., – сообщал автор справки, – польское руководство довольно широко использовало различные католические организации и группы, а из них – в первую очередь ПАКС, для укрепления своего влияния на верующих и ослабления позиций католической церкви. Им оказывалась серьезная материальная и организационная поддержка. Деятельность всех этих объединений постоянно направлялась и руководилась соответствующими инстанциями... В настоящее время польское руководство, очевидно, не придает серьезного значения вопросу использования движения прогрессивных католиков»¹⁵.

Неудивительно, что именно Пясецкого противники Гомулки решили отправить в Москву. У бывших и нынешних членов ЦК из числа «догматиков» шансов выбраться в советскую столицу не было – их бы просто не выпустили из страны. Зато поездка главы религиозной проправительственной организации могла быть обставлена как обмен опытом с советскими товарищами в области взаимодействия власти и церкви.

21 марта 1958 г. Пясецкий встретился с послом Абрасимовым и довольно откровенно поведал о своих намерениях. Вначале он рассказал о том, как его организация пережила кризис 1956 г.: «Наиболее острые атаки на ПАКС начались после того, как в конце 1956 г. была опубликована моя (Пясецкого. – В. В.) статья “Государственный инстинкт” [...] В то время нашу организацию пытались ликвидировать в идеологической борьбе. Однако этот план ревизионистов провалился и наша организация, выдержав натиск, не только не ослабла, но значительно окрепла. В дальнейшем [...] начались попытки ликвидации ПАКС путем финансового нажима на наши предприятия и издательства. Эту борьбу нам вести трудно. Однако мы не намерены отступать и пока преодолеваем материальные трудности. В настоя-

щее время атаки на ПАКС идут по этим двум линиям одновременно. В подобном положении находятся и здоровые силы партии».

Сказав о здоровых силах в партии (то есть о «догматиках»), Пясецкий перешел к сути дела: «Как это ни странно, но эти настоящие коммунисты в Польше вынуждены быть в оппозиции к ряду принципиальных положений политической линии ПОРП и, как это ни странно, устраниаются со своих постов и из руководящих партийных органов. В этой связи Б. Пясецкий сказал, что выступление В. Кloseвича и некоторых других членов ЦК ПОРП он считает правильным и нужным [...] их взгляды поддерживаются довольно широкими слоями низового актива».

Далее Пясецкий сказал: «Я считаю Польшу кораблем, на котором все говорят и спорят о строительстве социализма, а корабль этот плывет к капиталистическим берегам». Как же изменить такое положение вещей? По мнению Пясецкого, «надо найти формы усиления влияния на польскую общественность со стороны советской общественности, с тем чтобы показать польскому народу, что сейчас надо не дискутировать о социализме, а строить социализм [...] Это воздействие на первых порах должно осуществляться по линии моральной поддержки всех сил Польши, которые последовательно стоят на позициях строительства социализма. Это касается не только здоровых сил в партии, но и всех общественно-политических организаций [...] По-моему, – подчеркнул Пясецкий, – это в настоящее время является одной из важнейших задач советской политики в Польше».

Другими словами, Пясецкий настаивал, чтобы Москва сделала ставку на «догматиков» в ущерб Гомулке. Столь же прозрачно Пясецкий поведал и о целях ПАКСа как общественно-политической организации: «Мы ставим задачу подменить Демократическую партию (одну из двух «союзнических» партий, действовавших под эгидой ПОРП. – В. В.) [...] нашей организацией, которая в соответствующий момент может быть превращена в политическую партию». Абрахимов «выразил несогласие с рядом положений, высказанных Пясецким, и в частности, с его оценкой внутривнутриполитической обстановки в ПНР в настоящее время. Кроме того, рекомендовал Пясецкому встретиться с товарищем Гомулкой и рассказать ему о деятельности ПАКСа и тех преследованиях, которым эта организация подвергается».

Посол обещал ходатайствовать перед начальством о помощи в розыске 16-летнего сына Пясецкого, похищенного неизвестными в начале 1957 г.¹⁶ (это было очень темное дело, не выясненное до сих

пор. Тело сына Б. Пясецкого Богдана со следами насильственной смерти нашли в конце 1958 г.).

Тем не менее Абрахимов дал добро на выезд Пясецкого в Советский Союз формально для ознакомления с методами сотрудничества власти и католической общественности. Первый заместитель министра иностранных дел СССР Н. С. Патоличев также выразил свое согласие, порекомендовав, однако, узнать точку зрения Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР. Совет немедленно затребовал характеристику на Пясецкого и членов его делегации, предварительный план поездки и цели ее организаторов, а также мнение польских властей касательно данного визита. Посольство передало требуемые бумаги, ПАКС выслал развернутый план, а вот мнение польских ответственных лиц удалось прояснить лишь после двукратного запроса со стороны Совета (мнение это оказалось положительным). В итоге 27 февраля 1959 г. было вынесено следующее заключение: «Совет по делам религиозных культов рассмотрел материалы, касающиеся приглашения делегации ПАКС в Москву, и находит, что этого делать сейчас не следует по следующим соображениям. Во-первых – нельзя обсуждать с Пясецким вопросы, касающиеся внутренней жизни Польши: взаимоотношения между ПОРП и ПАКС, место ПАКС в Польше и др. [...] Очевидно, Пясецкий надеется на то, что его поездка в СССР окажет некоторое влияние на ПОРП в решении интересующих ПАКС вопросов. Вступать в переговоры с Пясецким по этим делам не следует. Во-вторых, вопросы, выдвигаемые Пясецким, касающиеся создания общественно-прогрессивного движения светских католиков в Польше и в других социалистических странах, никто, кажется, в СССР не изучал, и поэтому не выработано еще определенной точки зрения на этот счет [...] Совет по делам религиозных культов не уверен в том, что товарищ Гомулка, давая согласие на поездку делегации ПАКС в Москву, знал о целях этой поездки»¹⁷.

Таким образом, сорвалась попытка «догматиков» заручиться поддержкой советских властей. С этого времени те из них, кто не отказался от борьбы (а таких осталось совсем немного), сделали ставку на Китай и Албанию.

Один из таких несломленных «догматиков», журналист К. Яжембовский, позднее следующим образом характеризовал эти настроения: «Считал и считаю, что со смертью Сталина произошел упадок передовой роли Советского Союза в международном коммунистическом движении. Его наследники – Маленков, Хрущев или

Брежнев – уже не соответствовали этой роли. Всех их превосходил Мао, представлявший страну с миллиардным населением»¹⁸.

Представители «догматизма» собирались в доме Яжембовского, установили контакт с китайским посольством и принялись распространять документы Компартии Китая. На встречи с ними приходили некоторые деятели ПАКСа (например, Р. Рейфф, член правления этой организации). Группа получала деньги из китайского посольства. В марте 1959 г. в кулуарах Дворца культуры и науки в Варшаве, где проходил III съезд ПОРП, ходила по рукам листовка, обвинявшая Гомулку в излишнем потакании евреям. В ее написании подозревались двое членов ЦК – С. Лапот и К. Мияль. Оба функционера были тут же сняты со своих постов в ПОРП.

В декабре 1963 г. появилась первая большая брошюра «догматиков»: «Победа в борьбе! Пассивность и молчание – это гибель!». Авторами ее были молодые журналисты Ю. Снециньский, С. Сенкевич, Р. Конарский и научный сотрудник А. Калестыньский. Окончательную редакцию осуществил К. Мияль. В документе говорилось о последовательном проникновении международного капитала во все сферы жизни польского общества и об усилении буржуазной идеологии. Проводниками западного влияния назывались сионисты и троцкисты, под давлением которых якобы произошло освобождение из заключения главы польского епископата С. Вышиньского, восстановление закона Божьего в школе и активизация «реакционной части духовенства». ПОРП обвинялась в отходе от генеральной марксистско-ленинской линии, а ее руководство – в том, что стало марионетками в руках «буржуазных интеллектуалов»¹⁹.

На средства албанского посольства брошюра была размножена и в количестве 10 тыс. экземпляров разослана работникам партаппарата, а также делегатам проходившего в июне 1964 г. IV съезда ПОРП. За это Мияль был снят с должности директора Инвестиционного банка и на два месяца помещен под домашний арест.

В начале августа 1964 г. были арестованы основные участники его группы (Яжембовский, Снециньский и др.). Следствие по их делу вел заместитель министра внутренних дел Ф. Шляхчиц, а в камеры к заключенным приходил на беседы председатель Главной комиссии партийного контроля Р. Новак. В начале сентября обвиняемые были приговорены к нескольким месяцам заключения за распространение ложных сведений о Народной Польше. Позже сроки были увеличены до трех лет. За решетку попали Яжембовский, Сенкевич, Снецинь-

ский, а также рабочий М. Фельчак. Фамилия К. Мияля в ходе судебного процесса не упоминалась.

4 декабря 1965 г. Мияль (согласно его собственному утверждению) основал нелегальную Коммунистическую партию Польши (КПП). Вместе с ним у истоков этой партии стояли известные некогда люди, занимавшие при Б. Беруте высокие посты: бывший глава Комитета общественной безопасности В. Двораковский, бывший заместитель члена Политбюро, отставной председатель Вроцлавского воеводского совета Х. Хэлховский, бывший глава Краковской воеводской парторганизации С. Бродзиньский.

В 1965 г. С. Матушевский попытался донести эти взгляды до руководства Всемирной организации профсоюзов во время VI конгресса, проходившего в Варшаве 8–22 октября. Любопытно, что авторы отчета для руководства польского МВД, отталкиваясь от прежней принадлежности Матушевского к Польской социалистической партии, включили его в число «ревизионистско-социал-демократических элементов», хотя воззрения отставного заведующего Административным отделом ЦК никак не соответствовали этой характеристике. Упоминались в отчете и другие выразители «догматистских взглядов», обратившие на себя внимание спецслужб тем, что обсуждали в частных разговорах «возможность разворачивания деятельности среди профсоюзов». Не укрылись от зорких глаз работников МВД также «отдельные попытки распространения среди деятелей профсоюзов материалов антипартийного содержания («Письма к делегатам», написанного миялевской группой)». Кроме того, как сигнализировали представители окружного совета профсоюза строителей, на некоторых предприятиях Варшавы и Мазовецкого воеводства имели место «промиялевские выступления»²⁰.

В феврале 1966 г. Мияль выехал в Албанию, откуда от имени Компартии Польши принялся рассылать через албанское посольство антигомурковские листовки. В них первый секретарь ЦК ПОРП критиковался за неспособность повысить жизненный уровень населения, неэффективную экономику, разгул террора и оторванность власти от народа. Этот набор обвинений, несколько странный для последователей Сталина, свидетельствует, что «догматики» отнюдь не закоснели в своих взглядах, но живо чувствовали настроение общества, чьей поддержкой они пытались заручиться. В декабре 1965 г., когда в стране кипели страсти по поводу обращения польских епископов к немецким с призывом о взаимном прощении, «догматики» даже выступили в защиту верующих, указав в одной из листовок,

что вера – это не то, что делит общество, ибо коммунисты признают только классовое деление²¹.

Сам Гомулка видел в этих интригах руку китайцев. В мае 1969 г., беседуя с Н. Чаушеску, он прямо заявил, что Компартия Польши – это организация, созданная албанцами на китайские деньги, а ее существование – часть подрывной работы, которую КПК ведет по всему миру с целью распространить свои великодержавные интересы²².

В декабре 1968 г. КПП вновь привлекла к себе внимание. За распространение антигомукловских листовок был схвачен Х. Хэлховский. Лишь тогда Служба безопасности выяснила, что этот деятель уже несколько лет числится членом руководства КПП в стране (Мияль считался таковым в эмиграции). Было установлено, что в состав ЦК КПП Хэлховский был введен в 1966 г. по предложению С. Бродзиньского – другого частого гостя китайского посольства. Хэлховский активно включился в работу, привлек в состав организации ряд лиц во Вроцлаве, Люблине и Островце Свентокшиском. Более того, во Вроцлаве Хэлховский наладил контакт с прокитайской группой греков.

Эти факты побудили Службу безопасности составить биографические справки на участников КПП, на основе которых можно получить представление о социальной основе этой организации. Под прицел работников госбезопасности попали одиннадцать человек – сплошь бывшие партийные функционеры, в большинстве сделавшие карьеру при Беруте, а затем по каким-то причинам разошедшиеся с линией Политбюро²³.

Любопытно, что на каком-то этапе в «маоисты» (по определению Службы безопасности) попал даже известнейший диссидент Я. Куронь, который на начальном этапе своей деятельности, будучи инструктором в Союзе польских харцеров (бой-скаутов), организовал ультракоммунистическую дружину, названную в честь культового персонажа государственной пропаганды – генерала К. Сверчевского-«Вальтера». В 1962 г. Куронь был выведен из состава правления СПХ за создание, как было сказано в отчете госбезопасности, «китайской группы»²⁴.

2 июля 1970 г. заместитель министра внутренних дел Р. Матеевский направил партийному руководству обобщающую записку относительно «направлений маоистской диверсии пекинского и тиранского центров». Матеевский сообщал, что «догматики» используют в своих целях не только албанское посольство, но также «маоистские фракции» в Бельгии и Австрии. Только в 1968 – первом квартале

1970 г. из Китая, Албании, Франции, Италии, Австрии и Западного Берлина в Польшу поступило 116 070 посылок, содержавших более миллиона брошюр, листовок и цитатников Мао Цзедунa. Из них материалы Компартии Польши составляли: в 1968 г. – 1300 посылок и 40 893 экземпляра, в 1969 г. – 8520 и 25 000, а в 1-м квартале 1970 г. – 4250 и более 6000 соответственно. Сверх этого албанское посольство с 1965 г. передало членам КПП 370 000 экземпляров различных пропагандистских материалов.

Также увеличилось число ежедневных 30-минутных радиопередач на польском языке, транслируемых из Албании: с четырех в 1966 г. до восьми – в 1970 г. В 1968 г. начала свои трансляции польская редакция пекинского радио – по две 30-минутных передачи ежедневно. По данным польского МВД, до конца 1967 г. «Радио Тирана» получало материалы от членов Компартии Польши, вследствие чего лучше ориентировалось в польских реалиях. Контрмеры Службы безопасности перекрыли каналы доступа информации, так что албанское радио вынуждено было ограничиться изложением документов КПК и Албанской партии труда.

Матеевский также отмечал, что после августа 1968 г. китайская пропаганда стала более агрессивной в отношении Польши, причиной чего явилось участие польских войск в подавлении «Пражской весны». На IX съезде КПК в апреле 1969 г. впервые было открыто заявлено о существовании подпольной Компартии Польши. Генерал обращал внимание на то, что если албанская пропаганда пыталась воздействовать только на рабочих и молодежь, то китайская не выделяла определенных групп населения и была рассчитана на всех жителей страны.

Однако в своей конкретной деятельности работники посольства КНР все же проводили усиленную работу среди некоторых категорий населения, видя в них наиболее благодатную почву для поиска единомышленников. Матеевский писал: «Свои усилия они направляют главным образом на людей, снятых с партийных и государственных постов, обманутых в своих карьерных расчетах и политически потерянных». По данным МВД, основными категориями, среди которых вели работу сотрудники обоих посольств, являлись бывшие партфункционеры, школьники, студенты и греческие эмигранты. Весьма облегчало китайцам задачу то, что многие учителя географии отправляли своих учеников в посольство за иллюстративными материалами, а дипломатические работники, пользуясь случаем, передавали им пропагандистские листки.

Служба безопасности МВД пристально следила за деятельностью польских маоистов: с ними проводились предупредительные беседы, умелыми действиями вызывалось взаимное недоверие, некоторые из них подвергались арестам, в квартиры к ним являлись с обысками.

Матеевский докладывал, что в 1965–1970 гг. у членов КПП конфисковано 8 копиров, 15 пишущих машинок, 2 радиотранзистора, одна радиостанция, а также автомобиль «Варшава», купленный на деньги посольства Албании. Было установлено, что за эти годы группа получила от албанцев 2,5 миллиона злотых. Также в Польшу несколько раз приезжал сотрудник албанской разведки Кочи Ксенго, пытавшийся восстановить КПП. Каждый раз польская госбезопасность брала его под наблюдение. По настоянию польского МИД из страны был выслан посол Албании и 1-й секретарь албанского посольства.

Результаты этой работы, по мнению Матеевского, были превосходны: от всей КПП осталась всего лишь горстка людей, лишенных какого бы то ни было значения. Зато среди греческих беженцев «прокитайская группа» насчитывала 400 человек. Правда, в своей деятельности она не выходила за пределы диаспоры, но имела единомышленников в Румынии и Чехословакии (очевидно, тоже греков).

Общий вывод Матеевского был следующий: «...общественный вред от прокитайского воздействия в Польше минимален и непропорционально низок по отношению к тиражам агитматериалов и финансовым вливаниям китайцев и албанцев. Прокитайские симпатии некоторых сообществ весьма ослабли после исчерпывающей информации о последствиях “культурной революции” и культа личности Мао Цзедуна. Исключение составляют троцкистские и ревизионистские элементы, выражающие поддержку раскольничьей деятельности китайцев. Эти сообщества полагают, что “политическое вмешательство” Советского Союза в дела на Дальнем Востоке, и особенно вероятность военных столкновений, создают возможность для организации оппозиционных выступлений в стране»²⁵.

К. Мияль вернулся в Польшу в 1983 г. Будучи 73 лет от роду, он не оставил активной деятельности и попытался возродить КПП, но потерпел неудачу. В новых реалиях его идеи выглядели совсем уж анахроничными. Но жизнь готовила ему новое разочарование: этот негибачый сталинист увидел не только крушение своих надежд, но и падение самой ПНР. Он скончался в 2010 г., не дожив нескольких месяцев до своего столетия, и до самого конца повторял, что именно порочная линия Гомулки привела к восстановлению в Польше капитализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Friszke A.* Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980. Londyn, 1994; *Калугина Т. Г.* Политическая оппозиция в Польше. 1956–1980. Дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998; *Лойко Л. В.* Политическая борьба в Польше (70–80-е гг.). Минск, 1995; *Волобуев В. В.* Политическая оппозиция в Польше (1956–1976). М., 2009.
- 2 *Soltysiak G.* Żołnierze Partii // *Gazeta Wyborcza*. 1993. 11.XII.
- 3 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 229. Л. 282–285.
- 4 Там же. Л. 270–271.
- 5 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0122. Оп. 42. Пор. 8. П. 352. Д. 035. Л. 9–16.
- 6 Там же. Л. 60–65.
- 7 Там же. Л. 7.
- 8 Там же. Л. 175–176.
- 9 Там же. Оп. 43. Пор. 27. П. 360. Д. 180. Л. 2.
- 10 Там же. Л. 26.
- 11 Там же. Оп. 45. Пор. 46. П. 374. Д. 720/13. Л. 34.
- 12 Там же. Л. 35.
- 13 Там же. Л. 38.
- 14 Там же. Л. 35–36.
- 15 Там же. Л. 48.
- 16 Там же. Оп. 42. Пор. 46. П. 356. Д. 720/13. Л. 11–15.
- 17 Там же. Оп. 43. Пор. 27. П. 360. Д. 180. Л. 11–12.
- 18 *Soltysiak G.* Żołnierze Partii.
- 19 *Eisler J.* Marzec 1968. Geneza. Przebieg. Konsekwencje. Warszawa, 1991. S. 28–29.
- 20 Instytut Pamięci Narodowej. Biuro Udostępnienia (IPN BU). 0365/8. T. 2. K. 307.
- 21 Archiwum Akt Nowych (AAN). IX/907. K. 3–4, 15–17, 42–64.
- 22 AAN. XIA/5. K. 178–180.
- 23 AAN. IX/136. Notatka dot. H. Chęłchowskiego.
- 24 IPN BU. 0296/172. T. 11. K. 5, 15.
- 25 AAN. IX/136. Informacja MSW. Dep. III.

Volobuev V. V.

Neostalinist opposition in Poland in 1956–1970

The article treats the history of conservative opposition in the Polish United Workers' Party after Władysław Gomułka's return to the post of its leader. It demonstrates ideological and organizational connections of the opposition with the Albanian and Chinese Embassies in Warsaw, as well as its place in the global conflict between the USSR and the People's Republic of China.

Keywords: *opposition, Poland, Władysław Gomułka, USSR.*

О. Н. Майорова
(Москва)

Политические последствия выступлений польских рабочих в июне 1976 г.

В статье рассматриваются причины рабочих протестов в Польше в июне 1976 г., их интерпретация властями и оппозицией; отмечается, что одно из важнейших политических последствий этих событий – начало формирования организованной оппозиции.

Ключевые слова: *Польша, протесты рабочих, зарождение организованной оппозиции, Комитет защиты рабочих (КОР).*

В начале «декады семидесятых» в Польше наблюдался значительный рост жизненного уровня. Команде Э. Герека, пришедшей к власти после событий на Побережье в декабре 1970 г., удалось достичь значительной политической стабилизации. В рамках проводимых реформ предполагалось обеспечить более широкое участие граждан в политической жизни.

Однако уже с 1974 г. в польской экономике проявились первые признаки инфляции, обозначился неконтролируемый процесс роста цен, усилились спекуляция, взяточничество. Цикл неурожайных лет, осложнивших положение в сельском хозяйстве Польши, совпал с мировым топливно-энергетическим кризисом, и к концу 1975 г. задолженность капиталистическим странам возросла почти до 8,5 млрд долл. Высшие эшелоны партийной и государственной власти осознавали эти негативные явления, но фактически мирились с ними. Руководители ПОРП ориентировали идеологический аппарат партии на пропаганду успехов.

Результаты выборов в Сейм и воеводские народные советы 21 марта 1976 г. руководство партии восприняло как одобрение обществом своей политики, что стало одной из предпосылок принятия, как вскоре оказалось, опрометчивого и недальновидного решения о повышении в июне 1976 г. цен. Оно ставило целью создать условия для рентабельности производства основных видов продовольствия. Под нажимом премьера П. Ярошевича был избран вариант одноразового значительного повышения цен, намеченного на 26 июня.

Польский историк А. Фришке отмечает, что общество восприняло повышение цен как попытку отнять достигнутое в экономиче-

ском отношении после 1970 г. Для многих групп населения повышение означало снижение уровня жизни ниже социального минимума¹. Неожиданным явилось не само повышение, а его высокий уровень. 80% анкетированных назвали бóльшие компенсации тем, кто больше зарабатывал, – явной социальной несправедливостью².

Представляет интерес и анализ причин волнений, сделанный в «Заявлении Европейской Конфедерации профсоюзов по поводу ситуации в Польше» от 5 ноября 1976 г. В нем справедливо отмечались экономические причины, но также и другие, вызванные общественным недовольством «всевластием партийного аппарата и способом осуществления власти». В период, непосредственно предшествовавший «операции цен», негативные настроения значительно усилились. Волну протестов, особенно со стороны интеллектуалов и католического костела, вызвали поправки к Конституции, законодательно закреплявшие руководящую роль ПОРП. Еще раньше были объединены все молодежные организации «для улучшения партийного контроля над ними». Наконец, два неурожайных года и увеличивавшаяся миграция сельского населения в города, вызвав «почти постоянную нехватку на рынке продовольственных товаров», ухудшили политическую ситуацию³.

25 июня 1976 г., то есть накануне планировавшегося повышения, на многих предприятиях страны было неспокойно, в десяти воеводствах отмечались забастовки и митинги. Забастовщики завода им. Вальтера в Радоме направились к зданию воеводского комитета ПОРП, требуя отмены решения правительства. Контроль над ходом демонстрации был упущен, начались опасные эксцессы, перешедшие затем в ожесточенное столкновение с подразделениями милиции, возведение баррикад, поджоги общественных зданий. Столь же серьезный оборот приняло развитие забастовки на заводе «Урсус» под Варшавой; третьим городом, в котором дошло до рабочих протестов за пределами предприятий, был Плоцк⁴.

По версии ПОРП протест представлялся как беспорядки, вызванные «пьяными хулиганами». Это должно было уменьшить политическое значение события. Ведь власти прекрасно понимали, что, как метко сформулировал английский писатель и публицист Джордж Оруэлл, «кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее, а кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое». Однако с возникновением в 1980 г. «Солидарности» власти вынуждены были модифицировать свою версию событий и признать, что причины протеста были обоснованы, а участниками действительно

были рабочие, но с оговоркой, что демонстрация вышла из-под контроля, и ею овладели маргиналы. После заседаний «круглого стола» в 1989 г. бывшие руководители ПОРП, вынужденные корректировать свою прежнюю позицию, старались перенести ответственность за репрессии 1976 г. с партии на другие институты.

Несмотря на монополию ПОРП в средствах массовой информации, польская диссидентская интеллигенция смогла в 1976–1980 гг. сформировать свою, *оппозиционную* партийной *версию радомского протеста*. Это было в значительной мере заслугой Комитета защиты рабочих (КОР), о чем подробно речь пойдет ниже, а также польского католического костела. В публикациях КОР впервые было использовано определение «протест» и «забастовка». Эта версия основывалась на подавлении протеста и необходимости помощи семьям репрессированных. При этом деятельность КОР по оказанию такой помощи ставилась в центр внимания, что усиливало роль интеллигенции в зарождавшемся оппозиционном движении. После 1989 г. единая версия событий политической оппозиции времен ПНР распалась. Радомская «Солидарность» уменьшала роль интеллигенции, одновременно подчеркивая значение костела. Последний же официально осудил жестокость властей во время подавления протеста, но вместе с тем призывал к общественному спокойствию. Следует отметить, однако, что как версия ПОРП, так и оппозиционная старались уменьшить роль акции участников протеста⁵.

Если исследователи более или менее едины в том, что в Радоме было задержано около 600 человек, то разногласия вызывает количество людей, которые принимали участие в акции протеста, а это важно для оценки масштабов сопротивления политике ПОРП. В рапорте, подготовленном для радомской ПОРП в 1982 г., представлявшем что-то вроде окончательной партийной версии событий, общее число участников протеста оценивается в 15 тыс. человек⁶. Другие данные приводит А. Фришке, который также ссылается на информацию ЦК ПОРП: забастовки состоялись на 97 предприятиях в 24 воеводствах, и в них приняло участие свыше 55 тыс. человек⁷.

Эти события показали, что поляки извлекли уроки из недавнего прошлого (борьба рабочих зимой 1970–1971 гг. закончилась их полной победой), и с середины 1970-х гг. каждый шаг государственных властей, приводивший к значительному снижению уровня жизни, встречался массовым взрывом, спонтанными забастовками по всей стране⁸.

Очевидно, что отказ вечером того же дня от введения планировавшегося повышения цен позволил избежать дальнейшей эскала-

ции конфликта. Герек лично включился в интерпретацию радомских событий, потребовал политической поддержки; заявил о необходимости организовать во всех воеводствах массовые митинги поддержки политики партии, а также осуждения методов действия малочисленной группы хулиганов: «...мне это необходимо как солнце, как вода, как воздух»⁹. И такие митинги были проведены. Наиболее масштабное мероприятие было организовано в Катовицах, административном центре Силезии и политического тыла Герека, которое собрало 200 тыс. человек.

В июле представители независимых и оппозиционных кругов, главным образом лица, принимавшие участие в протестах против изменений в Конституции ПНР, начали выступать в защиту репрессированных участников рабочих протестов. 18 июля Яцек Куронь передал корреспонденту итальянского информационного агентства открытое письмо, адресованное генеральному секретарю Итальянской коммунистической партии Э. Берлингуэру, призывая его выступить в защиту польских рабочих. Реагируя на письма, руководство ИКП обратилось к руководству ПОРП с призывом к умеренности и сдержанности¹⁰.

20 июля по инициативе епископа Домбровского состоялась его встреча с членом Политбюро, секретарем ЦК ПОРП С. Каней «по вопросу рабочих, репрессированных за выступление против повышения цен». Епископ заявил, что католическая иерархия из чувства ответственности за спокойствие в стране воздержалась от каких-либо официальных деклараций, чтобы не подливать масла в огонь. «Мы всегда готовы успокаивать общество, – убеждал Каню епископ Домбровский. – Но политика репрессий и возмездия может привести к такой ситуации, что разгоряченное и обиженное общество уже не будет в состоянии услышать никакой разумный голос». По его мнению, взбудораженные массы успокоит «не репрессия, а амнистия»¹¹.

Таким образом, католический костел официально сохранил значительную дистанцию по отношению к протесту, однако неофициально поддержал реформаторское движение и гарантировал помощь жертвам репрессий. Так, ксендз Котлаж, критиковавший власти, в проповеди в своем сельском костеле в Радомском воеводстве говорил открыто, что протест был обоснованным, что он был чем-то большим, чем «обычным бунтом из-за цен на колбасу», связывал его с протестами на Побережье в 1970 г. Епископ А. Токарчук, высказываясь в защиту радомского протеста, назвал действия протестующих «героическими»¹².

В целом партийное руководство сочло, что «во время этих волнений епископы и духовенство вели себя достойно». С целью стабилизировать обстановку после уличных выступлений премьер утвердил давно ожидавшие предложения церкви на строительство 30 костелов.

Ежемесячник «Культура» (издававшийся в Париже – одном из важнейших центров польской политической эмиграции), оценивая по горячим следам значение июньских событий, подчеркивал, что власти были вынуждены немедленно отказаться от повышения: «Летом 76 г. одновременно прозвучали экономические и морально-политические вопросы. Лето-76 было как бы соединением требований Познани и Побережья с требованиями польского Октября и Марта-68. Это было новое политическое качество, свидетельствовавшее о зрелости польского рабочего»¹³. Такая интерпретация была созвучна даже с мнениями в высших партийных кругах. М. Раковский писал 27 июня 1976 г. в своих политических дневниках, что «рабочий класс показал, кто действительно является руководящей силой [...] Это означает, что рабочими достаточно решительно были установлены границы самоволия, которое правящие круги могли бы себе безнаказанно позволить»¹⁴.

Июньский протест разделяет декаду 70-х гг. на две части. Так, до июня 1976 г. властям удавалось мобилизовать людей на участие в модернизации страны, повышение производительности труда, используя более высокие зарплаты, потребительские стремления граждан, развивая патерналистские функции государства. После июня надежды на быстрое улучшение жизни, а с ними и общественный энтузиазм стремительно исчезли, что привело к снижению мобилизационного потенциала системы, который уже никогда не был восстановлен.

Возникновение в сентябре 1976 г. «Комитета защиты рабочих» (КОР), созданного оппозиционно настроенной интеллигенцией и выражавшего интересы репрессированных рабочих, – еще одно, чрезвычайно важное последствие июня. Он положил начало организованному оппозиционному движению. 23 сентября 1976 г. 14 человек выступили с «Воззванием к обществу и властям ПНР», требуя «амнистии для приговоренных и арестованных и возвращения всем репрессированным работы»¹⁵. В одном из обращений КОР, в частности, отмечалось: «Опыт декабря 1970 г. и июня 1976 г. показал, что в результате общественного давления возможно склонить власти к уступкам [...] Власти очень быстро отнимали у разобщенного обще-

ства то, чего ему удавалось добиться. Противостоять этому может только постоянное, совместное и организованное давление»¹⁶.

Среди членов Комитета были известные деятели польской культуры и науки, например, писатель Е. Анджеевский, ветераны Сопrotивления и социалистического движения, а также бывшие члены ПОРП, исключенные в разные годы из партии «за приверженность социал-демократическим и ревизионистским взглядам». В создании КОР и в качестве инициаторов общественных протестов и оппозиционных движений большую роль играли активисты клубов еще 1950-х гг. Вначале КОР объединял немногочисленную группу интеллигенции, но за короткое время вокруг него сплотились десятки людей, которые, не являясь членами КОР, оказывали ему всяческую помощь в работе.

В оформлении единой оппозиции на рубеже 1975–1976 гг. важную роль сыграла организованная диссидентами кампания протеста против проекта поправок к новой конституции, включавшей статьи о руководящей роли ПОРП и дружбе с СССР. Решение о подписании ПНР в 1975 г. Хельсинкского «Заключительного акта», гарантировавшего права человека (представлялось, что откроется возможность легального давления на тоталитарный режим с целью его демократизации), а также усиливавшаяся зависимость государства от западных кредитов создали благоприятную почву для открытых протестов против конституционных изменений¹⁷.

«Комитет защиты рабочих» стал реальным воплощением общественного движения. Осенью 1976 г. члены КОР призвали Сейм сформировать специальную следственную комиссию, которая исследовала бы обстоятельства применения силы против участников июньских протестов, и обратились за поддержкой к общественности¹⁸.

Волна индивидуальных и коллективных протестов вынудила власти к большей сдержанности в вынесении приговоров. Отказ от репрессий диктовался также ухудшением экономического положения страны; власти, рассчитывая на кредиты Запада, не могли себе позволить слишком жесткую расправу с оппозиционерами. 24 сентября 1976 г. Первый секретарь ЦК ПОРП в письме Председателю Госсовета Г. Яблоньскому отмечал: «Я провел много бесед и прочитал немало писем от арестованных и их семей. Все обстоятельства, с которыми я познакомился, склоняют меня к мнению, что мы должны в отношении этих людей проявить великодушие»¹⁹. Среди акций, направленных на освобождение участников «июньских событий», без сомнения наиболее широким эхом отозвалась голодовка протест-

ста в варшавском костеле св. Марчина, начатая 25 мая. Выразителем требований протестующих стал главный редактор ежемесячника «Вензь» Тадеуш Мазовецкий. Этой относительно мало распространенной прежде формой протеста в последующие годы пользовались многократно, но – по мнению Я. Липского – никогда «во время последующих голодовок не удавалось получить в духовном отношении так много»²⁰. 19 июля 1977 г. Госсовет издал декрет об амнистии, по которому в последующие дни были освобождены лица, осужденные за участие в демонстрациях в Радоме и Урсусе, а также выступавшие в их защиту деятели КОР. Несомненно, это было успехом оппозиционных и независимых кругов, хотя власти официально связывали амнистию не с общественными протестами, а с очередной годовщиной создания Народной Польши.

Хотя вместе с июльской амнистией КОР выполнил свою миссию, его основатели не намеревались прекращать эту деятельность. Поэтому 29 сентября 1977 г. по инициативе КОР создается новая организация с более широкой программой – Комитет общественной самообороны «КОР» (КОС-КОР), ставившая целью «содействовать людям всех слоев и кругов, лишенным прав и защиты». Практически этот Комитет стал координатором оппозиционной деятельности в стране.

Успеху предпринимаемых действий во многом способствовала чрезвычайно активная издательская деятельность КОС-КОР, популяризовавшая идеи движения, утверждавшая ценности гражданского общества. На деньги, полученные из различных фондов на Западе, было организовано «Независимое издательское учреждение» (НОВА), которое вскоре заняло доминирующие позиции на «рынке» нелегальной литературы. С 1977 г. КОС-КОР издавал бюллетень «Роботник», тираж которого достигал 60 тысяч экземпляров. Эта издательская деятельность объединяла людей, поощряла их к активности²¹.

На первых порах КОР больше ориентировался на вузовскую аудиторию. Осенью 1977 г. в Варшаве был создан «летучий университет», своеобразный политический лекторий. Процесс углубления политической дифференциации среди научной и художественной интеллигенции выразился также в создании в январе 1978 г. Товарищества научных курсов (ТНК), в которое, вопреки названию, входили также писатели и артисты. С лекциями на полулегальных курсах выступали прежде всего сами члены КОР: профессиональные оппозиционеры Я. Куронь и А. Михник, сотрудники Польской академии

наук экономист Э. Липиньский и историк Б. Геремек. Привлекались к лекционной пропаганде и другие диссидентски настроенные интеллектуалы, как, например, Т. Мазовецкий, филолог-русист А. Дравич, философ А. Амстердамский. ТНК действовало около трех лет, во многом способствуя созданию атмосферы большей интеллектуальной свободы в научной среде в целом и особенно в Варшавском университете, Польском социологическом обществе, Историческом и Экономическом обществах. Но влияние ТНК не ограничивалось только академической средой: тысячи поляков посещали лекции ТНК, проводимые в костелах Варшавы, Лодзи, Кракова, Щецина и Вроцлава. Заслугой А. Керстена было создание НОВА-2, издававшей работы ТНК.

Что касается политики власти в отношении ТНК, то она осуществлялась двумя способами: давлением силой и стремлением создать позитивную альтернативу. С этой целью было решено при Польской академии наук организовать публичные лекции на «полуцензурные» темы. Решение принималось на уровне руководства Отдела науки ЦК ПОРП, о чем свидетельствует письмо С. Чайки от июля 1978 г.: «Эта деятельность может быть достаточно конкурентной для нелегальных инициатив, предпринимаемых в рамках л[етучих] у[ниверситетов] и ТНК»²².

Следует подчеркнуть значение разных аспектов независимой издательской, просветительской и научной деятельности – и организационного, и литературного, и политического.

К 70-м годам ведущая роль в разработке стратегии борьбы за демократизацию и независимость Польши закрепилась за редакцией парижского журнала «Культура», с которой поддерживали контакты все другие группировки эмиграции, а также оппозиционеры из самой Польши. Журнал отличался тем, что на первый план ставил не проблемы эмиграции, а политические процессы в Польше, пытаясь оказывать (и небезуспешно) влияние на формирование общественно-политических настроений в стране.

Общественные конфликты в ПНР в 1968 и 1970 гг. воскресили в кругах эмиграции надежды найти в стране социальную базу для организованного антиправительственного движения. Однако по вопросам его политического оформления в эмигрантской печати велись длительные и ожесточенные споры. Только в 1974 г. редакция «Культуры» с помощью своих коллег из западных центров идеологической борьбы, прежде всего польской редакции радио «Свободная Европа», попыталась определить характер и стратегию оппози-

ционного движения, найти общую платформу для представителей различных слоев польского общества. Это движение должно было быть направлено против тоталитарного режима и за независимость Польши – так сформулировал цели политической оппозиции журнал «Культура» в редакционной статье в 1974 г.

Первым шагом по реализации намеченной линии явилось опубликование редакцией «Культуры» программы некоего Польского национально-освободительного соглашения (ПНОС), подпольной организации, созданной летом 1976 г. в ПНР и провозгласившей себя противником ПОРП и социализма в Польше. Центральным пунктом программы ПНОС выдвигалась задача «достижения Польшей независимости от Советского Союза». Программа являлась как бы перекидным мостиком от политических установок Запада к политической платформе оппозиции в самой Польше²³. Наиболее близкое идейное родство с авторами программы ПНОС обнаружили оппозиционеры радикального националистического направления во главе с Л. Мочульским. Созданная ими в 1979 г. Конфедерация независимой Польши (КПН) в своих программных установках повторила основные постулаты ПНОС²⁴. Главным программным документом стала работа ее лидера «Революция без революции», в которой ПОРП и органы государственной власти в ПНР объявлялись антинациональными и провозглашался курс на их свержение, причем в выборе средств Л. Мочульский не останавливался и перед самыми крайними. Отвергая программу эволюции, выдвигавшуюся другими оппозиционными группами, КПН подчеркивала свое стремление к полному разрушению социалистического строя в Польше.

Идеологи КОС-КОР, признавая невозможность изменения политического строя в ближайшем будущем, стремились найти те сферы общественной жизни, где желаемые перемены достижимы в обозримом будущем. «Просвещение» людей и работа по самоорганизации общества являлись именно такими сферами. Программа действий в этих областях была определена А. Михником как «новый эволюционизм» и основывалась на полном отрицании социализма, но не посредством открытой политической борьбы, а путем создания «снизу» широких анклавов независимости, борьбы за реформы, за максимальное расширение прав человека. По сути, подобная концепция представлена и в работах Я. Куроня, выдвигавшего идею «самоограничивающейся революции». Его утверждение, что рабочие должны не «сжигать» партийные комитеты, а создавать собственные, было

продиктовано не только тактическими соображениями, но и проявлением опасения, что может случиться, если беспорядки в Польше превратятся в перманентную революцию²⁵.

В отличие от КПН, претендовавшей на представительство всех слоев польского общества, а на практике опиравшейся на узкие круги националистически настроенной клерикальной интеллигенции и мелкой буржуазии, КОР пытался создать блок оппозиционной интеллигенции с рабочим классом и здесь концентрировал свои организаторские и пропагандистские усилия.

Главная ставка была сделана на оппозиционное профсоюзное движение. Коровские теоретики, заняв в 1980 г. посты экспертов и советников «Солидарности», использовали их для того, чтобы свои идеи внедрять в документы и практическую деятельность оппозиционного профобъединения.

Две соперничавшие между собой оппозиционные организации – КОР и КПН – на рубеже 1970–80-х гг. практически не только не мешали, но и помогали друг другу. Целью КОР являлось создание легальных и, по возможности, массовых структур в виде независимых профсоюзов, различных объединений и организаций, противопоставление их официальным органам власти, размывание, поэтапная дестабилизация социализма. А КПН со своей довольно экстремистской по тем временам программой отвлекала внимание польских властей от других оппозиционных группировок, выглядевших на ее фоне более умеренными²⁶.

Примечательно, что впоследствии, на конференции деятелей различных кругов польской оппозиции 70–80-х гг., состоявшейся в Варшаве в 2002 г., многие выступавшие высказывали мнение, что идеологические споры того времени не играли особенно важной роли, так как их объединял общий антитоталитарный, антикоммунистический настрой.

Как уже отмечалось, главная ставка была сделана на оппозиционное профсоюзное движение. Новый этап деятельности КОР начался с создания в 1978 г. первых групп так называемых свободных профсоюзов. Это уже была практическая реализация выработанной концепции борьбы. Благоприятные условия возникли из-за пассивности и бюрократизма официальных профсоюзов, аппарат которых во многих случаях утратил связи с трудовыми коллективами, превратился в придаток административно-командной системы управления. Для рабочих очень важна была легальность их деятельности, показывавшая, что они защищают свои интересы в рамках закона. В

Гданьском регионе и Силезии новые профгруппы повели под руководством КОР интенсивную организаторскую и пропагандистскую работу. Распространение прессы, в основном газеты «Роботник», было основной формой деятельности. Осенью 1977 г. на Гданьскую судоверфь доставлялось по крайней мере несколько сот экземпляров газеты ежемесячно, в 1979 г. – в среднем 1000–1500 экз. Будущие деятели «Солидарности» – в основном люди, прошедшие школу «Роботника»²⁷.

КОР энергично использовал брожения в студенческой среде в связи с трагической смертью краковского студента С. Пыяса, ответственность за которую западными средствами информации была возложена на польскую службу безопасности. В ходе антиправительственной кампании под эгидой КОР создавались студенческие комитеты солидарности, прообраз будущих студенческих оппозиционных структур.

Отмечая значение КОРа, исследователь Р. Зувовский подчеркивал, что Комитет сыграл роль пионера в эволюционном преобразовании оппозиции из спонтанной и/или нелегальной в легальную и организованную. Эта перемена сама по себе значительно подняла статус польских оппозиционеров в общественной жизни страны, так как польское диссидентство трансформировалось из временного в постоянный элемент общества²⁸.

Примечательно, что эта качественная перемена фиксировалась и органами власти. Так, в рапорте руководителя краковской службы безопасности в 1978 г. утверждалось, что пока еще центры оппозиции не так сильны, но в своих кругах завоевали авторитет: например, Социалистический союз польских студентов в Кракове ни интеллектуально, ни организационно не в состоянии противостоять краковскому Студенческому комитету солидарности. Далее в документе подчеркивалось, что если раньше напряженная ситуация в ПНР вызывалась спонтанными общественными взрывами, то теперь относительно еще слабая оппозиция может использовать спонтанный протест и сделать его чрезвычайно опасным для системы Польши. Следует учесть, что это было написано за два года до выступления «Солидарности»²⁹. Но в целом режим Э. Герека был довольно толерантен к оппозиционным группам. Размышляя о причинах этого, М. Раковский пишет, что «именно в 70-е годы общество получило больше, чем ожидало. Поэтому деятельность “какого-то там” КОРа, состоявшего из немногим более десятка профессиональных оппозиционеров, не рассматривали слишком се-

рзезно [...] значительно более важными, как нам казалось, являлись вопросы, связанные с модернизацией организации труда, системы управления и т. д.»³⁰.

Главным образом благодаря усилиям КОРа удалось нарушить монополию государства на информацию, устранить барьеры, разделявшие рабочих и интеллигенцию.

Сознательное исключение из практики насилия во время острого политического кризиса – в значительной мере заслуга КОРа, который выступал за мирные средства решения общественных конфликтов, главным образом путем соглашений³¹. Таким образом, КОР являлся наиболее влиятельной, хотя и не единственной силой польской оппозиционной общественно-политической жизни середины 70-х гг.³²

Итак, со второй половины 70-х гг. ПНР вступает в новую фазу своей истории, фазу организованного и легального оппозиционного движения, которое являлось реакцией общества на кризисное развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Friszke A.* Polska Gierka. Warszawa, 1995. S. 64, 36.
- 2 *Zaremba M.* Upalny Czerwiec 1976 // Więż. Warszawa, 2001. R. 44. N 6. S. 66.
- 3 Czerwiec 1976 w materiałach archiwalnych. Instytut pamięci narodowej. Warszawa, 2001. S. 239–240 (dok. 50).
- 4 Ibid. S. 265, 267, 269 (dok. 57).
- 5 См. подробнее: *Morgan D.* Konflikt pamięci. Narracje radomskiego czerwca 1976. Warszawa, 2004. S. 17, 76.
- 6 Ibid. S. 30, 33.
- 7 *Friszke A.* Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980. Londyn, 1994.
- 8 *Zuzowski R.* Komitet Samoobrony Społecznej KOR: Studium dysydentyzmu i opozycji politycznej w Polsce. Wrocław, 1996. S. 30.
- 9 Polityka. 1990. 12.V.
- 10 Opozycja demokratyczna w Polsce 1976–1980. Wybór dokumentów / Red. Z. Hemmerling, M. Nadolski. Warszawa, 1994. S. 62–64 (dok. 3).
- 11 Po czerwcu – 76: Pouczenie dla Gierka // Dodatek do «Rzeczpospolitej» Plus Minus. 1996. 29–30.VI.
- 12 *Morgan D.* Konflikt pamięci... S. 55–56.
- 13 Цит. по: Ibid. S. 55.

- 14 *Rakowski M. F.* Dzienniki polityczne 1976–1978. Warszawa, 2002. S. 81.
- 15 Dokumenty Komitetu Obrony Robotników i Komitetu Samoobrony Społecznej «KOR». Warszawa; Londyn, 1994. S. 30.
- 16 Ibid. S. 296.
- 17 Ibid.
- 18 Czerwiec w materiałach archiwalnych. S. 258 (dok. 57).
- 19 Ibid. S. 233 (dok. 45); Trybuna Ludu. 1977. 04.II.
- 20 Цит. по: Czerwiec w materiałach archiwalnych. S. 69.
- 21 Co nam zostało z tych lat: Opozycja polityczna 1976–1980 z dziesięcioletniej perspektywy. Warszawa, 2003. S. 61, 72–73, 79, 83.
- 22 Ibid. S. 110.
- 23 Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. СПб., 2012. Т. 1. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. С. 179–198.
- 24 Там же. С. 259–262.
- 25 *Kuron J.* Myśli o programie działania na temat form i metod pracy opozycji // Opozycja demokratyczna... S. 136.
- 26 *Лойко Л. П.* Политическое развитие Польши в 70–80-е гг. XX в. Минск, 2002. С. 75.
- 27 Co nam zostało... S. 129–130, 134–135, 140, 194.
- 28 *Zuzowski R.* Komitet Samoobrony Społecznej KOR... S. 119.
- 29 Co nam zostało... S. 164.
- 30 Цит. по: *Бухарин Н. И.* Интеллигенция и общественный кризис 80-х годов в Польше // Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. М., 1993. С. 109.
- 31 *Zuzowski R.* Komitet Samoobrony Społecznej KOR... S. 201, 199.
- 32 Подробнее см.: *Лыкошина Л. С.* Гражданское общество в Польше. Теоретические представления и социальная практика. М., 1998. С. 14–21; *Майорова О. Н.* Треть века польских реформ (1956–1989): от попыток либерализации социализма до «шоковой терапии» // Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX в. М., 2006. С. 223–230.

Majorova O. N.

The political outcome of the Polish workers' protests in June, 1976

The article deals with the causes of the workers' protests in June 1976 in Poland and how they were interpreted by the authorities and opposition. It is stressed that one of the pivotal political consequences of these events was the birth of the organised opposition.

Keywords: *Poland, workers' protests, birth of the organised opposition, Workers' Defence Committee.*

Л. С. Лыкошина
(Москва)

«Историческая политика» современной Польши в контексте российско-польских отношений

В статье рассматриваются некоторые аспекты исторической политики в современной Польше в интерпретации противоборствующих политических сил и отдельных политиков. В качестве конкретных примеров осуществления исторической политики берется празднование памятных исторических дат. Ключевые слова: *историческая политика*, «*Право и справедливость*», «*Гражданская платформа*», Я. Качиньский, Д. Туск, Б. Коморовский, *Январское восстание*, *День независимости*, *День флага*.

Термин «историческая политика» приобрел особую популярность в Польше с середины 2000-х гг., будучи позаимствованным из немецкого общественно-политического дискурса. Понятие исторической политики связано с проблемой исторической памяти, привлекавшей внимание ученых в 20-е гг. XX в. и приобретшей особую популярность в 1980-е гг. В Польше исследование исторической памяти связано прежде всего с именем Н. Ассородобрай, которая еще в 60-е гг. XX в. использовала термин «историческое сознание». Огромная роль в изучении данной проблематики принадлежит также Б. Шацкой, продолжившей дело Н. Ассородобрай.

Если рассматривать историческую политику как фактор формирования исторического сознания, то следует признать тесную взаимосвязь означенных понятий. Общим местом является констатация факта, что историческое знание отличается от исторического сознания. Для последнего весьма характерны элементы селективности и эмоциональная окрашенность.

Очевидно, что любое государство заинтересовано в том, чтобы историческое сознание максимально соответствовало интересам правящей элиты. В качестве инструмента для достижения этой цели и используется историческая политика. Сколько бы ни говорилось о неправомочности таковой, можно констатировать, что историческая политика существует в любом государстве, и даже декларативный отказ от нее тоже означает определенную историческую политику.

После 1989 г. в Польше, по сути, сформировалось два основных направления исторической политики: либеральное и консервативное. Причем не историки, а скорее публицисты, СМИ и определенные политические силы определяют облик исторической политики.

Главным адептом необходимости активной исторической политики в нынешней Польше является партия «Право и справедливость» (ПиС) и ее лидер Я. Качиньский, представляющие консервативное направление. Соответственно в период пребывания этой политической формации у власти¹ именно консервативное направление было определяющим. В программе ПиС, принятой в 2004 г., содержалось положение о необходимости исторической политики. Причем идеологи ПиС исходили из того, что до них исторической политики не было, а была скорее политика «национальной амнезии», которую проводили, в частности, «первый некоммунистический премьер» Т. Мазовецкий, с его «политикой жирной черты», президент А. Квасьневский с его лозунгом «выберем будущее», А. Микник с его либеральной «Газетой выборчей».

Покойный президент Л. Качиньский огромное внимание уделял исторической политике. Именно он был инициатором создания Музея Варшавского восстания, поддерживал деятельность Института национальной памяти². Я. Качиньский, позиционируя себя как наследник дела брата, настаивает на своей версии исторической политики, которая должна утверждать положительный, духоподъемный образ польского народа. Я. Качиньский предлагает даже создать при польских посольствах своеобразные «антидиффамационные центры», которые отслеживали бы и быстро реагировали на все попытки опорочить польскую историю и вообще образ Польши, усматривая прекрасный образец такого рода политики в деятельности Израиля.

По мысли идеологов ПиС, пока у власти остаются антипольские правительство и президент, нужно создавать некое параллельное, альтернативное общество со своей прессой, своей системой образования, своей идеологией. Примечательно, что в последней все более отчетливо видны следы идеологии Романа Дмовского. В «Рапорте о состоянии Речи Посполитой» апелляция к духовному наследию энциклопедии очевидна. Категория народа, рассматриваемая как некая высшая непререкаемая ценность, которую надо защищать от «чужих» и от «врагов», поставлена в документе во главу угла. Причем главные враги – внутри самой Польши: это нынешнее руководство страны.

Для борьбы за воплощение в жизнь своих идей ПиС располагает достаточно мощными средствами, прежде всего серьезной интел-

лектуальной базой, в частности в виде различного рода исследовательских центров. В Варшаве действует Институт Собеского, возглавляемый П. Шаламахой, некогда работавшим в правительстве ПиС. Формально Институт не связан ни с какой политической партией. Но в реальной жизни его сотрудники и эксперты разрабатывают для ПиС программные документы, проводят экспертизы. В Кракове создан Ягеллонский институт, возглавляемый профессором В. Рошковским – историком и экономистом, связанным с ПиС, в Люблине институт им. Казимира Великого. ПиС поддерживает одна из наиболее популярных в стране газет – «Речь Посполита», а также «Газета польская», праворадикальный еженедельник «Уважаем же».

«Право и справедливость» широко представлена в Интернете, не только на своем официальном сайте, но и в Твиттере, на многих сайтах и в блогах. Одна из самых консервативных польских партий едва ли не успешнее всех пользуется новейшими техническими средствами.

Главным объектом исторической политики в нынешней Польше является период социализма, но это не означает, что другие исторические периоды остаются вне поля влияния ее адептов.

Понятие «историческая политика» включает в себя комплекс мер, целенаправленно применяемых государством и политическим классом для формирования в обществе желательного (и отнюдь не всегда объективного) образа прошлого. Для достижения этой цели используются и финансовые рычаги, и контроль над СМИ, и контроль над системой образования, и воздействие на общественное сознание посредством различного рода символических акций, в частности соответствующим образом организованных и эмоционально насыщенных праздничных мероприятий.

Именно последний аспект вопроса представляется особенно интересным и показательным в нынешней Польше в связи с организацией празднования в последнее время годовщин некоторых памятных дат. В эти дни особенно отчетливо проявились как отсутствие единства польского политического класса³ и общества в целом, так и стремление различных политических сил проводить свою «историческую политику», использовать историю для достижения политических целей.

В 2013 г. исполнилось 150 лет со дня январского восстания 1863 г., события, вызывающего противоречивые суждения и споры, как в прошлом, так и в наши дни. Кратко суть полемики можно выразить, вспомнив слова песни, популярной в годы восстания: кто-то

видел главное в том, что «пошли наши в бой» (это слова песни), а кого-то страшно раздражало, что «пошли наши в бой без оружия» (как пелось в той же песне). «Что же идти-то, коль нет оружия. Сколько можно упиваться своими поражениями!» – с горечью вопрошают и в наши дни многие поляки, комментируя в Интернете многочисленные материалы, посвященные восстанию. «Свобода не завоевывается без крови!» – спорят с ними другие.

В январские дни 2013 г., размышляя о событиях 1863 г., некоторые поляки вспомнили о чехах, которые без восстаний и кровопролития стали независимым государством. Так, известный польский социолог Р. Марковский в радиоинтервью заметил, что восстаний в Польше слишком много и он охотно поделился бы ими с чехами. Ему симпатична позиция Швейка, который сидел в пивной и пережидал, когда пронесутся мимо «все эти сумасшедшие» как с одной, так и с другой стороны. Конечно же, Марковский получил гневную отповедь: публицист П. Семка резонно заметил, что «переждать» не всегда удается и «пивные тоже горят»⁴.

В межвоенной Польше участники восстания были окружены заботой государства: им платили пенсии, из ветеранов было сформировано специальное воинское подразделение, военные первыми отдавали им честь. А что нынешние поляки знают о восстании? Сохранилась ли память о нем? По данным социологов, двое из трех поляков не знают, когда восстание началось, 31% не знает, как закончилось; 53% респондентов думают, что поражением, 11% – победой; 70% не знают, кто руководил восстанием. Только 17%, демонстрируя знание истории, правильно называют имя диктатора восстания Ромуальда Траугутта, 8% полагают, что восстанием руководил Костюшко, а 4% – что Пилсудский. Почти половина респондентов не уверена в том, что восстание было нужно⁵.

Но в отличие от многих соотечественников польский президент Б. Коморовский (как известно, историк по образованию, да еще и писавший диплом о Пилсудском) вслед за Первым маршалом твердо уверен в целесообразности и значимости восстания. Более того, как Пилсудский верил в то, что январское восстание породило легионы и 1918 год, принесший свободу Польше, так Коморовский полагает, что Варшавское восстание (1944) породило 1989 год и демократическую революцию в Польше. Недаром в дни празднования юбилея восстания, проходившего под патронатом Коморовского, польский президент возложил венок к памятнику Польскому подпольному государству и Армии Крайовой, акцентируя тем самым связь между

январским восстанием и польским сопротивлением в годы Второй мировой войны⁶.

Для Коморовского чрезвычайно важен мотив единения в период восстания поляков разных сословий и разных вероисповеданий, мотив совместной борьбы всех народов Речи Посполитой против общего врага – России. Для президента, древний род которого имеет литовские корни, особенно значимым представляется, что «январское восстание явилось последним историческим аккордом той прекрасной многоязычной симфонии, которую веками исполняло польско-литовское государство. На повстанческих знаменах, печатях и гербе Национального правительства последний раз были вместе Белый орел, Погоня и Михаил Архангел»⁷.

Но в настоящее время не у всех народов бывшей Речи Посполитой эти слова президента Польши вызывают умиление. Правда, в Литве 2013 г. был объявлен годом январского восстания, а вот в Белоруссии ситуация далеко не столь однозначна. Оппозиция призывала праздновать юбилей, усматривая в восстании славную страницу борьбы за национальную независимость, а официальный Минск отнесся к этому событию без особого энтузиазма. Так что «симфония» звучит не очень гармонично.

Коморовский считает, что 150 лет – срок достаточный, чтобы забыть все распри, все споры между лидерами восстания, среди которых были, как известно, «красные» и «белые», то есть умеренное и радикальное крыло. Тем более что кто к какому лагерю относился, знают сейчас лишь профессионалы. Для остальных же все участники восстания стали «красно-белыми».

Акцентируя важность памяти о единении участников восстания, Коморовский в ходе торжеств не раз напомнил соотечественникам, что за свободу Польши боролись представители не только разных национальностей, но и разных вероисповеданий, в том числе и иудейского.

Этот посыл президента представляется вполне уместным в нынешней Польше, где вполне ощутимо проявляются националистические настроения. Весьма ярко последние проявились хотя бы во время празднования Дня независимости в ноябре 2012 г., когда националисты провели свой марш, главными организаторами которого были такие структуры, как возродившаяся в 1990-е гг. «Всепольская молодежь», и еще более радикальный «Национально-радикальный лагерь». Обе организации апеллируют к идейному наследию Р. Дмовского. «Роман Дмовский – освободитель Польши», – скандиро-

вали участники марша. На транспарантах были обвинения и угрозы в адрес Туска и Коморовского, обещания «не забыть Смоленск» (имелась в виду катастрофа 10 апреля 2010 г., приведшая к гибели польского президента Леха Качиньского).

Р. Винницкий, лидер «Всепольской молодежи» по завершении марша заявил о создании Национального движения с целью ликвидации нынешней III Речи Посполитой как воплощения предательства «круглого стола».

Национал-радикалы (организация, возникшая в 1993 г.) во время своих акций выдвигают требования, далекие от просвещенного национализма, требуя вернуть Польше Львов и Вильнюс, расправиться с сексуальными меньшинствами так же, как «Гитлер с евреями». Лидер национал-радикалов П. Холехер твердо обещает, что в случае их победы «не будет никакой жирной черты» и все получают по заслугам.

Коморовский же, проводящий линию примирения и согласия, и в День независимости возглавил колонну в несколько тысяч варшавян, принявших лозунг президента «Свобода прекрасна, она принадлежит всем нам». На пути следования марш независимости делал остановки у памятников заслуженным полякам: и примасу С. Вышиньскому, и лидеру крестьянского движения межвоенной Польши В. Витосу, и Главному коменданту Армии Крайовой С. Гроту-Ровецкому, и премьеру Польши И. Падеревскому, подписавшему Версальский договор, и, наконец, у памятника Р. Дмовскому, идеологу польского национализма (что случилось впервые в истории страны с момента появления этого памятника в начале 2000-х гг.). Более того, Б. Коморовский выразил сожаление, что в Варшаве нет памятника И. Дашиньскому, представляющему польскую социалистическую мысль.

Но пафос единения во имя Польши пытались сбить группы противников президента, на каждой остановке марша разворачивавшие транспаранты с упреками по поводу слишком мягкого отношения главы польского государства к абортам, потворства сексуальным меньшинствам, низкопоклонства перед Евросоюзом. Присутствовала и смоленская тема и обвинения в покушении на жизнь Л. Качиньского. Тем более что буквально накануне Дня независимости отмечался день памяти смоленской катастрофы (что происходит 10 числа каждого месяца), и Я. Качиньский вновь призывал биться за правду до конца и разоблачить заговор России.

День независимости, так же как январские торжества в память о восстании 1863 г., наглядно показал реальный контекст, в кото-

ром польские политики пытаются реализовывать свое видение истории. Стремясь разрядить обстановку, Коморовский предложил отказаться от термина «историческая политика», заменив его на более мягкий и примиряющий термин «историческая память», предполагающий стремление к примирению и взаимоуважению, к толерантности⁸.

Достичь этих высоких целей в расколоте польском обществе весьма непросто. Ведь даже юбилей восстания стал поводом для новых залпов «польско-польской войны», уже не первый год идущей в стране и особенно обострившейся после трагической гибели президента Л. Качиньского. Я. Качиньский, исходя из своего видения истории, пытается создать некую, правда, не подпольную, но «другую», «настоящую» Польшу. В День независимости 11 ноября 2012 г. у лидера «Права и справедливости» в Кракове был свой марш и свои герои: подобно Коморовскому? он с группой единомышленников почтил память Иоанна Павла II, Пилсудского и Леха Качиньского, похороненного на Вавеле, возложив цветы к их памятникам и произнеся при каждом возложении слова, соответствующие моменту.

В январские дни 2013 г. Качиньский организовал свое празднование юбилея восстания: «Право и справедливость» провела свои памятные мероприятия, открыла свои выставки и организовала свои научные конференции, аргументируя свою позицию тем, что «глава польско-российского кондоминиума» (как подчас называют Туска его политические противники) не согласился даже признать 2013 год годом январского восстания и его партия «Гражданская платформа» заблокировала принятие соответствующего решения сеймом⁹.

В сейме, хотя и не согласившемся признать 2013 год годом январского восстания, все необходимые памятные акции были реализованы: жертв восстания почтили минутой молчания, приняли постановление, подготовленное «Правом и справедливостью», в котором отмечался антироссийский и национально-освободительный характер восстания и совместная борьба всех народов Речи Посполитой. Премьер Туск в своем выступлении в сейме особо подчеркнул роль восстания как «фундамента польского видения независимости», отметив при этом «трагический баланс» восстания, приведшего к многочисленным жертвам¹⁰.

Но бдительные защитники исторической памяти из лагеря «Права и справедливости» не верят Туску, считают, что он просто боится

раздражать Россию, да и вообще боится взрыва народного негодования, ведь после Варшавского восстания через тридцать с небольшим лет возникла «Солидарность», а после «Солидарности» тоже прошло уже тридцать три года...

В своих высказываниях по поводу восстания 1863 г. Я. Качиньский особенно подчеркивал значимость той моральной революции, которая восстанию предшествовала. Именно моральная революция, по мнению главы «Права и справедливости», нужна сейчас полякам, ибо только она позволит избавиться от антипольского правительства Туска и создать «настоящую» IV Речь Посполитую взамен неудавшейся ныне существующей III Речи Посполитой.

Как обычно эпатазирующий общество Я. Паликот, глава собственной партии «Движение Я. Паликота», в январские дни 2013 г. выступил с традиционных для него антикатолических позиций, призвав «покончить с догматом о том, что католическая церковь всегда была на стороне Польши»¹¹. Паликот убежден, что церковь всегда отстаивала только свои собственные интересы и интересы Ватикана, а если некоторые ксендзы и поддержали восстание, то сделали это по принуждению. А польские социал-демократы вообще считают, что нечего упиваться столь давней историей, надо объявить 2013 год годом Эдварда Герека (1913–2001), столетие которого как раз совпадает с этой датой. Ведь именно при нем, в 70-е гг. XX в., Польша достигла больших успехов, а уровень жизни поляков заметно повысился. Негоже отдавать историю на откуп «Праву и справедливости», считает глава польских социал-демократов Л. Миллер, заявляющий, что «у нас тоже есть свои герои!».

Новые, непривычные для поляков, склонных скорее к торжественно-мариологическому видению истории, мотивы празднования внес Коморовский в организацию акций, связанных с Днем конституции и Днем флага (2 мая 2013 г.). Президент пытался придать торжествам неофициальный, веселый характер, призывая поляков не забывать, что «праздники для того и существуют, чтобы их праздновать». Но позитивный и несколько «облегченный» настрой президента не встретил однозначного одобрения польского общества.

Судя по реакции пользователей Интернета, не всем полякам понравился и шуточный тон президентского видения празднования Дня конституции. Шоколадный орел как символ Польши и розовые, а не красно-белые цвета листовки с шуточными, но вполне патристическими стихами, разбрасываемыми над Варшавой, смутили сердце не одного поляка.

За умиротворяющим и объединяющим стремлением к утверждению «исторической памяти» польского президента нельзя не увидеть и настоящую «историческую политику». Правда, она имеет скорее не внутреннюю, а внешнюю направленность. Коморовский в дни исторических торжеств, в частности отмечая юбилей январского восстания, неоднократно подчеркивал общее прошлое поляков, литовцев, белорусов – одним словом, всех народов, некогда входивших в состав I Речи Посполитой, призывая не забывать эту общность и выражая надежду на то, что она поможет проведению общей политики в настоящем, общему стремлению к европейской интеграции.

В дни празднования исторических дат в Польше организовывались пробеги под лозунгом «Беги во имя памяти». Очевидно, что, хотя в этом, образно говоря, «историческом беге» нет единого направления, в сторону России не бежит никто.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ПиС лидировала в сейме в 2005–2007 гг. В 2005–2010 гг. Лех Качиньский был президентом Польши.

2 Институт национальной памяти (ИНП) – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа – был создан 18 декабря 1998 г. ИНП финансируется из государственного бюджета. Главу ИНП назначает и отзывает сейм. В рамках института функционирует Главная комиссия по расследованию преступлений против польского народа, Бюро предоставления и архивирования документов, Бюро общественного образования, Люстрационное бюро. ИНП занимается сбором и обработкой документов органов государственной безопасности периода ПНР, расследованием нацистских и коммунистических преступлений, образовательной деятельностью. Главный офис ИНП находится в Варшаве. В 11 городах открыты отделы Института, в 7 городах – делегатуры. Институт осуществляет масштабную издательскую деятельность.

3 Как известно, политическая элита Польши, а также польское общество в целом в настоящее время расколота. В качестве противоборствующих выступают две политические силы: правящая партия «Гражданская платформа» (ГП) во главе с премьером Д. Туском и во многом поддерживающий ее президент Коморовский, с одной стороны, и с другой – ПиС во главе с Я. Качиньским. Обе стороны представляют свое видение ситуации в стране, в том числе и в плане исторической политики.

4 *Semka P.* Piwiarni też płoną. – <http://www.rp.pl/artykul/976640-Piwiarnie-tez-plana-html>.

5 Powstanie? Akto wygrał? – <http://wyborcza.pl/2029020,76842,13271641.html>.

6 List prezydenta na uroczystym odsłonięciu pomnika w Lublinie. – см.: <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/inne/art,434,list-prezydenta-na-uroczystym-odslonieciu-pomnika-w-lublinie.html>.

7 List prezydenta na obchodach rocznicy Powstania Styczniowego we Lwowie. – <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/inne/art,436,list-prezydenta-na-obchodach-rocznicy-powstania-styczniowego-we-lwowie.html>.

8 Wywiad prezydenta dla TVP Historia. – <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wywiady/art,170,prezydent-w-tvp-historia-o-znaczeniu-powstania-styczniowego.html>.

9 Соответствующее постановление еще в 2012 г. принял сенат. Сенаторы, возглавляемые Б. Бурсевичем (который, так же как и президент Коморовский и премьер Туск, историк по образованию) почти единогласно приняли данное решение: лишь двое воздержались при голосовании. Против же выступил только один независимый сенатор – К. Кутц, считающий, что в истории следует искать события, придающие энергию и бодрость ныне живущим поколениям, а не упиваться мартирологией.

10 *Tusk D.* Powstanie Styczniowe «fundamentem myśli niepodległościowej» – <http://www.rp.pl/artikuly/972762.html?print=tak&=0>.

11 Powstanie styczniowe. – <http://palikot.blog.onet.pl/category/powstanie-styczniowe/>

Lykošina L. S.

The «historical politics» of Modern Poland in the light
of Russian-Polish relations

The article considers some aspects of the so called historical policy in modern Poland as it is interpreted by the confronting political forces and certain politicians. As concrete examples of conducting the historical policy, the author analyses celebrations of memorial dates.

Keywords: *historical policy, «Right and Justice», «Civic Platform», Jarosław Kaczyński, Donald Tusk, Bronisław Komorowski, January Uprising, Independence Day, Flag Day.*

Ю. А. Лабынцев
(Москва)

«Белая Русь» в светских канцелярских документах Российской империи XVIII – начала XIX в.

В статье на примере большого массива светских канцелярских документов Российской империи XVIII – начала XIX в. прослеживается история перенесения в административную практику именованя «Белая Русь» как названия белорусских территорий.

Ключевые слова: *Белая Русь, Белоруссия, белорусский, Российская империя XVIII–XIX вв.*

Этногеографическая история белорусских земель пока не получила сколь-либо целостного и законченного научного освещения. Впрочем, и сама эта проблема в полном ее понимании еще только начинает интересовать ученых разных стран, пытающихся осмыслить гигантский разнородный материал, специально собиравшийся пока лишь эпизодически¹. До сих пор нет ясности, а тем более единства, даже во взглядах на происхождение самого названия «Белая Русь»², хотя в последние годы белорусскими исследователями был предпринят ряд успешных попыток отобразить его судьбу в средневековый период, не выходя при этом за рубеж XVII столетия³. XVIII век, предоставляющий в данном отношении в руки исследователей колоссальный по объему массив самых разнообразных источников, специально не изучался вовсе, что, впрочем, не выглядит удивительным на общем фоне слабой изученности истории Белоруссии этого столетия. Знакомство с западноевропейской частью огромного источникового массива убеждает в абсолютной несостоятельности многочисленных утверждений о первенствующей роли России в закреплении тогда за определенными территориями названия «Белая Русь». Российская империя оказалась тогда, в конце XVIII в., скорее наследницей уже существующего топогеографического деления, транслируя и распространяя его с помощью конкретных административных действий.

К первой половине XVIII в. в Западной Европе уже сложилось достаточно четкое разграничение земель Великого княжества Литовского, в составе которого выделялась и территория Белой Руси.

Безусловно, нам интересны в данной связи все виды письменных источников, но, пожалуй, при этом стоит выделять собственно географические и топографические, прежде всего различного рода абрисы и карты. Классическим примером предлагавшейся в центральноевропейской среде в начале XVIII в. локализации земель Белой Руси на пространствах Восточной Европы может служить описание путешествий и походов вюртембергского герцога Максимилиана «в Польшу, Литву, Червоную и Белую Руссию»⁴. К середине XVIII в. относительно четкая локализация земель Белой Руси во всей Западной Европе может считаться устоявшейся. Это хорошо фиксируют, например, английские карты, выполненные в том числе одним из самых известных «королевских географов» Томасом Джефферсом (1710–1771) и картографами его круга. На одной из них⁵ «Белая Русь» включает в себя Витебщину, Полотчину, Минщину, Могилевщину, Мозырщину, а пограничная ей с юго-запада «Черная Русь» – Слонимщину, Новогрудчину, Случщину, доходя на западе непосредственно до Подляшья, на северо-западе почти до Гродно, а на юге несколько выступая за р. Припять. Подобное деление подтверждают и несколько более поздние карты другого известного «королевского географа и гидрографа» Томаса Китчина (1718–1784), создававшиеся к тому же в значительной мере на основе оригинальных польскоязычных источников⁶. К числу последних, несомненно, принадлежит объемный «Географический лексикон» базилианина Иллариона Карпинского, изданный в Вильно в 1766 г. уже после его смерти⁷. В первом в Речи Посполитой географическом словаре белорусский монах так пишет о Руси вообще: «Русь включает в себя кроме Московской Руси Литовскую Русь, которая состоит из Белой Руси и Черной. В Белой Руси имеются воеводства Мстиславское, Полоцкое, Витебское и Смоленское. В Черной Руси – Новогрудское и Минское»⁸. Младший современник и последователь И. Карпинского пиар Федор Вага (1739–1801) в своем сборнике географических сведений о Речи Посполитой, изданном в Супрасле в 1767 г., Белой Руси отдает практически те же самые территории⁹. В России термины «Белая Русь» и «Белая Россия» в первой половине XVIII в. фиксируются уже в законодательных актах, причем иногда наряду с обозначением «Малая Россия»¹⁰. Обозначение «белорусский» получает широкое распространение во всех сферах российской жизни задолго до разделов Речи Посполитой, ими активно пользуется и императрица Екатерина II в своей многоязычной переписке, посланиях и распоряжениях, наконец,

они находят место в различных международных трактатах, прежде всего заключенных между «Всероссийскою империею и Речью Посполитою Польскою»¹¹.

Первому разделу Речи Посполитой в 1772 г. предшествовали многочисленные политико-дипломатические акции, в ходе которых определения «Белая Русь», «Белая Россия», «белорусский» звучали неоднократно. Как бы полемизируя с одним из своих сановников, графом З. Г. Чернышевым, автором «Записки... о Белой России», где, между прочим, говорилось о том, что «новоприобретенные земли... не по договорам, но оружием, либо по правам имеющихся на оные... в удовлетворение тех претензий, какие Россия от Польши из давних лет имеет» присоединяются, Екатерина II 28 мая 1772 г. в «наказе» губернаторам новоприобретаемых территорий писала: «Мы желаем, чтобы не токмо сии провинции силою оружия были нам покорены, но чтобы все сердца людей, в оных живущих, добрым, порядочным, правосудным, снисходительным, кротким и человеколюбивым управлением Российской империи присвоили»¹². Тогда же было образовано Белорусское генерал-губернаторство во главе с З. Г. Чернышевым. Российское общество широко обсуждало все эти события, откликнулись на него и литераторы. Один из них, В. И. Майков, в особой оде, тому посвященной, писал:

Где солнце после темной ночи
Являет миру первый блеск
Там внемлют горы, доли, рощи
Российским громам...
И се отторжена быв прежде
Россия Белая в одежде
кровавой...¹³

По замыслу этого литератора «Россия Белая», конечно же, просит императрицу – «включи меня в свою державу»¹⁴, дабы освободиться от пут «анархии Республики Польской», как о том широко тогда говорилось и писалось во всей Европе¹⁵.

Новосозданные административные структуры на белорусских землях и различного рода имперские инстанции и организации вне их в своих бесчисленных бумажных потоках тысячекратно закрепляют звучание именований «Белоруссия» и «белорусский». С этого времени последние получают устойчивые права употребления и укореняются практически во всех сферах внутримперской жизни.

Стоит ли удивляться, что по прошествии нескольких десятилетий, в период, когда, по словам достаточно большого числа современных нам публицистов и ученых (специально этот вопрос, правда, не изучавших, тем более основываясь на подлинных источниках), одним росчерком императорского пера само слово «Белоруссия» в России якобы было запрещено, то есть в 1840–50-е гг., в свет выходит книга одного из первых белорусских историков М. О. Без-Корниловича, уроженца Белорусской губернии в момент ее образования в 1796 г.¹⁶ В этой книге тогда уже известный и заслуженный географ, топограф и исследователь Белоруссии генерал-майор Без-Корнилович, ставивший главной своей задачей «ознакомить читателей с Белоруссиею», так, например, пишет о «распоряжениях, сделанных в Белоруссии по ее присоединении к Российской империи»:

«В 1772 году Октября 23-го дня Белоруссия разделена на две губернии: Псковскую и Могилевскую. Часть Псковской губернии отделили к Новгородской, остальную разделили на две провинции: Псковскую и Великолуцкую. Воеводства Полоцкое и Витебское переименованы в провинции; Ливонское же воеводство названо Двинскою провинциею; все три поступили в состав Псковской губернии. Таким образом, Псковская губерния образовалась из пяти провинций: Псковской, Великолуцкой, Двинской, Полоцкой и Витебской. Провинциальные канцелярии назначены: в Пскове, Великих Луках, Динабурге, Полоцке и Витебске.

Могилевская губерния составлена из провинций: Могилевской, Оршанской, Мстиславской и Рогачевской; губернская канцелярия назначена в Могилеве, провинциальные: в Орше, Мстиславле и Рогачеве.

Указом 1772 г. Мая 28-го, Белорусским Генерал-Губернатором назначен Генерал граф Захарий Григорьевич Чернышев.

Могилевским Губернатором Генерал-Маиор Коховский.
Псковским Генерал-Маиор Кречетников»¹⁷.

Столь же последовательно, как и некогда генерал-губернатор Белорусский З. Г. Чернышев, М. О. Без-Корнилович именуется «белорусскими» или «белорусским», например, местное дворянство, которое, правда, сам граф почти всегда называл «белорусским шляхетством»¹⁸.

Первые манифесты, декреты и распоряжения новой власти в Белоруссии последовательно утверждают и распространяют определение «белорусский». Выражения «белорусские провинции», «белорусские обыватели», «белорусцы» все чаще можно видеть и в частной

переписке тех лет. Постепенно это становится нормой. Современный белорусский историк, много и успешно работающий в архивах Белоруссии и России, Е. К. Анищенко считает, что российские власти «избегали публичного наименования присоединенной территории Белоруссиею в официальной декларации об вечном присоединении ее к империи»¹⁹. На самом деле это не совсем так. Возьмем, например, весьма важный во всех отношениях договор, подписанный 12 октября 1777 г. польским королем в Варшаве, а затем даже изданный тогда же типографским способом, – «Ратификацию Его Величества Короля и республики Польских на акт разграничения Белорусских земель, новоприобретенных к Российской Империи»²⁰.

Белорусскими начинают называть отдельные войсковые соединения, так, в 1775 г. появляется «Белорусская дивизия», а затем «Белорусский полк» гусар, который, кстати, имел знамя и иные полковые атрибуты, выдержанные в духе собственно белорусской национальной цветовой символики. Еще ранее, в 1774 г., в Сенате возник даже особый «Белорусский департамент», а начиная с 1772 г. на местах действуют различного рода канцелярии: генерал-губернаторские, губернаторские (губернские), воеводские (провинциальные), всевозможные судебные и ряд других, где одновременно трудились сотни людей, в том числе и местные уроженцы, которые кое-где даже превалировали среди администрации. Так, по данным Е. К. Анищенко в 1783 г. «в 5 поветах Полоцкой губернии среди 229 членов высшей администрации местных выходцев было 82 человека, а все 89 должностей поветовых и нижних земских судов целиком занимали шляхетские представители... В 1790 г. в Полоцкой губернии из 46 служащих криминальной палаты, верхней и нижней расправ, верхнего земского суда 33 человека или 71% были шляхетского происхождения. На уровне же поветов эту шляхту начали теснить разночинцы – купцы, мещане, духовенство, государственные крестьяне (на 30 служащих последних было 6)»²¹. Пытаясь укрепиться на местах, имперские власти пошли на беспрецедентный шаг – создание выборных органов в крестьянской среде, что, в конечном итоге, привело к весьма нежелательным для всех последствиям. Общеимперская губернская реформа 1775 г. оказала весьма заметное влияние и на разграничение белорусских земель, которые стараниями их генерал-губернатора З. Г. Чернышева к 1777 г. получили четкое деление²². Все это находит свое отражение в весьма объемной документации местных канцелярий различного уровня, сохранившейся до наших дней²³, анализ которой дает возможность достаточно подробно про-

следить и укоренение понятий «Белоруссия» и «белорусский». Эту же функцию, но уже в более широком объеме, в том числе и значительно далее рубежей белорусских губерний, включая страны Западной Европы, выполняли и довольно многочисленные разноязычные издания местных типографий. Местные печатные издания, прежде всего нерусскоязычные, рассчитанные на распространение не только, а порой и не столько в границах Российской империи, практически полностью опровергают тезис о только внутриимперском, даже чуть ли не внутрислужебном употреблении терминов «Белоруссия» и «белорусский». Не в меньшей степени о том же свидетельствуют и столичные издания, заставляя усомниться, например, в справедливости утверждений о единичности именовании генерал-губернаторов «Белорусскими»²⁴.

С 1770-х гг. сведения о Белоруссии начинают стабильно публиковаться и в специальных географических обзорах и словарях Российской империи²⁵, причем одними из самых сведущих в этом авторов выступают православные с бывших территорий Речи Посполитой, где польский язык и польская графика письма продолжают сохранять все свои права, в том числе и во всех типах административных канцелярий, действующих на белорусских землях²⁶. Как следует из различного рода записок, в том числе составленных крупнейшими государственными деятелями России, например, А. А. Безбородко, ближайшим к Екатерине II сановником, упоминание Белоруссии в одном ряду с Малороссией, давно выделенной в особую категорию имперских территорий западной ее окраины, становится нормой²⁷. Это положение фиксируют и различные общеимперские указы, подписанные Екатериной II²⁸.

Второй раздел Речи Посполитой в 1792 г., а за ним и третий в 1795 г., необходимость администрирования на новых территориях, присоединенных к Российской империи в результате этих двух последних разделов, предполагали использовать соответствующий опыт, приобретенный после включения в 1772 г. в общеимперский организм восточнобелорусских земель. Императрица прямо призывает использовать этот опыт, особенно при решении наиболее трудных вопросов, «сохраняя тот же порядок, какой и в Белоруссии наблюдаем был», «поелику порядок во всем есть душа правления»²⁹. Генерал-губернатор «новоприсоединенных областей от Речи Посполитой Польской к империи Российской» генерал-аншеф М. Кречетников, следуя в марте 1793 г. повелениям императрицы, призывает всех вообще «жителей и каждого особенно всякого чина и звания присо-

единенных ныне от Речи Посполитой Польской на вечные времена к империи Российской мест и земель» поступать во всем «по примеру верноподданных ее жителей Белорусских»³⁰. Восточнобелорусские земли, именуемые «Белорусскими губерниями», становятся во всем примером для подражания и на западе бывшего Великого княжества Литовского, куда из «Белорусских и прочих губерний», согласно распоряжениям высшей власти, потянулись чиновники различных рангов из тамошних канцелярий и присутствий³¹. Даже перепись населения здесь предписывается проводить «с сохранением того же порядка, каковой в Белоруссии был наблюдаем»³². Вместе с тем, хотя разграничение на Белорусское и Литовское генерал-губернаторства в 1790-е гг. выглядит достаточно четко и определено, постепенно наблюдается и своего рода виртуальная экспансивная диффузия «белорусского» в западном направлении³³. Самым непосредственным образом на подобное размывание границ между «белорусским» и «литовским», экспансию первого на запад влияли рекрутские наборы на всех этих территориях, из которых составлялись особые войсковые части, носящие названия «белорусских», например, «Белорусский егерский корпус»³⁴.

В 1796 г. следует серия различных решений, в результате которых тогда же образуется особая Белорусская губерния³⁵, хотя определение «белорусская губерния»³⁶, как, впрочем, и повсеместно тогда укоренившееся именование «белорусские губернии», в том числе и в текстах административных документов, включая даже государственные указы, известны с 1770-х гг.³⁷ Именной указ от 12 декабря 1796 г. повелевал образовать «Белорусскую губернию» с центром в г. Витебске из двух других – Могилевской и Полоцкой³⁸, возникших в 1770-х гг. и ставших затем наместничествами, которые практически повсеместно неофициально именовались и в 1770-е, и в 1780-е, и в 1790-е гг. также «белорусскими губерниями», что, в конце концов, оказало влияние и на позднейший механизм распространения определения «белорусский» на остальную часть земель современной Беларуси. После утверждения штатов «Белорусской губернии» в последний день 1796 г.³⁹ и образования в следующем 1797 г. основной административной внутригубернской структуры – «Белорусского губернского правления»⁴⁰, «Белорусской казенной палаты»⁴¹ и других, звучание слова «белорусский» во всех его возможных комбинациях необычайно усиливается. Появляются даже записки и трактаты, в которых понятие «белорусский край» трактуется куда более расширительно. Наконец, следует весьма значительный поток

самых разнообразных мнений о тамошнем народе и даже отличии великорусских крестьян и тамошних, которых уже прямо начинают называть «белорусами»⁴². В масштабах всей Российской империи возникает огромная чиновничья переписка по тем или иным вопросам, связанным с «Белорусской губернией», в том числе военным⁴³, судебным⁴⁴, геральдическим⁴⁵ и бесчисленному множеству других. До наших дней в различных странах, прежде всего в России, Литве, Польше и, конечно же, Беларуси, сохранились целые архивные комплексы, насчитывающие тысячи единиц хранения, отображающие делопроизводство «Белорусской губернии»⁴⁶. В особые фонды в архивах выделено делопроизводство «Белорусской губернской казенной палаты»⁴⁷, «Белорусского главного суда»⁴⁸, «Белорусского губернского прокурора»⁴⁹, «Белорусского губернского дворянского депутатского собрания»⁵⁰, «Белорусского губернского приказа общественного призрения»⁵¹, «Белорусской врачебной управы»⁵² и ряд др.

С началом царствования Александра I Белорусская губерния в феврале 1802 г. была упразднена и преобразована в Витебскую и Могилевскую губернии, за которыми повсеместно по-прежнему сохранялось неофициальное именование «белорусских». Ничуть не изменился и конкретно-географический, а тем более ментальный облик «Белоруссии». Она не только не исчезла в умах и представлениях России и Европы в целом, но даже значительно укрепила свои границы, постоянно расширяя их. Всевозможные планы восстановления Великого княжества Литовского, выработывавшиеся в начале XIX в., о которых теперь начинают все чаще писать в современной Беларуси, весьма показательны в данной связи. Тогдашняя «Белоруссия» в них видится уже совершенно особым краем, который теперь никак не мыслится в границах возможного будущего Великого княжества Литовского, о чем говорят как сам император Александр I⁵³, так и представители магнатории бывшей Речи Посполитой, чьи проекты, в частности связанные с идеями Конституции 3 мая, возможно бы оказали в дальнейшем, в случае их успешной реализации, стагнирующее влияние на развитие «белорусского вопроса». В кругах российской власти всех уровней определения «Белоруссия» и «белорусский» утверждаются окончательно как особые географические, территориальные и в определенном смысле этно-административные концепты, которые пересмотру в сторону пространственного уменьшения уже никогда практически не подвергались, наоборот, постоянно расширяли свое ментальное, а затем и топографическое присутствие. Через

десятилетие после упразднения Белорусской губернии такой видный российский либерал, как адмирал Н. С. Мордвинов, на заседании Государственного совета произнес речь о «Белоруссии», разошедшуюся затем по России во множестве рукописных списков, которая наполнена такими выражениями, как «обе Белорусские губернии расстроились в сельском своем хозяйстве...», «мелкопоместный дворянин и крестьянин в Белоруссии оба равно голодны и скудны...» и т. д.⁵⁴ Н. С. Мордвинов был очень популярным в России политиком и оратором, его речи и предложения тиражировались в сотнях рукописных списков, расхивившихся по столичным городам и провинциям империи.

Примерно тогда же белорусская тема в ее особом наполнении начинает находить и широкий отзвук в умах поляков. Об этом очень ясно сказано в своего рода историографическом обзоре данного явления, составленном известным славистом И. Раковецким⁵⁵, которого, несмотря на его униатское происхождение и украинскую родословную, всегда считали и до сих пор считают польским ученым, стоящим у истоков польской славистической науки⁵⁶. Примечательно, что и украинцы не считают его своим, сведений о нем в справочниках и энциклопедиях почти нет, а в «*Енциклопедії Українознавства*» можно прочесть буквально следующее: «*Раковецкий (Rakowiecki) Ігнаці Бенедикт (1782–1839), поль[ський] історик родом з Бердичева...*» И. Раковецкий в обзоре этом использует уже не только термин «Беларусь», но и говорит о «белорусско-русском диалекте, повсеместно используемом по всей Литве», то есть и в самой западной части бывшего Великого княжества Литовского⁵⁷. Именно так на границы распространения, географическое пространство присутствия этого «белорусско-русского диалекта» смотрели тогда и польские ученые, а известный ныне всему миру польский лексикограф С. Б. Линде, как сообщал И. Раковецкий, даже «об этом диалекте... сделал множество наблюдений»⁵⁸, опубликованных в 1810-е гг. в польской научной печати⁵⁹.

Насколько же ныне этнографическая история белорусских земель остается важной для не только регионального, но общеевропейского социально-политического контекста, прежде всего политической и геополитической современности, свидетельствует множество самых различных, чаще всего произвольных, толкований и построений, вплоть до самых экзотических, касающихся именованья «Белоруссия», присутствующих в большом числе всевозможных исследований как европейских, так и заокеанских⁶⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например: *Булкин В. А., Герд А. С.* К этноисторической географии Белоруссии // *Славяне: Этногенез и этническая история.* Л., 1989. С. 67–76.

2 См., например, великолепно иллюстрирующий такое положение сборник статей «Імя тваё “Белая Русь”» (Мінск, 1991).

3 См., например: *Белы А.* Хроніка Беларускай Русі. Мінск, 2000; и др. Несомненной заслугой автора этой книги, А. Белого, является отображение западноевропейского вектора этногенетической сущности данного названия: «Термин Белая Русь возник в германских языках, откуда попал в средневековую латынь, задолго до того, как был усвоен славянскими языками» (с. 185). Весьма симптоматично и такое утверждение А. Белого, которое он, правда, ничем не подтверждает и не развивает, оставляя лишь на уровне авторской констатации: «Власти России, как и православные Польшы и Литвы, термин Белая Русь интерпретировали иначе, чем официальные круги Речи Посполитой или западные европейцы, наполняя его прежде всего этноконфессиональным смыслом. Так начали называть православное население Речи Посполитой, религиозные и политические симпатии значительной части которого были на стороне Москвы, и те территории, на которых эти симпатии чувствовались наиболее сильно» (с. 162–163).

4 См.: *Bardili J.* Maximilian Emanuels Hertzogs in Württemberg Reisen und Compagnen durch Deutschland in Polen, Lithauen, Roth- und Weissrussland. Stuttgart, 1730.

5 См.: Poland. Lithuania and Prussia. [S. l.; S. a.].

6 См., например, его авторскую карту «Poland. Lithuania and Prussia». [S. l.; S. a.].

7 См.: *Karpiński H.* Lexykon geograficzny dla gruntownego pojęcia gazet i historii z różnych autorów zebrany... Wilno, 1766.

8 Ibid. S. 492.

9 См. его «Krótkie zebranie historyi i geografii Polskiej» (Spraśl, 1867. S. 382).

10 См., например: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Т. XII. № 8867 (25 января 1744 г.).

11 См. многочисленные публикации различных документов этого времени, напр.: Сборник РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 59–66; и др.

12 ПСЗ. Т. XIX. № 13808.

13 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 454. № 6.

14 Там же.

15 См., например: *Ségur L.-P. Mémoires, souvenirs et anecdotes // Bibliothèque des mémoires: relatif à l'histoire de France: pendant le 18e siècle. Paris, 1859. Vol. XIX. P. 288–301.*

16 См.: *Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии... СПб., 1855.*

17 Там же. С. 325.

18 См., например: *Жукович П. Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 2 (февраль). С. 271 и др.*

19 *Анішчанка Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796). Мінск, 1998. С. 34. См. также его монографию: Літоўская правінцыя ў падзехах Рэчы Паспалітай: Інкарпарацыя. Мінск, 2003.*

20 Русскоязычный вариант этого издания был опубликован незадолго после подписания документа с констатацией: «Оригинальная подписан тако: Станислав Август Король».

21 *Анішчанка Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II... С. 112–113.*

22 См. например: ПСЗ. Т. XX. № 14603; *Kalendarz namiestnictw Białoruskich na rok 1783. Mohilew, [S. a.].*

23 См., например: Отдел рукописей, редкой книги и старопечатных изданий Национальной библиотеки Беларуси (далее – ОРРКСИ НББ). Д. 091/094/583. Л. 42–42об.

24 См., например: *List ochronny generała gubernatora Białorusi. Petersburg, 1793. Тезис о якобы неофициальности именовании генерал-губернаторов Белорусскими (см.: Анішчанка Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II... С. 53) также не совсем верен. (См., например: ОРРКСИ НББ. Д. 09/094/583. Л. 150–153; Д. 091/4474. Л. 126.)*

25 См., например: *Новый и полный географический словарь Российской империи. М., 1788–1789. Т. 1–6.*

26 См., например: ОРРКСИ НББ. Д. 091/4474. Л. 30–31.

27 См., например, текст «Проекта Безбородко по польским делам 1791 года» в документальном приложении к монографии: *Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 652–653.*

28 См., например: ОРРКСИ НББ. Д. 091/4474. Л. 83.

29 Цит. по: *Сборник документов, касающихся устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II (1792–1796). Вильна, 1902. № 2.*

30 Цит. по: Там же. № 3.

31 См.: Там же. № 4.

- 32 Цит. по: Там же. № 131.
- 33 См.: Там же. № 36.
- 34 См.: ОРРКСИ НББ. Д. 091/4474. Л. 84.
- 35 См.: Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 2002. Оп. 1. Д. 8.
- 36 В начале 1790-х гг. могилевские однофамильцы известного российского археографа и историка А. Ф. Малиновского, которые признавали его своим родственником, писали: «Мы, дворяне, обыватели губернии Белорусской и новоприсоединенных областей от республики Польской к Российской империи...» (Цит. по: *Малиновский А. Ф.* Обозрение Москвы. М., 1992. С. 183).
- 37 См.: НИАБ. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 7.
- 38 См.: ПСЗ. Т. XXIV. № 17634.
- 39 См.: ОРРКСИ НББ. Д. 091/4474. Л. 141–142.
- 40 См.: НИАБ. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 1.
- 41 См.: Там же. Д. 5; 18.
- 42 См.: Российский Государственный архив древних актов. Ф. 181. Оп. 3. Д. 225. Л. 166.
- 43 См.: ОРРКСИ НББ. Д. 091/4474. Л. 170.
- 44 См.: Там же. Л. 261–264.
- 45 См.: Там же. Л. 248.
- 46 См., например, объемный фонд «Белорусского губернского правления» в НИАБ (Ф. 3219).
- 47 См.: НИАБ. Ф. 3102.
- 48 См.: НИАБ. Ф. 3215.
- 49 См.: НИАБ. Ф. 3225.
- 50 См.: НИАБ. Ф. 3406.
- 51 См.: НИАБ. Ф. 3348.
- 52 См.: НИАБ. Ф. 3224.
- 53 См., например: *Pamiętnik... Adama Czartoryskiego i korespondencja jego z cesarzem Aleksandrem I. Kraków, 1905. Т. 2. S. 157.*
- 54 См.: ОР РНБ. Ф. XVII.39. Л. 302-335.
- 55 См.: *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой половины XIX ст. Прага, 1906. С. 217–243 и др.
- 56 Энциклопедія Українознавства. Львів, 1998. Т. 7. С. 2464.
- 57 *Rakowiecki I. B.* Prawda ruska. Warszawa, 1822. Т. 2. S. 191.
- 58 Ibid.
- 59 См., например: *Linde S. B.* O Statucie Litewskim... Warszawa, 1816.
- На особую важность его работ, связанных с восточнославянской филологической проблематикой, в частности белорусистикой, мы

указывали уже давно (см., напр., нашу магистерскую диссертацию: *Łabyncew J. Literatura rosyjska w opiniach polskich slawistów (1800–1918)*. Wrocław, 1976).

60 См., например: *Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus. 1569–1999*. New Haven; London, 2003. Автор этой книги даже рассматривает именование «Belorussia», в отличие от «Belarus», как прямое свидетельство ориентации и «веры в единство с Россией» (Р. X).

Łabyncew Ju. A.

«The White Rus» in secular writings of the Russian Empire
of the 18th – the beginning of the 19th centuries

The article bases on a huge amount of secular writings of the Russian Empire of the 18th – the beginning of the 19th centuries to study the history of developing of the term «The White Rus» into the name of Belarussian territories in the administrative practice.

Keywords: *White Rus, Belarussia, Belarussian, Russian Empire of the 18th – the beginning of the 19th centuries.*

Л. Л. Щавинская
(Москва)

Название белорусских территорий в местных конфессиональных административных документах рубежа XVIII–XIX вв.

В статье на примере большого массива документальных источников XVII–XIX вв. прослеживается история перенесения в конфессиональную административную практику Российской империи именованая «Белая Русь» в название белорусских территорий.

Ключевые слова: *Белая Русь, Белоруссия, белорусский, Российская империя XVIII–XIX вв., конфессиональная история.*

Перенесение различных территориальных наименований в сферу конфессиональных административных названий всегда было закономерным. Именование «Белая Русь» также не стало исключением. В обиходе православной церкви в Великом княжестве Литовском термин «белорусский» становится постоянно употребляемым в XVII в. Любопытна и весьма важна для понимания многих когнитивных процессов, связанных с судьбой этого термина, своего рода экзистенция его написания, произрастающая из мира местного многоязычия, отображаемого как кирилловской, так и латинографичной письменностью. Это особая большая тема, необычайно плодотворная для исследователей различных научных дисциплин, склонных к кропотливой работе с трудночитаемыми архивными источниками на добром десятке языков народов Великого княжества Литовского. К числу подобных лиц несомненно принадлежал один из самых замечательных специалистов в области изучения архивного наследия народов Великого княжества Литовского Н. И. Горбачевский, который, к сожалению, в свой остающийся уникальным «Словарь древнего актового языка Северо-Западного Края и Царства Польского» (Вильна, 1874) этот термин не включил¹. Так или иначе, огромный материал дают в этой связи неплохо сохранившиеся, а частично и опубликованные, архивные комплексы XVII–XVIII вв., связанные прежде всего с восточной частью Великого княжества Литовского.

В первой трети XVII в. белорусскими начинают именовать епископов могилевской округи с центрами в городах Могилеве, Мстиславле и Орше². Сохранившиеся документы того времени прямо

указывают на существование и особой «епископии Белорусской»³, имевшей даже собственную консисторию с соответствующим штатом⁴. Один из первых историков православной церкви Белоруссии, известный археограф протоиерей Иоанн Григорович⁵, автор «Белорусской иерархии»⁶, написанной им в результате знакомства с собраниями многих местных архивов⁷, также считал, что именование епископов «Белорусскими» припадает на это время⁸. Укажем здесь только, что нередко писалось и «бялорусский», в том числе и «епископ бялоруский»⁹, а это ясно указывает на какие-то польские истоки и пути трансляции этого термина.

Впрочем, давно уже известно, что термин «белорусский» в отношении своей территориальной номинации, видимо, первыми стали употреблять не православные, а католики, что подтверждается и опубликованными документами¹⁰. Одна из первых в Белоруссии католических парафий в Обольцах нынешней Витебской области, образованная в 1385–1387 гг., ввиду своей историко-конфессиональной значимости становится центром «белорусского» архидиакона, затем преобразованного в суфраганию, то есть викариат, виленской епархии с «белорусским» суфраганом во главе¹¹. Белорусская православная епархия, именуемая, что естественно, в XVII в., да и позднее, «белорусской епископией»¹², все чаще и последовательнее именно так и называется как в различных внутрицерковных документах, так и в государственных актах¹³. При этом ее правящие архиереи сами именуют себя «белорусскими» совершенно официально, в том числе в рукописных посланиях и обращениях в высшие церковные и государственные сферы¹⁴. Помимо различных копий подобных документов тех лет, нами обнаружены и оригиналы, на которых имеются и подписи самих церковных иерархов, именующих себя «белорусскими». Например, известный православный иерарх Сильвестр Святополк-Четвертинский так подписал в 1723 г. свое письмо киевскому архиепископу: «Silwestr Swiatopolk Czetwertynskij Episkop Białoruskij»¹⁵.

Особое звучание термин «белорусский» в связи с православной церковью получает в середине XVIII в., когда «Епископом Белорусским» становится святитель Георгий Конисский¹⁶. В первый год своего епископского служения святитель пишет и произносит ряд проповедей, обращенных к «благочестивому сословию Белорусскому»¹⁷. О «белорусской епископии», «белорусском епископе», «преосвященном белорусском» и т. д. во множестве упоминается в государственной, межгосударственной переписке, различных юри-

дических и судебных актах, не говоря уже о всякого рода церковных инстанциях. Весьма характерны в данной связи все документы по так называемому диссидентскому вопросу в Речи Посполитой¹⁸. Святитель Георгий Конисский развернул огромную исследовательскую работу по истории православия в Белоруссии, для чего задействовал множество церковных инстанций, собирал всевозможные источники на многих языках в различных церковных и иных собраниях, в том числе в богатейших киевских¹⁹. Сохранились особые «дела о послании Епископу Белорусскому» Георгию Конисскому множества материалов из украинских церковных хранилищ, в том числе и из Киево-Печерской лавры²⁰. Все это необходимо было ему для создания грандиозного труда «Prawa y wolnosci Obywatelom Korony Polskiej y W. X. Lit. religii Greckiej orientalney wyznawcom służące» 1767 г., который уже буквально в континентальном масштабе усилил звучание термина «белорусский»²¹. Кроме того, святителю Георгию принадлежит еще один особый исторический труд – «Историческое известие о епархии Могилевской, в Белой России состоящей, и о епархиях в Польше бывших благочестивых, то есть греко-восточного исповедания, кои римлянами обращены в унию или соединение с Римскою церковью». Опубликованный в типографии Академии наук в Санкт-Петербурге в 1775 г. в составе широко разошедшегося по всей России «Любопытного месяцеслова» на тот же год, этот труд имел огромный успех и стал одним из наиболее значимых трансляторов термина «белорусский» как в Российской империи, так и за ее пределами. В своем «Историческом известии» святитель Георгий пользуется уже и определением «Белорусские губернии»²².

Есть все основания предполагать, что литературный талант Конисского был по достоинству оценен современниками еще в киевские годы его жизни, хотя сочинения будущего святителя тогда не печатались и впервые увидели свет только в Могилеве, когда епископу Георгию шел сороковой год. Позднее, еще при жизни святителя, различные его писания получили столь широкую известность, что оказались в числе произведений, широко распространенных во многих европейских странах. Они вошли даже в престоноародный обиход, в том числе, возможно, через посредство знаменитого почавевского печатного «Богогласника» 1790 г.²³ Сохранившиеся книги из библиотеки Георгия Конисского, многочисленные его записи на них неопровержимо свидетельствуют о той титанической литературной работе, которую он вел постоянно на протяжении всей жизни²⁴. Знаеток многих древних и новых языков, он не только читал, но и писал

на некоторых из них: различных вариантах церковнославянского языка, русском, польском и латинском. Особого внимания заслуживают его обращения к простому народу и желание писать и издавать для него специальные книги²⁵. Ему же принадлежит и одна из главнейших ролей в распространении термина «белорусский» в народной среде, городской и сельской, а также подлинной белорусизации многих сторон церковной жизни, включая ее языки.

Отзвук деяний святителя Георгия Конисского был столь заметен, а его авторитет столь значителен, что многие его работы исторической направленности продолжали появляться в столичной научной печати вплоть до середины XIX в., а богословскими и дидактическими активно пользовались еще в начале XX в., в том числе и в Белоруссии, часто связывая его имя с возрождением белорусского народа. Необходимо в данной связи отметить попытку властей Речи Посполитой решить проблему административной организации церкви на белорусских землях путем максимальной изоляции ее от российского церковного пространства, что вылилось, в конце концов, в еще один полонизаторский акт, с признанием некоторой частью православного клира даже своей приобщенности к «польскому народу»²⁶. Стоит ли удивляться, что самосознание народа на восточнобелорусских землях тогда оказывалось куда более протонационально ориентированным, нежели на западнобелорусских, особенно если иметь в виду собственно Белорусскую губернию, где в самом конце XVIII в. даже попытались дать некую общую картину ее национального состава²⁷. При сравнении различных социальных движений на западе и востоке тогдашней Белоруссии хорошо видна значимость динамики укрепления позиций православия, о чем радели как церковные власти²⁸, так и светские²⁹, для усиления когнитивной составляющей процесса будущего национального выбора.

Римско-католическая церковь на белорусских землях Великого княжества Литовского располагалась в основном в границах обширной виленской епархии, которую такой знаток истории католицизма, как С. Литак, называет «видимо, крупнейшей в Европе»³⁰. Правда, на самом востоке от нее была еще небольшая смоленская епархия, а на юго-западе – луцкая, в составе которой находились каменецкое и шерешовское благочиния. По указу Екатерины II уже в 1773 г. в Российской империи появляется особое католическое епископство с кафедрой в Могилеве, на которую был назначен «епископ белорусский» С. Богуш-Сестренцевич³¹. Титул «епископ

белорусский», несомненно, был связан с уже упоминавшимися «белорусскими» архидиакономатом и суфраганиею, история которых до сих пор недостаточно исследована³². Некоторые интересные документы на сей счет содержит огромный архив могилевской римско-католической консистории, особенно интересный в данной связи документами XVIII в.³³

«Белорусское» католическое епископство просуществовало около 10 лет, в него входили все 32 прихода, существовавшие тогда на восточнобелорусских землях. Впрочем, звучание «белорусский», безусловно, усиленное за эти годы и соответствующими официальными именованьями, продолжало уже довольно строго установившуюся традицию в католическом мире, о чем могут свидетельствовать соответствующие отчетные документы, регулярно направлявшиеся католическими епископами в Ватикан. Они представляют большой интерес и с точки зрения различных историко-культурных делений Великого княжества Литовского, в составе которого, наряду с «Белой», описывается «Черная Русь», «Белая Литва Русь» и т. д.³⁴ Суфрагания «*Albae Russiae*» или «*Albae Rusia*», имевшая в католическом мире особый административный статус, основывавшийся на исторических реалиях многовековой экспансии католицизма на восток, в значительной мере определила распространение термина «белорусский» в Европе. Чести быть суфраганом «*Albae Russiae*» удостоивались наиболее видные католические деятели³⁵, и, как уже говорилось, титул «*suffraganeo Albae Russiae*» в 1772–1773 гг. оказался превращенным в «*episcopo Albae Russiae*»³⁶.

По поводу католической «белорусской» епископии как внутри Российской империи на всех без исключения государственных уровнях, включая и императорский, так и вне ее, прежде всего в европейских пределах юрисдикции Ватикана, возникает обширная переписка, усиленно тиражирующая именованья «белорусские», «Белая Русь», «Белая Россия». От лица императрицы пишутся соответствующие многочисленные указы, ими наполненные, адресованные в том числе и «Белорусскому Епископу Сестрэнцевичу»³⁷, которого и после преобразования в 1780-е гг. католического «белорусского» епископства в Петербурге называют «Белорусским Римския церкви Архиепископом» и даже вводят этот титул в текст специальных распоряжений и указов, в том числе имевших массовое распространение в виде печатных листовок.

Проживший весьма долгую, наполненную множеством политических событий жизнь, католический митрополит С. Богуш-

Сестрэнцевич подобно святителю Георгию Конисскому стал не только одной из самых надежных опор Российской империи в сфере церковной и конфессионально-политической, но и своего рода важнейшим распространителем термина «белорусский» во всей Европе. Автор заметных в свое время научных трудов, он приложил множество усилий для возвеличивания России в ученом мире. Ряд его исследований носят и некоторый публицистический оттенок, еще более усиливая эффект возвеличивания России, нарицая ее «титлом Империи всего мира»³⁸. Митрополитом Сестрэнцевичем была написана и необычайно значимая для понимания процессов становления исторического и этнического сознания в кругу восточнославянских народов книга «О Западной России»³⁹, которую исследователи часто упоминают, в основном ориентируясь на ее заглавие, а не на содержание, остающееся им неизвестным в силу его необычайной ныне редкости. Вот как сам автор определяет замысел этой книги: «Zamiar dzieła. Jarmo Tatarskie które domowe rozterki książąt włożyły na Ruś, dało siłę sąsiadom do zajęcia jej granic, i czas do przyswojenia, tak, że obowiązywali nawet przysięgą Królów swoich, do powtórnego zawojowywania od zyskanych później przez Rossianow własnych swoich Krajow i do utrzymywania się przy przyjętym raz onych tytułе.

Móý zamiar jest pokazać że cała zachodnia Ruś od samego ufundowania Państwa jej, była pod jej książąt panowaniem»⁴⁰.*

Митрополит выступал и в качестве переводчика и издателя большого числа различных государственных документов, в том числе и специально касающихся Белоруссии⁴¹. Существует целая панегирическая литература в его честь, в которой именование «белорусский» звучит многократно.

Одной из форм распространения термина «белорусский» была и вездесущая издательская деятельность католических монашеских орденов: францисканцев⁴², кармелитов⁴³, пиаров⁴⁴ и других. Имено-

* «Замысел произведения. Татарское ярмо, которое внутренние междуусобицы князей возложили на Русь, дало силу соседям для захвата ее границ, и время для присвоения, так что даже обязывали присягой королей своих к повторному завоеванию освобожденных позднее россиянами собственных своих земель и удержанию принятого ранее титула.

Мой замысел – показать, что вся западная Русь от самого основания ее Государства была под управлением своих князей».

вания «белорусский», «Белая Русь», «Белая Россия» стали употребляться в этой орденской среде задолго до включения белорусских земель в состав Российской империи⁴⁵. Для католических кругов после первого раздела Речи Посполитой в термине «белорусский» не было ничего нового, потому сразу же после раздела они совершенно осознанно говорят даже об особом «Белорусском крае», благодарят за «создание Белорусского епископства»⁴⁶. Роль иезуитов в распространении по всему миру не только термина «белорусский», но и знаний о Белоруссии той поры вообще без преувеличения огромна. Чего стоит одна лишь панегирическая литература, посвященная ими монаршим особам, лицам из ближайшего придворного окружения, наконец, местным русским чиновникам различного ранга. Со временем появилась даже своего рода «провинция Белой России» отцов иезуитов⁴⁷, также весьма давно писавших и говоривших о «белорусском»⁴⁸. Тогда же в польском языке окончательно утверждается написание именований «Białoruś»⁴⁹, оказавшее затем, после довольно долгих внутренних и внешних когнитивных трансформаций, определяющее влияние на современное именование «Беларусь» в белорусском языке.

Греко-католики (униаты) Белоруссии в употреблении термина «белорусский» шли, пожалуй, вслед за римо-католиками и православными⁵⁰, хотя базилиане немало сделали для его распространения уже в XVIII в.⁵¹ В среде униатов говорилось и о «обывателях белорусских», что было характерно для исповедников различных конфессий, когда речь заходила о представителях конкретного географического региона⁵². В различных архивах до сих пор сберегаются особые фонды белорусских греко-католиков: «Белорусской греко-католической духовной консистории»⁵³, «Провинциала Белорусской провинции базилианского ордена»⁵⁴ и другие, документы которых раскрывают все усиливавшуюся динамику употребления термина «белорусский» во внутренней жизни униатской церкви, вплоть до уровня конкретного прихода. Это, пожалуй, один из самых значимых документальных пластов, необходимых для понимания многих событий внутри собственно белорусского сообщества, основу которого тогда составляли крестьяне и униатское духовенство. Их обращению в православие светские власти с каждым годом уделяли все большее внимание⁵⁵.

Ранее, в 1770-е гг., происходит выделение из Литовской самостоятельной «Белорусской» базилианской провинции⁵⁶. Базилиане, подобно иезуитам, весьма активно приветствуют новую власть, вос-

хваляя в своих панегириках и политическую мудрость императрицы⁵⁷, и всевозможные иные достоинства сановных русских лиц⁵⁸, не забывая при этом постоянно упоминать о «Белой России», «Белой Руси» и «белорусском». Различного рода неурядицы и споры среди как белого, так и черного униатского духовенства порождают всевозможные разбирательства, дающие необычайно ценную информацию для уяснения взглядов центральных и местных светских властей на этноконфессиональную проблематику «Литвы и Белоруссии», всего пространства, во главе которого стоял «Arcybiskup Biało-Ruski Rzymско-Unitskich cerkwi»⁵⁹.

Таким образом, картина перенесения в конфессиональную административную практику древнего именованья «Белая Русь», о ранней истории появления и распространения которого мы, правда, знаем пока слишком мало, довольно отчетливо видится на примере большого массива документальных источников XVII–XIX вв.

В свою очередь эти конфессиональные административные документы способствуют не только его внутригосударственной, но и международной легализации и закреплению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее о Н. И. Горбачевском см., например: *Толкачева (Щавинская) Л. Л.* Никита Иванович Горбачевский. Минск, 1991; *Щавинская Л. Л.* Н. И. Горбачевский – исследователь белорусской, литовской, русской и украинской старины // Ученые записки Смоленского гуманитарного университета. Смоленск, 1994. Т. 1. С. 386–394; *Она же.* Археограф Никита Иванович Горбачевский // Книга и мировая цивилизация. Материалы XI Международной научной конференции по проблемам книговедения. М., 2004. Т. 2. С. 352–355 и др.

2 См., например: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – АЗР). СПб., 1851. Т. IV. С. 313.

3 См., например: Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний Витебской и Могилевской (далее – ИЮМГВМ). Витебск, 1873. Вып. IV. С. 105–106.

4 См., например: АЗР. СПб, 1853. Т. V. С. 195.

5 См. о нем: *Щавинская Л. Л.* Протоиерей Иоанн Григорович и его ученые труды // Царкоўнае слова. 1992. № 6. С. 14–15; *Она же.* Гомельский протоиерей Иоанн Григорович и начало белорусской гума-

нитарной науки // Наследие Кирилла Туровского и современная общественно-культурная жизнь. Гомель, 1994. С. 49–51; *Она же*. Гомельский протоиерей Иоанн Григорович – деятельный сотрудник «Румянцевского кружка» // Румянцевские чтения: К 240-летию Н. П. Румянцева. М., 1994. Ч. 1. С. 14–17; *Она же*. Гомельский протоиерей Иоанн Григорович и начало белорусской археографии // Н. П. Румянцев на белорусской земле. Минск, 1997. С. 47–49 и др.

6 См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 358.

7 Нам удалось довольно детально проследить поиски о. Иоанна Григоровича в различных белорусских архивных собраниях. См., напр.: *Щавинская Л. Л.* Архіў беларускага вучонага ў маскоўскіх зборах // Вяртанне-2: Зборнік артыкулаў, дакументаў і архіўных матэрыялаў па праблемах пошукаў і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь. Мінск, 1994. С. 103–105; *Она же*. Перечень документов из архива протоиерея Иоанна Григоровича, хранящихся в РГБ // Н. П. Румянцев на белорусской земле. Минск, 1997. С. 54–56; *Она же*. [Приложения] // *Лабынцев Ю.* На благое просвещение. Минск, 1999. С. 107–139 и др.

8 См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 358. Л. 1.

9 См., например: ИЮМГВМ. Витебск, 1882. Т. XIII. С. 11.

10 На некоторые из этих документов есть ссылки в книге *А. Белого* «Хроніка Беларусі» (Мінск, 2000. С. 160–161, 230) – первом столь подробном «нарысе гісторыі» этой «геаграфічнай назвы» до XVII в. включительно.

11 В этом древнем костеле служил в свое время известный в будущем католический митрополит С. Богуш-Сестренцевич, личность которого теснейшим образом связана с нашей темой.

12 См., например: Вестник Южной и Западной России (1862. Т. 2. С. 94), где помещена одна из грамот короля Августа II 1699 г.

13 См., например: Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 199.

14 Там же. Д. 230.

15 Там же. Д. 239.

16 23 мая 1755 г. король Август III дал свою привилегию на поставление «Епископом Белорусским, Мстиславским, Оршанским и Могилевским» Георгия Конисского (см.: Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. СПб., 1861. Ч. 1. С. LII–LIV).

17 Белорусский архив древних грамот. М., 1824. Ч. 1. С. 6.

18 Примером здесь может служить особый сепаратный акт о дис-

сидентах на польском, латинском и русском языках, опубликованный в Т. 7 *Volumina Legum* (Petersburg, 1860) и книге П. В. Стегния «Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1771. 1793. 1795» (М., 2002), который почему-то совершенно не использовал в своем исследовании это ценное многотомное издание.

19 Подробнее см.: *Лабынцев Ю. А.* Правовая битва за Православие в Речи Посполитой: археографический арсенал Георгия Конисского // Православие в духовной жизни Беларуси. Брест, 2012. С. 30–35.

20 См.: Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве. Ф. 128. Оп. 1 общая. Д. 265; Ф. 128. Оп. 1 типографская. Д. 131.

21 См.: Отдел рукописей, редкой книги и старопечатных изданий Национальной библиотеки Беларуси (далее – ОРКСИ НББ). Д. 091/094/583.

22 См.: Любопытный месяцеслов на 1775 год. СПб., 1775. С. 55.

23 *Щеглова С. А.* Богогласник: Историко-литературное исследование. Киев, 1918. С. 220–221.

24 *Романова Н. И.* Памятники книжной культуры из библиотеки преосвященного Георгия Конисского (по фондам НББ) // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры. Мінск, 2006. Ч. 1. С. 88–93.

25 *Щавинская Л. Л.* Издательская деятельность Георгия Конисского в первые годы служения на белорусской земле // Православие в духовной жизни Беларуси. Брест, 2012. С. 35–38.

26 См., например, речь туровского священника о Григория Лойка в кн.: *Sakowicz E.* Kościół Prawosławny w Polsce w epoce Sejmu Wielkiego 1798–1792. Warszawa, 1935. S. 262–264.

27 См.: Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 3219. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–5.

28 См., например: ОРКСИ НББ. Д. 091/4474. Л. 121.

29 Там же. Л. 129.

30 *Litak S.* Stosunki kościelne na ziemiach litewsko-ruskich w latach 1772–1815 // *Ziemie Północne Rzeczypospolitej Polsko-Litewskiej w dobie rozbiorowej 1772–1815.* Warszawa; Toruń, 1996. S. 68.

31 См., например: Полное собрание законов Российской империи. Т. XIX. № 14073.

32 О жизненности этих образований свидетельствуют довольно многочисленные документы, в том числе различные отчеты виленской епархии. См., напр.: *Relationes status Dioecesium in Magno Ducatu Lituaniae.* Romae, 1971. Т. 1. Dioeceses Vilmensis et Samogitae.

33 См.: НИАБ. Ф. 1781.

34 См.: *Relationes status Dioecesium in Magno Ducatu Lituaniae*. Romae, 1971. Т. 1. P. 123–124, 143, 171 и др.

35 См., например, многочисленные панегирики, посвященные «суфраганам Белой России»: *Illustrissimo... Antonio Josepho Żołkowski episcopo Alajajensi, suffraganeo Albae Russiae...* Vilnae, 1745; *Illustrissimo... Giedrussiis Giedroyc, episcopo Uranopolitano, suffraganeo Albae Russiae...* Vilnae, 1764.

36 См., например: *Illustrissimo... Stanislao Bohusz Siestrzencewicz episcopo Albae Russiae...* Vilnae, [1770-е гг.]

37 Один из таких указов от 9 января 1780 г., широко разошедшийся в виде печатной однолистки:

«Как в Имперіи Нашей при свободномъ исповеданіи римско-католическаго закона главное церковное начальство сего закона, по воле Нашей, вверено епископу Белорусскому Станиславу Сестренцевичу: то дабы сіе соизволеніе наше везде въ точности исполняемо было, повелеваемъ со стороны нашихъ генераль-губернаторовъ и прочихъ начальствъ наблюдать, во первыхъ: Чтобы отъ всехъ монастырей и церквей римскихъ, въ Россіи обретающихся, ему епископу должное повиновение оказываемо было. А второе: Чтобы никто изъ духовныхъ римскихъ въ церковное служеніе, визитацію, исправленіе и прочія по обрядамъ того закона потребности не дерзаль вступаться, кроме техъ единственно, кои отъ помянутаго епископа, яко по воле Нашей учрежденнаго въ имперіи Нашей законнаго римскія церкви пастыря, имеютъ на то дозволеніе и благословеніе, и оное на письме предъявить: чего ради о всякомъ изъ сихъ духовныхъ, когда кто изъ нихъ смертію или инымъ случаемъ выбудеть изъ места своего, Белорусскаго епископа уведомлять. Если же таковыя безъ ведома его въ духовныя римской церкви дела и служенія вмешивающіеся найдутся, таковыхъ отъ уезда къ уезду и отъ губерніи къ другой препровождать къ границамъ для высылки вне оныхъ, о чемъ и намъ донестъ. Подтверждаемъ при томъ, чтобы и въ границы никто изъ духовенства сего допускаемъ не былъ инако, какъ когда онъ представитъ свидетельство призыва, или дозволенія епископа Белорусскаго; а ежели которые изъ подобныхъ объявятъ, что къ нему имеютъ нужду, оныхъ отсылать къ Белорусскому нашему генераль-губернатору; въ небытность же его къ правителю Могилевскаго наместничества, кои могутъ препровождать ихъ къ епископу».

38 В Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге сохраняется довольно обширный фонд канцелярии С. Богуш-Сестренцевича, относящийся к 1797–1826 гг. (см.: Ф. 821. Оп. 144), где есть ряд важнейших документов для изучения распространения

термина «белорусский» в сфере деятельности католической, униатской и православной церквей, а также на пространстве Европы в целом.

39 См.: *Siesrzeńcewicz-Bohusz S.* O Rossyj Zachodniej. W Mohilewie nad Dnieprem. 1793.

40 Там же. С. 5.

41 См., например: *Ustawy Katarzyny II...* Mohilew, 1777 и др.

42 См., например: *Czajkowski F. J.* z Załuskich Ogińskiej ... na dowód wdzięczności imieniem całego zakonu francyskańskiego prowincji Litewskiej, Białoruskiej y Żmudzkiej... Wilno, 1772 и др.

43 См., например.: *Do Najjaśniejszej Katarzyny II Imperatorowej od xx. karmelitów prowincyi Białoruskiej oda.* Wilno, 1780 и др.

44 См., например: *Lenartowicz K.* Urządzenie Komitetu szlachetnej młodzi przy szkole wyższej Połockiej xx. pijarów na Białej Rusi. Połock, 1812; и др.

45 См., например: *Olechnowicz A.* Diarium Franciscanum... Lithuania et Albae Russiae... Vilnae, 1737 и др.

46 См., например: *Wiechert H.* Kazania we dwóch najpomysłiniejszych dla kraju Białoruskiego okolicznościach miane: ... za nowo ufundowane biskupstwa Białoruskiego... Połock, 1789.

47 См., например: *Archivum Romanorum Societatis Jesu. Russ. fasc. IV. Catalogus primus provinciae Alba Russia.*

48 Подробнее см., например: *Les Jésuites de Russie 1772–1785... Récit d'un jésuite de la Russie Blanche.* Paris, 1876.

49 См., например: Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. Ф. 822. Оп. 12. Д. 2638. Л. 1: «...w roku 1773, gdy Białoruś do Państwa Rosyjskiego przyłączona została...» («...в 1773 году, когда Белорусь была присоединена к Государству Российскому...»).

50 См., например, любопытнейший в данной связи документ: НИАБ. Ф. 3245. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1об.: «...архієпіскоп Сестренцевич дае мне знать при веденіі Россійскаго счисленія в Беларускай Епархіі имел он от варшавскаго нунціуса посланіе следующаго содержания: “...дабы беларускіе католики при употребленіі григоріевскаго календаря осталісь... марта 1го Дня 1796го года”».

51 См., например: *Stebelski I.* Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim... T. 2. Chronologia... w Wielkim Księstwie Litewskim a mianowicie na Białej Rusi w Połocku dziejów... Wilno, 1783.

52 См., например: *Obywatel białoruski...* S. 1, 1788.

53 См.: НИАБ. Ф. 3245.

54 См.: НИАБ. Ф. 3421.

55 См., например: ОРРКСИ НББ. Д. 091/ 4474. Л. 124–124об.

56 См., например: Центральный государственный исторический архив Украины во Львове. Ф. 684. Оп. 2. Д. 3280. Л. 1–2.

57 См., например: Catharinae II Augustissimae... Basiliani... Imperio intra Albam Russiam sobdite. Vilnae, 1778.

58 См., например: Cum Magni Rossiae principes et potentissimi Imperii Rutheni Haeredes domini et duces... Paulus et Marie Polociam anspicato adventissent monastica Basiliani instituti intra Albam Rossiam, familia subiectionis cultus et gaudii causa cecinit. S. I. 1781.

59 См., например: Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссиею. Вильно, 1889. Т. XIV. С. 562–567 и др.

Ščavinskaja L. L.

The name of Belarussian territories in local church documents
of the 18th–19th centuries

The article basing on a huge data from sources of the 18th–19th centuries brings into light the ways how the name «White Rus» («Bela-ja Rus'») was introduced into church administration of the Russian Empire practice to name the Belarussian territories.

Keywords: *White Rus, Belarussia, Belarussian, Russian Empire of the 18th–19th centuries, church history.*

Е. В. Байдалова
(Москва)

Украинская литература между Европой и Россией: к полемике К. Буревоего и Н. Хвyleвeго

Статья посвящена полемике между К. Буревым и Н. Хвyleвым, имевшей место в ходе Литературной дискуссии о путях развития современной украинской литературы (1925–1928). В центре полемики – вопрос о том, на какую культуру (европейскую или русскую) необходимо ориентироваться украинской литературе XX в.

Ключевые слова: *Буревый, Хвyleвой, украинская литература, Россия, Европа.*

Полемика между К. Буревым (1888–1934) и Н. Хвyleвым (1893–1933) возникла в контексте Литературной дискуссии о путях развития современной украинской литературы, проходившей в 1925–1928 гг. на страницах советских изданий¹. Главным действующим лицом всей Литературной дискуссии был Николай Хвyleвой (настоящее имя – Николай Григорьевич Фитилев), чье творческое наследие, пусть не в полном объеме, но возвратилось в украинскую литературу после распада СССР² и с тех пор активно изучается украинскими историками и теоретиками литературы³, а также некоторыми российскими историками⁴. Одним из его оппонентов в Литературной дискуссии выступил писавший на двух языках Кость Буревой (настоящее имя – Константин Степанович Сопляков), более известный как гениальный мистификатор Эдвард Стриха. Кость Буревой – по происхождению украинец – родился в Воронежской области, с 15 лет был членом партии социалистов-революционеров (эсеров). С 1903 по 1922 г. Буревой вел активную политическую деятельность, однако данных об этом периоде его жизни крайне мало. Известно, что его неоднократно арестовывали и ссылали. Два раза Буревой бежал, вел полуполигальную жизнь члена комитета партии. В 1917 г. он принимал участие в борьбе против советской власти и являлся одним из организаторов Волжского восстания, однако в январе 1917 г. отказался сотрудничать с Колчаком и в составе Уфимской делегации участвовал в создании мирного договора с советской властью, организовав Меньшинство партии эсеров⁵. После ареста в 1922 г. и окончательного распада партии он прекратил свою поли-

тическую деятельность и сосредоточился на литературной деятельности, начав с выпуска полемического произведения, объясняющего его выход из партии эсеров («Распад», 1923). К этому времени Кость Буревой уже был автором брошюр «Колчаковщина» (1919), «К прекращению войны внутри демократии» (1919), «Крестьянские нужды и сельскохозяйственная кооперация» (1923), работы о творчестве А. Блока «Поэт белого времени», а также многочисленных публикаций в периодических изданиях. В тот же период Буревой, выросший в русскоязычном окружении, активно интересуется Украиной и украинской культурой. К началу литературной дискуссии он печатает в журнале «Червоний шлях» свои очерки о жизни украинской колонии в Москве, украинском театре, украинском клубе, является одним из создателей издательства «Село и город», подготовившего в числе других изданий двухтомник Шевченко. Этот период творчества писателя практически не изучен: нет современных публикаций текстов его работ, романа «Хамы» (1925), не осмыслена его роль в Литературной дискуссии, хотя Буревой был чуть ли ни единственным оппонентом Хвылевого, живущим в России.

Когда полемика из литературной плоскости переместилась в плоскость политическую, Хвылевому пришлось писать покаянные письма, Буревому – скрываться за псевдонимами и бежать из дома в последний год жизни. Писатели погибли с разницей в один год: в 1933 г. Хвылевой застрелился, Буревой в 1934 г. по сфабрикованному обвинению в «организации и подготовке террористических актов против работников советской власти» был расстрелян вместе с другими украинскими писателями, среди которых были Григорий Косынка, Дмитрий Фальковский (белорус по происхождению, писавший стихи на украинском языке), поэт Олекса Влызько. Их архивы сильно пострадали. Вторую часть идеологического романа «Вальдшнепы», в котором Хвылевой развивает мысли, высказанные им в ходе Литературной дискуссии, уничтожила цензура. Сам писатель, по-видимому, сжег уже почти написанный роман «Комсомольцы». Дочь Буревского вывезла часть архива отца за границу, но многое было уже изъято НКВД. К тому же Буревой последние годы жизни писал под разными псевдонимами (известны его псевдонимы: Кость Соколовский, Варвара Жукова, Нехтенборенг, Клим Буревой, возможно, есть и другие, пока не установленные). В истории жизни этого писателя, особенно в творческой биографии, все еще много «белых пятен», которые ждут своих исследователей.

Кость Буревой вступил в Литературную дискуссию, когда Хвылевой опубликовал первые два цикла памфлетов – «Камо грядеши» (впервые опубликованный в апреле–июне 1925 г. в еженедельнике «Культура и быт») и «Мысли против течения» (печатались в августе–декабре 1925 г. в «Культуре и быте», а также в журнале «Червоний шлях»). В цикле памфлетов «Камо грядеши» писатель высказал свою точку зрения на современный ему украинский литературный процесс и в качестве одного из ключевых выдвинул вопрос: «Европа или «Просвита?»^{6*} Символ такой Европы для писателя – доктор Фауст, пример «пытливого человеческого духа»⁷.

Антитезой «психологической Европы» является «страна рабской психологии», олицетворение которой – «Просвита» с ее культурным эпигономством и отсталостью: «Без российского дирижера наш деятель культуры не мыслит себя. Он способен только повторять за кем-то, обезьянничать. Он никак не может представить себе, что нация только тогда проявляет себя, когда найдет путь культурного развития, принадлежащий только ей. Не может представить, потому что он боится – ДЕРЗАТЬ!»⁸. Политическая зависимость, несамостоятельность украинской нации оборачивается психологической и мировоззренческой зависимостью: «хохландией» и «малоросейщиной», как пишет Хвылевой. В «Мыслях против течения» образ России строится на основании двух тезисов: что Россия «дирижует» украинской культурой и что русская литература, в отличие от украинской, имеет возможность свободно развиваться. «Пушкин жил в нормальной атмосфере культурного строительства, а Кобылянская, допустим, за великой китайской стеной, среди дикарей и эпигонов. Могла ли она, возможно, выдающийся талант, поставив перед собой великую цель, выйти победителем?» – задает Хвылевой риторический вопрос⁹. Однако резкого противопоставления России и Украины в первых двух памфлетах еще не происходит.

Одиозный лозунг Хвылевого «Прочь от Москвы!» («Геть від Москви!»), получивший широкое распространение, актуализируется в ответ на полемическое выступление Костя Буревой, который в 1926 г. в Москве выпускает брошюру «Европа или Россия. О путях развития современной литературы»¹⁰. Как и многие оппоненты Хвылевого, он не до конца понимает, что означает «психологическая

* Просвита (укр. «Просвіта») – Всеукраинское общество «Просвещение» имени Тараса Шевченко – украинская общественная культурно-просветительская организация (1868–1939, 1989 – н./вр.).

Европа», и упрекает украинского писателя в идеализации Европы. Необходимо отметить, что реальную Европу и современную ему европейскую литературу Хвылевой совсем не идеализировал и, по сути, не знал. Вот выдержка из его письма к Н. Зерову: «Вообще современная европейская литература меня не удовлетворяет. После Диккенса – Бюна: это же “безобразия”; сейчас подготавливаю почву для поездки за границу. Настроения, между тем, Европа не даст: даже не видев ее, ненавижу и представляю себе сереньким, скучным пятном»¹¹. Интересно, что и после посещения Европы отношение Хвылевого к европейской культуре не изменилось. Вернувшись из Германии в 1928 г., Хвылевой, по свидетельству его друга, драматурга Н. Кулиша, говорил: «Наша советская действительность сера, но у нас строится новое, есть перспективы; заграничная, буржуазная – тупик: там идеи, чувства – тот же фокстрот»¹².

Следующее, в чем упрекает Хвылевого Буревою, – недооценка русской художественной литературы (например, в оценках украинского автора Зеров как переводчик стоит значительно выше Жуковского). И здесь во многом Буревою прав, так как в памфлетах Хвылевого представлена не реальная, а мифологизированная русская литература. Видение русской словесности Хвылевым базируется на социологической критике 1920-х гг., ценящей в литературе главным образом ее общественную функцию. Например, на замечание Буревого о том, что Достоевский завладел мыслью всей Германии, Хвылевой называет творчество классика «достоевщиной» и провозглашает: «Смерть достоевщине! Даешь культурный ренессанс!», хотя творческий диалог с Достоевским явно прослеживается в его собственном романе «Вальдшнепы», главные герои которого носят имена героев русского писателя (Дмитрий Карамазов, Аглая)¹³.

Буревою советует автору памфлетов «внимательно прочитать Белинского», что Хвылевой и делает. В своем следующем цикле памфлетов «Апологеты “писаризма”» он посвящает заключительный раздел ответу Буревому. Раздел этот носит вызывающее название «Московские задрипанки*», а эпиграфом к нему служит обширная цитата из Белинского, в которой русский критик выражает сомнения в том, что из малороссийской словесности могло бы развиться что-то ценное, в отличие от русской литературы, которая первоначально соприкасалась с историей Европы. Эту цитату Хвылевой называет красноречивой и пикантной и делает вывод,

* Задрипанки (укр.) – захолюбье.

что литературу, пронизанную ненавистью к украинской поэзии (то есть русскую), можно любить, но воспитываться на ней нельзя. Совет Буревого молодым украинским писателям учиться у русской литературы приводит к актуализации несамостоятельного политического и культурного статуса Украины. Буревой ищет зеркальные явления московской литературной жизни в литературной жизни Украины (например, называет Хвелевого «украинским пыльнячком») и подчеркивает, что жизнь современной Украины на два-три года отстает от московской. В ответ Хвелевой выдвигает тезис, крайне важный для понимания всей литературной дискуссии: «Украинская действительность сложнее российской, потому что перед нами стоят другие задачи, потому что мы – молодой класс молодой нации, потому что мы – молодая литература, у которой еще не было своих Львов Толстых и которая должна их иметь, и которая возрождается, а не находится на закате»¹⁴.

Эту мысль Хвелевой разовьет в следующем полемическом трактате, уже запрещенном цензурой, «Украина или Малороссия?». В нем русская литература предстанет дряхлой и изможденной, обремененной тяжким наследством: пассивным пессимизмом, воспитывающим лишь «лишних людей», «людей без определенных занятий», «мечтателей», «нытиков» и даже «паразитов», а Москва будет показана как центр всероссийского мещанства. В ответе на замечания Буревоего о главенстве русской литературы Хвелевой поднимает вопрос: на какую из мировых литератур должна взять курс украинская литература сейчас, когда она встала на свой собственный путь развития? И дает однозначный ответ: только не на русскую, поскольку она веками довлеет над украинской литературой, являясь хозяйкой положения, она приучила украинскую психику к рабскому наследованию. Отсюда следует вывод: украинской литературе необходимо ориентироваться на западноевропейское искусство, на его стиль, на его приемы, при этом автор имеет в виду прежде всего классическую литературу (современных европейских авторов Хвелевой не очень хорошо знает и не особенно жалуется). Таким образом, европейская идентичность, на которую призывает ориентироваться Хвелевой, оказывается строго ограничена исторически и имеет мало общего с «мультикультурным концептом Европы»¹⁵. Именно этот цикл памфлетов («Апологеты “писаризма”») вызвал недовольство руководителей ВКП(б), поскольку в полемике с Буревым Хвелевой заявил о самостоятельности Украины, о том, что Малороссия отошла «в область предания»: «Россия самостоятельное государство? Самостоя-

тельное! Ну так и мы самостоятельное»⁶, а в полемическом трактате «Украина или Малороссия?» он прямо называл Украину колонией.

В «Апологетах “писаризма”» Хвильевой упрекал Буревоего в том, что тот не знает реальной Украины, и приглашал из «московского захолустья» приехать на историческую родину. В 1929 г. Буревой, действительно, переехал жить в Харьков, однако, по-видимому, его знакомство с Хвильевым состоялось гораздо раньше и важнейшим образом повлияло и на мировоззрение и на творчество писателя. В 1927 г. в журнале украинских футуристов появились произведения, подписанные именем Эдвард Стриха. Почти два года Михайль Семенко* в своем журнале печатал формально пародию на самого себя, а фактически и на весь большевистский строй. По свидетельству Эдварда Стрихи в «Автоэзекуции», в тайны этой мистификации был практически с самого начала посвящен только Хвильевой.

После того как Сталин проявил личный интерес к ходу Литературной дискуссии, ее вопросы больше не выносились на публичное обсуждение, однако нашли отражение в художественном творчестве обоих писателей. У Хвильевого в первую очередь в идеологическом романе «Вальдшнепы», в котором продолжилось осмысление особого пути развития украинской нации и ее стремления «оторваться» от России. У Костя Буревоего – в драматургических произведениях, не все из которых сохранились. Они написаны уже не оппонентом Хвильевого, а его единомышленником. Политическое ревью Буревоего «Четыре Чемберлена», по свидетельству современников, с большим успехом ставилось в театре «Березоль». Несмотря на то, что в пьесе шла речь о жестокой колониальной политике в разных частях мира от Индии до Африки и Бразилии, в ней было много параллелей с украинской действительностью. Неудивительно, что спектакль почти сразу запретили.

Историческую драму «Павло Полуботок»** (1928) Буревой писал уже не для печати, а для своих близких, так как надежды на ее

* Михайль Семенко (настоящее имя – Михаил Васильевич Семенко, 1892–1937) – лидер украинских футуристов, редактор журнала «Новая генерация» (1927–1930).

** Павел Полуботок (укр. Павло Полуботок) (ок. 1660 – 1724) – черниговский полковник, в 1722–1724 гг., после смерти гетмана Скоропадского, наказной гетман Украины, умер в заключении в Петропавловской крепости, куда был посажен по приказу Петра Первого за подачу челобитных о необходимости выбора гетмана и ограничения прав «малороссийской коллегии».

публикацию практически не было. Впервые драма была поставлена в Национальном театре им. М. Заньковецкой во Львове в 1994 г. В центре пьесы – образ Павла Полуботка, который не хочет идти ни за Мазепой (хотя после смерти Мазепы его зовет к себе Орлик), потому что это путь предательства, ни за гетманом Скоропадским, потому что это путь окончательной потери суверенитета Украины. Он верит, что к согласию можно прийти мирным путем, напомнив Петру Первому о том, что Хмельницкий составлял договор России с Украиной на равных правах. Петр Первый приказывает бросить Полуботка в темницу и упразднить гетманство со словами: «Никогда не будет так, как ты хочешь. Малая Россия суть часть единого великого государства России. И что захотят, то и будут делать с твоей Украиной государи московские. Пройдет сотня лет, и не останется и знака на земле от ваших чубов и вольностей. Пройдет сотня лет – и малоросс, как капля воды на другую, будет похож на своего брата великоросса. И никто их не сможет отличить». На это Полуботку остается только ответить: «Теперь я знаю. Что воля помещается на конце сабли!»¹⁷

Понятие «психологической Европы», выдвинутое Хвильевым, Буревою не принимает (недаром в своей поэме-пародии «Зозендропия», подписанной псевдонимом Эдвард Стриха, он иронически предлагает Хвильеву сравнить свое творчество с творчеством О. Шпенглера), однако понятие Москвы как России имперской и одновременно мещанской, от которой украинской культуре необходимо дистанцироваться, чтобы избавиться от комплекса «вторичной», «провинциальной» культуры, закрепляется в его творчестве не в последнюю очередь под влиянием полемики с Хвильевым.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее о Литературной дискуссии см., например: *Шкандрий М.* Модерністи, марксисти і нація: українська літературна дискусія 1920-х років. Київ, 2006; *Луцький Ю.* Літературна дискусія 1925–1928 рр. // *Он же.* Літературна політика в Радянській Україні 1917–1934. Київ, 2000. С. 70–78 и др.

2 Первый сборник избранного «Синие этюды» вышел еще даже до распада СССР, в 1989 г., в издательстве «Радянський письменник».

3 См., например: *Агесва В.* Українська імпресіоністична проза. Київ, 1994; *Гундорова Т.* Дискурсія раннього українського модернізму. Львів, 1997; *Констанкевич І.* Проза Миколи Хвильового (еволюція харак-

теру героя): Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Київ, 1998; *Соловей О.* Рання проза Миколи Хвильового в літературній критиці 1920-х років. Донецьк, 2003; *Микитенко А. М.* Засоби публіцистичної виразності та дієвості (на матеріалах памфлетів і нарисів Миколи Хвильового): Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Київ, 2005; *Шаповал Ю.* Полювання на «Вальдшнепа». Розсекречений Микола Хвильовий. Київ, 2009; *Шерех Ю.* Хвильовий без політики // Березіль. 1991. № 9; *Хоменко Г.* Микола Хвильовий: У пошуках інтелектуального безсмертя // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Харків, 1994. Т. 3; и др.

4 *Борисёнок Е. Ю.* Николай Хвильевой (1893–1933) // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 215–238.

5 Биографические данные подаются по *Біла А.* Доля з багатьма невідомими (до біографічного портрета Костя Буревія) // Слово і час. 2003. № 1; *Лавріненко Ю.* Розстріляне Відродження. Київ, 2004; *Петров В. П.* Діячі української культури: (1920–1940 рр.): Жертви більшовицького терору. Київ, 1992; *Олифrienко С. Н., Олифrienко В. В.* Слобожанская волна. Донецк, 2005.

6 *Хвильовий М.* Вибране. Київ, 1995. С. 673.

7 Там же. С. 674.

8 Цит. по: *Мовчан Р.* «Європа і ми»: колізії та особливості українського окциденталізму 1920-х років // Слово і час. 2009. № 1. С. 7.

9 *Хвильовий М.* Вибране. С. 677.

10 *Буревій К.* Європа чи Росія? Про шляхи розвитку сучасної літератури. М., 1926.

11 Цит. по: *Мовчан Р.* «Європа і ми»... С. 9.

12 *Свербілова Т.* Російська культура як «інший» у спадщині Миколи Хвильового та модель подолання окциденталізму у проекті Миколи Куліша // Слово і час. 2010. № 1. С. 8.

13 Подробнее см.: *Байдалова Е. В.* Традиции Ф. М. Достоевского в украинской психологической прозе 20-х гг. (на примере прозы М. Хвильового) // Российская славистическая фольклористика. М, 2007. С. 269–276.

14 *Хвильовий М.* Вибране. С. 573.

15 *Свербілова Т.* Російська культура як «інший»... С. 7.

16 *Хвильовий М.* Вибране. С. 573.

17 *Буревій К.* Павло Полуботок. Історична драма на 5 дій. Мюнхен, 1948. С. 65.

Bajdalova E. V.

Ukrainian literature between Europe and Russia: on the debates
between K. Burevoj and N. Hvyļevoj

The debates between K. Burevoj and N. Hvyļevoj took place during the Literature Discussion about the development of modern Ukrainian literature (1925–1928). The main issue was whether Ukrainian literature in the 20th century should be guided by the examples of Russian or European culture.

Keywords: *Burevoj, Hvyļevoj, Ukrainian literature, Russia, Europe.*

Н. Н. Старикова
(Москва)

Словенские писатели и «бархатная» революция

В статье рассматривается роль писателей в политической и общественной жизни Словении в период подготовки и проведения «бархатной» революции, создания независимого государства и первые годы государственной самостоятельности.

Ключевые слова: *Общество словенских писателей, ПЕН-центр, «бархатная революция», политическая оппозиция, Майская декларация, многопартийная система.*

Словенские писатели на протяжении всего исторического пути национальной литературы находились в гуще общественной борьбы, воздействовали на умы современников не только как художники, но как политики и общественные деятели. Принципиальную роль сыграли здесь две основные писательские организации Словении: Общество словенских писателей и ПЕН-центр. Первое общество писателей было организовано в 1872 г. этимологом, историком и писателем Д. Трстеняком в Любляне. На протяжении нескольких десятилетий главной задачей организации была популяризация отечественной художественной продукции. В межвоенный период пальма первенства перешла к учрежденному в 1926 г. словенскому ПЕН-центру, который возглавил выдающийся поэт О. Жупанчич. В том, что словенцы оказались на передовой формирования общеевропейской (а теперь и общемировой) писательской инфраструктуры (к слову, русский ПЕН был создан только в 1989 г.), – огромная заслуга Я. Лаврина (1887–1986), литературоведа-русиста и журналиста, в 1910-е гг. учившегося и работавшего в России, а затем всю жизнь прожившего в Англии. Международный ПЕН-клуб был создан в октябре 1921 г. в Лондоне по инициативе английских авторов К. Э. Доусон-Скотт и Дж. Голсуорси как форма международного сотрудничества поэтов, эссеистов и романописцев. Лаврин был лично знаком с возглавившим объединение Голсуорси и с его подачи увлек своих земляков Ив. Цанкара,

Й. Видмара, Ф. Финжгара, Ф. Бевка, Прежихова Воранца, О. Жупанчича этой идеей. В результате под эгидой словенского ПЕН-центра в середине 1920-х гг. в Любляне объединились представители самых разных идейных взглядов и художественных течений. Во время Второй мировой войны деятельность обеих писательских организаций прервалась, затем с 1945 по 1990 г. Общество словенских писателей функционировало в составе Союза писателей Югославии (решение выйти из него было принято в феврале 1990 г.). ПЕН-центр возобновил свою деятельность в 1962 г., став одним из оазисов инакомыслия в республике. Их членами в разное время были писатели, известные не только своей литературной, но и общественно-политической деятельностью: И. Тавчар (1851–1923), крупнейший прозаик конца XIX – начала XX в., глава радикального крыла партии «народняков» – словенских либералов, депутат парламента Австро-Венгрии (1901–1907) и скупщины Королевства СХС (1920), мэр г. Любляны (1911–1921); И. Цанкар (1876–1918) – выдающийся прозаик и драматург начала XX в., видный деятель словенской социал-демократической партии, выступавший как ее идеолог; Э. Коцбек (1904–1981) – поэт-экспрессионист, лидер партии христианских социалистов, один из основателей ОФ Словении. В 1950-е гг. он за «несвоевременное» внимание к роли интеллигенции в национально-освободительном движении был отлучен от общественной деятельности, а в 1970-е гг. назван словенской оппозицией «совестью» нации. С публикации в 1974 г. сборника документальных материалов «Эдвард Коцбек – свидетель нашего времени», изданного в Триесте А. Ребулой и Б. Пахором, в Словении началось переосмысление трагических событий национально-освободительной борьбы. Эта почти вековая традиция «хождения» словенских писателей в политику была существенно обновлена в 1980-е гг., в канун словенской «бархатной» революции. Одним из деятелей культуры новой волны, нашедших себя на политическом поприще, безусловно, является писатель и публицист Димитрий Рупел (р. 1946), получивший в это время известность как автор нескольких сатирико-политических романов-пародий и драм, а также кино- и телевизионных сценариев. Уроженец Любляны, он в 1970 г. закончил философский факультет Люблянского университета по специальности «сравнительное литературоведение и социология». Главным вольнодумцем философского факультета в те годы был литературовед Д. Пирьевец (1921–1977), многие будущие творцы словенской «бархатной» революции получили свой первый урок либерализма, будучи его студентами. Об отношениях наставника и

ученика говорит тот факт, что Рупел, будучи главным редактором литературно-критического журнала «Проблеми», предоставил своему профессору трибуну для открытия общесловенской дискуссии по национальному вопросу, затронувшей такие важные темы, как защита родного языка, национальная идентификация, поиск национальных корней. Эта дискуссия стимулировала рост протестных настроений в среде словенской интеллигенции в период «свинцового» десятилетия 1970-х гг.

Внутриполитическая ситуация в СФРЮ рубежа 1970–1980-х гг. характеризовалась обострением межнациональных и межреспубликанских противоречий, антагонизмом между центром и субъектами федерации, кризисом политической власти. Смерть Й. Б. Тито в 1980 г. только усилила остроту политической борьбы между отдельными республиками. Одними из первых проявили активность деятели словенской науки и культуры. Уже 10 июля 1980 г. представители творческой и научной интеллигенции, среди которых были поэты Н. Графенауэр, С. Макарович, Борис А. Новак, философ Т. Хрибар, литературный критик А. Инкрет, писатель Д. Рупел, обратились к властям с идеей учреждения нового литературно-критического периодического издания – журнала, в котором «затрагивался бы широкий спектр общественных и культурных вопросов»¹. На согласование ушло два года – первый номер издания, названного «Нова ревия» («Новый журнал»), увидел свет в мае 1982 г., в роли главного редактора выступили одновременно Рупел и Графенауэр. Журнал продолжил традицию словенских «вольных» изданий конца 1950-х – начала 1960-х гг. – «Ревии 57» и «Перспектив», вокруг которых в годы «оттепели» группировалась либеральная интеллигенция. Несмотря на то, что официально «Нова ревия» имела подзаголовок «культурный ежемесячник», это было издание, не столько обращавшееся к проблемам литературы и искусства, сколько ведущее открытую и яростную полемику по общественно-политическим и национальным вопросам, касающимся как словенского, так и общегославского контекста, первая трибуна для публичных политических выступлений и критики режима, фактически – официальный орган словенской политической оппозиции. Сотрудники «Новой ревии» добиваются публикаций материалов, ранее не подлежавших огласке: военных писем Коцбека, дневников Пирьевца, воспоминаний политзаключенного и диссидента Й. Пучника. Именно со страниц «Новой ревии» прозвучали требования демократизации, введения многопартийной системы, установления конфедерации. Журнал стал одним из рычагов

влияния на массовое политическое сознание, катализатором общественных перемен. Так же как и ряд литературных произведений. Широкий резонанс не только в Словении, но и в других республиках СФРЮ получают в начале 1980-х гг. романы Б. Хофмана (1929–1991) «Ночь до утра» (1981) и И. Торкара (1913–2004) «Смерть в рассрочку» (1984), в которых впервые звучит правда о событиях 1948 г. Время действия романа «Ночь до утра» полностью совпадает с названием, то есть длится около восьми часов летней ночи в отдаленном районе Штирии в середине 1960-х гг. Первоначально повествование развивается в детективном жанре: в сельском доме найдена девятнадцатилетняя повешенная девушка Минка Коритник, дочь хозяев, и на место происшествия вызвана следственная бригада. Среди ближайших соседей Коритников, одновременно подозреваемых и свидетелей, два бывших партизана: Йоже, владелец местного кафе, и его неработающий брат Петер, в 1948 г. осужденный по ложному обвинению и отправленный на Голый остров, место, где отбывали наказание политические репрессированные. Один из приехавших следователей – Ковач – вел в свое время дело «предателя» Петера и отличался особо изощренной психологической жестокостью. Встреча палача и жертвы, ставшая основным конфликтом романа, направляет сюжет в политическое русло. Собственный горький опыт «школы социализма» лег в основу автобиографического романа Торкара «Смерть в рассрочку», позднее названного критиком Ф. Задравцем «романом о трагизме социалистической идеи»². В центре романа – рассказ о судьбе партийного функционера Мартина Певкара (подпольная кличка Габер), охватывающий период до, во время и после Второй мировой войны, в годы так называемых дахаусских процессов над бывшими узниками фашистских концентрационных лагерей Дахау и Заксенхаузен, которым инкриминировалось сотрудничество с оккупантами), и доведенный писателем до второй половины 1970-х гг.

Габер – фигура вымышленная, его судьба типична для поколения словенской интеллигенции, руками которой осуществлялись революционные преобразования. Будучи убежденным марксистом в начале 1930-х гг. и партизаном в начале 1940-х, пройдя через фашистские застенки, герой становится жертвой политических репрессий 1948 г. и «от имени народа» приговаривается к тюремному заключению. После условного освобождения в 1952 г., что само по себе явилось удачей, так как большинство его поделщиков было расстреляно, Мартин Певкар проходит через все стадии депрессии: от разрушительного алкоголизма до расстройства психики. Одержжи-

мый идеей реабилитации безвинно осужденных и погибших товарищей, герой начинает искать свидетелей, которые могут опровергнуть предъявленные «предателям родины» обвинения. Торкар включает в текст подлинные беседы с бывшими заключенными фашистских концентрационных лагерей: писателем Лудвиком Мрзлем (1904–1971), классиком социального реализма Прежиховом Воранцем (1893–1950). Автор романа собрал обширный материал о подполье в Дахау, предав гласности имена многих антифашистов, судимых впоследствии за «измену родине», таких как лидер сопротивления, чудом уцелевший в аду концлагерей коммунист Мирко Кошир. Его карьера первого секретаря райкома оборвалась в 1948 г., и он сгинул среди тысяч других пленников Голого острова.

Важным шагом к «растабуированию» национальной истории становится дискуссия о национальном примирении, начатая социологом С. Хрибар. В сборнике памяти Коцбека она впервые публично выступила с идеей увековечивания памяти всех павших в годы Второй мировой войны вне зависимости от того, на чьей стороне они сражались, а также призвала к сотрудничеству со словенской эмиграцией. Существенную роль в борьбе с режимом в середине 1980-х гг. начинает играть Общество словенских писателей. В 1985 г. под его эгидой была организована «Комиссия по защите мысли и слова», во главе с поэтом В. Тауфером, которая выступала за отмену цензуры. В 1986 г. Общество писателей, желая быть независимым от Белграда, впервые проводит международный литературный фестиваль авторов Центральной Европы «Виленица» с присуждением одноименной награды.

В феврале 1987 г. группа авторов «Новой ревии» опубликовала в пятьдесят седьмом номере журнала свои предложения стратегии национального развития, содержащие требования не только рыночных преобразований экономики и политического плюрализма, но и государственной независимости Словении, в которой авторы видели демократическое многопартийное государство. Это была, по сути, национальная политическая программа оппозиции. По мнению новоревиевцев, коммунисты, находящиеся у власти, были не способны провести демократические идеи в жизнь. Предложения словенцев вызвали широкий резонанс и в стране, и за рубежом. При этом реакция югославской и словенской общественности была крайне неоднозначной. По данным, приведенным П. Водопивецем в книге «От грамматики Похлина до самостоятельного государства. История Словении с конца XVIII до конца XX в.», согласно социологическому

опросу 1986 г. до 60% респондентов еще доверяло системе социалистического самоуправления и полагало, что выход из политического и экономического кризиса возможен лишь в рамках существующей политической системы СФРЮ³.

К чести тогдашнего словенского руководства, несмотря на нажим со стороны Белграда, журнал не тронули. И центр решил сам умирить словенцев как носителей «вируса разъединения», используя главный сохранившийся рычаг – армию. ЮНА (Югославская народная армия) в середине 1980-х гг. еще представляла собой «государство в государстве», насчитывая до двухсот шестидесяти тысяч военнослужащих. Весной 1988 г. военный трибунал начал «процесс против четырех» – трех журналистов еженедельника «Младина» и младшего офицера ЮНА, обвиненных в государственной измене: военный предоставил представителям прессы документ, содержащий особо секретную информацию о подготовке армии к принятию политических мер против Словении. Судебный процесс, проходивший в Любляне на сербохорватском языке, вызвал многочисленные публичные выступления словенской общественности, акциями протеста руководил созданный И. Бавчаром «Комитет по защите прав человека» – неформальная организация, в рядах которой впоследствии родились идеи создания новых политических партий. Ежедневно перед зданием суда под лозунгом «Свобода, демократия, правовая безопасность!» проходили манифестации в поддержку обвиняемых, против вмешательства армии в политику. Военный трибунал приговорил журналистов Я. Яншу и Ф. Заврла к полутора годам лишения свободы, их коллегу Д. Тасича – к пяти месяцам, а младшего офицера И. Борштнера – к четырем годам лишения свободы. В целом судебный процесс июля 1988 г. не только усилил протестные настроения в обществе, но и мобилизовал общественность на открытое противостояние властям.

Политическая оппозиция искала юридические пути изменения государственного статуса Словении, ее положения и роли в составе СФРЮ. Одним из таких направлений стала работа над проектом новой (альтернативной) конституции республики. Им начали заниматься созданные на базе Общества писателей Словении и Словенского социологического общества комиссии, в состав которых вошли писатели, социологи и юристы. В течение 1988 г. Союз деятелей культуры Словении провел в Любляне несколько круглых столов по вопросу о суверенитете республики. 11 января 1989 г. была учреждена первая оппозиционная партия Словении – Словенский демокра-

тический союз; в ее создании активное участие приняли тогдашний председатель Общества словенских писателей Р. Шелиго и редактор журнала «Нова ревия» Рупел, который и возглавил СДС. В дальнейшем оба писателя занимали ключевые посты в разных правительствах Словении (Шелиго – министра культуры, Рупел – министра иностранных дел). В мае 1989 г. на многотысячном митинге в центре Любляны была принята так называемая Майская декларация – политическое заявление оппозиции, возглавляемой обществом писателей Словении и СДС, в защиту национального суверенитета, зачитанное известным поэтом и прекрасным переводчиком русской литературы Т. Павчеком. Декларация провозглашала право словенцев на создание «суверенного государства словенского народа... которое будет базироваться на... уважении прав и свобод человека, демократии, включая политический плюрализм, на общественном строе, который будет гарантировать духовное и материальное благополучие в соответствии с естественными потребностями и человеческим потенциалом граждан Словении»⁴. В сентябре словенский парламент принял дополнения к республиканской конституции, согласно которым Республика Словения возвращала себе суверенные права, переданные ею федеративной власти при образовании СФРЮ; десятая поправка гласила: «Социалистическая Республика Словения находится в составе Социалистической Федеративной Республики Югославии на основе постоянного, целостного и неотъемлемого права словенского народа на самоопределение вплоть до отделения и объединения»⁵.

Оппозиционное движение словенской творческой и научной интеллигенции конца 1980-х гг. привело к образованию ряда политических партий: партии христианских демократов (СХД), партии Словенский крестьянский союз (СКС, с 1992 г. Словенская народная партия), партии Словенский демократический союз (СДС), Либеральной партии, Социал-демократической партии (СДПС) и партии зеленых. В идейном смысле первые две (СХД и СКС) опирались на католическую традицию, СДС и ЛП отстаивали общедемократические либеральные ценности, СДПС – идеи социал-демократов. В конце 1989 г. они объединились в коалицию «Демократическая оппозиция Словении» («ДЕМОС»), которая стремилась «осуществить два важнейших требования словенского народа: гражданское общество с правовым государством и плюралистической демократией и национальный, политический и экономический суверенитет»⁶. На первых многопартийных демократических выборах в национальный парламент в апреле 1990 г. более половины голосов избирателей обеспечили по-

беду коалиции «ДЕМОС». Главой правительства был избран лидер партии Словенских христианских демократов (СХД) Л. Петерле, председателем президиума республики стал недавний глава Союза коммунистов Словении М. Кучан. В июле 1990 г. словенский парламент принял Декларацию о суверенитете Словении, согласно которой югославские законы являлись действительными для Словении лишь в том случае, если не противоречили Конституции республики и новому законодательству. Обретение независимости и выход из состава Югославии начались для Словении с проведения 23 декабря 1990 г. плебисцита по вопросу о самостоятельности государства. За образование самостоятельного словенского государства проголосовало 88,5% опрошенных. Закон о плебисците предписывал провозглашение независимости через шесть месяцев после голосования – Республика Словения была провозглашена 25 июня 1991 г.

В состав первого правительства независимой Словении (1990–1993) вошли прозаики А. Цапудер в качестве министра культуры и Д. Рупел, возглавивший министерство иностранных дел. На этом посту он приложил немало усилий для международного признания независимости Словении, ее вступления в ООН и ОБСЕ. Первой, 25 июня 1991 г., Словению признала Хорватия, затем страны Балтии – Латвия, Литва и Эстония. В середине января 1992 г. Словению признали государства – члены ЕС, 12 февраля 1992 г. – Российская Федерация, в мае 1992 г. при непосредственном участии Д. Рупела были установлены дипломатические отношения с Россией и открыты посольства. В 1990-е гг. Рупел становится депутатом парламента, после распада «ДЕМОСа» демократическая партия, возглавляемая им, на правах фракции входит в партию «Либеральная демократия Словении» (ЛДС). В качестве главы парламентского комитета по науке и образованию Рупел с 1994 по 1997 г. руководит политсоветом ЛДС, затем становится мэром города Любляны. Одновременно происходит его возвращение в литературу в качестве публициста – широкое признание получают книги Рупела «Словенский путь к независимости и признанию» (1992), «Политические убеждения: словенец» (1992), «Расколдованная Словения» (1993), «Время политики» (1994). «Расколдованная Словения» – самое популярное произведение своего времени, написанное очевидцем и одновременно аналитиком, это рассказ о первых шагах молодого независимого государства на международной арене, о том, как складывалась внешнеполитическая стратегия Словении, о словенских геополитических и ментальных особенностях и связанных с

ними трудностях, которые приходилось преодолевать. Автор видит одной из приоритетных задач новой власти создание «национального проекта, в основе которого было бы сочетание европейской образованности с “выведением” новой научной, культурной и политической элиты»⁷.

В 1997 г. писатель был назначен послом Словении в США, затем в 2000 г. вновь возглавил МИД Словении и оставался на этом посту, несмотря на смену правительства, до 2008 г. В качестве приоритетов внешней политики он выделял вступление Словении в ЕС, развитие отношений с ведущими европейскими государствами, тесное сотрудничество с США и Россией. Так, в ходе визита в Москву в декабре 2007 г. в качестве главы МИДа страны, председательствующей в ОБСЕ, он назвал Россию «стратегическим партнером»⁸ Словении. В общей сложности Рупел пробыв на должности министра иностранных дел более десяти лет. Сейчас он вновь пишет романы в своей излюбленной иронически-сатирической манере – политический триллер «Президент, или так, как это было» (2009) начинается смертью кандидата на высший пост в государстве. Несмотря на вымышленность фабулы, имен и фактов, очевидна авторская сверхзадача – воссоздать в произведении атмосферу двух десятилетий после словенской «бархатной» революции. Ее герои и антигерои, решения и шаги, сопровождавшие смену политического режима, – все это непременно станет предметом осмысления и художественного освещения в литературе, в том числе благодаря творчеству писателей, принимавших участие в борьбе за суверенное будущее Словении непосредственное участие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Slovenska novejša zgodovina 2. Od programa Zedinjena Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije. 1848–1992. Ljubljana, 2005. S. 1155.

2 *Zadravec F.* Romani o tragiki socialistične ideje // *Srce in oko.* 1992. № 36. S. 158.

3 *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2007. S. 475.

4 Майская декларация 1989 г. (8 мая 1989 г.) // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2001. С. 106–107.

5 Из конституционных поправок к Конституции Социалистической Республики Словении (27 сентября 1989 г.) // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2001. С. 117.

6 Демократическая оппозиция Словении (ДЕМОС) // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2001. С. 293.

7 *Rupel D.* Odčarana Slovenija. Ljubljana, 1993. S. 173.

8 *Рупел Д.* Культура диалога и диалог культур // Международная жизнь. 2007. № 12. С. 28.

Starikova N. N.

Slovene writers and the «Velvet Revolution»

The author dwells upon the role of writers in the political and social life of Slovenia during the preparation and the events of the Velvet Revolution, creating an independent state and the first years of political independence.

Keywords: *The Association of Slovene Writers, PEN-Centre, «Velvet Revolution», political opposition, May declaration, multi-party system.*

Е. Е. Левкиевская
(Москва)

К вопросу о методах культурного и этнодиалектного изучения украинских анклавов на территории России

Статья посвящена проблеме этнокультурного и языкового изучения славянских анклавов в инославянской среде. На примере старожильского украинского анклава Саратовской обл. предлагаются критерии создания типологии подобных анклавов, а также методы исследования формирования и эволюции традиции и диалекта в островной среде, оторванной от материнской культуры.

Ключевые слова: *украинистика, этноязыковые анклавы, социодиалектное исследование, островные говоры.*

Проблема комплексного изучения островных (анклавных) украинских говоров на территории России, а также украинской анклавной традиции является важной частью более общей и, к сожалению, плохо исследованной проблемы украинско-русской языковой и этнокультурной интерференции. Лингвистическая составляющая этой проблемы весьма многогранна и предполагает изучение объективного развития и взаимовлияния этих двух языков (заимствование определенных пластов лексики, грамматических форм, литературных норм, форм языкового поведения, языковедческих идей и т. д.). Она включает в себя такие мало исследованные вопросы, как функционирование украинского языка в русском коммуникативном пространстве и, напротив, существование русской речи в сфере распространения украинского языка. В рамки этой проблемы входит исследование межкультурной коммуникации на русско-украинском пограничье, в городах совместного исторического проживания русских и украинцев (например, Одесса, Киев и др.), существование русских языковых и этнических анклавов на Украине и украинских в России и происходящие в них процессы интерференции, а также вопросы когнитивной лингвистики и прагматики: например, как осуществляется коммуникация и понимание близкородственного языка в ситуации, когда один из собеседников говорит по-русски, а другой – по-украински; какие элементы обоих языков способствуют успешной коммуникации русских и украинцев между собой, а какие ее затрудняют или оказываются не воспринятыми собеседни-

ком. Чрезвычайно интересным может стать изучение русско-украинской коммуникации с точки зрения прагматики текста. Сюда входит анализ типов коммуникативных ситуаций, в которых используется смешанная русско-украинская речь; набора речевых жанров, которые допускают одновременное использование обоих языков, исследование участников коммуникации, их социокультурного статуса, языковой компетенции и особенностей речевого поведения. Список вопросов, относящихся к первому, чисто лингвистическому аспекту, можно продолжить, тем более что все эти проблемы до сих пор мало изучены и часто даже не осмыслены как объект научного исследования. В рамках изучения русско-украинской интерференции возможен еще один аспект, связанный с культурологической проблематикой и исследующий субъективное восприятие этих языков с точки зрения языкового сознания обоих народов. Этот аспект касается изучения не столько объективного процесса взаимодействия русского и украинского языков в общих сферах коммуникативного пространства, сколько его восприятия, интерпретации социумом в разные исторические периоды и при разных культурных обстоятельствах.

Создание единого проекта по этнодиалектному описанию и картографированию анклавных украинских говоров на территории России – задача важная и давно назревшая. О необходимости планомерных и комплексных работ в этой области уже заявляли многие исследователи, усилиями которых развивалось изучение островных говоров (ср., в частности, Баранникова 1975: 22–31). Необходимо заметить, что за последние двадцать лет ученые разных стран значительно продвинулись в этом направлении и достигли ощутимых успехов в изучении украинских говоров, существующих в иной языковой среде. Среди работ в этой области можно назвать фундаментальную монографию Н. Павлюка и И. Робчука «Українські говори Румунії» (Павлюк, Робчук 2003), а также многолетнее исследование украинских говоров восточной Польши, проведенное коллективом под руководством Ф. Чижевского и С. Вархола (Czyżewski, Warchoła 1998). В России, несмотря на отдельные разработки и наличие интереса к этой проблематике со стороны диалектологов и этнолингвистов, к сожалению, отсутствует скоординированная планомерная работа в этой области.

Предлагаемый проект призван устранить этот недостаток и объединить усилия ученых разных специальностей в полноценном и многостороннем изучении украинской островной языковой среды на территории России. Объективные и полные результаты исследования

украинских анклавов могут быть получены лишь в том случае, если оно будет организовано системно и охватит все уровни языковой и этносоциальной жизни анклава. Это касается как предварительного этапа исследования, призванного осмыслить и классифицировать всю имеющуюся информацию по островным говорам и этнокультурной традиции населения таких анклавов, так и последующих этапов работы – создания единого комплекса вопросников, выработки единых методов полевых и теоретических исследований, создания единой сетки населенных пунктов, организации экспедиций. Что касается последнего пункта, то здесь принципиально важное значение имеют подготовка и предварительное обучение базового состава участников экспедиции, выработка единых способов записи, обработки и публикации материалов.

Изучение анклавных (или островных) говоров нужно начинать с определения границ самого **предмета исследования** – что считать этноязыковым анклавом и что считать анклавным (островным) говором. От этого вопроса зависит, какие именно территории с украинским населением будут выбраны для исследования. Здесь существует более широкое и более узкое понимание проблемы. Ряд исследователей анклавными называет только переселенческие говоры, которые существуют в полном окружении русского языка и не имеют постоянного взаимодействия с украинским языком метрополии. Тогда как в широком понимании этого слова к числу островных можно причислить все говоры, которые по различным причинам (не обязательно из-за переселения) оказались в окружении иноязычной среды. Таким примером могут служить украинские говоры на русско-украинском пограничье, в частности, в Воронежской или Курской обл., где украинское население находится на территории своего исконного проживания и стало анклавным в результате прохождения новых административных границ, а не в результате переселения. На наш взгляд, переходные говоры русско-украинско-белорусского пограничья также можно считать анклавными (или частично анклавными) именно в силу образования новых административных границ, отсекающих часть этноса от метрополии и превращающих его в анклав. Вопрос о том, какие именно лингвокультурные образования можно считать анклавными, непосредственно связан с проблемой этноязыкового пограничья и типологией этнокультурных и языковых границ, которые разными исследователями делятся на «открытые» и «закрытые» (Kłosowska 2006), «переходные» и «стыковочные» (Chlebowczyk 1980). Поэтому исследование анклава дает прекрасную

возможность описать и проанализировать этноязыковые процессы, которые происходят на этноязыковых пограничьях разных типов, в частности, это позволит понять, являются ли одинаковыми формы интерференции, которые происходят в переселенческих анклавах и в тех, которые можно назвать приграничными, то есть сложившимися в результате прохождения новых политических границ. Понятие этнокультурного пограничья, комплекс проблем, связанных с его изучением, а также методы и подходы были подробно описаны в чрезвычайно интересной и содержательной работе Ю. Страчук, посвященной этнокультурной и (в меньшей степени) языковой интерференции на польско-белорусском пограничье (Straczuk 2006). Исследовательница убедительно показывает, что в культуре и языке этноязыкового пограничья категория «мы»/«они», «свой»/«чужой» имеет чрезвычайно изменчивый характер, и в зависимости от коммуникативных обстоятельств носитель анклавного культурного и языкового диалекта может с той или иной степенью легкости наряду с собственным использовать этноязыковой код окружающего населения, также считая его «своим». В зависимости от типа этноязыкового пограничья, статуса анклавного говора, языкового самосознания и поведения его носителей, форм взаимодействия с языком автохтонного населения и украинским языком метрополии, а также ряда других факторов станет возможным выявить и описать разные формы существования анклавных идиом. Представление о разных типах этнокультурных пограничий и форм языковой и культурной интерференции, которая происходит на этих пограничьях, даст возможность не просто собрать полевой материал и стандартно классифицировать его по диалектным особенностям, но и выявить определенные модели, по которым диалект и культура анклава развиваются и взаимодействуют с языком и культурой иноязычного населения.

Вторым важным аспектом исследуемой проблемы является совокупность направлений, по которым будет вестись исследование анклавов. Здесь необходим комплексный подход, который позволит описать не только собственно языковой диалект, но и особенности национального и социального самосознания жителей анклавов, а также этнокультурные формы (тексты традиционной культуры, обрядовые формы, артефакты, особенности кухни, жилища, одежды, нормы поведения, типы общественной самоорганизации и т. д.), через которые оно проявляется и закрепляется в традиции.

Безусловно, базовым должно стать полноценное описание местного языкового диалекта, то есть описание его фонетического, сло-

вообразовательного, лексического и синтаксического уровней. Для успешного сбора полевого материала необходимы грамотно составленные вопросники, что является одной из наиболее сложных и первостепенных задач. При этом, учитывая методологические особенности исследования этноязыковой ситуации в анклавах, нужно признать, что стандартные вопросники по сбору диалектологического материала в данной ситуации вряд ли корректно использовать без внесения необходимых изменений, которые должны быть выработаны в результате научной дискуссии всех специалистов, работающих над данной проблемой. Как нам представляется, на первом этапе работы над проектом стандартные диалектологические и этнолингвистические вопросники могут быть взяты за основу, и по ним должны быть проведены пробные полевые исследования – сразу будут видны белые пятна, недостающие или неудачные вопросы, которые необходимо будет скорректировать. После чего вопросник должен быть доработан. Именно так в свое время велась работа, в частности, над вопросником Полесской этнолингвистической экспедиции. Особенно это касается проблемы анклавов, разбросанных на огромной территории, от польского Подляшья и Татр до Сибири. Здесь очевидны проблемы, возникающие при составлении лексических вопросников по тематическим группам (названия растений, животных, птиц, ландшафта, метеорологических явлений, построек, средств передвижения, болезней, действий, состояний и т. д.). Очевидно, что на разных территориях будет значительно отличаться как круг реалий бытового уклада, так и круг растений, животных, рыб и пр., релевантных для данного населения. И здесь при некорректно составленных вопросниках полевого исследователя могут подстерегать неудачи. Примером такой неудачи может служить использование для экспедиционной работы на Русском Севере Полесского этнолингвистического вопросника, в котором по программе «Птицы» задавался вопрос о названиях аиста и обрядового печенья, которым встречают первый прилет аиста (притом что аисты севернее Псковской обл. не залетают, и информанты вообще не понимали, о чем их спрашивают). Можно уверенно сказать, что круг языковых элементов, релевантных для украинских говоров Воронежской обл. и, например, Сибири, будет весьма отличаться, как будут отличаться и критерии взаимодействия анклавного говора с местными (например, в южнорусском регионе «г» фрикативное будет общей чертой для украинских и русских говоров, то есть нерелевантным признаком, а для Сибири – это релевантный признак). Поэтому важная и остаю-

щаяся нерешенной методологическая проблема для такого вопросника – какой круг вопросов должен быть общим для всех, а какой должен исходить из местной специфики, в том числе, какие говоры окружают анклав. Эта проблема должна быть решена на предварительном этапе исследовательского проекта.

Особое внимание должно быть уделено описанию фонетической системы и особенностям словообразования. Здесь не меньше, чем в лексике (а иногда и более рельефно), проявляются процессы консервации говора или его взаимодействия с другими говорами и языком окружения. Можно вспомнить ситуации, когда носителем говора используется заимствованная из русского языка лексема, но фонетически она оформляется по правилам своего говора.

Одним из существенных аспектов работы является социоисторический, подразумевающий выяснение истории возникновения анклава, в частности, истории переселения из метрополии на данное место жительства, поскольку от этого напрямую зависит объективная картина формирования данного диалекта и данного типа культурной традиции. Если переселение на данную территорию носило хаотический, спонтанный характер, это формировало смешанный тип анклавного идиома (ср. тюменские украинские говоры). Если же переселение носило целенаправленный и одноразовый характер, в результате чего целое село или часть села перемещались на русскую территорию, можно говорить о существовании единого говора. Кроме того, немаловажной для формирования и эволюции анклавного диалекта является связь с метрополией: есть ли доступ к литературе, периодическим изданиям, средствам массовой информации на украинском языке, украинской литературе, осуществляются ли поездки к родственникам на Украину и т. д.

Комплексное этно- и социолингвистическое описание украинских анклавов предполагает одновременное с диалектологическим исследованием местного островного говора также описание анклава по специальным этнолингвистическим и социолингвистическим программам. Это даст возможность проанализировать полноту владения украинским языком в данном анклаве, использование его в разных сферах общения (бытовой, официальной, межнациональной), а также в разных коммуникативных ситуациях (обыденной, ритуальной, религиозной и т. д.). Применение этно- и социолингвистических методов позволит проследить развитие островного украинского диалекта в его динамике, в частности, описать и классифицировать по гендерному, образовательному, возрастному признакам различные

социолингвистические типы носителей идиома: монолингвов (людей, владеющих только своим анклавным диалектом), пассивных билингвов (людей, говорящих на анклавном диалекте, но понимающих и базовый язык окружающего населения), активных билингвов (людей, одинаково хорошо владеющих своим диалектом и языком местного населения).

Безусловно, социолингвистический аспект в данном случае чрезвычайно важен. Но не менее важным (как для сохранения собственного этнокультурного самосознания, так и для сохранения языка) является корпус традиционной культуры. Сохранение собственного корпуса фольклорных текстов и обрядового поведения – очень существенный фактор для консервации анклава. Это направление исследования позволит наглядно увидеть, где, с точки зрения носителей анклавной культуры, проходит граница между «своим» и «чужим». Поэтому необходимо всестороннее этнолингвистическое описание форм традиционной культуры в данном анклаве – календарной и семейной обрядности, мифологических и религиозных представлений, народной медицины, типов народной одежды, традиционных технологий (печенье хлеба и приготовление пищи, ткачество, прядение и обработка технических культур, строительство и др.), а также фольклорных текстов (песен, сказок, легенд и др.).

Интересно выяснить, какие формы традиционной культуры сохраняются и сознательно поддерживаются в сообществе (например, исторические песни или свадебный обряд), поскольку репрезентируют этнокультурную идентичность сообщества, его иерархию ценностей и входят в корпус прецедентных текстов, формирующих единство сообщества. Очевидно, что на каких-то других «участках» традиции, напротив, будет происходить активное взаимодействие с традицией окружающего населения, редукция отдельных форм или полная замена их формами окружающей традиции – задача исследователя выявить и зафиксировать подобные процессы. К тому же здесь очень выпукло проявляются процессы языкового взаимодействия/отталкивания. Например, когда в быту человек уже использует русский язык, а в обрядовой ситуации (например, при исполнении свадебных песен или похоронных плачей) переходит на местный украинский говор (или наоборот – говорит по-украински, а песни поет по-русски – я такое много раз наблюдала). Здесь возникает важный методологический вопрос – какие языковые (и текстовые) элементы сохраняются дольше всего (и какие анклавное население считает важным и необходимым сознательно сохранять), а что быстрее

всего поддается влиянию иноязычного окружения (отчасти это пытались выяснять Т. М. Николаева в отношении языка русских белой эмиграции, живущих в Югославии, и М. А. Осипова в отношении языка русских эмигрантов в Америке).

Подобное исследование даст возможность описать формы языкового и культурного поведения носителей анклавного говора в разных коммуникативных ситуациях, как бытовых, так и ритуально маркированных.

Одной из наиболее трудных и недостаточно разработанных проблем в интересующей нас области является проблема методов исследования. Почти все исследователи, в той или иной степени занимавшиеся проблемой островных говоров, признают, что методология изучения таких анклавов (не только на языковом, но и на этнокультурном и социологическом уровнях) должна отличаться от методологии традиционной диалектологии. Однако работа в этом направлении еще далека от завершения, хотя за последние двадцать лет внимание диалектологов, этнографов и этнолингвистов к проблеме островных и пограничных украинских говоров, сохраняющихся в разном этноязыковом окружении, становится все более значительным. Так, в указанной монографии Н. Павлюк и И. Робчук (Павлюк, Робчук 2003; Лешка, Шишкова, Мушинка 1998) продемонстрировали принципиально новые методы исследования островных говоров, связанные с созданием хрестоматии диалектных текстов. Авторы справедливо указывают на существующую антиномию в методологии полевых исследований: не имея системно организованной программы и вопросников, опирающихся на стандартную диалектологию, невозможно собирать материал. Но собирая материал по заранее имеющимся схемам, исследователь рискует не заметить в местной языковой и культурной традиции те ее формы, которые не вписываются в его программу. Если исследователь подходит к изучаемому явлению (языковому или этнокультурному) с готовой «меркой», существует опасность навязать изучаемой культуре свою готовую модель и не заметить ее действительные черты и особенности. О подобной опасности на уровне изучения этнокультурных явлений предупреждает Ю. Страчук в упомянутой выше работе: исследователь, подходя к изучаемому сообществу с уже готовым набором характеристик и критериев, которые он считает «объективными», «присваивает себе право оценки соответствия субъективной действительности “фактическому” состоянию. Следовательно, он изучает сущность объекта, но опираясь не на его собственные кри-

терии, но на “научные” критерии исследователя, искажая тем самым сознание исследуемой группы людей» (Straczuk 2006, 17). На уровне изучения говоров это же методологическое противоречие подчеркивает П. Е. Гриценко во вступительной статье к монографии Н. Павлюка и И. Робчука: «Заметим, что какая-либо программа описания диалектного материала для лингвистического атласа, оставаясь важным инструментом классификации языковых сведений из разных населенных пунктов, и одновременно способом сопоставления этих сведений в пространственном дискурсе, что является преддверием исследования ареальной вариативности диалектного языка, между тем основывается на уже известной информации о диалектных явлениях, а потому в известной степени повторяет эту информацию, блокируя ее сущностное расширение. Поэтому за пределами внимания исследователей часто остается значительное количество структурно важных элементов, без которых невозможно исчерпывающее описание говоров» (Павлюк, Робчук 2003, II). Чтобы избежать этого, предлагается наряду с материалом, собираемым по вопросам, составлять хрестоматию диалектных текстов изучаемого идиома, своеобразную текстологическую базу данного говора, анализ которой даст полную диалектную картину.

Работа над проектом предполагает несколько этапов. Вначале необходим предварительный этап базовой исследовательской работы. Он должен быть направлен на осмысление и классификацию уже имеющегося материала в данной области. Составление списка ареалов исследования и сетки населенных пунктов (хотя бы предварительной) – одна из первостепенных задач исследования на этом этапе. Для нас важно, какие именно территории подлежат исследованию, когда и какими путями там сформировалось анклавное украинское население, в окружении каких русских говоров оно существует. Вторая, не менее важная цель, на которую должны быть направлены исследовательские силы, – составление системы вопросников. Это один из наиболее принципиальных методологических пунктов, от которого зависит качество и объективность собранного материала. Должны быть подготовлены вопросники нескольких типов и уровней – диалектологические (лексикологический, фонетический, словообразовательный, синтаксический), а также этнолингвистический, этнографический, социокультурный. Третья важная задача предварительного этапа – подготовка группы собирателей, которые будут осуществлять полевые исследования, – преподавание базовых курсов по украинской диалектологии, сравнительной грамматике

восточнославянских языков, восточнославянской этнолингвистики, фольклора, обучение навыкам полевых исследований (коммуникации с информантами, построению интервью, записям и обработке полученных материалов).

Второй, наиболее длительный этап исследований предполагает собственно полевую работу по разработанной ранее сетке населенных пунктов и накопление экспедиционного материала. Излишне говорить о том, что экспедиции должны иметь необходимое техническое оснащение для полноценной реализации поставленных задач.

Параллельно со вторым по мере сбора полевого материала должен быть начат третий этап проекта – аналитическая обработка получаемых данных, классификация, подготовка их к частичной публикации и к осуществлению четвертого и главного этапа исследования – картографирования полевого материала. Результатом работы над проектом на лингвистическом уровне должно стать создание диалектного атласа анклавных украинских говоров России, описание современного состояния этих говоров, их взаимодействия с языком автохтонного населения, влияния языка автохтонного населения на говоры украинского языка, составление словарей российских говоров украинского языка.

На социоисторическом уровне должна быть создана карта украинских населенных пунктов России, проведен анализ их количественного и национального состава, истории возникновения и развития. На этнолингвистическом уровне должно быть осуществлено описание традиционной культуры, быта, фольклорных текстов, мировоззрения украинцев, проживающих в исследуемых анклавах, а также форм взаимодействия украинской традиции с традицией автохтонного населения.

Нет нужды доказывать, что для осуществления проекта по комплексному этно- и социодialeктному исследованию украинских островных говоров, главным образом для полевого обследования сетки населенных пунктов, требуется длительный период времени, наличие профессионально подготовленного коллектива специалистов, в том числе студентов и аспирантов, а также постоянного источника финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

Баранникова 1975 – *Баранникова Л. И.* Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2.

Лешка, Шишкова, Мушинка 1998 – *Лешка О., Шишкова Р., Мушинка М.* Розповіді з Підкарпаття. Українські говірки східної Словаччини. Нью-Йорк Прага; Київ, 1998.

Павлюк, Робчук 2003 – *Павлюк М., Робчук І.* Українські говори Румунії. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто, 2003.

Chlebowczyk 1980 – *Chlebowczyk J.* Obszary pogranicza językowo-narodowego we wschodniej Europie // Z problemów integracji społeczno-politycznych na Górnym Śląsku. Kraków, 1980.

Czyżewski, Warchoł – *Czyżewski F., Warchoł S.* Polskie i ukraińskie teksty gwarowe ze wschodniej Lubelszczyzny. Lublin, 1998.

Кłосowska 1996 – *Кłосowska А.* Kultury narodowe u korzeni. Warszawa, 1996.

Straczuk 2006 – *Straczuk Ju.* Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław, 2006.

Levkievskaja E. E.

About the methods of cultural and ethnodialectal study
of Ukrainian enclaves in Russia

The article dwells upon ethnocultural and linguistic study of Slavic enclaves in a different Slavic milieu. Using as data the old-resident Ukrainian enclave in Saratov Oblast the author offers criteria for typology of such enclaves as well as methods of study of the ways of forming and the evolution of a tradition or a dialect separated from the mother culture (an «island» phenomenon). Dialectal methods to analyse processes taking place in «island» linguistic dialects can be applied to the study of enclave traditional cultures.

Kewwords: Ukrainian studies, ethnic and linguistic enclaves, sociodialectal study, island dialects.

С. Н. Амосова
(Москва)

Восточнославянская «климентовская» редакция «Сказания о 12 пятницах»: структура

В статье проанализированы «дополнительные» элементы восточнославянской редакции «Сказания о 12 пятницах» – зачин, концовка и эпитеты пятниц. Зачин «Сказания...» во многом сходен с западноевропейскими вариантами данного текста, а концовка такого типа есть только в восточнославянских вариантах, данная формула встречается и в других древнерусских книжных произведениях.

Ключевые слова: *«Сказание о 12 пятницах», духовные стихи, пятница, народный календарь, рукописные тетради.*

«Сказание о 12 пятницах» – одно из произведений апокрифической литературы, посвященное почитанию отдельных календарных пятниц; оно имело широкое распространение в Европе вообще, и в частности – у восточных славян. Списки «Сказания...» известны на многих европейских языках, первые из них датируются XI в. (французские и английские)¹. В России это произведение появляется примерно в XV в., один из первых вариантов (из Новгорода) опубликован Н. С. Тихонравовым².

Цель данной статьи – рассмотреть структуру «Сказания...», описать основные и факультативные составляющие текста. Те элементы, которые являются необязательными, то есть появляются не во всех вариантах «Сказания...», почти не анализируются исследователями при характеристике данного текста; именно они будут в центре внимания автора.

Вообще восточнославянские тексты «Сказания...» различаются по жанру. Собственно широко распространены были письменные тексты в различных списках, а также известны еще и устные тексты в форме духовного стиха. Суть этого произведения в том, что перечисляются 12 пятниц накануне крупных годовых праздников, которые нужно почитать особым постом и молитвою, за что обещаются различные блага.

Одной из первых работ, где рассматривалось «Сказание о 12 пятницах», был цикл статей А. Н. Веселовского об истории развития христианской легенды. Он же указал на то, что «Сказание...» было

распространено почти у всех европейских народов, в частности, автор приводил английский, французский, итальянский и другие списки³. Славянские варианты сказания Веселовский делит на две редакции: Элевферьевскую и Климентовскую⁴. Он рассматривает обе редакции на известных ему примерах, анализирует состав праздников в том и другом вариантах, «формулы вознаграждения», сравнивает славянские варианты с западноевропейскими⁵. Данная работа до сих пор остается одним из ключевых исследований по этой теме.

В 1920–1990-е гг. публикации по духовным стихам и рукописным сборникам молитв фактически отсутствовали, соответственно почти нет и работ, посвященных «Сказанию о 12 пятницах». Одной из первых статей, автор которой вновь обращается к анализу текста сказания, является статья С. М. Толстой о полесских версиях текста. Помимо полесских материалов Толстая рассматривает и все известные славянские варианты. В частности, она приходит к выводу, что распространению текста «Сказания...» способствовал пришедший от южных славян в Россию культ св. Параскевы⁶.

Ряд статей С. В. Иванова посвящен западным и восточнославянским спискам «Сказания о 12 пятницах». Он приводит обзор литературы и ряд западноевропейских рукописей, где встречается данный текст⁷, а также рассматривает восточнославянские списки «Сказания...» (в частности, анализирует формулы вознаграждения), сопоставляет эти списки с западноевропейскими текстами и приходит к выводу о том, что западноевропейские тексты имели сильное влияние на восточнославянскую традицию⁸. В статье В. Лурье сравниваются Элевферьевская и Климентовская славянские, греческие и латинские редакции «Сказания...» и приводятся возможные источники данного апокрифического текста⁹.

Фольклорный вариант «Сказания о 12 пятницах» впервые появляется в сборнике духовных стихов П. А. Бессонова «Калики переходящие», где приведено одиннадцать текстов, среди которых есть духовные стихи и письменные варианты сказания¹⁰. Эти тексты обнаруживаются во многих других дореволюционных публикациях духовных стихов, песен, апокрифов и пр.¹¹ Современных записей «Сказания...» нет, оно не бытует в устном исполнении уже довольно долгое время. Единственное пока известное нам исключение – духовный стих из Полесского архива, опубликованный С. М. Толстой, который был записан в 1975 г.¹² Сейчас оно в основном встречается в рукописных тетрадах¹³. Как указывал А. Н. Веселовский, к Климентовской редакции относятся русские духовные стихи с этим сюжетом¹⁴, варианты

только этой редакции встречаются в тетрадках с молитвами и другими апокрифами, которые были широко распространены в русской сельской, да и городской среде во второй половине XIX – XX в. То есть для русской фольклорной традиции (устной и письменной) характерна только Климентовская редакция.

Нами было проанализировано сто одиннадцать вариантов «Сказания о 12 пятницах». Это тексты духовных стихов и рукописные тексты, которые были собраны и опубликованы исследователями в XIX–XX вв.¹⁵, а также тексты «Сказания...» из Древлехранилища ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), Тенишевского архива, современные записи из Каргопольского архива РГГУ и архива ГРЦРФ. В основном мы имеем дело с текстами духовных стихов, записанными собирателями в XIX в., а также с рукописными текстами «Сказания...» примерно этого же времени. Однако самый ранний список «Сказания...», который у нас есть, относится к середине XVIII в., а самый поздний – к 80-м гг. XX в. В нашей коллекции представлена довольно широкая география, но большая часть текстов – севернорусского происхождения.

Структура текста «Сказания...» и в рукописном варианте, и в варианте духовного стиха одинакова. Можно выделить обязательные и дополнительные структурные элементы. Обязательными элементами в данном тексте являются перечисление самих 12 пятниц и формулы вознаграждения – описание того блага, которое ждет человека, если он постится в указанный день. В большинстве устных вариантов каждая пятница сопровождается рассказом о том, какое событие случилось в ту или иную пятницу и почему именно ее нужно особенно почитать. В некоторых рукописных вариантах текст «Сказания...» дополняется нарративной рамкой – есть зачин и концовка текста. Всего в сорока шести наших текстах (41%) есть зачин и в пятидесяти восьми – концовка (52%). То есть концовка является более устойчивым элементом, она присутствует в большей части вариантов «Сказания».

Состав праздников и формулы вознаграждения, как было показано выше, являлись предметом изучения, а вот факультативные элементы – зачин, концовка и эпитеты пятниц – обычно не рассматривались исследователями при анализе данного текста.

В названии или зачине часто определяется «жанр» текста: «*повесть*», «*повествование*», «*писание*», «*учение*», «*предание*», «*список*», «*объяснение*», наиболее частые варианты названия «*сказание*» или «*поучение*». В зачине дается «история» появления «Сказания...».

Климент Папа Римский в большинстве вариантов называется автором этого текста. Всего в наших вариантах имя Климента в зачине появляется двадцать девять раз (то есть в половине текстов зачинов есть это имя). Именно такой вариант зачина и стал причиной названия этого типа сказаний «Климентовской редакцией» у А. Н. Веселовского. Наиболее частотный тип начала как в рукописных текстах, так и в устных такой: *«Поучение иже во святых отца нашего климента папы римского О двух на десяти пятницах»*¹⁶.

В двух вариантах имя папы меняется на Лев: *«Поучение Льва папы римского о двенадцати пятницах в году временных, которые надлежит непременно почитать всякому православному христианину»*¹⁷. Здесь важно отметить, что и св. Климент Папа Римский, и св. Лев Папа Римский являются канонизированными святыми православной церкви. Вообще имя папы Льва характерно и для других апокрифических восточнославянских текстов. В ряде вариантов (у нас таких пять) имя папы не указано: *«Повествование Папы Римского о 12-ти Пятницах в году»*¹⁸. В отдельных вариантах встречается указание, что этот текст написан «святыми отцами» и т. п.¹⁹

Здесь необходимо отметить, что в западноевропейских вариантах сказаний автором текста также называется Климент²⁰.

Концовка, как было указано выше, есть в большей части вариантов «Сказания...». Конечная формула встречается в обоих вариантах (устном и письменном). В ней содержится запрет на сексуальные отношения в упоминаемые пятницы. Наказанием за нарушение запрета является то, что ребенок, зачатый в этот день, будет обладать физическими или «социальными» недостатками. Наиболее часто говорится, что он будет слепой, глухой, немой, хромой (или безногий), а также вор (гать), разбойник (реже: клеветник, душегубец, блудник, чародей, чернокнижник, злодей, плут, пьяница). В варианте из фольклорного архива Нижегородского университета завершающая формула выглядит так: *«А кто в сии святые дни будет блуд творить, муж с женой, блудник с блудницею, то родится у них дитя и будет глухой или немой, слепой или безногий, вор или разбойник, или душегубец. Всякому человеку следует постить и почитать сии всякие двенадцать пятниц. Аминь»*²¹.

Однако «Сказание о 12 пятницах» – не единственный текст, где встречается данная формула, подобную мы находим и в других древнерусских религиозных текстах, списки которых известны на Руси с более раннего времени. Так, она, например, появляется в произведении «Заповеди святых отец к исповедающимся сыном и

дщерем» (XI в.): «...аще кто смесится с женою в пятницу и в субботу и в неделю, да аще зачнетя и будет тать или разбойник или блудник, родители же да примут эпитемью 2 лета, поклона по 100 на день»²²; а также в «Вопрошании» новгородского книжника Кирика XII в.: «...оже в неделю и в субботу и в пяток лежит человек, а зачнетя деля, будет любо тать, любо разбойник, любо блудник, любо трепетник, а родителяма опитемья два лет»²³. Такого рода заключительной формулы нет в западноевропейских вариантах «Сказания...». То есть мы можем говорить о том, что данная формула имеет восточнославянское происхождение и была заимствована переписчиками «Сказания...» из других сходных по жанру текстов.

В большинстве текстов пятницы никак не называются. Но в ряде случаев им соответствуют различные эпитеты, круг их в русской традиции невелик, и встречаются они в основном в единичных случаях – *великие, избранные, браные, возбраненные, временные, заещаннные, заповедные, святые*.

Самый частый вариант – это *временные* пятницы: «Сказание о двенадцати пятницах *временных*»²⁴. В словаре В. И. Даля объясняется этимология этого слова как «кратковременный, сделанный на время, “временная пятница” – день св. Параскевы-Пятницы, если он пришелся на пятницу»²⁵. В «Словаре русских народных говоров» указывается, что «такой “временной пятницей” называют день, в который положено по местному обычаю праздновать в приходе. Во “временной” день собираются на богослужение в приходскую церковь. Такие временные празднуются по случаю каких-либо событий: морового поветрия, падежа скота, неурожаев хлебов. Временные празднования приурочены к 9 неделе по Пасхе»²⁶. То есть, по сути, «временными» называются дополнительно установленные праздники, обычно по случаю какого-либо кризисного события в жизни общины, а не что-то кратковременное, появившееся на лишь на определенный период. В случае нашего текста данные двенадцать пятниц также являются специально установленными (в некоторых текстах указывается даже автор этого дополнительного празднования – св. Климент) для соблюдения поста в эти дни.

Возможно, что слово *временной* в данном случае обладает дополнительным значением не кратковременности, а некоторого известного в историческом времени отрезка, когда данный день был наделен определенными дополнительными признаками, стал отмечаться. Кроме текста «Сказания...» этот эпитет появляется, например, еще и в заговорах: «Во всякой день и во всякой час, по зорям

утренним и вечерним и по *временным* пятницам защиты архангел Михаил от нечистого духа!»²⁷

Второй частый вариант – *великие* пятницы: «Придите, братия, послушайте / Писания Божия, поучения / Святого Климента, Папы Римского, / Про двенадцать *великия* Пятницы»²⁸. «Великими» обычно называются дни и периоды, относящиеся к пасхальному циклу, – «великий пост» (пост перед Пасхой), «великая седмица» (страстная неделя), «великий четверг» (четверг перед Пасхой) и др., «Великдень» (Пасха)²⁹. Кроме них «великими» в русской традиции могут называться еще и двенадцатые праздники. Таким образом, здесь употреблен народный термин, который применим к самым важным календарным периодам и праздникам.

Эпитет *избранные* пятницы в двух случаях появляется вместе с *великие*, но употребляется и сам по себе тоже: «О *избранных* в году двенадцати пятницах в кои подобает поститься»³⁰. Словари не дают объяснения этому значению; опираясь на значение в словаре В. И. Даля, можно сказать, что речь идет о выбранных, особых календарных отрезках.

В двух списках из Усть-Цильмы встречаются *браные* пятницы: «Святой Климент папа римский поучает нас в году имети *браныя* 12 пятниц»³¹. В СРНГ среди прочих на основе былинных текстов: «Как во славном было во городе во Киеве / У ласково князя у Владимира / Было пированье почестный пир / На всех тех гостей званных браных и почестных гостей» – дается объяснение, что *браные* – это избранные, уважаемые³². *Избранные* и *браные* – однокоренные слова, что позволяет говорить об одном и том же значении этих двух эпитетов.

Также в двух списках из Усть-Цилемского собрания Древлехранилища Пушкинского дома встречается эпитет *возбраненые*: «Сказание о двенадцати пятницах святых Климент папа римский научает нас в году имети *возбраненыя* двенадцать пятниц»³³. *Возбраненые* – от глагола *возбранять* – запрещать, препятствовать³⁴. В словаре русского языка XVIII в. дается значение ‘запрещенный’, ‘запретный’: «Не совершать онаго <супружества> в *возбраненном* степени родства»³⁵. То есть здесь подчеркивается основной признак этих пятниц – запреты на определенные действия в эти дни.

Среди вариантов, которые приводит П. А. Бессонов, встречается текст, где указаны *завещанные* пятницы: «О двенадцатых *завещанных* пятницах»³⁶. В словаре русского языка XVIII в. у слова *завещание* мы находим три значения: наставление, предписание; документ, содержащий указание завещателя о распоряжении его наследством

в случае смерти; обещание, обет³⁷. В нашем случае это значение, связанное с *обещанием*, *обетом*, что сближает по смыслу с так называемыми русскими обетными или заветными праздниками или особыми днями, то есть такими календарными праздниками, которые отмечаются в приходе или отдельными людьми по какому-либо случаю. *Заветный* – хранимый по особому обету; свято хранимый; *завет* – обещание, обет: «Он дал завет не есть мяса»³⁸. То есть *завещанные* пятницы – это те, которые нужно почитать каким-либо особым образом в дополнение к уже известным постам и праздникам. Это значение сближается с эпитетом *временные*.

Заповедные пятницы³⁹ встречаются один раз в одном из списков из Каргопольского фольклорного архива РГГУ. И в «Словаре русских народных говоров», и в «Словаре русского языка XVIII в.» встречается одно значение: *заповедь* – запрещение: «Раньше яблок не ели до второго спасу, считали грех, заповедь была»; *заповедный* – запрещенный, запретный⁴⁰.

Последнее обозначение пятниц – *святые*: «о 12 святых пятницах»⁴¹. *Святой день* – праздничный день или календарный отрезок, относящийся к какому-либо крупному христианскому празднику: *святая вечер* – ночь перед Рождеством⁴².

Все эпитеты укладываются в три семантических поля: 1) «дни, связанные с запретом на что-либо» – *заповедные и возбраненные* пятницы; 2) «особые, специально установленные для почитания дни, особые временные отрезки» – *заветные, временные, избранные, браные*; 3) «дни, относящиеся к крупным праздникам» – *великие, святые*.

Анализируя дополнительные элементы Климентовской восточнославянской редакции «Сказания о 12 пятницах», мы видим, что это сложное многослойное произведение, многие элементы данного текста сходны с западноевропейскими или другими славянскими вариантами (например, начальная формула и приписывание авторства св. Клименту). С другой стороны, заметны и восточнославянские книжные и фольклорные влияния – например, конечная формула сходна с формулами из других более ранних религиозных текстов, такого рода эпитеты пятниц характерны только для восточнославянской редакции, они сходны с эпитетами из других текстов (например, заговоров).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Ivanov S. V.* The Legend of twelve golden Fridays in the western Manuscripts. Part I: Latin // *Colloquia classica et indo-germanica*. СПб., 2011. P. 564.

2 Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изда ны Николаем Тихонравовым. СПб., 1863. С. 325–335.

3 *Веселовский А. Н.* Опыты по истории развития христианской легенды. С. 326–367.

4 Там же. С. 334.

5 Там же.

6 *Толстая С. М.* Следы древнеславянской апокрифической традиции в полесском фольклоре: «Сказание о 12 пятницах» // *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М., 2005. С. 558.

7 *Ivanov S. V.* The Legend of twelve golden Fridays in the western Manuscripts...

8 *Иванов С. В.* Восточнославянская «климентовская» редакция «Сказания о двенадцати пятницах»: к вопросу о происхождении и эволюции текста // *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVII* (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции. СПб., 2013. С. 318–342.

9 *Lourie B.* Friday veneration in sixth and seventh-century Christianity and Christian legends about the conversion of Nağrān // *The Coming of the Comforter: When, Where, and to Whom?* / Ed. by Carlos A. Segovia and Basil Lourie. Piscataway, New Jersey: Gorgias Press, 2011. P. 131–230.

10 *Бессонов П. А.* Калики перехожие: Сборник стихов и исследований. М., 1863. Вып. 6. № 579–590.

11 См., например, *Бурцев А. Е.* Обзор русского народного быта Северного края. СПб., 1902. Т. 2. С. 126–132, 146; *Добровольский В. Н.* Песни Дмитровского уезда Орловской губернии // *Живая старина*. 1905. № 2. С. 335–336.

12 *Толстая С. М.* Следы древнеславянской апокрифической традиции в полесском фольклоре: «Сказание о 12 пятницах»... С. 560–562.

13 См., например, из Нижегородской обл.: Нижегородские христианские легенды. Сборник народных христианских легенд / Сост., вступ. статья и коммент. Ю. М. Шеваренковой. Нижний Новгород, 1998. С. 86.

14 *Веселовский А. Н.* Опыты по истории развития христианской легенды. С. 334.

15 *Бессонов П. А.* Калики перехожие. С. 124–157; *Бурцев А. Е.* Обзор русского народного быта Северного края. С. 129–136; *Добровольский В. Н.* Песни Дмитровского уезда Орловской губернии; и др.

16 Институт Русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (далее – ИРЛИ). Древлехранилище. Латгальское собрание Р. IV. Оп. 41. № 257. Л. 49–60.

17 Там же. Коллекция В. В. Лукьянова. Р. IV. Оп. 40. № 25. Л. 22–23об.

18 Там же. Коллекция В. Н. Перетца. Р. IV. Оп. 13. № 640. Л. 8–9об.

19 *Бессонов П. А.* Калики переходные. С. 156. У нас есть один вариант, где авторство текста приписывается Иоанну Златоусту: «Слово святое Иоанна Златоуста о двенадцати пятницах» (*Шереметев П.* Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. С. 59).

20 *Веселовский А. Н.* Опыты по истории развития христианской легенды... С. 328–331.

21 Нижегородские христианские легенды. С. 86.

22 *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л., 1966. С. 184.

23 *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1901. Т. 1. Ч. 1. С. 436.

24 ИРЛИ. Древлехранилище. Коллекция Богословского. № 64. Л. 5–6об.; см. также: Памятники отреченной русской литературы. С. 337; Сборник материалов по малорусскому фольклору / Собрал А. Н. Малинка. Чернигов, 1902. С. 251; ИРЛИ. Древлехранилище. Коллекция В. В. Лукьянова.

25 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. 1. С. 265–266.

26 Словарь русских народных говоров (далее – СРНГ). Л., 1970. Вып. 5. С. 191.

27 *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1994.

28 *Бессонов П. А.* Калики переходные. С. 120; см. также: Там же. С. 134, 138, 144, 148; *Дикарев М.* Апокрифы, собранные в Кубанской области // Юбилейный сборник в честь Вс. Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями / Под ред. Н. А. Янчука. М., 1900. С. 88; и др.

29 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. С. 178; СРНГ. Л., 1969. Вып. 4. С. 108.

30 ИРЛИ. Древлехранилище. Пинежское собрание № 433. Л. 8об.–10; см. также: *Бессонов П. А.* Калики переходные. С. 134, 148.

31 ИРЛИ. Древлехранилище. Усть-Цилемское. № 76. Л. 33об.–37об.; см. также: Там же. Усть-Цилемское № 80. Л. 3об–6об.

32 СРНГ. Л., 1968. Вып. 3. С. 150.

33 ИРЛИ. Древлехранилище. Усть-Цилемское. № 166; см. также: Там же. Усть-Цилемское. № 168.

- 34 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. С. 228.
- 35 Словарь русского языка XVIII в. Л., 1987. Вып. 3.
- 36 *Бессонов П. А.* Калики перехожие. С. 155.
- 37 Словарь русского языка XVIII в. СПб., 1992. Вып. 7.
- 38 Там же; СРНГ. Л., 1972. Вып. 9. С. 309.
- 39 Каргопольский архив. Тетрадь от Клепиковой Александры Михайловны, с. Поздышево, 1924 г. р.
- 40 СРНГ. Л., 1974. Вып. 10. С. 333; Словарь русского языка XVIII в. Вып. 7.
- 41 ИРЛИ. Древлехранилище. Отдельные поступления. Р. IV. Оп. 24. № 93. Л. 46об.–48; см. также: *Драгоманов М.* Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876. С. 144.
- 42 СРНГ. СПб., 2003. Вып. 37. С. 6.

Amosova S. N.

East Slavic «Clement» redaction of «The legend of 12 Fridays»:
the Structure

The article analyses the «additional» elements of the East Slavic redaction of «The legend of 12 Fridays»: the beginning, the end and the epithets for the Fridays. The beginning of «The Legend...» is similar to the Western European variants of the text, but the end of such type is attested in East Slavic variants only. This formula can be found in other Old Russian pieces of literature.

Keywords: «*The legend of 12 Fridays*», *spiritual chants, Friday, folk calendar, manuscripts.*

А. Л. Шемякин
(Москва)

**Об одном забытом юбилее
(к 130-летию регулярных культурно-художественных связей
между Россией и независимой Сербией)**

В статье рассматривается история регулярных культурно-художественных контактов Российской империи и независимой Сербии начиная с 1884 г., то есть за 130 лет. Особое внимание уделено взаимным гастролям хоровых коллективов и сотрудничеству в сфере драматического театра.

Ключевые слова: *Россия, Сербия, культурно-художественные взаимосвязи, хоровое пение, Д. А. Агренов-Славянский, Стеван Мокраняц, Народный театр, Бранислав Нушич, А. И. Сумбатов-Южин, В. П. Лучич-Далматов, А. И. Андреев.*

Нам хотелось бы напомнить об одном *нигде* не фиксированном ранее юбилее, который пришелся как раз на год минувший. Речь идет о 130-летию установления регулярных культурно-художественных контактов между Российской империей и независимой Сербией. Ведь насколько культурная деятельность русских эмигрантов в межвоенной Югославии широко известна и изучена (в первую очередь благодаря трудам А. Б. Арсеньева, М. Йовановича, В. И. Косика), настолько же художественные связи русских и сербов в последней четверти XIX – начале XX в. зачастую неведомы даже специалистам – слишком много тогда в отношениях Белграда и Петербурга было политики, о чем они в основном и писали/пишут.

Не предполагая затрагивать вопросы русско-сербских литературных связей либо русского влияния на сербских художников и архитекторов (эти тематически важные, но нередко довольно *абстрактные* сюжеты в свое время обстоятельно рассмотрели М. Стойнич, В. Вулетич, М. Йованович, У. Райчевич, Ю. И. Беляева, П. А. Дмитриев и Г. И. Сафонов), мы ограничимся здесь сферами хорового пения и драматического театра, поскольку они подразумевают уже *конкретные* контракты и гастроли, из чего, собственно, и

складывается представление о культурно-художественных контактах между государствами.

Мы не претендуем на исчерпывающую полноту приводимых ниже сведений, отдавая отчет в постановочном характере статьи; наша задача – пунктирно наметить тот курс, которым, хочется верить, последуют дальнейшие и более глубокие исследования по заявленной теме.

До обретения Сербией независимости (1878) и в самые первые ее годы культурные взаимосвязи России с Княжеством* носили единичный характер и сводились к церковному пению. Так, например, во время Сербско-турецкой войны 1876 г. генерал М. Г. Черняев имел «при себе» в Белграде и на позициях в районе Делиграда хор монахов московского Чудова монастыря числом в 50 человек¹. Именно он отпел в столичном соборе, а затем проводил до пристани тело русского добровольца Н. Н. Раевского (прототип графа Вронского из «Анны Карениной»), погибшего 20 августа у села Горни Адровац². А в 1880 г., по свидетельству профессора П. А. Кулаковского (занимавшего тогда кафедру русского языка и литературы в белградской Великой школе), находящийся в сербской столице одесский коммерсант и при этом «любитель церковного пения и страстный до него охотник» А. Й. Мураневич «задумал образовать в Сербии хор певчих и обучить их русскому нотному пению»³. В чем немало преуспел, «положив очень много труда, конечно, вполне безвозмездно», и «сумев победить множество препятствий и вынести множество интриг», ибо «сербское духовенство... отнеслось просто враждебно к его делу». По сей причине, делился Кулаковский с И. С. Аксаковым, «вероятно, это дело, после отъезда Мураневича, само собой уничтожится»⁴. И как в воду глядел – инициатива русского негоцианта-любителя без него заглохла...

Первую профессиональную попытку художественно сблизить русских и сербов предпринял директор «Славянской капеллы» (одного из ведущих хоровых коллективов России XIX в.), дирижер и аранжировщик народных песен Д. А. Агренов-Славянский во время балканских гастролей весной-летом 1884 г.** Этот год мы и считаем

* В феврале 1882 г. Сербское княжество было провозглашено Королевством.

** На 1884 год как дату первых гастролей «Славянской капеллы» Д. А. Агренова-Славянского в независимой Сербии указывает и А. Б. Арсеньев (см.: *Арсеньев А. Б. Русское церковное пение в Сербии: 1820–1870-е годы // Русское зарубежье: музыка и православие. М., 2013. С. 214).*

точкой отсчета взаимных культурно-художественных контактов Петербурга и суверенного Белграда.

Цель своего турне он определил так: «Мне хотелось изучить на месте восточные мотивы и песни южнославянских народов, чтобы обогатить свой репертуар неизвестными доселе песнями Балканского полуострова», и, кроме того, «познакомить родные нам племена с русской народной поэзией и песней, а также с нашим русским церковным пением»⁵. В течение мая–июля капелла Славянского, состоявшая из 48 человек, посетила с концертами Рушук, Свиштов, Лом-Паланку, Софию, Ниш, Белград, снова Свиштов и Велико Тырново⁶. А 12 июля 1884 г. на Шипке она сопровождала панихиду по «в Бозе почившим Александру II и всем героям Освободительной войны 1877–1878 гг.», которую служил бывший сербский митрополит Михаил, незаконно лишенный сана королем Миланом Обреновичем и с 1883 г. находившийся в эмиграции⁷. И это не случайно: опальный владыка и директор капеллы были хорошо знакомы – в течение ряда лет Славянский посылал Михаилу часть выручки от концертов на нужды пострадавших старообрядцев, тот же во время своего изгнания гостил в имении Дмитрия Александровича Кольцова, что в Тверской губернии.

И еще одна деталь, о которой нельзя не сказать. В конце мая 1884 г. в Рушук со Славянским познакомился и Никола Пашич – лидер сербской радикальной партии, бежавший в Болгарию после неудачного Тимокского восстания в Восточной Сербии осенью 1883 г. Готовя за границей новый заговор против режима Милана Обреновича⁸, он даже русского артиста пытался использовать в своих целях, что очевидно из его письма соратнику – Михаилу Свилокосичу. Но это к слову, закончим с певческой капеллой.

Она неоднократно выступала в Сербии и позже. Так, 15 декабря 1894 г. коллектив выступил на сцене Народного театра в Белграде, выручив 1279 динаров, причем 25% суммы получила театральная касса⁹. 25 января 1908 г. он снова дал концерт в Народном театре, уступив уже 50% дохода¹⁰. И крайне символичным в этой связи выглядит то, что даже кончина Д. А. Славянского оказалась неразрывно связана с Сербией и Балканами. 29 июня того же 1908 г. (в день рождения короля Петра Карагеоргиевича*) его хор пел на праздни-

* В ночь на 29 мая 1903 г. в Белграде произошел военный переворот. Сербский король Александр Обренович и королева Драга были зверски убиты офицерами-заговорщиками, в результате чего династия

ном богослужении в белградском соборе. А вечером выступил с торжественным концертом¹¹. По обыкновению, Славянский был бодр и энергичен. Ничто не предвещало скорой и внезапной смерти – всего через полторы недели (10 июля) в Рушуке, куда он отправился прямо из Белграда... Тело было переправлено на родину, где и захоронено в семейном склепе в Ялте.

Для сербских же артистов путь в Россию проложило Первое белградское певческое общество во главе со Стеваном Стояновичем-Мокраньцем в 1896 г. Во время своих гастролей оно посетило главные города Империи – Петербург, Москву, Нижний Новгород и Киев, где его концерты прошли триумфально¹². Полную человеческую и творческую сатисфакцию получил руководитель хора (и одновременно – крупнейший сербский композитор) Ст. Мокраняц. С одной стороны, он был удостоен Николаем II ордена св. Анны II степени, а с другой – духовная цензура Святейшего Синода Русской православной церкви одобрила исполнение его литургических сочинений в России. В 1898 г. с ними выступил церковный хор Санкт-Петербургской духовной академии¹³.

Еще один белградский хор, носивший имя композитора Корнелие Станковича, дал 22 декабря 1908 г. концерт в Народном театре, отметив тем самым 15-летие смерти П. И. Чайковского¹⁴. А в следующем, 1909 г. он гастролировал в Одессе. Примечательно, что вместе с ним туда отправился подполковник Драгутин Димитриевич-Апис – вождь майских заговорщиков 1903 г. и будущий глава печально знаменитой «Черной руки». Зачем бы?.. На этот крайне занимательный вопрос будущим историкам следует непременно ответить.

И, наконец, в апреле 1912 г. в России давало концерты Академическое певческое общество «Обилич», также из Белграда*. От своего министерства иностранных дел оно получило 6 тыс. динаров помощи на поездку¹⁵, а при содействии российской дипмиссии в Сербии ему «в виде исключения было предоставлено право на льготный проезд» по Империи¹⁶, в чем особую роль сыграл посланник Н. Г. Гартвиг, отметивший в своем ходатайстве: «Поставив себе задачей развитие среди сербской молодежи национальных чувств и культурных идеа-

Обреновичей угасла и навсегда сошла с исторической сцены. На смену ей на королевский престол Сербии были призваны (возвращены) Карагеоргиевичи.

* Академическое певческое общество «Обилич» состояло из студентов Белградского университета.

лов, а равно сближение с Россией и прочими славянскими странами путем личного ознакомления с ними и распространения сербской музыки и пения, общество “Обилич” преследует цели, которые заслуживают с нашей стороны живейшего сочувствия»¹⁷.

18 апреля в Петербурге хор дал концерт, прошедший с полным аншлагом. Настоящее воодушевление публики вызвало исполнение им русских песен «Эй, ухнем!» и «Тары-барь». Из сербских же ей особенно полюбились композиции Иосифа Маринковича и Мокраньца. Бурные овации заслужил солист, студент юридического факультета БУ Мият Миятович, который несколько раз бисировал песню Исидора Баича «Дивна си» («Ты прекрасна»). Вышедшие на следующий день петербургские газеты называли его «сербским Карузо»...¹⁸ Еще один большой концерт певческого общества «Обилич» состоялся в Москве, в колонном зале Московского дворянского собрания (ныне – Дом Союзов), и вновь с аншлагом. После его завершения зрители столь восторженно аплодировали, что хор, один за другим, исполнил гимны всех славянских стран и народов. Из Москвы, через Киев и Одессу, а затем по Дунаю, он возвратился в Белград¹⁹.

В самом начале XX в. начало развиваться русско-сербское сотрудничество и в сфере драматического искусства. В феврале-марте 1901 г. по приглашению директора Народного театра, знаменитого драматурга Бранислава Нушича в Белграде гастролировал князь А. И. Сумбатов-Южин (Сумбаташвили) – не менее выдающийся актер-трагик московского императорского Малого театра. На его примере, кстати, наглядно проявляется чисто *российский* культурный феномен: будучи сыном обедневшего грузинского князя и дочери офицера – поляка по происхождению, то есть не имея ни капли русской крови (хотя и родился в Ефремовском уезде Тульской губернии), он в итоге оказался одним из столпов русского театрального искусства. И еще – побывав с гастролями в Белграде, князь Александр Иванович стал первым из российских артистов, ступившим на землю Сербии и вообще Балкан.

В сербской столице Сумбатов-Южин провел 12 дней, сыграв в пяти трагедиях – «Рюи Блаз», «Отелло», «Ричард III», «Уриэль Акоста», «Кин». То был подлинный триумф актера! Когда он играл на сцене, зрительный зал бывал переполнен, несмотря на то, что цены на спектакли с его участием поднимались в два, а то и в три раза. Так, 3 марта от южинского «Уриэля Акосты» театр выручил 1295 динаров²⁰, в то время как день спустя домашний «Тодор из Сталача» принес ему всего 546 динаров²¹. Что говорить, если даже *военный*

(sic!) министр Сербии полковник Милош Васич побывал на всех выступлениях Южина, кроме «Отелло»²². . . Во время последнего концерта, состоявшегося 7 марта, публика одарила русского актера 20 венками²³. Четырьмя днями ранее король Александр Обренович принял его в частную аудиенцию и вручил орден св. Саввы III степени, а белградская мэрия устроила грандиозный банкет в историческом зале «Коларац»²⁴. На нем известный сербский драматург (сам бывший актер) Милош Цветич, обращаясь к дорогому гостю, провозгласил важную мысль: «Твое искусство оставило в душах и сердцах наших живой памятник, который мы передадим будущим поколениям сербов. Как сын России, из ее сердца, матушки Москвы, ты и для нас стал дорогим, ибо ты – наш, ты – славянин, наш по крови, кость от костей наших, и мы имеем право гордиться тобой! Да, ты – наша гордость, и твое имя останется вовеки записанным золотыми буквами *на первом месте первой страницы нашей культурной истории, нашего общего искусства* (выделено нами. – А. Ш.)»²⁵.

К этому присовокупим, что еще 5 февраля литературно-художественный совет Народного театра, в состав которого входили Бранислав Нушич, Янко Веселинович, Стеван Сремац, Драгомир Брзак и Станислав Бинички (какие мощные имена!), единогласно избрал Сумбатова-Южина «почетным режиссером сербского королевского театра»²⁶, каковое решение 8 февраля утвердил министр народного просвещения и церковных дел Павле (Пайя) Маринкович²⁷ и о чем теперь ежегодно начиная с 1902 г. «напоминало» такое авторитетное издание, как Государственный календарь Королевства Сербии²⁸. По словам одной из русских газет (ее корреспондент М. В. Юркевич много лет прожил в сербской столице), «восторженное внимание к Южину дошло до того, что когда стало известным, что он прослушает литургию в белградском соборе, здешнее певческое общество постановило петь в тот день в храме и петь только произведения русских композиторов Бортнянского, Львова и других»²⁹.

Такую трогательную белградскую атмосферу Александр Иванович запечатлел в своем дневнике: «Март 1901 г. – уезжаю на гастроль в Белград. Светлое и теплое, чисто дружеское отношение общества и труппы, короля, нашего посланника Чарыкова, сербского митрополита. Получаю орден командорской III степени св. Саввы»³⁰.

Отношение же самого Южина к сербским коллегам-актерам и к белградской публике ярко иллюстрирует письмо П. Маринковича дирекции Народного театра от 21 апреля: «Министерство народного просвещения и церковных дел сообщает, что сегодня передало На-

циональному банку 500 динаров*, которые получило от Императорско-русской миссии, в качестве взноса князя Сумбатова-Южина в актерский пенсионный фонд»³¹. И этот его шаг представляется нам совершенно логичным, если принять во внимание, что он изначально не пожелал принять предложенный гонорар, готовый выступить в Белграде безвозмездно, о чем не преминули сообщить газеты: «К чести нашего артиста надо отнести, что он отказался от какого бы то ни было денежного вознаграждения за свои гастролы, и сербский театр кроме культурной получил от этих гастролей и материальную пользу»³². И еще одна многозначительная деталь: отголоски сербского триумфа А. И. Сумбатова-Южина быстрым эхом донеслись и до Германии. Тамошние импресарио, мгновенно сориентировавшись, предложили ему два ангажемента – в Берлин и Мюнхен. Но он не согласился на лестные условия немцев, отбив из Белграда на юг Франции³³.

В заключение следует сказать и об одной репертуарной особенности гастролей Сумбатова-Южина в Белграде, которая свидетельствует о степени влияния политики на искусство. Как мы наблюдали выше, актер играл только западноевропейскую классику; ни одной русской пьесы в афише Народного театра тогда не значилось, хотя переводы некоторых на сербский язык (в частности, А. С. Грибоедова, А. В. Сухово-Кобылина**) уже имелись. Почему так? Нам представляется, что данная ситуация являлась прямым следствием «нового», проавстрийского («проевропейского») курса короля Милана Обреновича, окончательно сложившегося к началу 1880-х гг.³⁴ В рамках его всецело поощрялся сознательный (подчеркнем, *сознательный!*) отказ от всего русского – как во внешней, так и во внутренней политике, включая гуманитарные сферы: образование, врачебную деятельность, культуру и искусство***. Таким образом, на примере вы-

* Данная сумма соответствовала тогда 500 франкам или примерно 150 рублям.

** Суворинское «Новое время» справедливо констатировало: «Г. Южин (князь Сумбатов) едет на гастролы в Сербию, в Белград... К сожалению, он не может явиться в русских пьесах, так как Сербия почти игнорирует русскую драматическую литературу. Даже “Горе от ума” ни разу не шло, хотя переведено. Переведена “Свадьба Кречинского”, но тоже не шла. Островский по сцене тоже неизвестен. Все это очень жаль» (Новое время. 22 февраля 1901 г. № 8976).

*** Уже известный нам П. А. Кулаковский 4 октября 1880 г. зафиксировал в дневнике: «Профессор Светомир Николаевич на лекциях

ступлений Южина хорошо видно, что инерция «нового курса» в Сербии, хотя политическая ситуация в ней на рубеже XIX–XX вв. сильно изменилась, все еще продолжалась.

И в этой связи (в качестве иллюстрации) обратим внимание на тонкое наблюдение белградского старожилы М. В. Юркевича: «Я не могу не отметить, что сербское общество получило удовольствие видеть и слышать игру нашей знаменитости *единственно благодаря нынешнему личному составу комитета, управляющего белградским театром, во главе со своим председателем, директором театра Браниславом Нушичем* (здесь и далее выделено нами. – А. Ш.).

студентам говорит, что в русской литературе нет ничего порядочного и что поэтому учиться русскому языку не для чего» (*Кулаковский П. А. Дневник // Русские о Сербии и сербах. М., 2014. Т. II (архивные свидетельства) / Сост. А. Л. Шемякин. С. 80*). За словом – дело! Его же запись от 30 марта 1881 г.: «Стоян Новакович (министр народного просвещения и церковных дел в правительстве “нового курса”. – А. Ш.) передал в комиссию скупщины свой проект об Учительской школе, причем курс с 4-х лет сокращался на 3 года, а русский язык выкидывался», ибо его де «нужно заменить немецким». Что в результате и сделали! И это при том, негодует Кулаковский, что С. Новакович – «член-корреспондент Российской Академии наук, недавно получивший Станислава 2-й степени со звездой» (Там же. С. 104–105). Или еще одна «мелочь». 20 июня 1881 г. отмечался день независимости Сербии. И что же: «Ни один из сербов не надел русского ордена». «Где причина?» – задается вопросом Кулаковский, и сам же на него отвечает: «Теперь невыгодно, лучше сказать – неполитично, носить русские ордена, в виду австромании правительства» (Там же. С. 107). Что же касается медицины, то ситуация здесь складывалась еще более уродливая – в условиях катастрофической нехватки врачей в Сербии лицам, учившимся на медицинских факультетах в России, дипломы не признавались (предполагался еще некий квалификационный экзамен!), в отличие от их коллег, вернувшихся из Европы, для которых нострификация проходила автоматически. Как писал митрополит Михаил Ап. А. Майкову 3 ноября 1881 г., «с сим письмом предстанет Вам г. Младен, кончивший медицинский факультет в Университете Московском. Он возвращается в Россию служить, потому что ныне министры чуждаются и России, и русских воспитанников, боясь или угождая Австрии – врагу нашему. Г. Младен очень желал, как и я, и другие друзья, остаться здесь, но нельзя никак, потому что не уважают аттестата, а требуют снова подвергнуть его испытанию, чего он не хотел, чтобы не унижить Университета» (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 452. Оп. 1. Д. 299. Л. 20–20об.).

Надо сказать, что ныне впервые этот комитет составлен из сербских писателей, литераторов и поэтов; прежде в его составе находились лишь чиновники партийной окраски, ничего общего с искусством не имевшие». Именно эта группа людей, *несмотря на ряд всевозможных препятствий*... сумела убедить Южина приехать в Сербию, в глубоком убеждении, что русский художник своим простым русским словом произведет чудо – сократит на годы работу взаимного культурного славяно-русского сближения»³⁵. Снова, как видим (вне сферы культуры), – трения, нежелание, палки в колеса.

Но буквально через десять лет после пребывания их сиятельства в Сербии все радикально изменится. Каким образом? О том речь пойдет ниже.

Следующий актер из России, прибывший в Белград вслед за князем Сумбатовым*, – это известный трагик Александринского императорского театра в Петербурге В. П. Далматов. Его настоящая фамилия была Лучич, псевдоним же напоминал о югославянских корнях (человек родом из Далмации). Но о пребывании Василия Пантелеймоновича в Сербии мы имеем пока куда меньше фактических данных, чем о его предшественнике, учитывая политический

* После белградского триумфа А. И. Сумбатова-Южина многим казалось, что теперь на Балканы хлынет поток русских исполнителей разных жанров. Уже в феврале 1902 г. был анонсирован приезд в Белград (в рамках гастролей в Вене, Будапеште, Софии, Константинополе и Париже) русской оперной певицы, «солистки Его Величества», М. И. Долиной-Горленко, которую, как надеялся автор анонса, «белградская публика встретит еще восторженнее, чем Южина» (Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. М.; Београд, 2012. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи в 1878–1917 гг. С. 562). Тогда же почетный консул Сербии в Москве (и одновременно глава Московского Славянского общества) А. И. Череп-Спиридович общал директору Народного театра о предстоящих в сербской столице трех концертах баритона московского императорского Большого театра Р. Ф. Бернарда, его же примы-сопрано Н. В. Салиной и «лучшей виолончелистки России» А. С. Прокопович (Там же. С. 564). Но все эти амбициозные планы так и не реализовались. Не в последнюю очередь, думается, по причине того, что сам Череп-Спиридович был крайне ненадежным партнером, руководствуясь куда больше собственным тщеславием, чем общей пользой. Проницательные сербы уничижительно прозвали его «охотником за орденами» (*Потанов Н. М.* Русский военный агент в Черногории. Подгорица; Москва, 2003. Т. II. Дневники. С. 127).

контекст, в каком проходили гастролы. Известно лишь, что впервые он должен был выйти на сцену Народного театра 30 мая 1903 г., всего через полтора дня после Майского переворота^{36*}. А накануне (то есть в самый день путча!) литературно-художественный совет театра избрал и его своим «почетным режиссером»³⁷. Мы знаем также, что данное решение было одобрено министром народного просвещения и церковных дел во втором «революционном» правительстве Йована Авакумовича Любомир (Любой) Стояновичем 1 июля 1903 г.^{38 **}

Соответственно, с 1904 г. в списке персонала Народного театра, что каждый год печатался в Государственном календаре, под рубрикой «Почетные режиссеры» стояли уже две русские фамилии: Сумбатов-Южин и Лучич-Далматов³⁹. И только в 1910 г. к ним, в том же «ранге», присоединился Йован (Йоца) Савич – режиссер из Мюнхена⁴⁰.

* Естественно, что расписание гастролей В. П. Далматова составлялось еще до переворота. Всего изначально планировалось восемь или девять спектаклей с его участием (Архив Сербии. Фонд Народного Позоришта (далее – АС. НП)). Бр. 1223. Л. 1. Опубликовано: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. С. 567). Но не все так однозначно: спрашивается, отыграл ли гость все спектакли в условиях, сложившихся после «Майской революции»? На этот вопрос документы из архива Народного театра ответа не дают.

** В свое время А. И. Сумбатову-Южину был выдан диплом почетного режиссера, являвшийся художественной авторской работой и обошедшийся дирекции Народного театра в немалую по меркам Белграда сумму – 180 динаров (АС. НП-1243. Л. 3об.). В случае же с Далматовым дирекция, сочтя, что «такая плата была бы сейчас слишком велика», сообщила актеру об утверждении его почетным режиссером, с тем, однако, что «диплом ему вручат позже, когда сложатся лучшие условия; возможно, во время его гастролей в Белграде весной будущего года» (Там же). Но, по всей видимости, в 1904 г. они не состоялись, поскольку в сентябре того же года Далматов сообщал директору Народного театра о своем приезде в Белград уже в марте 1905 г. (АС. НП-1544. Л. 1. Опубликовано: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. С. 568). Однако и об этом «визите» в фонде театра мы не обнаружили никаких следов. И далее, судя по косвенным данным, примерно в 1906–1907 гг., Народный театр снова «предлагал господину Далматову приехать на гастролы» (АС. НП-1368. Л. 2). И снова же о судьбе приглашения в архиве ни слова.

А между тем в издании Календаря за 1912 г. в списке служащих Народного театра появляется и третье русское лицо: Александр Иванович Андреев (в 1898–1906 гг. – актер и помощник режиссера знаменитого Московского Художественного театра), причем в должности главного режиссера, каковую он занимал в 1911–1914 гг. О нем, цитируя историков сербского театра, упомянул в своей монографии наш покойный коллега, профессор Мирослав Йованович: «Режиссерская работа А. И. Андреева, начиная с первой постановки “Грозы” Островского (24 ноября 1911 г.), являла собой программный анонс принципиально нового видения и понимания театра. В практику театральной режиссуры в Сербии он внес символически-экспрессионистские интерпретации, например в „Макбете“ Шекспира, что представляло важный рубеж в ранней фазе профессионализации сербского театра»⁴¹.

Кроме хрестоматийной «Грозы», Андреев воплотил на белградской сцене и другие сочинения русских авторов: «Женитьбу» Н. В. Гоголя⁴², «Анну Каренину»⁴³ и «Живой труп» Л. Н. Толстого, «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского⁴⁴, «Дядю Ваню» А. П. Чехова⁴⁵. Заметим, что все они шли в Народном театре с большим успехом, обеспечивая солидные сборы (к примеру, толстовский «Живой труп» 9-го января 1913 г. дал 1265 динаров, 10-го – 973, 12-го – 1068, а 13-го – даже 1300 динаров⁴⁶). Сцену для спектаклей русского главрежа оформлял также наш соотечественник – сценограф Владимир Владимирович Баллюзек⁴⁷. По выражению современной исследовательницы, «благодаря их деятельности отблеск театра Константина Станиславского осенил Национальный театр в Белграде»⁴⁸.

Наряду с драматическими произведениями, Андреев поставил в сербской столице и несколько опер, в том числе «Трубадура» Д. Верди, премьера коего состоялась в 1913 г.⁴⁹

Добавим, что в конце того же 1913 г. режиссер вознамерился ставить трагедию А. К. Толстого «Смерть Ивана Грозного»*, в связи с

* Это намерение А. И. Андреева являлось частью более широкого замысла. Еще осенью 1911 г., то есть в момент своего назначения главным режиссером Народного театра, он выразил желание поставить в Белграде трилогию А. К. Толстого целиком: «Смерть Иоанна Грозного», «Царя Федора Иоанновича» и «Царя Бориса» (Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. С. 574)... Кроме того (возможно, под влиянием В. П. Далматова), Народный театр еще ранее предполагал поставить «малорусскую оперетту “Наталка-Полтавка” или оперу “Тарас Бульба”» (АС. НП-1368. Л. 1).

чем дирекция Народного театра во главе с Миланом Гролом обратилась с просьбой в Петербург о предоставлении, хотя бы на время, соответствующих театральных костюмов – с целью «содействия к развитию вкуса сербской публики к русскому искусству и русской жизни вообще»⁵⁰. На что директор Императорских театров отписал, «что имеющаяся постановка драмы “Смерть Иоанна Грозного” – ходовая, и драма эта включена в основной репертуар Александринского театра, ввиду чего предоставление костюмов ее не представляется возможным»⁵¹. Хотя, как и ранее, обещал, что «ходатайство ваше будет иметься в виду, лишь только желаемые костюмы окажутся в наличности»⁵².

Но выполнить обещанное ему не довелось (соответственно и «Иван Грозный» не был поставлен), помешала война – Первая мировая! Музы замолкли, а военная униформа стала куда насущнее театральных костюмов...

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Арсеньев А. Б. Русское церковное пение в Сербии: 1920–1970-е годы // Русское зарубежье: музыка и православие. М., 2013. С. 213.

2 Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского. СПб., 2007. С. 90.

3 Кулаковский П. А. Дневник (запись от 28 октября 1880 г.) // Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / Сост. А. Л. Шемякин. М., 2014. С. 83.

4 П. А. Кулаковский – И. С. Аксакову (Белград, 24 октября 1880 г.) // Там же. С. 138.

5 ГАРФ. Ф. 102 (1884 г.). Д. 589. Л. 3.

6 Славянин (Русчук). 24 май; 26 май; 29 май; 2 юний; 21 юний; 23 юний 1884 г.

7 Там же. 21 юлий 1884 г.

8 Подробнее о заговорщической деятельности Н. Пашича в Болгарии см.: Шемякин А. Л. Никола Пашич в Болгарии (1883–1885 годы) // Studia Balkanica. К юбилею Р. П. Гришиной. М., 2010. С. 96–117.

9 Архив Србије. Фонд Народног позоришта (далее – АС. НП). Бр. 187. Л. 473.

10 Там же. НП-2146. Л. 1, 3.

11 Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи в 1878–1917 гг. М.; Београд, 2012. С. 216–217.

- 12 *Арсеньев А. Б.* Русское церковное пение в Сербии: 1920–1970-е годы... С. 214.
- 13 Там же.
- 14 АС. НП-2270. Л. 1, 3. Опубликовано: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. С. 569–570.
- 15 Академско певачко друштво «Обилић». 1884–1941. Београд, 2005. С. 84.
- 16 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Славянский стол. Оп. 495. Д. 10731. Л. 14.
- 17 Там же. Л. 2об.
- 18 Академско певачко друштво «Обилић»... С. 85.
- 19 Там же. С. 86–87.
- 20 АС. НП-630. Л. 35.
- 21 Там же. Л. 36.
- 22 Там же. НП-647. Л. 1об.
- 23 «Русские ведомости». 8 марта 1901 г. № 66.
- 24 «Искры». 11 марта 1901 г.
- 25 От нашего корреспондента // Санкт-Петербургские ведомости. 14 марта 1901 г. (Корреспондент М. В. Юркевич. – А. III).
- 26 АС. НП-621. Л. 1.
- 27 Там же. Л. 2.
- 28 Там же. НП-764. Л. 3.
- 29 От нашего корреспондента // Санкт-Петербургские ведомости. 14 марта 1901 г.
- 30 Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 878. Оп. 1. Д. 149. Л. 16.
- 31 АС. НП-630. Л. 233.
- 32 От нашего корреспондента // Санкт-Петербургские ведомости. 14 марта 1901 г.
- 33 Курьер промышленности и торговли. 10 марта 1901 г. № 68.
- 34 Подробнее о формировании антироссийского «нового курса» Милана Обреновича см.: *Шемякин А. Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию чл.-корр. РАН В. К. Волкова. М., 2000. С. 228–255.
- 35 От нашего корреспондента // Санкт-Петербургские ведомости. 14 марта 1901 г.
- 36 АС. НП-1223. Л. 1. Опубликовано: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документно и материалов. Т. 3. С. 567.
- 37 АС. НП-1243. Л. 1.

- 38 Там же. Л. 3.
39 Там же. НП-1311. Л. 2.
40 Там же. НП-2476. Л. 2.
41 *Јовановић М.* Срби и Руси 12–21 век (историја односа). Београд, 2012. С. 145–146.
42 АС. НП-3142. Л. 15.
43 Там же. Л. 66, 464.
44 Там же. Л. 151, 154, 155, 158, 159, 166, 167, 192.
45 Там же. Л. 99, 101, 107.
46 Там же. Л. 8–12, 16, 17, 451.
47 Там же. НП-3094. Л. 1.
48 *Мосусова Н. Б.* Из истории исполнения православных опер М. П. Мусоргского и Н. А. Римского-Корсакова артистами русского зарубежья // Русское зарубежье: музыка и православие. С. 197.
49 Там же. С. 197, 209.
50 АВПРИ. Ф. Славянский стол. Оп. 495. Д. 8995. Л. 1.
51 Там же. Л. 4.
52 АС. НП-2888. Л. 3.

Šemjakin A. L.

A forgotten jubilee. 130 years of cultural and artistic relations
between Russia and independent Serbia

The article reveals the 130 years of history of the regular cultural and artistic relations between Russian Empire and independent Serbia, starting from 1884, to 2014. Special attention is given to mutual visits of choirs and collaboration of dramatical theatres.

Keywords: *Russia, Serbia, cultural and artistic relations, choir singing, D. A. Agrenev-Slavjanskij, Stevan Mokranjac, National theatre, Branislav Nušić, A. I. Sumbatov-Južin, V. P. Lučić-Dalmatov, A. I. Andreev.*

Н. Е. Ананьева
(Москва)

Некоторые итоги и перспективы славянской филологии в XXI в.

В статье рассматривается языковая составляющая славянской филологии, за исключением пассажа о задаче изучения языка славянских художественных литератур, решение которой относится к интегративному лингво-литературоведческому анализу.

Ключевые слова: *славянская филология, история науки, ОЛА, ОКДА, ареальная лингвистика, диалектология, этнолингвистика, палеославистика, антропоцентризм, междисциплинарность, новые технологии, корпусная лингвистика.*

Славянская филология (ее лингвистическая часть) возникает как *историческое* направление. Она выросла, с одной стороны, опираясь на *палеославистику* (хронологически первая компонента славянской филологии), а с другой – на *сравнительно-историческую грамматику славянских языков*, которая, в свою очередь, сформировалась на базе сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков и той же палеославистики. Эти две составляющие славянской филологии (палеославистика и сравнительная грамматика славянских языков) были ее исторически первыми направлениями. Как палеославистика (связанная с изучением старославянских и древнецерковнославянских памятников тех или иных редакций), так и историческая грамматика отдельных славянских языков (которая развивается *параллельно* с палеославистикой и сравнительной грамматикой славянских языков) сформировались в результате поисков, обнаружения и издания древнейших рукописных памятников славянских народов. Достаточно вспомнить о роли А. Брюкнера, Я. Лося, В. Неринга, С. Слоньского в полонистике или о роли А. Х. Востокова в палеославистике. Вообще XIX век с его славянским возрождением в южной и австро-венгерской частях Славии, идеями славянофильства, панславизма (к последней, в частности, весьма неодобрительно относился российский император Николай Павлович) был веком «славянства». Интерес к своему прошлому у славян проявился в поисках и обнаружении «славянских древностей». Публикация таких памятников, как «Остромиро-

во евангелие» (Евангелие монаха Григория), предпринятое в 1843 г. А. Востоковым, вызвало к жизни, как известно, появление поддельных древних славянских памятников: «Краледворской рукописи» с ее 14-ю песнями и «Зеленогорской рукописи» с 4-мя песнями. Эти рукописи были так искусно изготовлены, что многие слависты вначале не увидели их поддельного характера. Так, «Краледворская рукопись» была даже переведена на русский язык и издана Н. Бергом. Но даже эти курьезные факты свидетельствуют о том огромном интересе к славянству, который возник в XIX в. и на волне которого были открыты в 1835 г. в российских университетах кафедры славянской филологии и первые слависты (Бодянский, Прейс, Срезневский и Григорович) были командированы в славянские страны для сбора материалов по славянским языкам и ознакомления с живыми славянскими языками. В славистике себя наиболее ярко как педагог проявил в Московском университете Осип Максимович Бодянский, чье внушительное собрание книг на инославянских языках хранится в Научной библиотеке МГУ. П. И. Прейс рано умер, а И. И. Срезневский после переезда из Харькова в Петербург ушел из славистики и стал родоначальником русской исторической лексикографии. Тем не менее, еще будучи в Харькове, Срезневский стал первым отечественным доктором славянской филологии.

Хотя первые слависты должны были изучать и живые славянские языки, все же в XIX в. и в начале XX в. лингвистическая славистика была главным образом нацелена на *историческое языкознание*: историю отдельных славянских языков (еще одна составляющая лингвистической части славянской филологии) и сравнительно-историческую грамматику славянских языков. При этом главное внимание уделялось *языковой форме*, праславянской реконструкции. Развивается и такая более частная дисциплина, как *историческая ономастика*. С конца XIX в. в недрах этнографии и фольклористики зарождается еще одна составляющая славянской филологии – *диалектология*. Заинтересовавшись, особенно в период романтизма, фольклором, собиратели заметили, что формы слова в записываемых ими материалах отличаются от литературных соответствий, и начали составлять словари подобных отличий (диалектизмов или региональных слов), ставших прообразами будущих диалектных словарей дифференциального типа. Так, до сих пор актуальный для полонистики «Słownik gwar polskich» Я. Карловича составлен на основе его собственной работы «в поле», а базируется на материалах, присылавшихся ему любителями народной речи, собира-

телями фольклора в этнографический журнал «Wisła», редактором которого он был.

Развившаяся на базе этнографии и фольклора, отпочковавшаяся от них диалектология стала самостоятельной дисциплиной на втором этапе своего развития (если первым считать ее развитие в недрах этнографии), сформировалась как самостоятельная *описательная дисциплина* («диалектография», по определению К. Дейны), материал которой рассматривается в *оппозиции к литературному языку* (далее – ЛЯ). Третий этап, представленный отнюдь не во всех национальных славистиках, наиболее яркое воплощение нашел в Московской диалектологической школе Р. И. Аванесова. Этот этап связан с представлением о *системном* характере *диалекта* (а не только литературного языка) и формируется в XX в. *Диалектный язык* рассматривается как моделируемая совокупность частных диалектных систем (далее – ЧДС). При этом ЛЯ представляет собой одну из ЧДС, то есть подчеркивается равноправие диалектов и литературных языков как *языковых систем*, различие между ними относится к области *функций*. В свое время Ф. П. Филин рьяно критиковал понятие «диалектный язык», поскольку под «языком» понимал только ЛЯ.

С развитием *ареальной* лингвистики (или *лингвистической географии*) в славистике начинает развиваться, также уже в XX в., еще одно славистическое направление – создание региональных, а после Второй мировой войны и национальных атласов. Используются понятия «изоглосса» и ее виды, «соответственное / соотносительное диалектное явление» (термин Р. И. Аванесова). Наконец, в 1958 г. формулируется идея «*Общеславянского лингвистического атласа*» (далее – ОЛА) как атласа одной языковой семьи: сбор материалов для ОЛА на долгие годы объединяет в один творческий коллектив славистов разных стран. Позднее те же ученые переходят к созданию «*Общекарпатского диалектологического атласа*» (далее – ОКДА), где картографируется материал не только славянских, но и других языков, входящих в карпатский ареал. Материалы ОКДА (а еще раньше «*Карпатского диалектологического атласа*» – КДА) позволили выявить связи между Карпатами и Балканами, среди карпатизмов (то есть общих для языков карпатского региона элементов) обнаружилось лексемы, отмеченные на Балканах (балканизмы). В ходе работы над КДА и ОКДА развилась такая отрасль языкознания, как *карпатолингвистика*, или *карпатистика*, у истоков которой стояли В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова и др.

В 1960-е гг. и позднее дискутируются вопросы славянской прародины (висло-припятская или висло-одерская теории, происхождение праславянского из протобалтийского, возрожденная О. Н. Трубачевым гипотеза подунайского ареала как предполагаемой прародины славян). На сегодняшний день исследователи пришли к выводу о невозможности определить прародину славян на основе одних лингвистических данных. При этом привлечение сведений по палеоботанике и археологии также пока не принесло положительных результатов в связи с исторической изменчивостью границ распространения растений и невозможностью однозначно определить славянский характер тех или иных архаических культур.

Распространяющийся в 60-е гг. XX в. структурализм проникает в исторические славистические штудии и способствует (как и функционализм Пражского лингвистического кружка) созданию описательных грамматик славянских языков с использованием понятия системности. По-прежнему существенным остается анализ *языковых форм*, что проявляется, в частности, в развитии славянской *морфонологии* (хотя сам предмет этой области исследования был определен Н. С. Трубецким еще в 30-е гг. XX в.). Особенно значительное число работ по славянской морфонологии появляется в 90-е гг. XX в. (статьи американца Э. Станкевича, работы отечественных ученых: С. Б. Бернштейна, Т. В. Поповой, С. М. Толстой, Н. Е. Ильиной, В. Г. Чургановой, коллективный труд «Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение», том «Славянское и балканское языкознание», посвященный проблемам морфонологии, труды польских исследователей К. Ковалик и Р. Ляковского и др.)¹. Надо сказать, что интерес к морфонологии сохраняется до настоящего времени (см., например, работы белорусских ученых В. П. Русак и Е. Потехиной).

Интенсивно в послевоенное время начинает развиваться *контрастивное (конфронтативное)* исследование славянских языков, что связано не в последнюю очередь с активным изучением инославянских языков в практических, а не только в научных целях. Сопоставление осуществляется либо на уровне формы (более частные явления), либо на идеографической основе с использованием понятий *tertium comparationis* и *функционально-семантический эквивалент* (понятия «функция», «значение» сформулированы в Пражской лингвистической школе). Наконец, третий путь сопоставления – с помощью *абстрактного языка-посредника*, когда постулируется абстрактный язык-конструкт, содержащий весь возможный набор

средств выражения или категорий, не существующий в таком виде ни в одном из сопоставляемых языков, а затем эта матрица накладывается на каждый из языков, подлежащих сопоставлению, и выявляется, что из возможного максимального набора средств / категорий характерно для каждого языка².

Таким образом, с течением времени происходила «гармонизация» исторической и синхронной составляющих славянской филологии.

В течение XX в. славянская филология в каждом из своих исследовательских направлений аккумулировала колоссальный лингвистический материал, разрабатываемый в соответствии с меняющимися научными парадигмами: от формального атомистического анализа к структурно-системному как в диахронических, так и в синхронных описаниях славянских идиомов; от поисков диалектной базы литературных славянских языков (например, великопольская или малопольская для польского ЛЯ или курско-орловская для русского ЛЯ) к формированию понятий «наддиалектное койнэ», «диглоссия» – в случае функционирования двух идиомов в разных определенных функциях, дифференциации «ЛЯ средневековья» и полифункционального «ЛЯ нового времени» и др.

Значительны достижения славянской филологии в области акцентологии как в диахроническом плане (Московская школа В. М. Иллича-Свитыча и В. А. Дыбо), так и в синхронии (например, работы А. А. Зализняка по акцентологии русского языка).

В послевоенный период развилось синхронное славянское словообразование, впитавшее в себя идеи Г. О. Винокура (понятие «словообразовательный тип»), логико-синтаксической теории В. Дорошевского и ономаσιологической теории М. Докулила (понятия «мутация» и «модификация», разработанные чешским ученым, наряду с понятием «транспозиция», на материале существительных, были распространены его последователями на глагольные дериваты).

Славянская филология получила и организационные формы в виде научных и международных организаций: национальные комитеты славистов, Международный комитет славистов, при котором работает 37 комиссий, проводящих заседания в период между съездами славистов. Число комиссий увеличивается от съезда к съезду. Если на XIV съезде были образованы, например, такие новые комиссии, как Диалектологическая комиссия, Комиссия по славянским микроязыкам, Комиссия по терминологии, то на XV

международном конгрессе образовались, в частности, Комиссия по религиозным языкам, Комиссия по эмигрантологии, Комиссия по ранней истории славян и др. Материалы проводимых в рамках заседаний комиссий конференций регулярно публикуются. Раз в 5 лет происходят такие славистические форумы, как Международные съезды славистов. Всего состоялось 15 съездов (последний проходил 20–27 августа 2013 г. в Минске). На XIV и XV Международных съездах славистов рассматривался самый широкий спектр вопросов: славянский этногенез и этимология, история славянских языков в связи с историей славянской духовной и материальной культурой, диалектология и лингвогеография, социолингвистика и контактология (в частности, на XV Международном съезде в Минске значительное число докладов было посвящено таким феноменам, возникающим на стыке двух славянских идиомов, как суржик и трасянка), славянская ономастика, современное состояние литературных языков, варьирование их нормы, иноязычное влияние, проблемы глобализации и интернационализации, современные теории и методы изучения грамматической структуры славянских языков, функциональных стилей, их состояние и перспектива и др.³

Какие же *новые* парадигмы, общие идеи, смыслы, тенденции проявляются в различных составляющих лингвистической части славянской филологии в последнее время? Мы выделили 6 таких новых научных парадигм.

1. *Антропоцентризм* (внимание к человеческому фактору, учет личности говорящего и пишущего) и *когнитивизм* (использование понятий «прототип», «фрейм» и др., несоблюдение разграничения синхронии и диахронии, столь обязательного для структурализма).

2. Интерес не только (и не столько) к форме, а к *содержанию*, *контенту*, *семантике* (в первую очередь лексической). Распространение понятия «системность» на лексику, разработанность понятия «лексическая сочетаемость».

3. *Междисциплинарность* и *интегративность*. Следствием интегративного и междисциплинарного подхода к явлениям языка и культуры является как возникновение и развитие новых направлений (например, *этнолингвистики*), так и углубление и обогащение исследовательской палитры ученых, применяющих в изучении того или иного языкового феномена целый *комплекс* исследовательских средств (например, применение языковедческого, текстологического, литературоведческого анализа при анализе памятника письменности и одновременный учет его функциони-

рования, в частности, в церковной практике, если это памятник религиозного содержания).

4. *Разнообразие грамматических подходов*: функциональная грамматика, коммуникативная грамматика разного вида в зависимости от целей, стоящих перед авторами, описание явлений в свете теории речевых актов, применение логических понятий в синтаксисе и др.

5. Интерес к *прагматике* (перлокутивности, то есть целям, назначению речевого произведения, условиям его функционирования).

6. Появление *новых технологий* (компьютерной техники, электронных средств связи и т. д.), которые используются почти во всех составных частях славянской филологии.

Рассмотрим, какие новые направления появились в славянской филологии за последнее время и как в них (а также традиционных славистических направлениях) отражаются вышеуказанные общие смыслы. Анализируя новые направления, мы остановимся на пяти из них.

7. *Этнолингвистическое* направление (о котором мы уже упоминали выше) представлено в пространстве Славии двумя школами: Московской школой Н. И. Толстого и С. М. Толстой и Люблинской школой Е. Бартминьского. Конкретное выражение, в частности, это направление нашло в подготовке монументальных лексикографических трудов этнолингвистического характера. Для Московской школы – это пятитомный словарь «Славянские древности» (1995–2012)⁴, а для Люблинской – 4 части первого тома «Словаря народных стереотипов и символов» («Słownik stereotypów i symboli ludowych»)⁵. В люблинском периодическом издании «Etnolingwistyka» печатаются статьи представителей обеих этно.люб ьбьд ьлд ь ббююбббббббб-лингвистических школ. Эти школы различаются используемыми понятиями. В частности, для люблинцев существенны понятия «стереотип», «профиль» и «профилирование». Москвичи не используют понятия «профиль» и «профилирование», зато начинают применять в этнолингвистических изысканиях *лингвогеографические* методы (ср. доклад А. А. Плотниковой на XIV Международном съезде славистов: «Этнолингвистика и лингвогеография (на материале южнославянских языков и традиций)»⁶, чего не делают представители Люблинской школы.

Общим же для обеих школ является понятие «языковая картина мира» (ЯКМ). Если в формировании этнолингвистики как сравнительно новой составляющей славянской филологии, возникшей на

стыке этнографии и лингвистики, проявляется тенденция междисциплинарности, то возрождение на базе гумбольдтовских идей понятия ЯКМ является показателем того, что структурная парадигма исследования текста в отрыве от его создателя сменилась антропоцентрической, когнитивной парадигмой, учитывающей «человеческий фактор», о котором Ю. Н. Караулов писал еще в 70-е гг. XX в. Другой вопрос, что понимать под ЯКМ – учитывать ли только специфическое для данного языка и его носителей или полагать, что в ЯКМ представлены как специфические особенности какого-либо одного языкового сознания, так и более общие признаки, характеризующие либо всю близкородственную языковую семью, к которой относится исследуемый идиом (например, славянскую), либо еще более универсальные, представленные для большего числа языков (например, индоевропейских). Во всяком случае, на XIV и XV Международных съездах славистов круглые столы, организованные этнолингвистами, вызвали очень большой интерес. На XIV съезде на круглом столе «Лингвокультурологический образ славянского мира в свете этнолингвистики» Е. Бартминьский и В. Хлебда предложили программу этнокультурологических исследований, а на XV съезде в рамках этнолингвистического круглого стола анализировались аксиологические концепты.

8. На XIV Международном съезде славистов впервые в истории съездов было представлено такое направление, как *корпусная лингвистика* (в докладах российских участников съезда О. Н. Ляшевской и Е. В. Рахилиной «Онтология лексики в национальном корпусе русского языка: обзор и поисковые возможности», В. А. Плунгяна «Национальный корпус русского языка: общая характеристика и направления развития», испанского русиста Гусмана Тирадо «Национальный корпус русского языка и контрастивная лингвистика»). Сейчас это одно из актуальных прикладных направлений. Национальные корпуса славянских языков – это источник сбора материала для лингвистических исследований, позволяющий ускорить работу лингвиста и выявить современные процессы в том или ином славянском литературном языке, а с составлением корпуса текстов памятников – также продуктивно анализировать исторический материал. Насколько нам известно, в настоящее время ведется работа над корпусом диалектного польского языка (Е. Сероцук и Г. Карась).

9. Продолжается изучение такого ценнейшего источника, как *новгородские берестяные грамоты*, позволившего говорить о создании исторической диалектологии русского языка как о реальной

перспективе. «Древненовгородский диалект» А. А. Зализняка – это ступень к созданию русской исторической диалектологии. Для других славянских языков – это еще не ближняя перспектива, хотя в полонистике есть книга, приближающаяся к реализации данной задачи: монография К. Дейны «Dialekty polskie» (1973), где исследуются 100 польских инноваций (по отношению к праславянскому языку) с размещением их на карте.

Создание исторической диалектологии славянских языков позволит, в свою очередь, на ее базе создавать подлинные исторические грамматики отдельных славянских языков, в которых учитывалась бы история формирования региональных особенностей того или иного языка.

С 70-х гг. XX в. по 2000-е гг. велись и исследования еще одного источника древней письменности – граффити XI–XVII вв. – надписей на стенах древнерусских памятников Новгорода Великого и его окрестностей. На XV Международном съезде обсуждался проект предстоящего многотомного издания полного корпуса новгородских граффити XI–XVII вв.⁷

10. В последнее время усиливается интерес к так называемым славянским литературным *микроязыкам* (кашубскому, получившему статус регионального языка, русинскому; оба языка были включены в серию монографий, выходящих в Ополе под редакцией С. Гайды к XII Международному съезду славистов в Кракове (1998); все монографии не успели выйти к 1998 г., и часть из них появилась уже после съезда). Как уже выше было отмечено, на XIV Международном съезде славистов была создана при Международном комитете славистов Комиссия по микроязыкам (председатель – А. Д. Дуличенко).

Сам факт пробуждения интереса к микроязыкам – отражение противоположной тенденции к глобализации (как центростремительного процесса), тенденции усиления национального самосознания, поиска национальной идентичности (то есть центробежных процессов).

Помимо постулирования понятия «славянские микроязыки», эту центробежность мы наблюдаем в попытках после распада Югославии создать новые литературные славянские языки: разделение сербохорватского языка на «сербский» и «хорватский», появление хотя бы в форме дефиниции (без конкретного наполнения) словосочетания «босняцкий / боснийский язык» и т. д.

В какой-то степени «местный патриотизм» проявляется в настоящее время в русистике, в которой в разных исследова-

тельских областях развивается так называемое *регионоведение*. Например, в Волгограде развивается региональная ономастика, в Тамбовском университете ученица Н. И. Толстого С. Ю. Дубровина занимается христианской православной лексикой, бытующей в Тамбовском регионе.

11. Интерес к *новым функциональным стилям*. С одной стороны, эти стили действительно являются новыми (например, язык *Интернета*, в новообразованиях которого – ср. *аська*, *кликнуть* и мн. др. – существенную роль играет английский язык, в чем проявляется общая тенденция к глобализации), с другой – это те функциональные разновидности языка, на анализ которых по идеологическим причинам до сравнительно недавнего времени было наложено своего рода «табу» (например, религиозный стиль). Последний активно исследуется в настоящее время, свидетельством чего является вышеуказанное создание Комиссии по религиозным языкам при Международном комитете славистов на XV съезде славистов в Минске.

Демократизация языка и определенная его «криминализация» усилили интерес к соответствующей лексике: широко издаются словари вульгаризмов, разнообразных арго и даже обцененной лексики. Усиление роли рекламы в жизни капитализирующихся славянских государств привело к активному изучению языка рекламы, выявлению взаимодействия в нем интернациональных и специфических национальных явлений.

Новые исследовательские подходы способствуют преобразованию и выдвижению новых задач и в традиционных направлениях славистики.

12. В *описательной диалектологии* в условиях нивелирования диалектных различий, контактов с литературными идиомами и междиалектных взаимодействий возрастает роль так называемой *контактологии*, то есть изучения результатов контактов исследуемого диалектного идиома с другими языками и диалектами, в том числе неславянскими (балтийскими для польских диалектов, балтийскими и угрофинскими для русских диалектов, албанским для южнославянских диалектов – ср. исследования А. Н. Соболева и др. в Албании⁸). С учетом возрастания роли человеческого фактора в диалектологии наблюдается интерес к языку *отдельного диалектоносителя*. Уже известны работы, описывающие особенности языковой системы одного информанта под названием «языковая личность» (в частности, работа русистки Е. А. Нефедовой).

Из диалектных уровней необходимо углубление изучения *синтаксиса* и *фразеологии*. Развитие новых технологий требует применения их при сборе и хранении материала, перевода ранее записанных текстов и данных на современные носители (электронные картотеки, создание записей современных диалектов на новых носителях – то, что Л. Л. и Р. Ф. Касаткины делают для русских говоров, создавая хрестоматию живых говоров, следует распространить на другие славянские диалекты).

Необходим скорейший сбор материалов по *инославянским* диалектам, функционирующим на территории России и других стран (чешским и польским говорам в Сибири, чешским говорам в Краснодарском крае и др., возникшим в результате добровольного переселения крестьян в ходе Столыпинской реформы).

13. В области славянской этимологии (а в настоящее время выходят в свет многотомные издания двух этимологических славянских словарей: в Польше – это «Słownik prasłowiański», а в России – «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» – далее ЭССЯ⁹) наблюдается переход от старого подхода, предполагающего реконструкцию отдельных праформ, к реконструкции *лексико-семантических групп*, или *полей* (в чем проявляется усиление семантического фактора и учет системных отношений в лексике). Так, на XIV Международном съезде славистов вопросы такой реконструкции затрагивались, например, в докладах Ж. Ж. Варбот, С. М. Толстой, Е. И. Якушкиной. Кроме того, просмотрев последние тома вышедших 39 выпусков ЭССЯ, мы увидим, что в них в возрастающей пропорции используются *диалектные материалы*, а также данные *ономастики*. Вообще, провозгласив в качестве основных принципов составления ЭССЯ «идею древней диалектной сложности славянства» и учет не только производной, но и производной лексики, составители ЭССЯ изначально широко использовали диалектный славянский материал. Но по мере выхода новых диалектных исследований и словарей авторы ЭССЯ оперативно вводят эти новые диалектные данные в словарные статьи. Итак, мы опять наблюдаем здесь взаимодействие разных компонентов славянской филологии, их взаимное обогащение: этимология использует материалы описательной (а не только исторической) диалектологии и ономастики (проявление принципа интегративности). Таким образом, с учетом системности и лексической семантики в этимологии остается актуальной задача реконструкции лексико-семантических полей, дальнейшее расширение привлекае-

мых диалектных и ономастических данных, выявление специфики ЯКМ при реконструкции лексико-семантических полей в отдельных славянских языках.

14. В области *лингвистической географии*, столь много сделавшей за предыдущие этапы (национальные и региональные славянские атласы, ОЛА¹⁰, ОКДА, новый тип регионального этнографо-лингвистического атласа, каким является «Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski», подготавливаемый «Малый диалектологический атлас балканских языков» – далее МДАБЯ и др.) необходим следующий шаг – хронологическая интерпретация пространственно репрезентированных явлений, выделение зон славянской архаики (так называемых периферийных архаизмов, хотя архаизмы могут быть представлены не только на периферии) и инноваций (работы Т. И. Вендиной, Л. Э. Калнынь и др.). Так, на XV съезде славистов доклад представителя Комиссии ОЛА Т. И. Вендиной был посвящен типологии архаических ареалов славян.

На Международном съезде славистов в Охриде (2008 г.) Т. И. Вендина подвела итоги 50-летней (с 1958 г.) работы над ОЛА. В ходе дискуссии по докладу ее участники отметили, что ОЛА постепенно из лингвокартографического типа исследования превращается в «атласо-монографический», имея в виду тот факт, что на базе материалов ОЛА создаются целые монографии (ср. две работы Я. Сятковского – о заимствованиях в славянских языках и о названиях частей тела в славянских диалектах¹¹, а также монументальный труд Т. И. Вендиной «Русские диалекты в общеславянском контексте»¹²).

Задача, которая стоит перед историками славянских языков, – это *включение материалов ОЛА в исторические грамматики славянских языков*. И вообще в исторических грамматиках отдельных славянских языков необходимо усилить *общеславянский фон*, рассматривать тот или иной феномен описываемого языка в общеславянском контексте.

Одновременно происходит дальнейшая подготовка новых атласов, в частности, включающих не только славянские, но и контактирующие с ними языки (например, МДАБЯ).

В последние годы представителями Московской этнолингвистической школы под руководством А. А. Плотниковой были продолжены карпатологические исследования в области традиционной духовной культуры, нацеленные на выявление карпатизмов и балкано-карпатизмов в данной сфере, расширен ареал полевого исследо-

вания на дакорумынскую территорию севернее Дуная и на соседние карпатославянские регионы (западноукраинский, словацкий, южнопольский)¹³. Собранные новые полевые материалы значительно увеличили спектр изучаемой лексики Карпат по сравнению с ОКДА, расширили семантическую амплитуду отдельных лексических карпатизмов, уточнили семантическую сферу ряда лексем, выявили ряд заимствованных явлений в языке и культуре различных этносов, населяющих Карпаты, и пр., что создало основу для составления культурно-языкового атласа карпато-балканского ареала (ср. доклад Е. С. Узеновой на XV Международном съезде славистов: «ОКДА и современные полевые этнолингвистические исследования карпато-балканского региона»)¹⁴.

15. В *палеославистике* осуществляется интегративный подход к изучению памятника, учитывается его роль в литургике, что было невозможно в советской палеославистической науке по идеологическим причинам. С учетом теории лексической сочетаемости происходит уточнение семантики форм. Актуальной задачей остается изучение и издание источников, хранящихся в рукописных фондах. При этом славистам и русистам-палеославистам необходимо углубление знаний по древнегреческому, латинскому и древнееврейскому языкам, своеобразное воссоздание «Славяно-греко-латинской академии» (то есть опять же соблюдение принципа междисциплинарности). Очевидно, что в последнее время, по крайней мере в российской палеославистике, наиболее успешно трудятся выпускники отделения классической филологии (А. А. Пичхадзе, К. Максимович, М. И. Чернышева).

16. В *ономастике* наряду с сохранением исторического и регионального направлений (о последнем мы уже кратко упомянули) наблюдается усиление интереса к синхронной ономастике, изучению *новых классов онимов*, появление которых связано с новыми социальными условиями (урбанонимика, эргонимы – названия объединений людей и др.). Здесь наибольшие достижения представлены у польских и чешских ономастов, а также у исследователей Волгоградской ономастической школы В. И. Супруна. В таких номинациях, как *хремотонимы* (термин, называющий продукты цивилизационной деятельности человека), находит отражение сочетание процессов *глобализации* и *интернационализации* (английские корни, использование латинской графики и др.) и *национальной специфики*.

17. Изучение новейших процессов в грамматике и словообразовании славянских языков в условиях глобализации (в частности, влияния английского языка).

18. Имея в качестве перспективы *полное конфронтативное разноразное описание* современных славянских литературных языков (создание, по Вл. Барнету, «микротипологии» славянских языков), где материал излагается *феноменологически*, а не по языкам, необходимо создать базу для сравнения в виде подготовленного сопоставительного описания ряда грамматических категорий (далее ГК) славянских языков (определенности-неопределенности, одушевленности-неодушевленности, мускулиной персональности – неличности и т. д.). В этом отношении хорошо разработана (благодаря славистам разных стран, и в первую очередь аспектологам Ленинградской и Московской школ) категория славянского глагольного вида. К такой же степени разработанности надо привести и другие ГК.

Материал ЭССЯ позволяет выявить специфический западнославянский, восточнославянский и южнославянский лексический инвентарь, что тоже следует включить в сопоставительное описание.

19. Развитие *текстологии* (в данном случае имеется в виду лингвистический аспект). Это предполагает, в частности, при изучении функционально-семантических категорий (далее ФСК) выход за пределы отдельного высказывания на уровень целого текста и установление того, как элементы той или иной ФСК (темпоральность, аспектуальность и др.) функционируют в тексте, придавая ему определенные свойства (статичность, динамичность, эмоциональную напряженность и т. д.). Подобному анализу был посвящен, в частности, доклад А. В. Бондарко на XV Международном съезде славистов («Анализ элементов текста в системе функциональной грамматики»).

20. В области *исторической грамматики славянских языков*, как уже было сказано, необходимо привлекать данные лингвогеографии, учитывать общеславянский фон, а в области *истории отдельных литературных славянских языков* в соответствии с сформулированным Пражской лингвистической школой принципом функционализма продолжать изучение истории формирования отдельных *функциональных стилей*. В этом отношении значительны достижения Вроцлавской школы А. Фурдаля, ученик которого С. Боравски положил понятие стиля в основу периодизации истории литературного польского языка. Изучение истории формирования функциональных стилей каждого славянского литературного языка позволит в перспективе создать типологию формирования литературных славянских языков.

21. Наблюдается возрождение (после деятельности ОПОЯЗа и трудов В. В. Виноградова) интереса к *лингвистическому анализу художественного славянского текста* (ср., например, работы О. Г. Ревзиной и ее учеников). Необходимость такого анализа явно осознана славистическим сообществом, что нашло отражение в воссоздании на съезде в Минске Комиссии по поэтике и стилистике.

Исследование художественного текста может проводиться и в лингво-историческом ракурсе, что показал доклад А. Е. Аникина на XV Международном съезде славистов «Лексикон Анненского в историко-лингвистическом освещении». Одним из направлений в лингвистическом изучении художественных славянских текстов является исследование состава, художественных функций и целей использования *инославянских элементов* в гипертексте той или иной славянской литературы (например, полонизмов, богемизмов, болгаризмов, украинизмов и белорусизмов в произведениях русской литературы и, наоборот, русизмов в польской литературе и т. д.). Анализ художественных функций инославянских варваризмов – пример междисциплинарного исследования, проводимого на стыке лингвистики и литературоведения.

22. Использование новых технологий как в практике преподавания инославянских языков, так и в чтении общих и специальных славистических курсов.

В представленном обзоре мы, естественно, не в состоянии были охватить все многообразие исследовательских направлений и подходов, представленных в лингвистической славистике. Мы старались выявить наиболее существенные и одновременно наиболее интересные для нас тенденции в развитии лингвистической составляющей славянской филологии и сформулировать наиболее актуальные, на наш взгляд, задачи, стоящие перед славистами-филологами в XXI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение / Отв. ред. Т. В. Попова. М., 1987; Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981.

2 *Барнет Вл.* К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками / Под ред. А. Г. Широковой. [М.], 1983. С. 9–29.

- 3 XV Міжнародны з'езд славістаў. Тэзісы дакладаў. У двух тамах. Мінск, 2013. Т. 1. Мовазнаўства.
- 4 Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2; 2004. Т. 3; 2009. Т. 4; 2012. Т. 5.
- 5 Słownik stereotypów i symboli ludowych / Red. J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska. Lublin, 1996–2012. Т. 1. Zesz. 1–4.
- 6 Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008.
- 7 Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013.
- 8 Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / Под ред. А. Н. Соболева и А. А. Новика. СПб., 2013; Verlag Otto Sagner, München, 2013.
- 9 Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974. Вып. 1.
- 10 Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. М., 1994. Изд. 2-е, исправл. и дополн.
- 11 *Siatkowski J.* Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach. Warszawa, 2012; *Idem.* Studia nad wpływami obcymi w Ogólnosłowiańskim atlasie językowym. Warszawa, 2004.
- 12 *Вендина Т. И.* Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009.
- 13 Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Памяти Г. П. Клепиковой / Отв. ред. А. А. Плотникова. М., 2008; Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. 2009–2011 / Отв. ред. А. А. Плотникова. М., 2012. Вып. 2; Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. 2012–2014 / Отв. ред. А. А. Плотникова. М., 2014. Вып. 3.
- 14 *Узенева Е. С.* ОКДА и современные полевые этнолингвистические исследования карпато-балканского региона // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 272–286.

Anan'eva N. E.

Some results and perspectives of Slavic philology in XXI century

The article is dedicated to the linguistic component of Slavic philology, excluding the study of the language of Slavic literatures. The latter has to do with the integrative discipline of linguistic analysis and literary critics.

Keywords: *Slavic philology, the history of science, Slavic Linguistic Atlas, Carpatian Dialectal Atlas, areal linguistics, dialectology, ethnolinguistics, paleoslavistics, anthropocentrism, interdisciplinary approach, new technologies, corpus linguistics.*

Т. И. Вендина
(Москва)

«Общеславянский лингвистический атлас» и некоторые мифы лингвистической географии

Статья посвящена анализу проблем лингвистической географии в свете новых данных *Общеславянского лингвистического атласа*. Оценивая предварительные итоги этого международного проекта, автор отмечает, какие коррективы вносит Атлас в сложившиеся представления в лингвистической географии.

Ключевые слова: *славянская диалектология, лингвистическая география, «теория волн» И. Шмидта.*

«Общеславянский лингвистический атлас» является грандиозным лингвогеографическим проектом сравнительно-исторического языкознания XX в., аналога которому славистика не знает.

Атлас предоставил исследователям богатейший диалектный материал, бывший ранее во многом неизвестным, а потому долгое время оставшийся в тени при описании диалектного ландшафта Славии. И этот новый языковой материал является главным итогом международного проекта. Благодаря этому материалу появилась возможность критически осмыслить некоторые представления и теории, существующие сегодня в лингвистической географии, поскольку они во многом мифологизированы и входят в явное противоречие с картами атласа.

1. Миф о нерелевантности лексических данных при ареальной дифференциации того или иного диалектного континуума. Публикация карт лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа» заставляет по-новому осмыслить проблему релевантности данных лексики и словообразования для изучения вопроса о диалектном членении праславянского языка.

Напомню, что в сравнительно-историческом языкознании еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фак-

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-04-00-160 «Русская диалектная лексика в лингвогеографическом аспекте»).

там, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Каждое слово, согласно этой точке зрения, живет в диалекте «своей жизнью» и «распространяется в своих собственных границах», порождая пестроту и дробность диалектного ландшафта. Возник даже образ «путешествующего слова» (Л. Гоша), которое, подобно страннику, останавливается там, где ему захочется. Отсюда делался вывод, что распространение слова в значительной степени зависит от случайности. Поэтому лексические диалектизмы (судьбы которых, действительно, часто оказывались индивидуальны) традиционно считались нерелевантными для решения проблемы диалектной дифференциации праславянского языка. Примечательно, что, выступая в поддержку идеи А. Мейе о создании «Общеславянского лингвистического атласа», И. А. Бодуэн де Куртенэ в своем докладе «Изогlossen в славянском языковом мире» говорил лишь о фонетических изоглоссах.

В этих суждениях, освященных именами Р. Раска, К. Бругмана, А. Мейе, Н. С. Трубецкого, на первый взгляд, есть известная доля истины. Пронизывая всю толщу языка, фонетические различия охватывают огромное количество слов (в отличие от лексических, наблюдающихся лишь в отдельных словах, реже – в группе слов), и в этом смысле они достаточно рельефно обнажают различия между языками. Будучи строго ограниченными и количественно обозримыми, данные фонетики служили и служат надежным и непререкаемым критерием в сравнительно-исторических и ареально-лингвистических штудиях. «Лексический же материал, понимаемый как открытое множество сравнительно быстро изменяющихся элементов, трудно поддающихся системной интерпретации, либо вообще не принимался во внимание в качестве самостоятельного критерия, либо использовался с крайней осторожностью как дополнительный, вспомогательный аппарат, призванный подтвердить выводы, полученные на основе фонетического или морфологического исследования» (Маковский 1968: 126; подробную критику этих взглядов см. в Журавлев 1994: 5–10).

Однако, не вдаваясь в вопрос о том, насколько продуктивна языковая (пусть даже и абстрактная) модель, не насыщенная лексически, мы должны признать, что все эти аргументы, строго говоря, не выдерживают серьезной критики. Открытость и подвижность словарного состава языка, в том числе и праславянского, является довольно относительной, если учесть и другой важный экзистенциальный

принцип любой лексической системы, а именно ее консерватизм, который и позволяет языку выполнять коммуникативную и эпистемическую функции. Это сочетание в лексической системе языка двух прямо противоположных тенденций – динамики и консерватизма – является следствием общего механизма эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Именно этот принцип позволяет сохранять лексическую систему языка во времени в значительно большей степени, чем фонетическую или морфологическую¹.

Между тем вследствие отсутствия достоверных материалов и надежных сведений по древним лексическим изоглоссам словарный состав праславянского языка долгое время воспринимался недифференцированно. Поэтому праславянская «словарная коллекция» довольно долгое время создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции: «достаточно было фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду» (Толстой 1997: 111). Более того, во многих сравнительно-исторических и диалектологических исследованиях XIX – начала XX в. сама идея пространства была сильно размыта. Характеристика ареалов тех или иных лексем была во многом случайна и часто опиралась лишь на интуицию ученого.

С выходом в свет «Общеславянского лингвистического атласа» ситуация в корне изменилась, так как впервые идея пространства и времени была последовательно реализована как на этапе сбора диалектного материала, так и на этапе его систематизации.

Работа над «Общеславянским лингвистическим атласом» со всей очевидностью показала, что реконструкция лексико-семантической системы праславянского языка невозможна без изучения современного славянского диалектного континуума методами лингвогеографии. Язык всегда и везде связан с территорией. Эта связь обусловлена историческими и пространственно-временными закономерностями развития общества. В этом смысле «Общеславянский лингвистический атлас» является уникальным источником сведений о судьбе праславянских диалектизмов и в целом о диалектном ландшафте Славии и тех языковых процессах, которые протекали в славянских диалектах. Картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavica придало картам Атласа статус особо ценного источника лингвистической информации о внутрен-

ней динамике языковых, этнических, культурных отношений, ибо чем больше территория картографирования, тем вероятнее получение новых, а главное – объективных сведений о специфике развития диалектного ландшафта.

Поэтому Атлас стал уникальным источником изучения славянского диалектного континуума и тех языковых процессов, которые протекали в древности и протекают в славянских диалектах сегодня.

Вот почему на современном этапе славистических исследований, когда в значительной степени исчерпаны возможности внутренней реконструкции на фонетическом и морфологическом уровнях, все большее значение приобретают данные лексикологии. «География слова, территориальное распределение лексем, отражающее взаимоотношения носителей диалектов в разные исторические эпохи, расширяет и углубляет картину ареальных связей, полученную при изучении грамматических и фонетических изоглосс» (Куркина 1992: 26). Именно данные лексикологии дают более дифференцированный и количественно богатый материал для изучения межславянских языковых связей. И это прекрасно доказали карты «Общеславянского лингвистического атласа». Оперирование многочисленными лексическими изоглоссами, в количественном отношении во много раз превосходящими фонетические, делает исследование более объективным в восстановлении сложной картины схождения и расхождения славянских языков². Поэтому сегодня лексический материал не только не игнорируется в сравнительно-исторических штудиях, но и активно привлекается как полноценный критерий, представляющий самостоятельный интерес для этих исследований.

2. Миф об индивидуальных границах каждого отдельного слова. Миф о нерелевантности лексических данных при диалектной дифференциации того или иного языкового континуума во многом поддерживался благодаря прочно укоренившемуся мнению об индивидуальных границах каждого слова. «Всякое отдельно взятое слово, которое обнаруживает какое-то звуковое изменение, распространяется в своих собственных границах, – писал Н. С. Трубецкой в статье «Фонология и лингвистическая география», – и поэтому границы географического распространения звуковых изменений никогда не могут быть установлены надежно и точно» (Трубецкой 1987: 32). Отсюда представление о пестроты и калейдоскопичности лексических изоглосс.

Однако карты «Общеславянского лингвистического атласа» свидетельствуют о необоснованности этих упреков компаративистов.

Во-первых, эта хаотичность лексических изоглосс не является существенным атрибутом любой лексической карты. В Атласе имеется немало карт (и их, надо сказать, абсолютное большинство), в которых этой калейдоскопичности не наблюдается, а, напротив, прослеживается довольно четкое противопоставление отдельных ареалов. Яркой иллюстрацией могут служить карты, на которых выявляется четкое разделение Славии по линии **север** ~ **юг** (ср.: север //ašč-er- (//ašč-er-ъ, //ašč-er-ic-a, //ašč-er-ъk-a) ~ юг gušč-er- (gušč-er-ъ, gušč-er-ic-a, gušč-er-ъk-a) к. 30 'ящерица' т. 1 «Животный мир»; север *baran-ъ* ~ юг *ov-ъn-ъ* к. 4 'некастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство» (см. к.-схему 1); север *ten-ъ* ~ юг *xold-ъ* к. 6 'тень под деревом' т. 3 карта «Растительный мир»; север *les-ъ* ~ юг *šum-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; север *sos-ъn-j-a* ~ юг *bor-ъ* к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир» (см. к.-схему 2); север *sъ-čest-bj-e* ~ юг *sъ-ręt-j-a, sъ-ręt-j-a* к. 7 'счастье' т. 10 «Народные обычаи» (см. к.-схему 3); север *kur-i-tъ* ~ юг *puš-i-tъ* к. 19 'курит' т. 10 «Народные обычаи» и т. д.), тогда как противопоставление по линии **запад** ~ **восток** практически не прослеживается.

Во-вторых, даже в том случае, когда эта мозаичность диалектного ландшафта действительно имеет место (см., например, карты 1 тома «Животный мир» к. 33 'головастик', к. 44 'божья коровка' или карты 2 тома «Животноводство», посвященные подзывным словам), следует признать, что это на первый взгляд отрицательное явление на самом деле является позитивным, так как именно благодаря многообразию изоглосс мы можем в деталях представить всю сложнейшую картину (а не упрощенную схему) реальных отношений славянских языков и диалектов. Ведь один из постулатов лингвистической географии гласит – «чем больше число рефлексов одной прасистемы, одной праформы или одного проявления в диалектах, тем более достоверной или полной может быть реконструкция» (Толстой 1983: 187). Именно эти мелкие, как будто бы частные изоглоссы дают особо ценный материал для постижения процесса исторического развития славянских языков, а «некоторая мозаичность лексики повышает степень неравномерности ее развития и способствует консервации отдельных ячеек лексической мозаики и в формальном, и в содержательном плане» (Толстой 1983: 186).

Оперирование многочисленными лексическими изоглоссами, в количественном отношении во много раз превосходящими фонетические, позволяет исследователю быть более объективным в восстановлении сложной картины схождения и расхождения родственных языков и диалектов праславянского языка, нежели при

использовании фонетических данных. Более того, именно на лексическом уровне давление языковой системы менее значительно, чем на грамматическом и особенно на фонетическом. Опора только лишь на «фонетические и морфологические изоглоссы праславянского периода, – как совершенно справедливо отмечает А. Ф. Журавлев, – исчисляемые для любой пары языков не более чем двумя десятками, дает картину, статистически слишком уязвимую. До нас доходят запечатления только очень сильных и широких фонетических и морфологических изменений, от мелких и частных процессов постоянного диалектообразования мощные волны последующих грандиозных фонетических и морфологических катастроф оставляют слишком мало следов. Лексика же, не будучи жесткой системой, подверженной тотальному выравниванию, способна долго хранить память о прежних диалектных размежеваниях и единствах» (Журавлев 1994: 176).

Именно поэтому на лексических картах Атласа прослеживается повторяемость отдельных ареалов. Материалы «Общеславянского лингвистического атласа» убедительно свидетельствуют о том, что лексические изоглоссы не являются чем-то случайным, индивидуальным, характерным лишь для одного слова, напротив, они повторяются с определенной последовательностью.

Каждое «отдельно взятое слово» обнаруживает на лингвистических картах Атласа не «свои собственные границы распространения», а границы языков и их диалектов, позволяя тем самым выявить отношения этих диалектов в общеславянском контексте.

Карты Атласа убедительно доказали, что **распространение того или иного слова определяется закономерностями**, позволяющими говорить о **типологии ареалов** (например, **русско-польские** изоглоссы на территории Польши часто локализуются в говорах переселенцев с восточнославянских территорий, образуя островные ареалы, ср., например, локально ограниченные ареалы лексем в польских диалектах: *hуcь-ъ* к. 49 'рыло свиньи' т. 2 «Животноводство»; *pyls-t-ъ* к. 46 'волосы, которыми покрыта шкура коровы' т. 2 «Животноводство»; *pět-их-ъ*, *pěv-ьп-ъ* к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *ne-za-bod-ъk-a* к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; *krin-ic-a*, *krъn-ic-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mel-ьп-ik-ъ* к. 19 'человек, который мелет зерно на мельнице' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и др.; **украинско-польские** изоглоссы образуют островные ареалы в говорах Правобережной Украины, ср., например, ареалы следующих лексем в укра-

инских диалектах: *sz-greb-yl-o* к. 52 'скребница' т. 2 «Животноводство»; *tyrn-in-a* к. 50 'терн' т. 3 «Растительный мир»; *sos-yn-in-a* к. 18 'сосновый лес' т. 3 «Растительный мир»; *kraj-e-ть* к. 17 'режет' (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krok-ъ* 'шаг' к. 49 т. 9 «Человек» и др.; **западно-южнославянские** изоглоссы имеют высокую концентрацию в чешских, западно- и среднесловацких говорах, где чаще всего локализуются обширные ареалы корреспондирующих лексем, ср., например, ареалы следующих лексем: *běs-yn-ъ* к. 73 'бешеный' (о собаке) т. 2 «Животноводство» *tyrn-ъ* к. 13 'колючка, шип' т. 3 «Растительный мир»; *kys-ěl-ъ//kys-el-ъ* к. 44 'кислый' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lž-ic-a* к. 52 'ложка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kol-ar-ъ* к. 9 'человек, который делает колеса для телег' т. 8 «Профессии и общественная жизнь и др.).

Исследование лингвистического пространства Славии показало, что то, что, на первый взгляд, кажется произвольным или случайным в распространении того или иного слова при его изолированном рассмотрении, на самом деле вписывается в типологию ареалов и обретает свой глубокий смысл. За всем этим стоят факты истории языковых явлений, локализация которых на пространственно-временной оси позволяет говорить об определенных закономерностях в их распределении.

На картах Атласа отчетливо видно, что в процессе эволюции славянского диалектного континуума сложилось **два типа лексических ареалов**:

– первый, когда **лексема имеет тотальное распространение** (ср. ареалы лексем *vod-a* к. 33 *voda т. 5 «Рефлексы *о», *kon-j-ъ* к. 26 *копъ т. 5 «Рефлексы *о», *mor-j-e* к. 29 *могъе т. 5 «Рефлексы *о» и др.);

– второй, когда **в ее локализации существуют ограничения** (ср. ареалы лексем *ov-ъc-a* к. 5 *овъса т. 5 «Рефлексы *о», *krъt-ъ* к. 12 'крот' т. 1 «Животный мир», **sěr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.).

Первый тип ареалов представляет собой довольно редкое явление, тогда как второй – широко распространенное.

Убедительным доказательством повторяемости лексических ареалов является тот факт, что на многих картах Атласа довольно четко прослеживается гомогенность восточнославянского континуума (особенно когда речь идет об ареалах древних лексем, ср., например, распространение таких лексем, как *krop-iv-a* к. 22 'крапива' т. 4 «Сельское хозяйство», *ob-ěd-a-j-e-ть* к. 60 'ест обед' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *sz-kaž-e-ть* к. 64а 'скажет' (слово) т. 9

«Человек», *rъt-ъ* к. 16 ‘рот’ т. 9 «Человек» (см. к.-схему 4), *vis-ъk-ъ*, *vis-ъk-у* к. 4 ‘висок’ т. 9 «Человек» и др.), тогда как для южно- и западнославянского диалектного континуума свойственна, как правило, гетерогенность.

И уже этот факт свидетельствует против мозаичности и калейдоскопичности лексических изоглосс. На картах Атласа отчетливо видно, что большинство ареалов **северной Славии** имеет своим источником контактную конвергенцию и является иллюстрацией **контактно-генетического родства** восточно- и западнославянских диалектов. Об этом говорит наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причем **в роли языка-донора выступают чаще всего западнославянские диалекты, преимущественно польские**: ср., например, ареалы таких лексем, как *stьkl-ѣn-ъk-a* к. 6 ‘стакан’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. к.-схему 5), *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. к.-схему 6), *gъs-in-a* к. 25 ‘мясо гуся’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *doj-ъk-a* к. 34 ‘женщина, которая доит коров’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *olov-ъk-ъ* к. 36 ‘карандаш’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь», *krav-ъc-ъ* к. 16 ‘человек, который шьет одежду’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь», *mѣst-ъc-e* к. 46 ‘место’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (см. к.-схему 11), *//qtr-ob-a* к. 54 ‘печень человека’ т. 9 «Человек» и др.), **реже украинские** (ср., например, обширные ареалы украинских лексем *cѣl-uš-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и *krin-ic-a*, *krъn-ic-a* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», см. к.-схему 7) и **белорусские** (ср. ареалы лексем *mъld-iv-o*, *mъld-iv-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. к.-схему 8); *korm-y-sl-a* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.

Такие контекстуальные закономерности являются своеобразными ориентирами в типологической интерпретации ареалов. И это само по себе является значимым, так как позволяет отвести фактор случайности.

Среди множества ареалов, представленных на картах Атласа, отчетливо просматривается несколько групп:

– первую группу образуют слова, которые имеют глубокие корни и восходят к периоду праславянской языковой общности (это ареалы общеславянских лексем или слов, которые известны в трех славянских языковых группах);

– вторая группа ареалов детерминируется факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов, их образуют ареально ограниченные диалектизмы, восходящие часто к эпохе самостоятельного развития славянских языков);

– существование третьей группы ареалов определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и/или параллельным развитием того или иного языкового явления;

– наконец, четвертая группа ареалов связана с формированием этнополитического самосознания, стремлением через язык выразить свою культурно-национальную специфику (это ареалы так называемой эксклюзивной лексики)³.

В связи с этим можно сделать вывод, что лексические карты Атласа могут и должны стать надежным инструментом сравнительно-исторических и этимологических исследований.

3. Миф о центрально-периферийной противопоставленности ареалов инноваций и архаизмов. В лингвистической географии довольно прочно укрепилась теория о центрально-периферийной противопоставленности ареалов инноваций и архаизмов. Она получила широкую известность благодаря работам романской неолингвистической школы (и прежде всего М. Бартоли). Согласно этой теории центр, являющийся креативной зоной, рождает инновации. Распространяясь радиально на окружающие территории, они разрушают ареалы архаизмов и оттесняют их на периферию. Поэтому островные ареалы архаизмов существуют чаще всего на периферии.

Однако материалы «Общеславянского лингвистического атласа» позволяют внести коррективы в эти стереотипы лингвистической географии.

Исследование славянского диалектного континуума с учетом всех микрозон его лингвистического пространства дало возможность локализовать архаические и инновационные явления и рассмотреть их в пространственно-временном аспекте.

Материалы «Общеславянского лингвистического атласа» убедительно свидетельствуют о том, что архаичные языковые явления могут находиться как на периферии, так и в центре современной Славии. Они могут иметь не только локально ограниченные, но и **обширные**

ареалы, разрушение которых может происходить как в центре, так и на периферии (ср., например, обширные ареалы праславянских лексем *pol-j-e*, *mor-j-e* к. 29, *snop-ъ* к. 20, *rog-ъ* к. 23, *ros-a* к. 43, *kor-a* к. 45, *vod-a* к. 33, *kon-j-ъ* к. 26 и др. в фонетическом томе 5 «Рефлексы *о»; или распространение лексем *zem-j-a* к. 47, *med-ъ* к. 12, *ber-e-tъ* к. 28, *(j)ezero-// ozer-o* к. 5, *(j)elen-ъ//olen-ъ* к. 6, *per-o* к. 29 и др. в томе 6 «Рефлексы *е»; или *berz-a*, *vyb-a* в 3 томе «Растительный мир»); или **разорванные, подвергшиеся разрушению ареалы** праславянских лексем типа *dъrъ-i-tъ* к. 56 ‘держит’ т. 9 «Человек» или *orb-ot-a* к. 44 т. 8 «Профессии и общественная жизнь», которые в польских диалектах имеют разорванные ареалы; или лексем *ov-ъc-a* к. 5 **овьса* т. 5 «Рефлексы *о» (см. к.-схему 9) и *žen-a* к. 57 **жена* т. 6 «Рефлексы *е» – в украинских и белорусских; *med-j-a* к. 35 **меджа* т. 6 «Рефлексы *е» – в чешских и болгарских диалектах; *dъb-ъ* к. 26 ‘дуб’ т. 3 «Растительный мир» (см. к.-схему 10), *ovъs-ъ* к. 50 ‘овес’ т. 4 «Сельское хозяйство», *pъs-ъ* к. 9 ‘собака’ т. 2 «Животноводство», *gnoj-ъ* к. 28 ‘навоз’ т. 4 «Сельское хозяйство» – в южнославянских.

Причем при разрушении ареалов центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Как свидетельствуют карты Атласа, вся периферия Славии подвержена разрушительным процессам.

Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво говорят о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становилось причиной возникновения нового явления. В этом смысле показательна сама типология процесса разрушения ареалов архаичных лексем: этот процесс связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой, в которой сохраняется как бы «мерцающий» свет ее производящей: ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *krъt-ič-ic-a*, *krъt-in-a*, *krъt-ъk-ъ* на к. 12 ‘крот’ т. 1 «Животный мир»; *//ež-ъk-ъ*, *//ež-ak-ъ*, *//ež-ik-ъ* на к. 10 *(j)ežъ т. 1 «Животный мир»; *myš-ъk-a* на к. 14 **мышь* т. 1 «Животный мир»; *zvěr-ę*, *zvěr-in-a* на к. 1 ‘дикое животное, зверь’ т. 1 «Животный мир»; *pъs-ъk-ъ* на к. 9 ‘собака’ т. 2 «Животноводство»; *ov-ъč-ъk-a* на к. 5 **овьса* т. 5 «Рефлексы *о»; *žen-ъk-a* на к. 57 **жена* т. 6 «Рефлексы *е»; *dъb-ov-in-a*, *dъb-ov-o* *derv-o* к. 28 ‘древесина дуба’ т. 3 «Растительный мир»; *květ-ъk-ъ* на к. 14 ‘цветок’ т. 3 «Растительный мир»; *sq-sěd-ъk-a* на к. 3 ‘женщина, живущая в соседнем доме’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *měst-ъc-e* на к. 46 ‘место’ т. 8

«Профессии и общественная жизнь» (см. к.-схему 11) и др. Таким образом, «историческая последовательность языковых событий записывается, так сказать, географией на данной территории, где запись эту остается только прочесть» (Теньер 1966: 114).

Что касается инноваций, то карты «Общеславянского лингвистического атласа» свидетельствуют о том, что ареалы инноваций могут локализоваться не только в центре диалектного континуума того или иного языка, но и на периферии (ср., например, распространение лексемы (*škola*)-*j-ar-ъ* к. 33 ‘мальчик, который учится в школе’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» в хорватских, восточнословацких, польских, словенских диалектах, в которых она локализуется именно на периферии; или распространение лексем (*papir*)-*ъ* к. 39 ‘бумага’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и (*atrament*)-*ъ* к. 37 ‘чернила’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» – в белорусских, в которых она также отмечена на периферии (см. к.-схему 12); на периферии словенских диалектов локализуется и лексема (*jarmark*)-*ъ* к. 48 ‘периодическая широкая торговля’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и т. д.).

По-видимому, это связано с тем, что периферийная зона менее устойчива и более проницаема для внешних влияний. Более того, именно на периферии, где наблюдается меньшее давление со стороны системы и большая свобода в междиалектных связях, благодаря контактной конвергенции складываются наиболее благоприятные условия для зарождения новых языковых явлений.

Эта повторяемость ареальных сценариев архаизмов и инноваций убедительно свидетельствует о том, что противопоставление центрального и периферийного ареалов в современной Славии как зон инноваций и архаики в славянском диалектном континууме является упрощенной схемой их отношений, которые в действительности оказываются значительно сложнее.

Поэтому при решении диахронических и этногенетических проблем «целесообразнее оперировать условным понятием архаических и неархаических зон, нежели понятием центрально-периферийной противопоставленности» (Толстой 1977: 37)⁴.

В этой связи заслуживают внимания и выводы М. А. Бородиной. Описывая лексические особенности лотарингского диалекта по данным «Лингвистического атласа Франции» Ж. Жильерона, она также обнаружила, что «вопреки обычной картине, когда на окраинах сохраняются архаизмы, а неологизмы распространяются из центра, неологизмы оказываются на периферии; эти зоны образовались в

конце XVIII – начале XIX в.; из всех рассмотренных зон это самые молодые зоны» (Бородина 1966: 103).

4. Миф о «теории волн» И. Шмидта. В демифологизации нуждается и «теория волн» И. Шмидта. В основе этой теории лежит идея постепенных, незаметных переходов между не имеющими четких границ диалектами индоевропейских языков, поэтому каждый отдельно взятый индоевропейский язык по отношению к другому можно рассматривать как переходный. Теория волн, таким образом, предполагает иррадиацию из одного центра с постепенным затуханием того или иного языкового явления. Между тем карты «Общеславянского лингвистического атласа» заставляют внести в эту теорию ряд поправок, поскольку они красноречиво свидетельствуют о существовании четких границ в распространении того или иного языкового явления. Яркой иллюстрацией существования подобных границ служат ареалы эксклюзивных лексем, которые нередко могут покрывать обширные пространства диалектов того или иного языка, но при этом не выходить за их пределы, то есть идея «колышущейся нивы», лежащая в основе этой теории, здесь явно не работает. Ср., например, такие яркие эксклюзивы **русского языка**, как: *mur-aš-ь* к. 41 ‘муравей’ т. 1 «Животный мир»; *zem-j-an-ьk-a* к. 45 ‘земляника’ т. 3 «Растительный мир»; *podь-dorž-ьn-ik-ь* к. 52 ‘подорожник’ т. 3 «Растительный мир»; *rogost-ь* к. 46 ‘кладбище’ т. 10 «Народные обычаи» и др.; **украинского**: // *ež-ak-ь* к. 10 ‘еж’ т. 1 «Животный мир»; *suc-en-ę* к. 26 ‘щенок’ т. 2 «Животноводство»; *gost-j-av-in-a* к. 10 ‘густые заросли в лесу’ т. 3 «Растительный мир»; **белорусского**: *zob-a* к. 18 ‘клюв птицы’ т. 1 «Животный мир»; *po-par-ь* к. 23 ‘пар, земля, которую не пахали в течение года’ т. 4 «Сельское хозяйство»; *tьlst-ost-ь, sь-dor-ь* к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **польского**: (*j*)*ask-ol-ьk-a* к. 24 ‘лясточка’ т. 1 «Животный мир»; *kot-ic-a* к. 16 ‘кошка’ т. 2 «Животноводство»; *ne-za-po-min-a-j-ьk-a* к. 53 ‘незабудка’ т. 3 «Растительный мир»; **лужицкого**: *potpul-a* к. 22 ‘перепелка’ т. 1 «Животный мир»; (*bar*)-ь к. 5 ‘медведь’ т. 1 «Животный мир»; (*kast*)-ь к. 44 ‘гроб’ т. 10 «Народные обычаи»; **чешского**: *ščik-a* к. 37 ‘щука’ т. 1 «Животный мир»; *čar-ь* к. 29 ‘аист’ т. 1 «Животный мир»; *sěk-ač-ь* к. 70 ‘мужчина, который косит косой’ т. 4 «Сельское хозяйство»; **словацкого**: *smag-ь* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*olovrant*)-ь к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pač-i-tь <se>* к. 2 ‘нравится’ т. 10 «Народные обычаи»; **словенского**: (*pantegan*)-a к. 13 крыса т. 1 «Животный мир»; *pět-el-in-ь* к. 11 ‘петух’ т. 2 «Животновод-

ство»; *čьbel-ar-ь* к. 27 ‘человек, который разводит пчел’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; **хорватского**: *kuk-ov-ač-a* к. 21 ‘кукушка’ т. 1 «Животный мир»; *bor-ov-ic-a* к. 47 ‘брусника’ т. 3 «Растительный мир»; *dět-ьč-ьk-o* к. 8 ‘жених’ т. 10 «Народные обычаи»; **сербского**: *kyr-ljusk-j-ь* к. 39 ‘чешуя рыбы’ т. 1 «Животный мир»; *stьgv-in-a* к. 51 ‘падаль, дохлое животное’ т. 2 «Животноводство»; **македонского**: *таč-or-ьk-ь* к. 10 ‘кот’ т. 2 «Животноводство»; *volk-ьn-a* к. 46 ‘шерсть’ т. 2 «Животноводство»; *o-paš-ьk-a* к. 48 ‘хвост’ т. 2 «Животноводство»; **болгарского**: *pri-lěp-ь* к. 15 ‘летучая мышь’ т. 1 «Животный мир»; *kьlv-ač-ь* к. 20 ‘дятел’ т. 1 «Животный мир»; *bul-ьk-a* к. 11 ‘женщина в день свадьбы’ т. 10 «Народные обычаи» и др.

Работа над «Общеславянским лингвистическим атласом» обещает выявить новые интересные данные для теории лингвогеографии. И в этом смысле она даст, несомненно, толчок к возникновению новых идей и гипотез.

Однако уже сегодня лексические карты Атласа убедительно доказали, что представленные на них диалектизмы – это не «хаос изоглосс», пересекающих диалектную территорию в разных направлениях, без какой-либо закономерности, а организованная определенным образом совокупность, обнаруживающая четкие тенденции к группировке в более или менее компактные пучки изоглосс.

Поэтому информация, содержащаяся на картах Атласа, явится, бесспорно, прочным фундаментом для новых сравнительно-исторических штудий, которые в будущем будут иметь своим итогом полноценную реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков.

ЛИТЕРАТУРА

Бородина 1966 – *Бородина М. А.* Проблемы лингвистической географии. М., 1966.

Десницкая 1977 – *Десницкая А. В.* К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.

Журавлев 1994 – *Журавлев А. Ф.* Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.

Куркина 1992 – *Куркина Л. В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.

Куркина 2012 – *Куркина Л. В.* К проблеме интерпретации лексических изоглосс // *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav.* Ljubljana, 2012.

Маковский 1968 – *Маковский М. М.* «География слов» и лексические связи германских языков и диалектов // *Вопросы языкознания.* 1968. № 3.

Теньер 1966 – *Теньер Л.* О диалектологическом атласе русского языка // *Вопросы языкознания.* 1966. № 5.

Толстой 1977 – *Толстой Н. И.* О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии.* Л., 1977.

Толстой 1983 – *Толстой Н. И.* О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии.* Л., 1983.

Толстой 1997 – *Толстой Н. И.* О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов // *Толстой Н. И.* Избранные труды. М., 1997. Т. I.

Трубачев 2003 – *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003.

Трубецкой 1987 – *Трубецкой Н. С.* Фонология и лингвистическая география // *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.

Цыхун 2013 – *Цыхун Г. А.* Аспекты славянской ареальной лингвистики // *XV Міжнародны з'езд славістаў. Мовазнаўства.* Мінск, 2013. Т. 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ср. в связи с этим следующие рассуждения А. Ф. Журавлева: «Лексический состав языка, в силу кумулятивного принципа его формирования и меньшей значимости системных факторов в его организации, не подвержен таким большим потрясениям в своей эволюции, как грамматика и особенно фонетика. Изменения в фонетической системе языка часто носят характер цепной реакции, которая охватывает всю систему и изменяет принципы, обеспечивающие ее статическое равновесие, весьма радикальным образом. Лавинные фонетические процессы в славянских языках являют собой классический пример: действие закона открытого слога или падение редуцированных приводили к переменам в фонетической организации языка, которые нельзя оценить иначе как катастрофические» (Журавлев 1994: 26).

2 Ср. в связи с этим высказывание О. Н. Трубачева: «Методика, преимущественно опирающаяся на фонетические критерии, может оказаться не-

достаточно тонкой в вопросах лингво- и этногенеза, для которых требуются более широкие и гибкие категории и допущения» (Трубачев 2003: 62).

3 Подробнее о типологии ареалов, представленных в «Общеславянском лингвистическом атласе», см. в монографии: *Вендина Т. И.* Типология лексических ареалов Славии (в печати).

4 Ср. в связи с этим еще более категоричное утверждение А. В. Десницкой, которая на ином материале пришла к сходным выводам: «Совершенно не оправдало себя использование понятия центрального и маргинального ареалов, в оперировании которым проявляется максимальный субъективизм в отборе дифференциальных явлений» (Десницкая 1977: 27). Из последних работ сошлюсь на статью Л. В. Куркиной «К проблеме интерпретации лексических изоглосс», в которой она пишет: «Вообще наблюдаемое в языке противопоставление по линии центр – периферия не имеет абсолютной силы, оно скорее отражает некоторые тенденции в развитии языковых процессов. Центр может сохранять архаизмы, а на периферии нередки инновации» (Куркина 2012: 139). К этому же выводу приходит и Г. А. Цыхун, который в своем докладе «Аспекты славянской ареальной лингвистики» на XV Международном съезде славистов говорил о том, что «праславянская языковая территория не была полностью аналогичной романскому миру, а представляла более или менее гомогенную общность без сложившихся метрополий и провинций. Основные инновации в этом континууме зарождались в зоне контактов с соседними языками. Ареальная структура *центр – периферия* представляла собой динамическую модель, так как на периферии могли зарождаться периферийные инновации. В результате наложения ареалов разнонаправленных инноваций образовывалась “сверхинновационная зона”, представлявшая собой “центр”, противопоставленный менее инновационной / более архаической периферии. Этот центр был по преимуществу результатом взаимодействия инноваций, а не их “производителем”» (Цыхун 2013: 40).

Vendina T. I.

“The Slavic Linguistic Atlas” and some myths of the linguistic geography

The article deals with some problems of the linguistic geography in the light of new data coming from The Slavic Linguistic Atlas. Evaluating its preliminary results the author analyses the corrections it brings into our concepts of linguistic geography.

Keywords: *Slavic dialectology, linguistic geography, Johannes Schmidt's wave theory.*

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 10. Карта №

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 6. Карта-схема №65

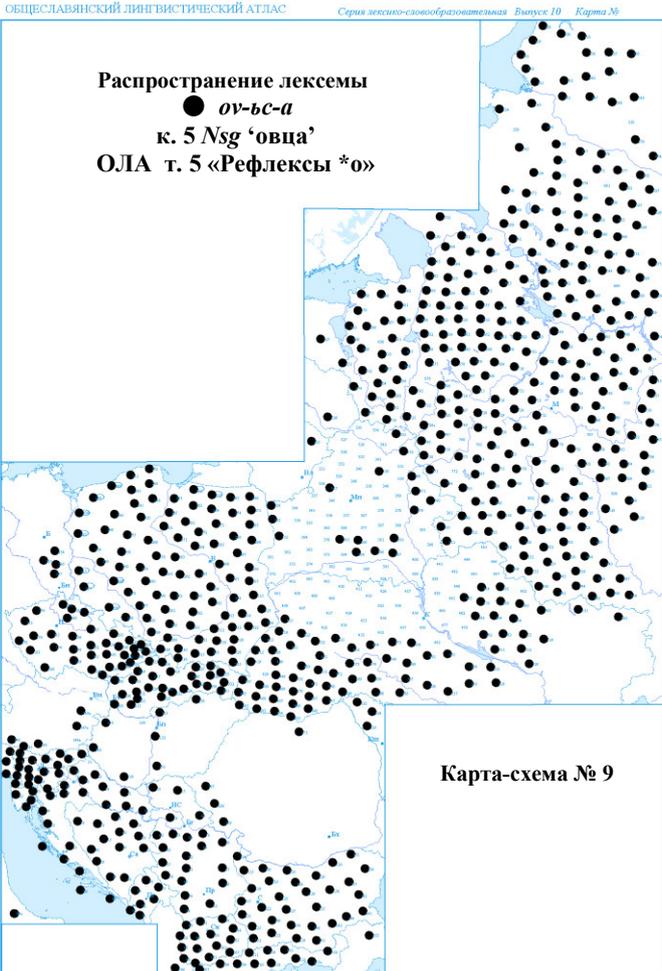
ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

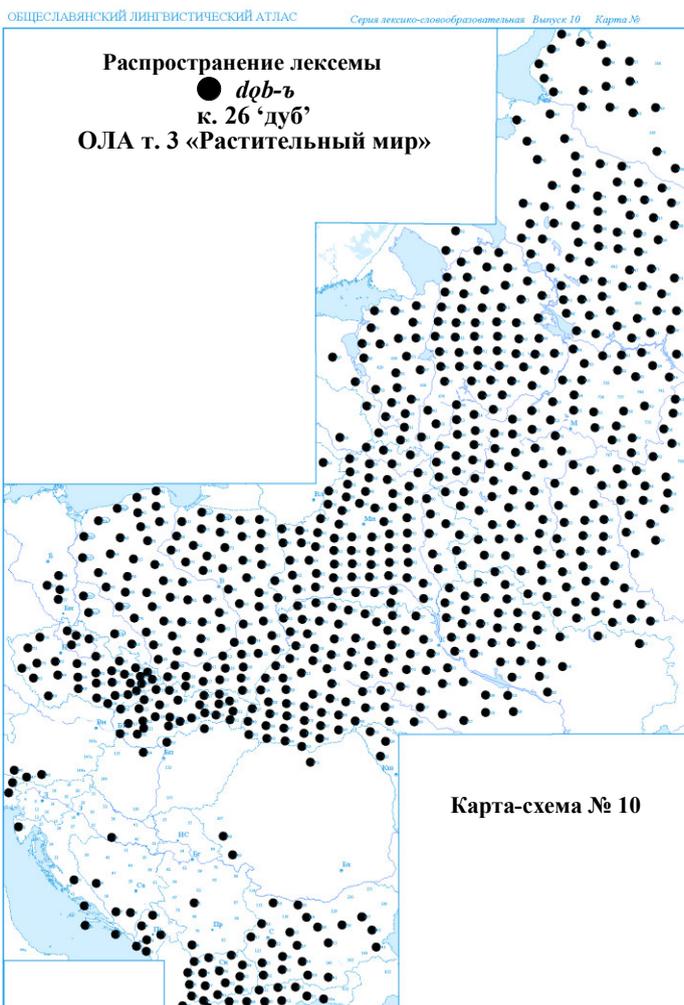
Серия лексико-словообразовательная Выпуск 6 Карта-схема №51

Распространение лексем
● *mold-iv-o*, *mold-iv-a*
к. 32 'молоко коровы сразу
после отела, молозиво'
ОЛА т. 6 «Домашнее хозяйство
приготовление пищи»

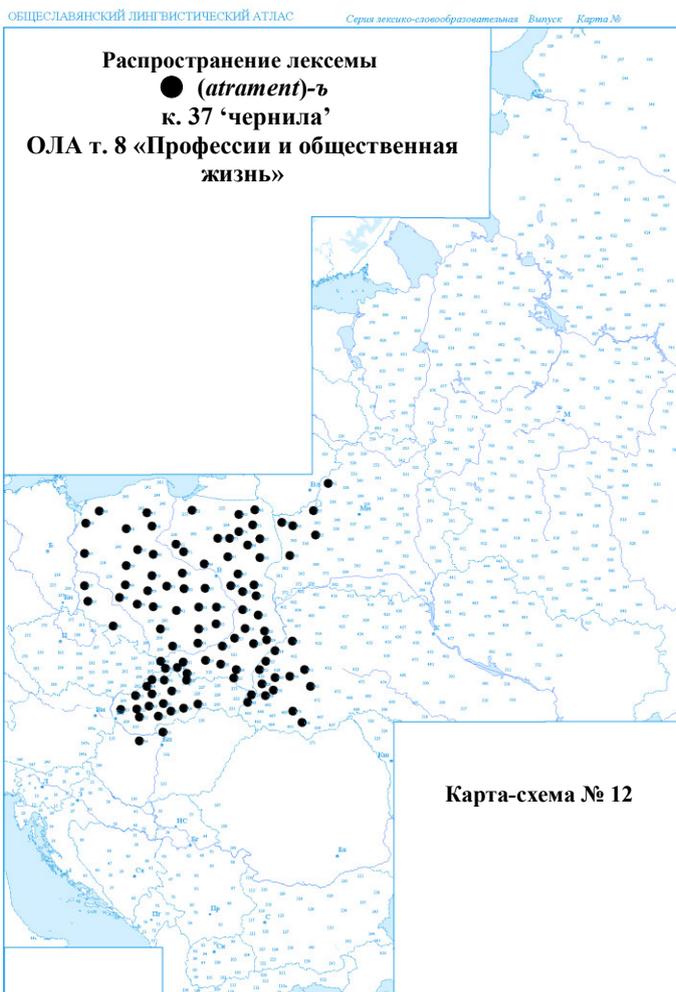

Карта-схема № 8

М. Л. Кулешова
(Москва)

**Пейоративные названия лиц со значением
внешних/физических признаков
в словенском и сербском языках**

В статье сопоставляются пейоративные названия лиц со значением внешних/физических признаков в словенском и сербском языках на синхронном уровне. Анализируются сходства и различия пейоративов двух языков в словообразовательном, метафорическом и иных аспектах, а также отдельные тенденции употребления и степень негативной экспрессивности лексем. Ключевые слова: *лексическая семантика, пейоратив, языковая картина мира.*

Единицы, характеризующиеся наличием негативной эмоциональной коннотации (**пейоративы**), представляют собой один из наиболее ярких и культурно маркированных фрагментов лексической системы языка. Коннотацию мы понимаем как «эмоциональную окраску логико-предметного ядра»¹ и, вслед за Н. П. Шибаевой² и А. В. Ковалевской³, считаем ее наличие важнейшим показателем пейоративности лексемы. Отрицательный оценочный компонент в семантике слова должен быть дополнен специальным(и) средством (-ами) выражения эмоций: формантом уничижительного характера, негативно окрашенным образом, стилистически сниженным лексическим элементом и т. д.

Пейоративы до сих пор подробно не анализировались ни в словенском, ни в сербском языках. В настоящей работе мы предприняли попытку не только описания и сопоставления единиц в рамках определенной лексико-семантической группы (ЛСГ «Пейоративные названия лиц со значением внешних/физических признаков»), но и выявления частотных лексем, являющихся актуальными для современных литературных языков и сленга. С этой целью были привлечены данные корпусов словенского (*Gigafida*⁴) и сербского языков (*Корпус савременог српског језика на Математичком факултету Универзитета у Београду*⁵), а также сети Интернет. Помимо лексикографических источников, перечисленных в конце статьи, использовались также отдельные сетевые ресурсы: razvezanijezik.org, vukajlija.com, ndragan.com/langsr/pogrde.html.

Таблица пейоративов в словенском и сербском языках, обозначающих носителей тех или иных физических черт и прочих внешних

признаков, выглядит следующим образом (характеристики приводятся в алфавитном порядке)*:

		Словенский	Сербский
1	Большая грудь	–	<i>сисара</i> (ж) ¹
2	Большая голова	<i>debeloglavec, glavač, glaván</i> (0)	<i>главоња</i> ¹
3	Большой живот	<i>vampež, trebušnik</i>	<i>куљеша, мешина</i> (0)
4	Большой нос, ключообразный нос	<i>nosán</i>	<i>носоња, кљунаш</i> (0)
5	Большие ягодицы	<i>debeloritnica</i> (ж), <i>širokoritnež</i> (0)	<i>дебелогуза/дебелгуза</i> (ж)
6	Выделяющиеся зубы (форма, размер)	<i>škrba</i> (0), <i>škrbec</i> (0), <i>zobač</i> (0)	<i>зубан</i> (0)
7	Высокий рост и крупное телосложение	<i>kobila</i> ¹ (ж), <i>robustnež</i> ^{1?} , <i>robavš</i> ^{2?} , <i>donda</i> (ж), <i>rogovila</i>	<i>грмаљ</i> ^{1?} , <i>кобила</i> ¹ (ж), <i>бедевија</i> (ж), <i>дунда</i> (ж, 0), <i>дундача</i> (ж, 0)
8	Высокий рост и худоба	<i>dolgin</i> ?, <i>prekla</i> (ж), <i>dolgan</i> ? (0)	<i>пракљача</i> (ж), <i>мотка</i> (ж)
9	Глухота	–	<i>глувак</i>

* Жирным шрифтом маркированы рассматриваемые ЛСВ словенских и сербских единиц, контексты употребления которых встречаются в соответствующем корпусе и сегменте сети Интернет более 50 раз (количество упоминаний для каждого языка суммировалось). Данная цифра была выбрана нами достаточно условно с целью выявления широко распространенных в современных языках лексем. Ноль в скобках (0) служит для обозначения единиц, являющихся редкими, архаичными или нераспространенными по какой-либо иной причине в современном словенском или сербском языках. Для такого рода лексем не было обнаружено ни одного контекста использования в корпусе и сети Интернет. Цифра (1, 2...) обозначает номер одного из пейоративных ЛСВ слова. Вопросительным знаком отмечены единицы, пейоративность которых спорна или зависит от контекста. Буква (ж) в скобках при существительных на -а обозначает пейоративы, используемые для номинации лиц исключительно женского пола. Сокращение (соб.) маркирует собирательные *nomina personalia*, сокращение (сл.) — единицы, относящиеся к сленгу. Мы стремились перечислять лексем, руководствуясь критерием их употребительности: от наиболее частотных к наименее частотным.

10	Излишнее уделение внимания своей внешности (о мужчине)	<i>izlizanec</i> (0), <i>načičkanec</i> (0)	–
11	Импотенция	<i>impotentnež</i>	–
12	Лысина	–	<i>ћелоња, ћелупача</i> (0)
13	Недоразвитость	–	<i>жгеба</i> (0)
14	Неприятный голос	<i>meketač, sraka</i> (0)	–
15	Неприятный запах	<i>smrduh</i> ¹ , <i>smrdljivec</i> ¹ , <i>smrduha</i> (ж), <i>smrdulja</i> (ж), <i>smrdljivka</i> (ж), <i>smraduh</i> , <i>smradljivec</i> (0)	<i>смрдљивац</i> ¹ , <i>смрдель</i> ¹ (0)
16	Неуклюжесть, неповоротливость	<i>nerodnež</i> ¹ ?, <i>neroda</i> ¹ , <i>nespretnež</i> ¹ ?, <i>štor</i> , <i>butara</i> ¹ (ж), <i>slon</i> , <i>konj</i> ¹ , <i>medved</i> , <i>klada</i> , <i>hlod</i> ¹ , <i>okornež</i> , <i>štorkljež</i> , <i>drvar</i> , <i>rogovilo</i> , <i>kramp</i> , <i>brus</i> (0), <i>burkla</i> (ж, 0), <i>burklež</i> (0), <i>drenovec</i> (0), <i>štorkljač</i> (0) <i>čok</i> (0), <i>hacalo</i> (0), <i>motovilo</i> (0), <i>teslo</i> ¹ (0), <i>trde</i> (0), <i>trdež</i> (0), <i>motovilež</i> (0), <i>teleban</i> ² (0)	<i>неспретњаковић</i> ¹ ?, <i>трапавко</i> ¹ ?, <i>гегавец</i> , <i>слон</i> , <i>клада</i> , <i>трапађоца</i> (ж), <i>медвед</i> (0), <i>волоња</i> (0), <i>здепало</i> (0) <i>здепњаковић</i> (0), <i>трапавцац</i> ¹ (0), <i>трапавуша</i> (ж, 0), <i>тромања</i> ¹ (0)
17	Осанка	<i>grbež</i> (0)	<i>грбоња, грбонца</i> (0)
18	Особенности глаз (косоглазие, отсутствие глаза)	–	<i>ћорча, шкиљавац, ћореша</i> (0)
19	Отсутствие «форм»	–	<i>даскара</i> (ж)
20	Полнота	<i>debeluh</i> , <i>svinja</i> ¹ , <i>bajs</i> (сл.), <i>bajsi</i> (сл.), <i>bajsa</i> (сл., ж), <i>prastica</i> ¹ (ж), <i>kraval</i> (ж), <i>bunka</i> (ж), <i>debeluha</i> (ж), <i>prasec</i> ² , <i>debelušnež</i> , <i>debeluhica</i> (ж), <i>debeluša</i> (ж), <i>debelin</i> , <i>brenta</i> (ж), <i>zavaljuh</i> (0), <i>debelušnik</i> (0)	<i>дебелько</i> ?, <i>свиња</i> ² , <i>крава</i> ¹ (ж), <i>працац</i> ¹ , <i>прасица</i> ¹ (ж), <i>товљеник</i> , <i>дебельаковић</i> (0), <i>дебельковић</i> (0), <i>торпедњача</i> (ж, 0), <i>трто</i> ² (0), <i>тускоња</i> ¹ (0)

21	Уродство, непривлекательный внешний вид	<i>grdoba¹, nakaza, grdavša</i> (ж), <i>grdobec, pokveka¹, kljuka</i> (ж), <i>grdavš¹, grdavs, grdavž¹, grduh¹</i>	<i>наказа¹, ругоба, калаштура</i> (ж), <i>акреп, крампача</i> (сл., ж), <i>караконцула</i> (ж), <i>грдоба</i> (ж), <i>габор, грдоња, грдов</i> (0), <i>чункара</i> (ж, 0)
22	Храп	<i>smrčuh</i>	—
23	Хромота	<i>švedra, šantač, šantavec, krevlja</i>	—
24	Худоба, физическая слабость	<i>glista, suha južina, suhota, kilavec¹, grinta, piškavec¹, koščenjak, sirotka, crka</i> (0), <i>drobne</i> (0), <i>jetika</i> (0), <i>kostišče</i> (0), <i>suhač</i> (0), <i>strigalica</i> (0)	<i>липсотина, скелет, стрвина¹</i> (0), <i>ушкопљеник</i> (0), <i>цвиллдрета</i> (0)

В словенском языке из 24 перечисленных признаков пейоративами представлено 17, в сербском – 19. Большинство пейоративов, входящих в данную ЛСГ, представляют собой суффиксальные дериваты. В словенском языке из 106 рассматриваемых единиц 61 образована именно суффиксальным способом: 13 с помощью форманта **-ež**, 6 – **-ač** и **-uh**, остальные 36 – путем присоединения иных формантов (**-uha**, **-ulja**, **-avs**, нулевой суффикс и др.). В сербском языке из 67 пейоративов суффиксальными дериватами являются 36 единиц: используются форманты **-оња** (7 лексем), **-ац**, **-овић**, **-ача** (по 4 лексемы) и прочие суффиксы (**-ара**, **-ко**, нулевой формант, **-ан** и др.). Лишь один сербский пейоратив образован путем сложения основ и присоединения суффикса (с соединительным гласным и без него): *дебелгуза/дебелогоуза* ← *дебео* ‘толстый’ + *гуз* ‘зад’ + Ø.

В обоих языках с помощью метафорических номинаций кодируются такие физические признаки, как высокий и низкий рост, уродство (физическая непривлекательность), худоба, полнота и неуклюжесть. Различие наблюдается лишь в наличии единичного пейоратива *sraka* букв. ‘сорока’ в словенском языке, обозначающего обладателя неприятного голоса, примеры употребления которого, однако, не были зафиксированы нами в корпусе.

В словенском и сербском языках можно констатировать применение аналогичных моделей переноса по сходству: слов. *prekla* ‘жердь’ и серб. *мотка* ‘жердь, шест’ используются для обозначения долговязого человека (в сербском в данном значении употребляется

также *пракляча* ‘валец для стирки белья’). И в том, и в другом языке для номинации лиц, отличающихся признаком «неуклюжесть, неповоротливость», используются названия кусков дерева (словен. *klada* и серб. *клада* ‘колода’), но в словенском языке список такого рода предметов оказывается шире, чем в сербском: *štor* и *čok* ‘пень’, *hlod* ‘бревно’, *rogovila* ‘разветвленный ствол’.

Медведь и слон, согласно словенским и сербским лексикографическим источникам, также функционируют как эталоны неуклюжести и нерасторопности, однако пейоративные метафоры *medved/медвед* и *slon/слон* в современных языках практически не употребляются. Этот факт, впрочем, не может служить подтверждением утраты актуальности самих стереотипных образов: в частности, *slon/слон* и в словенском, и в сербском фигурирует в составе фразеологизмов, таких как *као слон у порцеланској радњи / kot slon v trgovini s porcelanom* ‘как слон в фарфоровой (посудной) лавке’. Что касается медведя, то примеры уподобления данному животному неуклюжего человека в обоих языках встречаются крайне редко.

В отличие от вышеприведенных существительных, пейоративы, обозначающие свинью (словен. *svinja, prasica* ‘свинья’, *prasec* ‘поросенок’ и серб. *свиња, прасица* ‘свинья’, *прасе* ‘поросенок’, *товљеник* ‘откормленная на убой свинья’), в обоих языках являются достаточно частотными и отличаются многообразием ЛСВ с негативной эмоциональной окраской, среди которых, безусловно, присутствует ‘толстяк, толстобрюх’. Как для словенских, так и для сербских лексем в данном значении характерно смысловое дублирование (сочетание с прилагательным *debel/дебео* ‘толстый’), причем такого рода контексты нередко довольно близки к общеоценочным, например: «Мене чуди да она дебела *свиња* која је на власти [...] није ништа научила док се школовала у Швицарској» («Меня удивляет, что та толстая свинья у власти [...] ничему не выучилась в Швейцарии» *Интернет*, 2013).

И в сербском, и в словенском присутствуют номинации с использованием названия насекомого, обозначающие худого человека с длинными ногами: в словенском *suha južina* ‘сенокосец, косиножка’*, в сербском *цвилидрета* – ‘жук-усач’. В словенском языке *suha južina* по-прежнему употребляется в указанном значении: «Ne moreš delati

* *Suha južina* в исходном значении ‘сенокосец, косиножка’ представляет собой идентифицирующий фразеологизм: *suha južina* букв. ‘скудный ужин’.

hkrati vojske za natovske in lastne potrebe. To bi bilo kot ena obleka za debeluha in *suho južino*» («Невозможно создавать армию одновременно для собственных нужд и для нужд НАТО. Это все равно что один и тот же наряд для толстяка и тощего человека» *Delo*, 2011). В сербском же слово *цилиндрета* приобрело совершенно иной окказиональный ЛСВ, вероятно, базирующийся на так называемой народной этимологии (серб. *цивети* ‘хныкать, скулить’): «Дижете ми је постало права правцата *цилиндрета*» («Мой ребенок стал настоящей капризулей» *Интернет*, 2009) – и, следовательно, должно быть рассмотрено в рамках иной ЛСГ.

Обратимся к различиям в метафорике словенских и сербских пейоративов, входящих в данную ЛСГ. Для словенского языка, в отличие от сербского, характерно наличие ряда эталонов неуклюжести, неповоротливости, отсутствующих в сербском или реализующих иные, не связанные с внешними признаками значения. Речь идет, в частности, о лексеме *konj* ‘лошадь, конь’, обозначающей неуклюжего, неповоротливого, а также несообразительного человека; в словенском языке также встречается ряд метафор, связанных не только с кусками дерева, но и с различными инструментами, строительным процессом: *brus* ‘брусок, камень для шлифовки’, *drvar* ‘дровосек’, *motovilo* ‘катушка’, *teslo* ‘тесло’. Пейоратив *butara* (букв. ‘связка, охапка’, также ‘неуклюжая, нерасторопная женщина’), согласно SSKJ, также является вторичной номинацией, однако обнаруживает очевидное семантическое и фонетическое сходство с лексемами *butast* ‘тупой, придурковатый’, *butec*, *butelj* ‘придурок’, *butica* ‘башка’ и иными дериватами от того же корня.

Среди наименований лиц по признаку «полнота» в словенском языке присутствует частотный метафорический дериват *bunka* (букв. ‘шишка; набалдашник’ → ‘толстуха’), аналоги которому не были обнаружены в сербском: «...sem šele v tisti kabini pogruntala kako ogromen trebuh imam in kakšna *bunka* sem!» («...только в той примерочной до меня дошло, какой у меня огромный живот и что я толстая бочка!» *Интернет*, 2007). Любопытным является также стереотипное представление об аисте, выявляемое благодаря внутренней форме словенских дериватов *štorkljež*, *štorkljač* ‘неуклюжий человек, увалень’, образованных от глагола *štorkljati* ‘тяжело шагать’, а тот, в свою очередь, – от *štorklja* ‘аист’.

В свою очередь, в сербском языке обращает на себя внимание пейоратив турецкого происхождения *акрен* букв. ‘скорпион’, определяемый РМС как ‘худощавый, некрасивый человек’. Контексты упо-

требления лексемы в Интернете демонстрируют, что оценка внешней непривлекательности в данном случае выходит на первый план: «Девојка има лепе црте лица тако да никако не може да буде *акрен*» («У девушки красивые черты лица, так что она никак не может быть уродиной» *Интернет, 2014*). К той же признаковой подгруппе относится еще один турцизм: *каракоңула* букв. ‘караконджул – гоблин, персонаж балканского фольклора’ → ‘страхолюдина’.

Номинации лиц, отличающихся излишней худобой и слабостью, в словенском и сербском также актуализируют различные образы: в частности, среди словенских пейоративов встречается название вещества (*sirotka* ‘сыворотка’), а также номинации болезней: *grinta* ‘парша’, *jetika* ‘туберкулез’ — и паразитов (*glista* ‘глиста’); среди сербских — метафоры, несущие еще большую негативную нагрузку: *скелет* ‘скелет’, *ушкопљеник* ‘кастрат’. Наряду с этим, в обоих языках худощавый человек сопоставляется с мертвым существом: слов. *crka* и серб. *lipсотина, стрвина* ‘дохлятина’.

Что касается метонимии, то в рамках рассматриваемой ЛСГ мы обнаружили следующие примеры переноса по смежности: слов. *grdoba, nakaza, pokveka* и серб. *грдоба, наказа* ‘уродство’ → ‘урод, уродина’, аналогично серб. *ругоба* ‘мерзость, гадость’ → ‘урод, уродина’; слов. *suhota* ‘сушь, худоба’ → ‘худощавый человек, задохлик’ и серб. *мешина* ‘пузо’ → ‘толстопуз’. Тем не менее принцип метонимии, безусловно, лежит в основе образования номинаций лиц по выдающейся части тела или иным выделяющимся внешним деталям: *glava* ‘голова’ → *glavač, грб* ‘горб’ → *грбоња, vamp* ‘пузо’ → *vamprež, куља* ‘пузо’ → *куљеша* и т. п.

Степень негативной экспрессивности представляет собой сложный объект для лингвистического анализа; тем не менее можно отметить, что данная ЛСГ в обоих языках представлена значительным количеством единиц высокой степени негативной экспрессивности. Это связано в первую очередь с апелляцией к различным физическим признакам, в частности, частям тела, упоминание которых в социуме носит табуированный характер. К тому же сами номинации данных частей тела являются стилистически сниженными (словен. *rit* ‘зад’, серб. *сисе* ‘грудь’ и т. п.). Лексемы, служащие для обозначения обладателя неприятного запаха, имеют ярко выраженный оскорбительный характер, и многие из них переходят в разряд общеоценочных.

С другой стороны, ряд единиц не может быть однозначно включен в число пейоративов: в частности, к ним относятся серб. *неспретњаковић*, способное употребляться, например, вместе с при-

лагательным *шармантан* ('обаятельный'), и его словенский аналог *nerodnež*, встречающийся в сочетании с прилагательным *prisrčen* ('приятный, милый'). Суффикс **-ко** в сербском языке не имеет яркой негативной окраски, поэтому пейоративность таких лексем, как *дебелько* 'толстяк', *трапавко* 'неуклюжий человек, медведь', остается под знаком вопроса.

Все единицы, служащие для номинации лиц по признаку «высокий рост, крупное телосложение», отличаются низкой степенью негативной экспрессивности. В частности, для лексем *robustnež*¹ и *грмаль*¹ мы не обнаружили контексты, позволяющие однозначно диагностировать их пейоративность. Любопытно, что вышеупомянутые единицы проявляют тенденцию к выходу за пределы сферы персональности, несмотря на отсутствие данных ЛСВ в словарях и наличие у *robustnež*¹ форманта **-ež** со значением лица: имеется в виду использование *грмаль* по отношению к танку или *robustnež* для характеристики компьютера как «гиганта».

Отдельные более абстрактные физические признаки и их носители в языковом плане соотносятся с определенными чертами характера: так, худоба и телесная слабость используются в качестве вторичной номинации для обозначения слабости духа, трусости (слов. *kilavec*, *piškavec*), редкие сербские лексемы *трто* и *тускоња* сочетают в себе признак полноты с глупостью и ленью соответственно, а физическое уродство и неприятный запах переносятся на недостатки личности и, как уже было отмечено выше, служат в качестве общей отрицательной оценки (слов. *pokveka*, *grdoba*, *grdavs*, *grduh*, серб. *грдоба*, *грдоња*; слов. *smrduh*, *smrdljivec*, серб. *смрдуивац*). Наиболее тесная взаимосвязь и в сербском, и в словенском языках обнаруживается у признаков неклюжесть/неповоротливость и несообразительность (слов. *nerodnež*, *neroda*, *konj* и др., серб. *неспретњаковић*, *трапавко* и др.). Сравним два примера из словенского языка с использованием слова *neroda*: 1) «Vodnik je šel še po eno plesalko, ta je skušala dokazati, da zna plesati tango in da torej ni *neroda*» («Экскурсовод пошел еще за одной танцовщицей, та же пыталась доказать, что она не бревно и умеет танцевать танго» *Jana*, 2007); 2) «Prava *neroda* boste, če ne boste znali izrabiti vsega naštetega» («Только полный идиот не сможет использовать все перечисленные возможности» *Delo*, 2003). Полисемичность почти всех лексем, сочетающих в себе вышеприведенные значения, отражена в словарях; тем не менее разграничение данных ЛСВ во многих контекстах словоупотребления представляет большую сложность, и далеко не всегда можно констатировать, ка-

кое из значений превалирует (в первую очередь в количественном смысле). Однако, например, в случае со словенской метафорой *konj* анализ материала корпуса показал, что значение физического признака неуклюжести уходит на второй план в сопоставлении с признаком «глупость» или даже общей оценкой: «A sem res tak *konj*, da rubrike «Prirogočamo» ne najdem?» («Я и вправду такой идиот, что не могу найти рубрику “Рекомендовано”?») *Интернет*, 2004). Контексты, позволяющие однозначно выявить ЛСВ «неуклюжесть», имеют окказиональный характер. Лексемы *kobila/кобила*, и в том, и в другом языке имеющие первичное значение ‘высокая, крупная женщина’, проявляют аналогичную тенденцию употребления, см. пример из сербского: «Јадни Украјинци кад их води ова *кобила*» («Бедные украинцы, если ими руководит эта дура» *Интернет*, 2014).

Совмещение физической черты с признаком иного типа в рамках одного слова контрастирует с подобной корреляцией двух внешних признаков, в частности, высокого роста и худобы (словен. *prekla*, серб. *мотка*), высокого роста и плотного телосложения (серб. *грмаль*¹, словен. *robustnež*¹ ‘верзила, громила; высокий человек плотного телосложения’). Внутри- и межъязыковые семантические различия лексем в рамках одной признаковой группы проявляются и в рамках иных, дополнительных параметров: так, например, словен. *donda* и серб. *дунда* (не зафиксировано в Интернете) обозначают именно лицо женского пола (как правило, молодую девушку), отличающееся высоким ростом и крупным, нескладным телосложением: «Nobena velika *donda* ne more biti privlačna» («Ни одна большая дылда не может быть привлекательной» *Интернет*, 2013). Совмещение семантики двух и более физических признаков обычно проявляется в рамках одного и того же ЛСВ, что отличает их от большинства свойств, имеющих различную природу. Однако особо следует выделить сербскую лексему *калаштура*, денотатом которой является некрасивая женщина (ядерная сема), при этом, как правило, отличающаяся недостатком ума (периферийная сема) и, возможно, вкуса: «Никада нећу да процењујем и делим људе на основу верске припадности, боје коже или на основу година, али ћу вербално искасапити *калаштуру* која носи ружне ципеле» («Я никогда не буду оценивать и подразделять людей на основе их вероисповедания, цвета кожи или возраста, но перемою все косточки глупой страхолюдине в некрасивых туфлях» *Интернет*, 2012).

Особое место в анализируемой ЛСГ занимают уничижительные номинации лиц по наличию физического дефекта (болезни). Пейора-

тивы со значением признаков подобного рода не являются общеупотребительными и в различной степени представлены в словенском и сербском языках. В обоих языках лексически наполненной является только подгруппа «выделяющиеся зубы (форма, размер)», материал сербского языка включает в себя единицы со значением признаков «глухота», «грыжа», «недоразвитость», «особенности глаз» («отсутствие глаза» – *ћорча*, *ћореша*, «косоглазие» – *шкиљавац*), материал словенского – лексемы со значением признака «хромота».

Данная ЛСГ требует рассмотрения также с точки зрения гендерного критерия: обращает на себя внимание значительное число пейоративов, обозначающих лиц женского пола (19 в словенском и 20 в сербском), и наличие отдельных подгрупп, содержащих исключительно такого рода маркированные номинации («большая грудь», «высокий рост и худоба», «отсутствие “форм”») – последняя представлена только в сербском языке пейоративом *даскара* ← *даска* ‘доска’. В рамках подгруппы «Уродство, непривлекательный внешний вид» как в том, так и в другом языке доминируют лексемы женского рода, некоторые из которых употребляются для номинации представительниц обоих полов (*nakaza*, *pokveka*¹/*наказа*¹, *ругоба*).

Таким образом, сводная таблица словенских и сербских пейоративов, используемых для номинации лиц по внешним/физическим признакам, включает в себя 24 подгруппы. Однако в значительной степени лексически нагруженными являются лишь отдельные из них: «неуклюжесть», «полнота», «уродство, непривлекательный внешний вид», «худоба/физическая слабость», а также «неприятный запах» в словенском. Основную же часть анализируемой ЛСГ составляют редкие, малоупотребительные пейоративы. В семантике отдельных вышеупомянутых единиц ЛСВ со значением внешнего признака уступают место качествам иного характера (например, «неуклюжесть» → «несообразительность») и общей оценке. Различия метафорики словенских и сербских лексем в рамках данной ЛСГ главным образом проявляются в наличии так называемых «лакун» – реализации переноса по сходству в одном из языков и его отсутствии или нераспространенности в другом (см. выше *bunka*, *štor*, *акрен* и др.).

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2009. С. 82.

2 Шибаева Н. П. К вопросу о функционально-семантическом поле пейоративности // Лингвистические структуры текста: Сборник научных трудов. М., 1988. С. 151.

3 Ковалевская А. В. Пейоративные наименования лица в немецкой фразеологии: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 10.

4 Gigafida. Korpus slovenskega jezika (Projekt *Sporazumevanje v slovenskem jeziku*) [Электронный ресурс] (режим доступа: <http://www.gigafida.net>).

5 Корпус савременог српског језика на Математичком факултету Универзитета у Београду [Электронный ресурс] (режим доступа: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs>).

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

РМС – Речник српскохрватскога књижевног језика. Друго фототипско издање. Нови Сад; Загреб, 1967–1976. (1990).

РСАНУ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–2014.

SNB – Slovar novejšega besedja slovenskega jezika. Ljubljana, 2012.

SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika [Электронный ресурс] (режим доступа: <http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>).

Kulešova M. L.

Pejorative naming of persons with the meaning of an outlook
or physical traits in Slovene and Serbian

The article compares pejorative nominations of people which designate physical features in Slovene and Serbian on the synchronic level. It considers the similarities and the differences between the pejoratives in these languages from the word-formation, metaphorical and other points of view, as well as some tendencies in use and the degree of negative expressiveness of the words.

Keywords: *lexical semantics, pejorative, language worldview.*

К. В. Никифоров
(Москва)

Институт славяноведения РАН между двумя Всероссийскими совещаниями славистов (2003–2013 гг.)

В статье рассматривается история отечественной академической славистики и прежде всего ее признанного центра – Института славяноведения. Дается краткая характеристика разных этапов его развития, в том числе и последнего, почти совпадающего с периодом, пролегающим между двумя Всероссийскими совещаниями славистов и отмеченным увеличением издательской активности.

Ключевые слова: *славистика, Институт славяноведения, историография.*

2013 год для всех славистов был особенным. Во-первых, исполнилось 1150 лет славянской письменности. Во-вторых, минуло 110 лет со дня первого съезда российских славистов в Санкт-Петербурге. В-третьих, в Минске состоялся XV Международный съезд славистов. Наконец, прошло 10 лет со времени проведения в Москве первого Всероссийского совещания славистов¹. Тогда закончились 1990-е гг., надо было осмотреться и наметить пути дальнейшего развития. Теперь идут десятые годы XXI в., снова нужно оглядеться, определить место славистики среди других гуманитарных дисциплин, задуматься о перспективах.

Инициатором и организатором обоих Всероссийских совещаний славистов явился Институт славяноведения РАН, который был и остается главным центром отечественной славистики. Его история, разумеется, началась задолго до этих совещаний. Напомним, совсем пунктирно, некоторые вехи на его пути. Не считая трехлетнего периода существования в начале 1930-х гг. ленинградского Института славяноведения², академическая славистика в нашей стране отсутствовала. Более того, тогда отсутствовала и любая другая славистика, которая стала возрождаться только перед войной как университетская дисциплина. А сразу после войны в Москве оформилась и академическая славистика. Приказ о создании в системе Академии наук Института славяноведения был подписан осенью 1946 г., а работать он начал в самом начале 1947 г. Институт в значительной степени создавали вчерашние фронтовики, только что снявшие шинели,

и их младшие товарищи, заставшие войну подростками. Это было особое поколение. И это во многом определило лицо Института.

Институт возглавил академик Б. Д. Греков, являвшийся в те годы академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР и директором Института истории. Заместителем директора и фактическим организатором деятельности Института стал академик В. И. Пичета, который, к сожалению, скоро умер. В становлении Института большое участие приняли заведующие славистическими кафедрами исторического и филологического факультетов Московского государственного университета – С. А. Никитин и С. Б. Бернштейн. Они возглавили по совместительству два существовавших на то время институтских сектора – истории и филологии. (Позже, когда совместительство запретили, оба местом своей единственной работы выбрали Академию наук.)

За прошедшие десятилетия менялась ситуация в стране, менялись условия работы в самом Институте, менялись его руководители. В Институте сменилось шесть директоров: после Грекова директором был член-корреспондент П. Н. Третьяков, после него доктора наук – И. И. Удальцов и И. А. Хренов, затем академик Д. Ф. Марков (1969–1987) и, наконец, до конца 2004 г. – член-корреспондент В. К. Волков. Из всех директоров только Марков был филологом, остальные – историками, что отражало повышенное внимание в то время именно к исторической части славистики.

В первый период существования Института, который длился чуть более 20 лет, сменилось четыре директора Института. Следующие два периода, немногим менее 20 лет каждый, почти полностью совпали со временем пребывания на посту директора Института академика Д. Ф. Маркова и члена-корреспондента В. К. Волкова.

Первый период – это становление Института. Оно пришлось в основном на 1950-е и первую половину 1960-х гг. В общественной жизни страны это время оттепели, известного ослабления административного давления. Работать ученым стало легче. Возникли международные связи с зарубежными коллегами. В частности, сотрудники Института с самого начала активно участвовали в работе Международного комитета славистов, созданного в 1955 г. Усложнялась структура Института, росла его численность. К середине 1960-х гг. в нем насчитывалось уже 147 сотрудников. Забегая вперед, скажем, что это почти столько же, сколько и сейчас.

Следующий большой период в истории Института связан с его переименованием в Институт славяноведения и балканистики в

1968 г. и 18-летним директорством Д. Ф. Маркова. Страна в это время постепенно катилась к застою, но с формально-организационной точки зрения Институт, можно сказать, достиг своего расцвета. Наука по тем временам неплохо финансировалась, а научный труд был престижным. Конечно, советский режим, подавлявший свободу самовыражения, цензурировавший всё и вся, не мог не мешать, особенно тем, кто был занят современной проблематикой. Однако Институт всегда отличала довольно либеральная в условиях того времени атмосфера. В частности, именно в Институте славяноведения получили пристанище некоторые лингвисты, открыто продемонстрировавшие свою оппозиционность и потерявшие в связи с этим работу в других местах. (Позже эти лингвисты превратились в крупнейших ученых и составили славу Института.)

В то время значительное место в исследованиях Института заняли работы обобщающего, комплексного, сравнительно-типологического характера. Институт отпраздновал свои первые юбилеи, которые были отмечены специальными справочно-информационными сборниками. В 1975 г. было создано специальное подразделение, занимавшееся историей славяноведения и в целом вопросами историографии. Все это доказывало, что Институт вступил в зрелую фазу своего развития. В конце 1980-х гг. в Институте работало свыше 220 научных сотрудников – максимальная численность за все время его существования.

Заметно возросло международное сотрудничество. В 1963 г. под эгидой ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация по изучению Юго-Восточной Европы. Сотрудники Института приняли активное участие в ее работе, так же как и в деятельности Международной комиссии по историко-славистическим исследованиям при Международном комитете исторических наук. В 1976 г. также под эгидой ЮНЕСКО была учреждена Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК). Долгие годы Институт издавал специальный «Информационный бюллетень МАИРСК» на русском, английском и французском языках³.

Наконец, еще один период в истории Института связан с 17-летним директорством В. К. Волкова. Это было непростое время конца 1980-х – начала 2000-х гг., время перестройки, распада Советского Союза и радикальных демократических реформ. Исчезла цензура, но упали до непрожиточного минимума зарплаты. Институт покинули многие исследователи среднего поколения, те, кто сейчас должен был во многом определять его лицо. Сократилась издательская

деятельность, появилась низкокачественная «малая печать». Почти прекратились командировки в изучаемые страны, были приостановлены многие двусторонние и многосторонние проекты. Прекратила работу МАИРСК.

В то же время в те годы Институт славяноведения РАН был одним из инициаторов возобновления ежегодного празднования в разных городах России Дня славянской письменности и культуры. Составной частью праздника стали проводимые учеными Института международные научные конференции «Славянский мир: общность и многообразие». По итогам этих конференций Институт начал издавать ежегодник «Славянский альманах». (Не так давно стал издаваться еще один ежегодник – «Славянский мир в третьем тысячелетии», также отчасти приуроченный ко Дню славянской письменности и культуры.)

Празднование 50-летия Института в 1997 г.⁴ фактически совпало с угрозой его закрытия. К сожалению, уже не в первый раз в его истории⁵. Однако благодаря усилиям В. К. Волкова (его поддержали очень многие, в том числе академики Д. С. Лихачев, Н. И. Толстой и др.) Институт был спасен, но из его названия выпало слово «балканистика», которым пришлось пожертвовать. Этому не было никакого внятного объяснения, и балканистика из исследовательских планов Института никуда не исчезла. Более того, в связи с распадом СССР фронт исследований расширился – добавились украинистика и белорусистика. Таким образом, сегодня интерес ученых Института распространяется на все ветви славянства – на западных, южных и восточных славян. В Институте образовалось то, что В. К. Волков называл «сплошным фронтом славяноведения».

В конце 2004 г., на следующий год после первого Всероссийского совещания славистов, в Институте славяноведения произошла плановая смена руководства, что еще раз подчеркнуло окончание определенного этапа в его развитии. В настоящее время уже десять лет протекает очередной период в истории Института.

Неожиданный перевод научных учреждений из Академии наук в другое ведомство резко прервал ход развития российской академической науки. Совпавшее с началом в России экономического кризиса, это решение способно оказать долгосрочное негативное воздействие на всю российскую науку, в том числе и славистику. Насколько успешно славистика сможет сохраниться в новых условиях, покажет время. Первые итоги, возможно, будут подведены в начале 2017 г., когда будет отмечаться 70-летие Института славяноведения РАН.

Но сегодня есть смысл вновь оглянуться назад, посмотреть, что сделано за прошедшие с первого Всероссийского совещания славистов десять лет и, по возможности, наметить пути дальнейших исследований.

Прежде всего необходимо отметить, что ученых-славистов становится меньше. Это, к сожалению, общемировая тенденция. После окончания «холодной войны» изучение «потенциального противника» заметно сократилось. Вместе с конъюнктурными, политизированными работами сократились и фундаментальные, глубоко научные исследования. По другим причинам, прежде всего экономическим, сокращение исследований происходило и в России. Причем если это было еще объяснимо в 1990-е гг., то в «тучные» нулевые – воспринималось с трудом. В 2006–2008 гг. в Российской академии наук реализовывался так называемый «пилотный проект», сокративший все российские академические институты на 20%. Сейчас Институт славяноведения располагает всего 155 штатными единицами. Вполне возможно новое сокращение. Вместе с тем периодические сокращения, помимо низкого финансирования, препятствуют приходу в Институт молодежи.

И все же за период между двумя Всероссийскими совещаниями славистов сделано, на наш взгляд, немало. Несмотря ни на что, вопреки скудному финансированию, Институт славяноведения РАН старался поддерживать свой высокий статус одного из лидеров мировой славистики. Прежде всего это касалось нашей главной продукции – печатных работ. Сейчас мы заметно увеличили усилия на этом направлении и вышли на показатель 70 и более книг в год.

Понятно, что рассказать обо всех книгах, опубликованных за десять лет, даже их просто перечислить, в ограниченных рамках статьи абсолютно невозможно. Поэтому ограничимся в основном лишь названием книг и фамилий их авторов. Тем более что мы уже имели возможность упоминать эти работы⁶.

Начнем с историков. В Институте реализуется большой проект по исследованию общественной мысли славянских народов в средние века. Еще один цикл работ затрагивал тему «Власть и общество» на протяжении длительного исторического периода – от средних веков и до наших дней.

К юбилею славянской письменности увидело свет несколько работ А. А. Турилова, отражающие его многолетние исследования судьбы кирилло-мефодиевского наследия в славянских странах с X по XVI в. Ряд работ последнего времени, в частности, моно-

графии В. Я. Петрухина и С. М. Михеева, относились к ранней истории Руси.

Продолжается плодотворное исследование истории России XVII в. в серии монографий нашего выдающегося историка-медиевиста Б. Н. Флори. Отметим и две монографии К. А. Кочегарова о русско-польских и русско-украинских отношениях в конце XVII в.

В целом можно сказать, что в Институте получили заметное развитие новые для него направления – украинистика и белорусистика. В частности, в одном только 2006 г. появились монографии И. В. Мухотиной, А. И. Пушкаша, Е. Ю. Борисёнок, связанные с историей Украины. Увидели свет сборник «Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы» и его своеобразное продолжение – сборник «Русские об Украине и украинцах». Еще один сборник – «Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.» – посвящен анализу сложных процессов, сопровождавших советизацию в 1939–1941 гг. Западной Украины и Западной Белоруссии. Институт издает также специальное тематическое издание – «Белоруссия и Украина: история и культура».

В прошедшие годы в рамках исследовательского проекта «Человек на Балканах» вышло семь сборников, в которых рассматриваются различные аспекты процесса модернизации в Юго-Восточной Европе в конце XIX – начале XX в. В этом же ряду и два тома исследования под редакцией А. Л. Шемякина «Русские о Сербии и сербах».

Продолжилось традиционное для Института изучение славянских и соседних с ними народов в новое время. Вышли монографии И. И. Лещиловской, И. Ф. Макаровой, П. А. Искендерова, других авторов. Освободительной миссии России в Юго-Восточной Европе посвящен обобщающий труд крупнейшего отечественного балканиста В. Н. Виноградова «Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914 гг.». Под редакцией того же В. Н. Виноградова продолжается работа над «Историей Балкан». Вслед за первой книгой вышли еще две. Повествование доведено до 1878 г. Продолжается работа над четвертой, завершающей книгой серии, охватывающей период до Первой мировой войны.

Большое внимание уделялось в Институте изучению XX века как в страноведческом, так и в региональном аспектах. Упомянем, в частности, монографии Е. П. Серапионовой и В. В. Марьиной, посвященные соответственно двум великим чехам – Карлу Крамаржу и Эдуарду Бенешу. Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко и А. Ф. Носкова в коллективной монографии «Москва и Восточная Европа. Власть и

церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века» на основе новых документов исследовали процесс формирования в странах региона новой системы государственной власти. Также на основе новых документов в монографии А. Б. Едемского рассматривается процесс нормализации отношений между СССР и Югославией в 1953–1956 гг. Следует отметить и два сборника, повествующие о ключевых событиях в социалистическом блоке – «Пражской весне» 1968 г. и «Бархатных революциях» 1989 г.

Особое внимание в исследованиях историков Института уделялось 60-м годам прошлого века, а также проблеме оппозиции в европейских социалистических странах. Обе эти темы задуманы как долгосрочные проекты. Но уже выходят сборники и монографии. Назовем, в частности, монографии Э. Г. Задорожнюк и В. В. Волобуева. Предпринята попытка сформировать документальную базу для комплексного исследования проблемы инакомыслия. Увидела свет 2-томная публикация документов «Анатомия конфликтов: Центральная и Юго-Восточная Европа: Документы и материалы последней трети XX века».

Завершен большой институтский проект – «Славянские страны в XX веке». Опубликованы книги по четырем странам – Болгарии (под ред. Е. Л. Валевои), Чехословакии (под ред. В. В. Марьиной), Югославии (под ред. К. В. Никифорова) и Польше (под ред. А. Ф. Носковой). Реализация такого крупного проекта оказалась возможна только в Институте славяноведения РАН. Инициатор этого проекта В. К. Волков называл его институтской серией «третьего поколения», учитывая созданные в конце 1950-х – начале 1960-х гг. двух-, трехтомные труды по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы и их краткие однотомные истории, выпущенные в конце 1980-х гг. Отдельно отметим и подготовленную И. В. Чуркиной, Л. А. Кирилиной и Н. С. Пилько «Историю Словении» (М., 2011) – первую историю этой страны на русском языке.

Много внимания уделялось в Институте публикации документов. Кроме уже упомянутых, можно отметить труды: «Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в.», «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878 гг.», «Российско-словенские отношения в документах. XII в. – 1914 г.», четырехтомное издание «Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии» под ред. Е. Ю. Гуськовой.

Несколько крупных работ были посвящены истории славистики. Это монографии Е. П. Аксеновой, М. А. Робинсона, А. Н. Горяинова,

М. Ю. Досталь. Материалы обо всех научных сотрудниках Института славяноведения содержатся в книге «Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук: Биобиблиографический словарь» (под ред. М. А. Робинсона и А. Н. Горяинова).

К работам об ученых-славистах прежних лет примыкает монография И. В. Чуркиной «Протоиерей М. Ф. Раевский и югославяне». Этому яркому поборнику возрождения славянства посвящен также сборник «Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М. Ф. Раевского». Отметим и сборник «Славяне и Россия», выпущенный к 110-летию С. А. Никитина.

Столь же плодотворно трудятся и филологи Института славяноведения РАН. Не случайно более двухсот лет назад славистика зародилась прежде всего как филологическая дисциплина, и прежде всего язык объединяет славянские народы. Славянские языки и славянская культура остаются в основе славянской общности и славистики как гуманитарной дисциплины.

В стенах Института славяноведения продолжились имагологические исследования, посвященные представлениям, образам, стереотипам одних народов о других. Мы уже упоминали исторические работы на эту тему. Но основоположником таких работ в Институте был наш выдающийся полонист В. А. Хорев. Упомянем, в частности, его монографию «Польша и поляки глазами русских литераторов».

Ему же принадлежит книга «Польская литература XX века. 1890–1990». История литератур славянских стран – традиционное направление исследований ученых Института. Назовем также посмертное издание книги Ю. В. Богданова «Очерки истории словацкой литературы XX в.» и совместное российско-словенское издание «Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков». Вышел в свет и второй том этого издания, относящийся к словенской литературе XX в.

В настоящее время литературоведы Института исследуют отражение в литературном процессе сложных социокультурных трансформаций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Назовем, к примеру, монографию И. Е. Адельгейм «Поэтика “промежутка”». Молодая польская проза после 1989 года». Кстати, институтские полонисты и их польские коллеги были отмечены в 2008 г. премией Российской и Польской академий наук.

Новым достижением институтских литературоведов стало издание под редакцией Г. Я. Ильиной «Лексикона южнославянских

литератур». Это первое издание, где с учетом современных знаний анализируются семь южнославянских литератур за весь период их существования – от зарождения и до наших дней.

Литературные связи между Болгарией, Русью и Сербией в средневековый период рассматриваются в труде И. И. Калиганова «Веков связующая нить». Литературоведы регулярно откликались на важные события и юбилеи в славянском мире, отражением чего стали конференции и сборники, например, посвященные Н. В. Гоголю, М. Ю. Лермонтову, великому черногорцу, классику сербской поэзии – Петру II Петровичу-Негошу.

Культурологи Института разрабатывали категориальный подход ко всем явлениям культуры. Результаты их работы нашли отражение в книге «Категории и концепты славянской культуры». Многие историко-культурные проблемы рассматривались в монографиях Л. А. Софроновой, И. И. Свириды, Н. В. Злыдневой, О. Ю. Тарасова и других исследователей.

Изучение традиционной духовной культуры славянских народов оставалось в центре внимания этнолингвистов Института. Выходили монографии С. М. Толстой, О. В. Беловой, В. В. Усачевой, Т. А. Агапкиной, Е. С. Узеновой, А. В. Гуры. Ежегодно проводились международные конференции памяти Н. И. Толстого – Толстовские чтения, выходили новые выпуски «Славянского и балканского фольклора», продолжались полевые исследования, велась обработка Полесского архива. Завершена многолетняя работа над уникальным научным проектом – 5-томным энциклопедическим словарем «Славянские древности» под редакцией С. М. Толстой. Эта работа уже стала классикой славяноведения.

Продолжались исследования в области славянского языкознания. Отметим монографии А. Ф. Журавлева, В. С. Ефимовой, двухтомник под редакцией Г. П. Нешименко «Глобализация – этнизация». Выпускались очередные номера серийных изданий, в том числе «Исследований по славянской диалектологии», «Славянского и балканского языкознания».

Совместно с отечественными и зарубежными коллегами изданы очередные выпуски лингвистических атласов. Изучение славянских диалектов в ареальном аспекте, работа над лингвистическими атласами потребовали создания в Институте Центра ареальной лингвистики под руководством Т. И. Вендиной.

Изыскания сотрудников Отдела типологии и сравнительного языкознания объединяет интерес к самым современным методам

изучения языка и к древнейшим его состояниям. Здесь и проблемы славяно-балтийских отношений, и дешифровка и исследование древнеславянских памятников, и типологическое изучение грамматики славянских языков, и исследования по структуре и семиотике традиционного и художественного текста. Разнообразная деятельность Отдела в истекший период получила определенную формализацию. Внутри Отдела были созданы Центры славяно-германских, балканских и балто-славянских исследований, а также Лаборатория экспериментальных фонетических исследований.

Среди многих работ Отдела отметим монографии А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского; М. В. Завьяловой; И. А. Седаковой. Новые работы вышли из-под пера наших выдающихся ученых Т. М. Николаевой и А. А. Зализняка. Продолжались издания «Балканских чтений» и «Балто-славянских исследований». Начата новая серия «Имя. Семантическая аура». Регулярно публиковались тома избранных трудов Вяч. Вс. Иванова. Отдельным важным направлением является систематизация и публикация научного наследия одного из крупнейших славистов современности – акад. В. Н. Топорова.

В 2008 г. академику А. А. Зализняку была присуждена Государственная премия в области науки и технологий за 2007 год за вклад в развитие лингвистики, а также Большая золотая медаль РАН имени М. В. Ломоносова «за открытие в области древнерусского языка [...] и за доказательство аутентичности великого памятника русской литературы “Слово о полку Игореве”». Годом ранее он же был отмечен Литературной премией Александра Солженицына. Кстати, и самая первая Литературная премия Солженицына была вручена сотруднику Института славяноведения РАН – академику В. Н. Топорову.

Конечно, в издательской деятельности Института были проблемы. Сегодня, чтобы издавать книги, надо проявлять максимум изворотливости, самим находить на это средства. Даже издательство «Наука», созданное для издания научной литературы, уже давно нашу продукцию не печатает. Кроме того, тиражи книг настолько малы, что их почти не достать даже в Москве. Институт пошел по пути создания электронной библиотеки на своем официальном сайте. Уже размещено около тысячи изданий, которыми можно свободно пользоваться.

Второй по значимости показатель работы Института – научные конференции, круглые столы, другие мероприятия. В целом в Институте ежегодно проходило около 40 научных мероприятий, половина из которых носили международный характер. За вычетом двух

летних месяцев – июля и августа – фактически каждую неделю в Институте проводились конференция или круглый стол.

Только по международным соглашениям Институт славяноведения РАН ведет научное сотрудничество с 20 странами по 69 проектам. Сотрудники Института работали в Комиссиях Международного комитета славистов. Они активно участвовали в проведении XIV и XV Международных съездов славистов в Охриде и Минске. С заметным участием институтских балканистов прошел X Международный конгресс по изучению Юго-Восточной Европы в Париже. Не без участия Института славяноведения прошли последние всемирные съезды историков: XX – в Сиднее и XXI – в Амстердаме.

Сотрудники Института славяноведения традиционно играют большую, если не решающую, роль в работе двусторонних Комиссий историков России и Болгарии, России и Венгрии, России и Польши, России и Румынии, России и Сербии, России и Словакии, России и Чехии. Все эти комиссии, несмотря ни на что, сохранились и активно работали.

В то же время нуждается в усилении координационная функция Института, его роль в поддержке отечественных славистических исследований, особенно в российских регионах. В этом плане добавил сложностей перевод празднования Дней славянской письменности и культуры в Москву, который разрушил устоявшуюся структуру праздника, привел к его размыванию среди других московских мероприятий.

Еще одна важнейшая работа – подготовка научных кадров. Со дня своего возникновения Институт славяноведения традиционно опирался в этом вопросе на славистические кафедры исторического и филологического факультетов МГУ. Именно они изначально были и остаются базовыми для пополнения Института новыми кадрами. Одновременно сами сотрудники Института преподавали в МГУ, а также – в МГИМО, РГГУ, Государственной академии славянской культуры, ГАУГН и других вузах, приглашая затем талантливую молодежь в институтскую аспирантуру. За время существования Института около 130 аспирантов успешно закончили обучение в его аспирантуре и защитили кандидатские диссертации. Правда, сейчас и на этом направлении возникли новые сложности.

В истекшее десятилетие дирекция Института пыталась, по возможности, сохранить научный потенциал Института, фундаментальные направления научных исследований и в то же время начать омолаживание кадрового состава. Все это было довольно трудно со-

вместить, но в целом такая линия выдерживалась. Сегодня около 40 наших научных сотрудников – моложе 40 лет. Соотношение между разными возрастными группами ученых несколько выровнялось. Фактически нам требуется еще одно пятилетие, чтобы преодолеть отсутствие среднего поколения, выбитого из Института почти полностью в 1990-х гг.

Несмотря на все сложности, можно констатировать, что за послевоенные десятилетия научная славистика, развиваясь в том числе и прежде всего в системе Академии наук, превратилась в одно из мощных гуманитарных направлений, вне всяких сомнений занимающих одно из лидирующих положений в мировой науке. В последние десять лет, несмотря на все трудности, на фактическое недофинансирование академической науки, эта тенденция только усилилась: увеличилось количество печатных изданий, окрепло международное сотрудничество, больше стало проводиться научных конференций. Увеличился приток в Институт молодежи.

Для России как крупнейшего славянского государства деятельность Института славяноведения, славистических кафедр МГУ и других вузов, преподавателей славянских дисциплин имеет особое значение. Принадлежность к славянству – неотъемлемая часть нашего самосознания и нашей культуры. Недаром еще в XIX в. многие прозорливые люди славяноведение называли отечествоведением.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов (23–24 октября 2003 г.). М., 2003.

2 Подробнее см.: *Аксенова Е. П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.

3 *Аксенова Е. П.* Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 46.

4 См. подробнее: Институт славяноведения и балканистики. 50 лет.

5 На Институт славяноведения РАН покушались, как минимум, во второй раз. Первый – в конце 1960-х – начале 1970-х гг. прошлого века, когда его хотели переименовать в Институт истории и истории

культуры европейских социалистических стран. К чему бы это привело после краха европейского социализма, нетрудно догадаться.

6 См., например: *Никифоров К. В.* Перспективы развития академической славистики. К 60-летию Института славяноведения РАН // *Славянский вестник*. М., 2009. Вып. 3. С. 349–360; *Он же.* Историческая славистика в системе Академии наук (к 65-летию Института славяноведения РАН) // *Славянский альманах* 2011. М., 2012. С. 14–31; *Он же.* 65 лет развития академической исторической славистики в московском Институте славяноведения // *Письменность, литература, фольклор, славянских народов. История славистики / XV Международный съезд славистов* (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации. М., 2013. С. 570–588.

Nikiforov K. V.

Institute of Slavic Studies (Russian Academy of Sciences)
between two Russian National Convents of Slavists (2003–2013)

The article provides an outline of Russian academic Slavic studies and first of all of their well-established centre, the Institute of Slavic Studies. Different stages of its development are briefly described. The last period, the one between two Russian National Convents of Slavists is marked by an increase in publishing.

Keywords: *Slavic studies, Institute of Slavic Studies, historiography.*

А. М. Молдован
(Москва)

Фундаментальные проблемы в тематике съездов славистов

Статья посвящена научным результатам в области славистики, которые были достигнуты благодаря съездам славистов и организации международной деятельности, направленной на изучение фундаментальных славистических проблем.

Ключевые слова: *славистика, съезды славистов.*

Тема статьи связана с одной из юбилейных дат, которая отмечалась в 2013 г., – 110-летием со времени проведения Предварительного съезда русских филологов, состоявшегося в Санкт-Петербурге в 1903 г. Этот съезд был организован Академией наук, на открытии его с приветственным словом выступил президент Академии наук великий князь Константин Константинович. В съезде участвовали А. Н. Веселовский, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, Ф. Е. Корш, Т. Д. Флоринский, Е. Ф. Карский, К. Я. Грот, В. Н. Бенешевич, Н. М. Каринский, В. А. Погорелов, И. Е. Евсеев, Д. И. Абрамович, И. А. Миккола, А. И. Яцимирский, В. М. Щепкин, Б. М. Ляпунов, Е. Ф. Будде и многие другие знаменитые ученые – всего 62 участника. А председательствовали на съезде И. В. Ягич, В. И. Ламанский и А. Н. Пыпин. То был золотой век славянской филологии в России!

Каждый из участников съезда был известен своими достижениями в изучении разных аспектов славянских культур, и это позволяло им говорить о сущности славистики, ее смысле и содержании, обсуждать методологию исследований и формулировать актуальные задачи. Будущий съезд славистов замыслился с целью организации коллективных усилий и международной координации при выполнении больших работ, которые были бы не под силу одиночкам. В числе первоочередных задач было названо систематическое исследование и научное издание памятников древней славянской письменности и прежде всего рукописных текстов славянской Библии, изучение эволюции церковнославянского языка – общего для большинства славян языка письменности, определявшего историческое развитие славянских литературных языков; диалектология и лингвогеография славянского ландшафта; славянская этимоло-

логия и праславянская лексикография; собирание и изучение славянского фольклора и др.¹

Первый международный съезд славистов состоялся в 1929 г. в Праге, после этого был небольшой (около тридцати участников) съезд в Варшаве в 1934 г. Запланированный на 1939 г. и уже подготовленный съезд в Белграде (были изданы все подготовительные материалы) из-за начавшейся войны не состоялся. Особое значение имел четвертый, московский съезд 1958 г. – не столько по числу участников (более двух тысяч), сколько по разнообразию и плодотворности научно-организационных инициатив.

С тех пор съезды славистов стали главным научным форумом, на который один раз в пять лет собираются ведущие ученые, чтобы обсудить актуальные проблемы славистики и возникающие при этом теоретические и организационные вопросы. Едва ли не более важным является то, что в период между съездами действуют международные научные комиссии по различным направлениям славистики. Благодаря такой организации за несколько десятилетий XX в. и начала XXI в. удалось выполнить колоссальный объем коллективных систематических работ, которые во многом уже воплотили самые смелые мечты наших предшественников. Достаточно назвать только наиболее значительные из этих достижений, чтобы понять их масштаб: Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА), Общекарпатский диалектологический атлас (ОКДА), Малый диалектологический атлас балканских языков (МДАБЯ), «Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд)» и «*Słownik prasłowiański*» (работа над которым, к сожалению, приостановлена), успехи в изучении текстологии славянской Библии – прежде всего ценные тома критического издания «Евангелие от Иоанна в славянской традиции» и «Евангелие от Матфея в славянской традиции», целый ряд новых каталогов рукописных собраний славянских рукописей; многочисленные издания крупнейших и важнейших славянских рукописных памятников.

Исследование славянских языков в перспективе культурной истории с необходимостью предполагает их подробное и тщательное лексикографическое описание во всей полноте этимологического, исторического и диалектного разнообразия. Об этом также мечтали организаторы Предварительного съезда и последующих съездов славистов. Огромным и неоспоримым достижением были инспирированные ими многочисленные словарные предприятия, прежде всего фундаментальные исторические, диалектные и эти-

мологические словари – десятки словарей разных типов, охватывающих практически все хронологические периоды славянской письменности, в том числе такие многотомные словари, как пражский «Slovník jazyka staroslověnského» (и созданный на его основе однотомный «Старославянский словарь»), «Słownik staropolski», «Słownik polszczyzny XVI wieku», «Старобългарски речник», «Staročeský slovník», «Historický slovník slovenského jazyka», «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.», «Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.», «Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.», «Гістарычны слоўнік беларускай мовы»; загребский «Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije», начали издаваться «Słownik języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku», «Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција»; «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.». Изданы полностью или близятся к завершению сотни разнообразных диалектных словарей, материалы для которых собирали тысячи специалистов на всем пространстве славянских языков, в том числе такие большие, как «Словарь русских народных говоров», «Słownik gwar polskich», «Речник српскохрватског књижевног и народног језика»; «Тураўскі слоўнік», «Архангельский областной словарь», «Псковский областной словарь» и др.

Эти монументальные труды создали ту необходимую филологическую базу, без которой было немыслимо серьезное обсуждение проблем славистики, открыли возможности и перспективы, которые, несомненно, оправдают затраченные усилия.

Ареальная проекция собранного на сегодня огромного лексико-этимологического материала способствует изучению проблематики этногенеза славян, праславянского языка и древнейших славянских языковых контактов с другими народами (прежде всего балто-славянских языковых отношений), которая в прошлом активно дебатировалась на съездах. В ходе этих дискуссий были отвергнуты старые теории и постулаты (теория родословного древа, единого общеславянского праязыка и т. п.), изменились традиционные представления. Тем не менее многочисленные попытки локализовать «прародину» славян не привели к неоспоримому результату. Очевидно, что этому препятствует все еще слабая изученность материала по этой проблеме. Здесь необходимо и выяснение вопроса о соотношении генетического и ареального на разных этапах развития славянских языков, в частности, полная инвентаризация южнославянско-балтийских

изолекс во всех возможных аспектах (старославянский, болгарский, македонский, сербский и хорватский, словенский); и продолжение работ в области праславянской лексической реконструкции и выяснение регулярных семантических отношений в праславянском; и изучение роли «народной» этимологии в истории языка и в научной этимологии, и многое другое.

Уникальный материал для исторической лингвогеографии славян и понимания традиционной славянской культуры дают этнолингвистические исследования. Одним из выдающихся достижений этой работы стал пятитомный этнолингвистический словарь «Славянские древности».

Нужно сказать, что взаимное сближение этимологии и этнолингвистики позволяет обеспечить большую достоверность семантического анализа и реконструкции культуры славянских народов и дает историко-культурную перспективу диалектным данным, собранным в источниках XIX–XX вв.

Многолетняя история съездовского движения показала его эффективность и плодотворность. Нас объединяет интерес к изучению фундаментальных славистических проблем в их многообразии и переплетении – этим тематика съездов принципиально отличается от проблематики изучения отдельных славянских языков и литератур. Мы исходим из того, что история культур славянских народов – это история их тесного взаимодействия – собственно, это взаимодействие и образует предмет славистики. Мы стремимся не только определять контуры «генетической» общности лингвистического фонда славянских языков и славянской поэтики, унаследованных из праславянской эпохи, но и изучать историю межславянских заимствований, которые становились особенно актуальны на этапе формирования национальных культур и создания славянских литературных языков.

Выясняя историю межславянского языкового и культурного взаимодействия, мы начинаем иначе подходить к вопросу о характере славянской общности. Этот вопрос, как известно, дебатировался еще евразийцами, выступавшими с критикой славянофильских концепций. Справедливо отвергая антропологические и этнопсихологические параметры при характеристике славянской общности, они сводили ее к родству языков и считали, что никакой культурной общности у славян не было. Эта точка зрения не была принята славистикой, обнаружившей такие области межславянского культурного взаимодействия, как поэтика (являющаяся неотъемлемым свойством

языка), церковнославянский язык и общеславянская письменная традиция, межславянский литературный обмен в раннем Средневековье и в дальнейшем. И если говорить о культурных феноменах, нельзя не упомянуть тесно связанное с языковой проблематикой кирилло-мефодиевское идеологическое наследие и постоянно присутствующий в славянских литературах со времен Средних веков и до наших дней упор на языковую солидарность и славянское единство. Эта идеология, строившаяся на представлении о языковой гомогенности славян, как известно, по-разному проявлялась в разных частях славянского мира, но во всех случаях она вовлекала в сферу актуальных культурно-политических интересов все многообразие идеологических аспектов: языковое, культурное, литературное и религиозное.

В последние десятилетия славистическими дисциплинами были освоены новые методологические средства и новые области знания; при этом славистика в целом не утратила способности к комплексному видению проблем. Особенностью дальнейшего развития становится интеграция разных мнений и исследовательских направлений, обобщение полученных данных о происхождении, историческом развитии и взаимодействии славянских языков, литератур и культур; усиление интереса к типологическим аспектам рассмотрения событий и явлений, помещающим исследование славянской тематики в мировой социокультурный контекст. Перспективность этого пути, с которого славистика, строго говоря, никогда вполне не уходила, в последнее время становится всё более очевидной в связи с интересом современных сообществ к проблематике мультикультурности и растущей по этой причине потребностью в средствах адекватного перевода и объяснения культурных концептов, характерных для разных исторических и языковых ситуаций.

Плодотворно развивается направление исторической семантики славянских языков и истории понятий. Изучение истории слов и ее лексикографическое представление позволяет, с одной стороны, увидеть константы славянских культур на разных этапах их развития, а с другой – понять, как трансформировались понятия, передававшие основные моменты культурной жизни – религиозные, личностные, исторические, и как эти семантические трансформации соотносятся с эволюцией культурных практик и социально-поведенческих моделей. Полноценное описание истории понятий в славянских языках в духе *Begriffsgeschichte* остается одной из важнейших задач.

Важная, но не освоенная в славистике проблематика – история и генезис славянской массовой («народной») культуры. Нуждаются

в новом осмыслении взаимоотношения между «высокой» культурой элитарных групп и массовой культурой.

Разумеется, всемерной поддержки требует дальнейшая работа над фундаментальными словарями славянских языков разных типов.

Современные филологические исследования всё в большей степени обращаются к реальным текстам. Все чаще звучат голоса о том, что предметом языкознания является не язык в сосюрловском понимании (*langue*), а устные и письменные тексты; язык же, как соединение грамматики и словаря, является не объектом лингвистического исследования, а его теоретическим результатом. Лингвистика сегодня апеллирует уже не к внутреннему чувству филолога – носителя исследуемого языка и не к абстрактным понятиям грамматической или семантической правильности, а к засвидетельствованному в устных и письменных текстах употреблению. Оно отнюдь не всегда последовательно, и одна из задач, поставленных современным языкознанием, – объяснить природу, а при возможности и причины этой непоследовательности. Эта общая тенденция современного языкознания привела к возникновению корпусной лингвистики и созданию национальных корпусов ряда языков, в том числе славянских. Корпусы сначала предназначались прежде всего для работы в области современного состояния соответствующих языков. Но первые же эксперименты с корпусами открыли их невероятные, не предполагавшиеся ранее возможности в изучении языковой эволюции: на хорошем, представительном корпусе можно изучать изменения, происшедшие в языке, например, за десять или двадцать, или пятьдесят лет, или даже за два-три года. Причем делать это становится необычайно легко, благодаря заложенной в корпус информации о хронологии текстов.

Не менее увлекательные перспективы сулит корпусное представление памятников древней письменности. Чем детальней закладываемая в корпус лингвистическая и иная информация, тем интересней и убедительней будут полученные данные об их региональной и хронологической стратификации, о представленных в них различных функциональных комбинациях генетически разнородных и разновременных лингвистических черт. Участники съездов сейчас активно занимаются корпусной тематикой. Совершенствование компьютерной технологии со временем приведет к созданию широкой и предельно доступной эмпирической базы славистики, интегрированной в европейские информационные стандарты.

В связи с этим я хотел бы подчеркнуть следующее. Задачи, стоящие перед современными обществами, требуют особого внимания к

их информатизации и поддержанию культурных традиций, поскольку извлекаемые из культурных текстов уроки истории могут внести неоценимый вклад в поиск компромисса между преемственностью и инновациями. Филология, ведающая знанием этих культурных текстов, – одна из древнейших наук в истории человечества – выступает как важнейший деятель в решении этих задач. Язык, его устройство и тексты сохраняют для нас прошлое – собственно историю и историю тех смыслов, которые ей сопутствовали. Благородная задача филологии – обеспечить сохранение этих смыслов, их правильное понимание и адекватный перевод на современный язык.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Предварительный съезд русских филологов [10–15 апреля 1903 года]. Бюллетени. СПб., 1903.

Moldovan A. M.

Some fundamental problems within the topics
of congresses of slavists

The article is dedicated to the results that were reached at the congresses of slavists and the organisation of international activities targeting the fundamental problems of Slavic studies.

Keywords: *Slavic studies, Congresses of Slavists.*

*Л. П. Лантева
(Москва)*

**Галицкий славист Яков Федорович Головацкий (1814–1888)
и его связи с чешскими учеными
(к 200-летию со дня рождения)**

В статье освещаются связи галицкого ученого XIX в. Я. Ф. Головацкого с чешскими деятелями национального возрождения В. Ганкой, К. Я. Эрбеном и ученым А. Патерой (по эпистолярным данным).

Ключевые слова: *Я. Головацкий, К. Я. Эрбен, В. Ганка, А. Патера, взаимная корреспонденция.*

Я. Ф. Головацкий являлся выдающимся деятелем галицко-русского возрождения. 200-летие со дня его рождения вполне уместно вспомнить в настоящей статье.

Это ученый-археолог, беллетрист, поэт, этнограф и историк. Он был хорошо известен в кругу современных славистов и принадлежал к той категории лиц, которые разделяли теорию славянской взаимности (в духе Я. Коллара) и защищали эту концепцию всеми доступными им средствами. Такие деятели обычно активно контактировали друг с другом, встречались лично (если было возможно), но главным образом излагали свои взгляды в печатных работах и в их обширной корреспонденции. Научные связи Я. Ф. Головацкого с чешскими учеными продолжались с 30-х до 80-х гг. XIX в. В 1841 г. «Часопис Ческого Музея» опубликовал работу Головацкого «Путешествие по Галицкой и Угорской Руси», а «Чешское общество наук»¹ – очерк «О Галицкой и Угорской Руси»². В Чехии же напечатана книга Я. Ф. Головацкого «О рукописном молитвеннике старочешском, хранящемся в университетской библиотеке во Львове» (Прага, 1861). С основания в 1860 г. сборника «Зоря Галицкая» Я. Ф. Головацкий был его активнейшим участником. В России работа Головацкого «Народные песни Галицкой и Угорской Руси»³ отдельной книгой была опубликована в «Чтениях Общества истории и древностей российских». Еще при жизни ученого в библиотеке Чешского Музея имелось шесть изданий его сочинений, а очерк о его жизни и творчестве был помещен в словаре Ф. Л. Ригера⁴. Творчество Головацкого отразилось не только в сочинениях современников: значительное внимание его деятельности уделяли и представители следующих поколений. Так, в начале XX в. опубликована большая часть переписки Головацкого с деяте-

лями чешского культурного движения – В. Ганкой, П. Й. Шафариком, К. Ф. Запом и др. В 1905 г. В. А. Францев обнародовал письма Головацкого к Ганке⁵, а в 1927 г. – Головацкого к Шафарику⁶, изданы письма Головацкого к К. Л. Эрбену⁷, исследованы связи Головацкого с И. Подлипским и Ф. Ц. Компеликом⁸. В наше время – в 2005 г. – напечатана значительная часть писем Головацкого чешскому ученому А. Патере⁹. На основании этого и других источников написано несколько статей и других исследований о творчестве галицкого ученого. Особая заслуга принадлежит К. Студиньскому¹⁰ и Зд. Гаеку¹¹. В XX в. несколько статей о нем появилось во львовских и русских научных изданиях, среди которых следует упомянуть работу Т. В. Поляниной «Я. Ф. Головацкий (1814–1888 гг.) – пропагандист славянской культуры»¹² и статью-публикацию Л. П. Лаптевой «Письма Я. Ф. Головацкого (1814–1888) чешскому ученому А. Патере». Самой новой работой о Головацком является обстоятельная статья Л. Л. Щавинской, посвященная 200-летию со дня рождения знаменитого деятеля галицкого возрождения, где указана и литература о нем¹³. Имеется о нем статья и в «Православной энциклопедии»¹⁴.

Указанными работами литература о галицком ученом не исчерпывается; каждое издание его писем предваряется краткой характеристикой его творчества. Обилие материала, имеющегося в переписке чешских ученых с Головацким, не позволяет остановиться на всех вопросах, в ней содержащихся. Представляется более целесообразным осветить направление и содержание главных проблем, интересовавших современников Головацкого и его самого.

Среди них можно выделить вопрос о распространении литературы о славянах – формировании того фонда библиотек по славяноведению, который и в настоящее время приносит свои научные плоды. Вторым вопросом связей Головацкого с чешскими славистами была публикация трудов Головацкого и его чешских партнеров в разных изданиях Чехии, Галиции и вообще в Австрийской империи. Информация о выходивших книгах и их содержании – весьма важный фактор для истории славяноведения вообще в XIX в.

В письмах чешским друзьям и коллегам имеются весьма интересные сведения о ходе процесса национального возрождения в Галиции, о препятствиях и трудностях в решении этих вопросов, о противодействии национальному движению со стороны австрийских властей и особенно со стороны поляков, которые, как известно, в Галиции проводили свою культурно-национальную политику, игнорируя наличие в Галиции населения, говорившего на различных

языках (украинском, русском и др.), имеющего специфическую и отличающуюся от польской культуру, особое вероисповедание. Впрочем, по всем этим вопросам высказывался главным образом Я. Ф. Головацкий – его чешские коллеги по разным соображениям высказывали свои мнения редко.

Подчеркнем, что как Головацкий, так и большинство его единомышленников являлись сторонниками так называемой теории славянской взаимности, основы которой были разработаны Я. Колларом в известном его трактате «О литературной взаимности». Я. Коллар предполагал возможным объединение политически разделенного и угнетенного славянского населения, занимавшего значительную часть Европы, на основании языковой общности, свойств психического склада народа славянского, родственности культур и т. д. Для этого, по мнению адептов теории славянской взаимности, славянам необходимо заботиться о развитии национального языка и литературы, о создании национальных школ, библиотек, изданий, о расширении контактов между учеными, об исследовании древней славянской культуры, фольклора, нравов и обычаев. Все это, по мнению сторонников указанной теории, дает возможность славянским народам интеллектуально освободиться от все более прогрессирующей германизации и стать великим народом, каким он был в прошлом. Эта теория была характерна для мышления представителей всех угнетенных славянских народов, а также русских славистов, но она и помогала формированию национального самосознания и способствовала национальному возрождению славян.

В соответствии со своими взглядами Головацкий развивал широкие научные и литературные контакты практически со всеми славистами. Среди русских особенно плодотворно сотрудничал с О. М. Бодянским и М. П. Погодиным и др. Головацкий участвовал в археологических съездах, регулярно проводившихся в разных городах России «Русским археологическим обществом», представлял там славян. В 1867 г. являлся участником Российской этнографической выставки в России, часто называемой в литературе «Славянским съездом 1867 г.». В то же время Головацкий в своих научных трудах и беллетристических сочинениях демонстрировал свое русофильство, защищал русский язык местного населения Галиции от попыток украинизации, выступал против языковых и школьных мероприятий польских местных властей, критиковал австрийские власти за политику притеснения местного русского населения (русинов), отстаивал их самобытность, право на самостоятельную ли-

тературу. Все эти действия, нескрываемые русофильские призывы к национальному единству всех русских, в том числе и с Россией, привели к тому, что Головацкий был лишен профессуры во Львовском университете, где преподавал русский язык и литературу. Лишенный возможности работать на родине, Головацкий нашел пристанище в России – он был назначен председателем археографической комиссии в Вильно. Для галицкого национального движения это было серьезной утратой, оно лишилось своего самого активного вождя. Дальнейшая деятельность Головацкого уже не имела значения для движения за возрождение в Галиции.

Как указывалось, с чехами Головацкий имел интенсивные личные и научные контакты. Раньше всего он, вероятно, познакомился с В. Ганкой. Во всяком случае, уже 1849 г. он написал в альбом чешского деятеля такие слова: «Мужайтесь, крепется, славянски люде, Велика Ваша будущность буде»¹⁵.

Как известно, первая половина XIX в. характеризуется у всех славян, захваченных идеей национального возрождения, созданием литературы и формированием литературного языка. Поэтому первым вопросом в контактах славян было приобретение литературы, обмен как своими, так и другими сочинениями, относящимися к славянству. В письмах Головацкого Ганке мы находим целые списки книг, которые он хотел бы получить и которые посылал Ганке. Так, в письме от 21/12 мая 1852 г. галицкий ученый просит чешского прислать: Краледворскую рукопись в переводе Берга, «Субор югославянских достопримечательностей» П. Й. Шафарика, «О письменнах черноризца Храбра», «Всеславянскую Хрестоматию» Челаковского, грамматику церковнославянского языка, Сазавское Эмаусское Евангелие, «Слово о полку Игореве» и др.¹⁶ При этом Головацкий не только приобретал литературу для себя, но и предлагал свои услуги по распространению ее среди галичан.

Обмен литературой был главной темой во всех 11 письмах Головацкого Ганке. Вторым сюжетом были сообщения о новых сочинениях, появившихся в Галиции, о деятельности Галицкой Матицы, основанной в 1848 г., и о содержании статей в ее изданиях, как и о самих этих изданиях. Иногда Головацкий дает пространные характеристики некоторым наиболее важным сочинениям. Так, 12 октября / 30 сентября 1854 г. он сообщает, что продолжается печатание «Истории древнего Галичско-Русского княжества» сочинения Дениса Ивановича Зубрицкого. «Почтеннейший автор, посвятивший многие лета изучению отечественной истории, принял уже в маститой старо-

сти за свой труд. Он основывается на самых лучших источниках, посвятил им многолетние студии, обработал со всею подробностью и показал важность Галицкой истории не только в отечественном значении славян, но и во всемирном значении. Стоило бы труда, чтобы кто-нибудь из чешских ученых (занимающийся более историей между славян) написал критический разбор того достопримечательного сочинения и познакомил своих земляков с историей соседственного и соименного народа. Для русинов “История” Зубрицкого стала настольною книгою, она есть делом народным, коим может гордиться Галиция, но она важна и для всех славян, с которыми в столь близких сношениях были древние князья Галичско-Русские»¹⁷.

В письмах имеются сведения о постоянных преследованиях властей в вопросах употребления языка. «Учителям приказано беречься всякого слова, которое заимствовано из Великорусского или церковнославянского языка, книжная цензурная ревизия строго наблюдает, чтобы в новоизданных книгах не употреблялись ни слова, ни формы, сходные с русским (книжно-российским языком). До того пришло, что вследствие распоряжения министерства наук и культуры издал преосвященный епископ окружное послание по всем священникам, катихигам и законоучителям и прочим, в котором запрещается заимствовать слова и формы из богослужебного церковно-славянского языка и проч. и проч. Под такими обстоятельствами невозможно успевать литературным произведениям. Матица Галицко-русская не издает ничего. Авторы умолкли. Журналы подавлены. Безнадежность водворяется»¹⁸. Реакция Ганки на это горестное послание неизвестна, так как письма чехов, и в частности Ганки Головацкому, по утверждению знатоков архивов, не обнаружены.

Дружеские и доверительные отношения сложились у Головацкого с другим знаменитым чешским деятелем национального возрождения – Карелом Яромиром Эрбеном (1811–1870). Они сблизились на почве собирательства народной словесности. Зная друг друга и раньше, они близко сошлись в 1847 г. в Вене как члены комиссии по составлению славянской юридической терминологии. К. Эрбен являлся секретарем и архивариусом Народного музея с 1851 г., архивариусом города Праги. В научном плане исследовал и издавал исторические и фольклорные тексты в собственной интерпретации. В 1864 г. опубликовал «Простонародные чешские песни и пословицы». Концепция этих и других изданий была выдержана в духе славянской взаимности. В исторических и поэтических сочинениях поддерживал единство и родство славян. Эрбен имел широкие свя-

зи со славянскими деятелями, особенно русскими, перевел летопись Нестора в 1867 г. Симпатизировал русским и разделял некоторые славянофильские положения в области славянской культуры.

Научные контакты Головацкого и Эрбена начались прежде всего с информации о фольклорных находках, их содержании, оценках и публикациях. Так, 22 апреля 1861 г. Головацкий сообщает об обнаружении рукописного молитвенника, находящегося в библиотеке Львовского университета, и рассуждает о содержании памятника, приготовлении его к печати¹⁹. Наряду с активным обменом литературой и научными новостями Головацкий сообщает своему единомышленнику некоторые факты политической жизни Галиции. «Вчера заключились у нас, после избрания послов в Вену, заседания здешнего Сейма, по-видимому, мирно. При конце усмирились страсти – до искренней дружбы с ляхами еще далеко. Их высокомерие и мечты их не припускает мысли об уступках самых даже справедливых в пользу русинов, – пишет Головацкий в письме 15/27 апреля 1861 г. – Кто хладнокровно и беспристрастно прочтет стенографированные протоколы, увидит ясно, что вина несогласия у них, не у нас – в продолжение веков они почти ничему не научились и ничего не забыли. С чехами мы по сию пору уже десять крат согласились бы и помирились – с ляхами к одному искреннему перемирию прийти невозможно. Когда бы нам возможно было через Польшу большой мост (построить) или подкопать под ней туннель, этим жили бы Русь с чехами в согласии ровно как одна семья», – заканчивает свои мысли галицкий мечтатель.

Весьма любопытные сведения сообщал Я. Головацкий своему пражскому другу об успехах национально-культурного порядка. «Наша литература, – пишет он в 1864 г., – движется, хотя медленно, наперед. Последнее заседание общего собора Галицко-русской Матицы отбывали в примерном согласии и объявили искреннее соревнование к поднесению родного слова. Самые недруги наши должны были признать, что народность наша сделала большие успехи в своем развитии. Всюду отзывались здравый смысл и хорошее понимание дела – истинная ревность и готовность к пожертвованиям. Собрание решило издавать особый журнал Матицы под заглавием “Науковый сборник” в квартальных тетрадах по 5–7 листов печати. Сверх того сделано много других проектов и решений к поднесению литературы. Из литераторов наших многие работают над сочинением учебников для низших и средних классов – другие же соучаствуют в журнальных изданиях. Народные школы побольшаются еже-

годно, народ понял потребу науки и охотно жертвует на сооружение училищ. В продолжение последнего десятилетия сооружено в восточной (русской) Галиции около 2 тыс. народных школ – и то все на иждивении русских общин. Число журнальных изданий умножается с возрастанием потребности чтения». Далее Головацкий перечисляет 11 изданий журналов и газет разного плана. «Сверх того хлопочут об издании особой русской политической газеты в Унгваре (Ужгороде) и каком-то журнале в Коломые», – завершает свою информацию Головацкий²⁰.

Весьма интересными представляются также сведения Головацкого, содержащиеся в письмах Адольфу Патере (1836–1912) – чешскому языковеду и историку литературы, заведовавшему библиотекой Чешского музея в Праге²¹. Я. Головацкий и Патера познакомились во время поездки в Россию на этнографическую выставку 1867 г., после чего галицкий славист был лишен кафедры во Львовском университете и вынужден был покинуть Галицию. Перейдя на службу в Россию, Головацкий стал активным участником научных мероприятий, проходивших в России. Так, 11 августа 1873 г. он писал Патере, что ездил по командировке Виленского учебного округа в Киев на предварительное совещание Комитета по устройству Третьего археологического съезда. Участвовал он и в Пятом археологическом съезде в Тифлисе в 1881 г., был на Шестом археологическом съезде в Одессе в 1884 г. И хотя он отошел от активной просветительской деятельности среди народа Галиции, он продолжал разработку культурной истории своего родного края и следил за литературными событиями, связанными с его родиной. Так, в 1882 г., в период известного политического процесса во Львове против галичан, обвинявшихся в агентурной деятельности в пользу России²², Головацкий выступает в их защиту и считает их невиновными.

Интересны также данные о ходе издания труда Головацкого «Народные песни Галицкой и Угорской Руси». Этот труд публиковался в Чтениях Общества истории и древностей российских с 1862 по 1878 гг., и Головацкий регулярно извещал Патеру о том, как продвигается работа по изданию. Кроме того, в письмах Головацкого имеется много сведений об интересе ученого галичанина к книжным новинкам. С переездом в Вильно он перестал получать многие издания Чешской Матицы, членом которой он являлся. «Мне не хотелось бы прерывать сношения с Чехией и хотелось бы следить за успехами литературы чешской», – писал он. Разумеется, Головацкий сам посылал в Чехию литературу, как лично Патере, так и в библиотеку Чеш-

ского музея. Хотя следует заметить, что обмен литературой между Головацким и Патерой был не столь интенсивным, как тот, который постоянно осуществлялся в эту эпоху между чешскими учеными и учеными Петербурга и Москвы.

Интересным эпизодом в переписке Головацкого и Патеры был сюжет о приглашении из Чехии квалифицированного учителя пения и музыки для виленских учебных заведений. В конце 1878 г. Головацкий просит Патеру приискать «хорошего музыки на учителя для Виленских учебных заведений. Музык (то есть учитель музыки. – Л. П.) должен основательно быть знаком с теорией музыки и [быть] талантливым в пении и, по возможности, должен сам играть на скрипке и фортепьяно. При этом желательно было бы, дабы он имел и внешнюю приятную наружность, по крайней мере, чтобы не было у него каких-нибудь странных манер». Патера рекомендовал Головацкому молодого музыканта Зденека Фибиха. Фибих прибыл в Вильно и проработал там всего один год, а в 1874 г. вернулся в Прагу. Этот эпизод интересен тем, что приглашение специалистов из Чехии в Россию в 70-х гг. XIX в. являлось элементом культурных связей, а З. Фибих стал впоследствии знаменитым чешским композитором и проложил в чешской музыке новые пути.

В целом связи Головацкого и Патеры носили научно-организационный характер. Это вполне объяснимо, так как оба ученых занимались разными вопросами славянской культуры, и у каждого из них было больше общих интересов с другими деятелями науки. Очень мало в письмах Головацкого А. Патере и высказываний, связанных с политическими вопросами. Этот факт объясняется, в частности, политическими убеждениями ученых. Я. Головацкий до конца жизни исповедовал идеалы так называемой славянской взаимности в колларовском духе, являлся своеобразным «зарубежным» славянофилом русского типа и ярым полонофобом, в то время как А. Патера принадлежал к «партии» Ф. Палацкого, то есть являлся сторонником австрославизма. Кроме того, содержание переписки зависело в большой степени от политической ситуации в Австрии, Чехии и России.

Приведенные материалы о связях Я. Головацкого с тремя крупнейшими представителями чешской культуры, сыгравшими своим творчеством значительную роль в процессе национального возрождения славянских народов, свидетельствуют о тесной связи между собой представителей этого феномена в истории западных славян в XIX в. Как показывает их корреспонденция, при всем различии политических, конфессиональных и других подходов к проблеме деятеля славянского

возрождения XIX в. имели одну цель – духовное спасение своего народа от денационализации посредством пробуждения в нем национального самосознания, чувства равенства в среде европейских народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Holovacký J.* Cesta po Haličské a Uhorské Rusi // *Časopis Českého Muzea*. 1811. Seš. II S. 183–223; Seš. III. 302–317; Seš. IV. 423–437. Эта работа вышла также на русском языке: *Головацкий Я.* Путешествие по Галицкой и Венгерской Руси // *Денница*. Варшава, 1842. Вып. 6. С. 73 и след.; Вып. 7. С. 114 и след.

2 *Holovacký J.* O Haličské a Uhorské Rusi // *Abhandlungen der Königlich-böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften*. V. Folge. Ba. XI (1860–1861). S. 353–376.

3 Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Головацким. Издал О. М. Бодянский // *ЧОИДР*. 1863–1865.

4 Имеется в виду научный энциклопедический словарь Ф. Л. Ригера: *Riegerův Slovník Naučný*. Praha, 1859–1874.

5 Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Изд. В. А. Францев. Варшава, 1905. С. 222–237.

6 *Korespondence Pavla Jozefa Šafaríka*. I. *Vzajemne dopisy P. Šafaríka s ruskými učení* / Vyd. V. A. Francev. Praha, 1927. Čast I. S. 280–290.

7 *Slovanská korespondence Karla Jaromira Erbena s cizími korespondenty*. Praha, 1871.

8 И. Подлипский – доктор медицины, радикальный демократ, действовавший особенно активно в 1848–1849 гг. в Праге. Ц. Кампелик – единомышленник и коллега И. Подлипского, издатель первого журнала для рабочих «Гласник».

9 *Лантева Л. П.* Письма Я. Ф. Головацкого (1814–1888) чешскому ученому А. Патере // *Белоруссия и Украина. История и культура*. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 353–378.

10 *Студиньский К.* Карло Яромир Эрбен і Яків Головацкий. Львів, 1935.

11 *Hajek Z.* Styky Jakiva a Ivana Holovackých s Jozefom Podlipským a Františkem Cyrilem Kampelíkem // *Franku Wollmanovi k sedmdesátinám*. *Sborník prací*. Brno, 1958. S. 213–227.

12 *Полянина Т. В.* Я. Ф. Головацкий (1814–1888) – пропагандист славянской культуры // *Культура и общество в эпоху становления наций*. М., 1974. С. 195–201.

13 *Щавинская Л. Л.* Яков Головацкий как исследователь восточнославянских книжных культур // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. М., 2014. С. 35–46.

14 *Лантева Л. П.* Головацкий Яков Федорович // *Православная энциклопедия*. М., 2006. Т. XI. С. 708–709.

15 Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель... С. 223.

16 Там же. С. 226–227.

17 Там же. С. 232. Письмо Головацкого 30 января 1859 г.

18 *Slovanská korespondence Karla Jaromíra Erbena...* S. 139–142.

19 Там же. С. 142.

20 Там же. С. 155–156.

21 Об А. Петере см.: *Лантева Л. П.* Адольф Патера (1836–1912). К вопросу о русско-чешских научных связях. К столетию со дня смерти чешского ученого // *Славяноведение*. 2013. № 5. С. 26–37. Письма Я. Головацкого к А. Патере хранятся в *Literární archiv Památníku národního písmnictví (LAPNP)*.

22 Об этом см.: *Лантева Л. П.* Письма Я. Ф. Головацкого (1814–1888) чешскому ученому А. Патере... С. 377.

Lapteva L. P.

The Galician Slavacist Jakov Fedorovič Golovackij (1814–1888)
and his connections with the Czech academists.

On the 200th anniversary of his birth

Under scrutiny are the connections of the Galician scientist J. F. Golovackij with the important personalities of Czech national revival V. Hanka, K. J. Erben and the scientist A. Patera (on the basis of their letters).

Keywords: *J. Golovackij, K. J. Erben, V. Hanka, A. Patera, mutual correspondence.*

*И. В. Чуркина
(Москва)*

И. И. Срезневский о словенцах и словаках

В 1839–1842 гг. И. И. Срезневский путешествовал по славянским землям Австрии для подготовки к профессорскому званию, чтобы возглавить вновь образованную кафедру истории и литературы славянских наречий в Харьковском университете. Он уделил особое внимание изучению словенского и словацкого языков как наименее изученных. В результате появилась новая классификация славянских языков, дошедшая до настоящего времени.

Ключевые слова: *И. И. Срезневский, словенцы, словаки, литературный язык, П. Й. Шафарик, Л. Штур, С. Враз, У. Ярник, классификация славянских наречий.*

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880), по признанию многих ученых, являлся славистом широкого профиля – филологом, этнографом, палеографом. Он внес огромный вклад в развитие не только мирового славяноведения, но и русистики. Академик А. А. Шахматов в своей речи на торжественном собрании Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, посвященном памяти Срезневского, отмечал широкий диапазон его научных интересов – язык, археология, археография, палеография, литература. Это, по мнению Шахматова, свидетельствовало «о соединении в лице Срезневского из ряда вон выдающегося научного дарования с глубоким филологическим дарованием»¹.

Измаил Иванович Срезневский родился 1 (13) июня 1812 г. в Ярославле. Отец его, Иван Евсеевич, происходил из семьи священника. Род Срезневских в течение многих десятилетий вел пастырскую деятельность в селе Срезнево Рязанской губернии. Должность настоятеля местной церкви переходила по наследству членам этой семьи. Отец И. И. Срезневского и его брат Иосиф Евсеевич были первыми из рода Срезневских, кто выбрал путь светского педагога. Иван Евсеевич в течение ряда лет преподавал в Демидовском училище Ярославля в качестве профессора русской словесности. Вскоре после рождения Измаила Иван Евсеевич вместе с семьей переехал в Харьков, где стал профессором красноречия, поэзии и славянского

языка. Иван Евсеевич умер, когда его старшему сыну Измаилу исполнилось 7 лет.

В 14 лет Измаил Иванович поступил в Харьковский университет, где стал активным участником украинского национального движения (его либерально-культурного крыла). Он учился на юридическом факультете, но наряду с этим увлекался сбором украинской старины и фольклора. Результатом его деятельности в этом направлении стало издание в 1833–1838 гг. четырех томов «Запорожской старины», которые одобрили Т. Г. Шевченко и Н. В. Гоголь. Одновременно Срезневский интересовался польской поэзией, собирал словацкие народные песни, записывая их от словацких мелких торговцев, приходивших в Украину на заработки. В 1832 г. в Харькове выходит в свет его сборник «Словацкие народные песни». Кроме того, Срезневский публикует заметки о Зеленогорской и Краледворской рукописях, знаменитых фальсификатах чешского просветителя Вацлава Ганки, о далматинско-сербском предании о короле Радославе, о чешском словаре Й. Юнгмана. Таким образом, уже в 30-е гг. XIX в. Измаил Иванович активно интересовался славистикой.

В 1835 г. в России был принят новый университетский устав, согласно которому предусматривалось основание кафедр истории и литературы славянских наречий в четырех российских университетах: Санкт-Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском. Для замещения профессорской должности в этих университетах были избраны четверо молодых ученых, которых отправили за границу на казенный счет для совершенствования их знаний по данному предмету. От С.-Петербургского университета был отправлен П. И. Прейс, от Московского – О. М. Бодянский, от Казанского – В. И. Григорович, от Харьковского – И. И. Срезневский.

И. И. Срезневский не сразу согласился на эту поездку. В 1837 г. после окончания университетского курса он занимал должность адъюнкт-профессора на кафедре политической экономии и статистики в Харьковском университете. Однако неудача, постигшая его при защите докторской диссертации по этому предмету, заставила И. И. Срезневского сделать окончательный выбор в пользу славистики.

При посылке за границу Срезневский получил от министерства народного просвещения инструкцию, которая предписывала ему зимой изучать славянские рукописи и книги в архивах и библиотеках городов, а летом совершать пешеходные путешествия по селам. Срезневскому удалось выполнить эти сложные требования «благо-

даря природным дарованиям, опытности, приобретенной в работах по украинской этнографии, и сохранившемуся до последних лет его жизни умению легко и попросту сходиться со всяким без различия его общественного положения»². Сын Срезневского Всеволод Измайлович в своих воспоминаниях отмечал: «Наряду с серьезной научной работой над языком, древностями, литературой, народной словесностью и этнографией в нем горел живой интерес к современной текущей жизни славян; этот интерес, это сочувствие к славянам, открытость души его к ним, все привлекало их к нему и сближало его со всеми»³.

Прежде чем отправиться в славянские земли, И. И. Срезневский два месяца пробыл в Москве и Петербурге, затем два с половиной месяца – в германских землях, где слушал лекции немецких филологов Ф. Боппа и А. Ф. Потта. Затем, в феврале 1839 г., он отправился в Прагу, где пробыл до середины июня. Во второй половине июня Срезневский исследовал южную Чехию, в июле – Моравию и Силезию, с конца августа до начала ноября обошел села Верхней и Нижней Лужицы, с начала ноября до середины января 1841 г. он снова жил в Праге, затем до конца февраля путешествовал по Моравии и Чехии до Вены, а весну, лето и осень 1841 г. провел в южнославянских землях. Срезневскому не удалось только попасть в области, находившиеся под властью Османской империи, а именно в Боснию, Герцеговину, Болгарию. После посещения южнославянских земель Срезневский вернулся в Вену, которую покинул только 19 марта 1842 г. После Вены до середины июля он путешествовал по словацким землям, задержавшись на полтора месяца в Братиславе, вторую половину июля и начало августа ученый пробыл в Галиции. Посетив после этого Познань и Варшаву, Срезневский 20 сентября 1842 г. прибыл в Минск, а уже 23 сентября вернулся через Киев в Харьков⁴.

Таким образом, пребывание Срезневского в славянских землях было очень насыщенным. Им был собран огромный материал благодаря его работе в библиотеках и архивах, его пешеходным экскурсиям по сельской местности славянских земель, но также и благодаря его активному общению со славянскими учеными и любителями старины. Он завязал дружеские отношения с чехами В. Ганкой и Й. Юнгманом, словаками П. Й. Шафариком, Я. Колларом, Ф. Челаковским, Л. Штуром, словенцами Е. Копитаром, Ф. Метелко, С. Вразом, М. Маяром, с сербом В. Караджичем, с лужицкими сербами Я. Смолером и Я. Йорданом, русином Я. Головацким и многими дру-

гими. Все они помогали русскому ученому ознакомиться со своими родными языками и обычаями.

Срезневский не остался в долгу перед своими новыми друзьями. Он ознакомил Челаковского с украинским фольклором, посылал ему хорватские и сербские пословицы; Штура обучал русскому языку; Караджичу и Шафарику рассказывал о городищах в Лужице и Украине и т. д. Тех многочисленных скромных славянских культурных деятелей, а именно священников, гимназистов и учителей, которые помогали ему в определении особенностей местных диалектов, Срезневский обучал новейшим приемам сбора фольклора и записи слов. Его ученик В. А. Францев справедливо отметил его деятельность: «Его (Срезневского. – И. Ч.) обширные и разнообразные изучения, особенно собирательная деятельность, любовь к простому народу и постоянное общение с ним, пробуждали ревность славянских ученых и вызывали на это благодатное поле свежие славянские местные силы. Чужой человек, хотя и брат из далекой Русской земли, с невиданным усердием и любовью занялся вдруг чехами, лужицкими сербами, словенцами, хорватами, тогда как они сами как-то мало интересовались и собою, и своими соседями-братьями. У Срезневского кое-где они учатся приемам собирания песенного богатства, изучению народа, его творчества и быта»⁵.

Внимание Срезневского привлекли диалекты лужицких сербов, словаков и словенцев, а также диалекты сербохорватского, русинского и чешского языков. То, что словацкие и словенские диалекты вызвали особое внимание Срезневского, объясняется, во-первых, тем, что именно в это время словаки и словенцы находились в стадии формирования своих литературных языков, а во-вторых, диалекты словенского и словацкого языка были менее всего изучены лингвистами.

Путешествие по словенским землям Срезневский предпринял весной 1841 г. Перед этим он довольно долго жил в Вене, где общался с двумя видными учеными – сербом Вуком Караджичем и словенцем Эрнеем Копитаром. К тому времени, когда Копитар встретился со Срезневским, он уже был признанным ученым и имел большой научный авторитет, помимо этого он занимал довольно значительные государственные должности, являясь скриптором придворной библиотеки и цензором славянских, румынских и греческих книг. Отношения Срезневского с Копитаром сразу не сложились. Это было связано как с недоброжелательством Копитара по отношению к русским ученым, так и с настроением самого Срезневского, который

подружился в Праге с чешскими учеными, плохо относившимися к словенскому ученому. Причиной этого был тот факт, что Копитар уже в то время выражал сомнение в подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей. В январе 1841 г. Срезневский так писал своей матери Елене Ивановне Срезневской (урожденной Кусковой) о встречах с Копитаром: «Был два раза у Копитара. С ним едва ли буду иметь дело... Лучше не подходить, а то смотри и укусит»⁶. В том же духе отзывался Срезневский о Копitare и в письме к Ганке: «С Копитаром виделся два раза; более нет охоты. У него хоть и есть душа, но не по мне»⁷. Однако, несмотря на неприязненное отношение к Копитару, Срезневский старался исполнять его просьбы. На это указывает, например, письмо Копитара А. Х. Востокову от 29 апреля 1841 г., в котором он просил Востокова поблагодарить Срезневского за присылку ему каталога славяно-русских рукописей Захарова⁸.

Весной 1841 г. Срезневский обошел почти все словенские земли. По подсчетам Н. И. Толстого, он посетил Градец Штирийский (нем. – Грац), Марибор, Лимбуш, Птуй, Великую Неделю, Ормож, Метлику, Ново Место, Люблян, Крань, Накло, Целовец (нем. – Клагенфурт), Зильскую долину, Резьянскую долину, Горицу, Триест⁹.

Все эти места Срезневский обследовал пешком, собирая народные песни и записывая обычаи и различные словенские говоры. Его спутниками и руководителями в этом путешествии были известные словенские литераторы и просветители: П. Дайнко, С. Враз, Ф. Метелко, У. Ярник, А. Зупан, М. Маяр и др. Они не только давали ему советы, но и знакомили с результатами своих лингвистических и этнографических изысканий. Среди тех, кто оказал Срезневскому наибольшую помощь в Штирии, особо следует отметить Антона Мурко, издавшего словенскую грамматику, словенско-немецкий и немецко-словенский словари; Петра Дайнко, автора словенской грамматики с придуманным им новым алфавитом, где латинские буквы перемежались с кирилловскими. Азбука и грамматика Дайнко были запрещены властями (не без содействия Копитара). Встреча с Дайнко запомнилась Срезневскому. По его словам, Дайнко мечтал посвятить себя словенской литературе, но запрещение его грамматики охладило его. «А от Дайнко можно было ожидать многое, – отмечал Срезневский, – он любит народ, изучает его, знает и все еще продолжает изучать... Грамматика его известна. Издание народных песен тоже стоит внимания»¹⁰.

Крайну и Горицу, почти полностью словенские провинции, Срезневский обошел пешком вместе с поэтом Станко Вразом, горя-

чим приверженцем иллирского движения. Они вместе слушали словенские песни в кофейне городка Метлика, бродили по люблянскому базару, угощали в небольшом кабачке возле Краня крестьян вином и слушали их песни. В письме к своей матери от 2 апреля 1841 г. Срезневский описывал, как он собирал образцы народного творчества в Метлике: «Пошли в кофейню и тут набрали всего с три короба. Кофеджия сам любитель песен, сам краинец, имеет 70-летнюю мать, простую, предобрую старушку, да назвал одетых по-праздничному девушек и женщин, стариков, знающих предания: от 4 до 9 (часов. – *И. Ч.*) то и дела было, что записывать и рисовать»¹¹.

В главном городе Краины Любляне Срезневский серьезно занимался словенским языком под руководством автора еще одной словенской грамматики Франца Метелко, встречался там с рядом словенских национальных деятелей. «Время провожу тут вот каким порядком, – сообщал Срезневский матери, – одевшись, отправляемся пить кофе в кофейню к императору Австрийскому (речь идет о названии кофейни. – *И. Ч.*); оттуда в библиотеку, потом домой обедать, после обеда я иду к профессору Метелко и занимаюсь с ним краинским наречием, потом опять в библиотеку, а... каждый вечер проходит в том или другом кабаке, здесь собираются наши знакомые пить вино. Знакомые наши д-р Прешерн (он лучший из живых поэтов краинских), д-р Хорват, адвокат, библиотекарь, несколько профессоров»¹².

В Каринтии, которую Срезневский посетил после Краины, он встретился со словенским поэтом и лингвистом Урбаном Ярником. «Очень ученый и очень милый старик», – отзывался о нем Срезневский¹³. Ярник работал над сравнительной грамматикой славянских наречий. Знакомясь с материалами к этому труду, Срезневский пробыл у него три дня. Впоследствии он высоко оценил работу словенского ученого. «Ознакомься лично с некоторыми частями этого труда, – писал Срезневский, – я могу свидетельствовать, что труд Ярника был очень замечательным явлением в области славянской филологии. В нем не было забыто ни одно из славянских наречий, сделавшихся достоянием литературы, не были забыты даже некоторые из наречий народных. Так, между прочим, занимаясь им как хорутанин, Ярник обращал особое внимание на свое родное наречие, на его каринтийский оттенок, еще почти совсем не исследованный и очень замечательный, и с помощью его думал объяснить некоторые любопытные свойства славянской фонетики, этимологии и синтаксиса, в той мысли, что в этом наречии долин, отделенных от тре-

волнений света грядями гор, сохранилось много остатков древнего языка. Кроме того, имея случай пользоваться некоторыми редкими рукописями глаголическими, он надеялся с пользою для сравнительного изучения славянских наречий представить в своем труде грамматические извлечения из них, еще более любопытные для изучающего древности языка»¹⁴.

Кроме Ярника, Срезневский встречался в Каринтии с Матией Маяром, настоятелем прихода св. Михаила в Рожеке (Зильская долина). Этот уголок словенской Каринтии интересовал Срезневского, во-первых, потому, что «жители сохранили там более народности, нежели в других местах Хорутании», а во-вторых, потому, что там жил выдающийся словенский просветитель и собиратель фольклора М. Майр, ученик и друг У. Ярника. В письме к матери Срезневский характеризовал Маяра как любителя и знатока народности хорутанской, с которым он провел целый день 23 апреля 1841 г. «в разговорах и прогулках по очаровательному Рожню (так в тексте. – И. Ч.)»¹⁵. Майр отдал Срезневскому несколько песен, записанных им. В бумагах И. И. Срезневского сохранилась записная книжка «Песни, пословицы и сказки хорутанских словенцев, собранные во время путешествия»¹⁶. Большинство материала для нее предоставил, скорее всего, Майр. Спустя десять лет Срезневский на основе заметок, сделанных им в Зильской долине, и песен, отданных ему Маяром, опубликовал статью «Хорутанские песни из Зильской долины»¹⁷.

После Зильской долины Срезневский отправился в Венецианскую Словению, в долину Резии и земли словинов. Туда ему рекомендовал поехать С. Враз. Срезневский обошел территорию венецианских словенцев, записывая их говор, предания, песни. Ганка, получив письмо Срезневского из Випавы с рассказом о его путешествии по тем краям, писал ему: «Вы верно для того и созданы, чтобы обшарить все славянские углы и возбудить в них новую жизнь»¹⁸. Свои заметки Срезневский в 1842 г. опубликовал сначала в «Журнале министерства народного просвещения», а затем в 1875 г. издал отдельную книгу «Фриульские славяне».

С помощью словенских друзей Срезневский сумел классифицировать словенские наречия и уже в 1841 г. опубликовал статью о них. Отмечая большую раздробленность словенского языка на диалекты, он указывал, что причиной этого является недостаток населения и промышленности в словенских землях. Показав разрозненность различных частей словенского народа, Срезневский констатировал: «Общего литературного словенского языка нет и не было. Каждый

писатель писал и пишет своим местным наречием... Так действовали не только писатели, но и самые лексикографы и грамматики: Гутсман и Ярник – корушцы, Копитар и Метелко – крайцы, Мурко и Дайнко – штирийцы; это заметно, сколько ни желали они стереть со своего языка, со своих понятий о языке словенском местный колорит»¹⁹. В этой статье Срезневский разделял словенский язык на 18 наречий. В 1845 г. он предложил новое разделение словенского языка на диалектные группы, сузив их число до 8: 1) верхнекраинская; 2) нижнекраинская; 3) среднекраинская; 4) хорутанская (каринтийская); 5) штирийская; 6) венгерская; 7) резьянская; 8) белокраинская.

Словенские лингвисты приняли классификацию словенских диалектов, предложенную Срезневским. Крупнейший словенский диалектолог Фран Рамовш, создавший карту распространения словенских наречий, высоко оценивал его заслуги в этом отношении. «Лучше всех понимал расчленение словенского языка Измаил Срезневский», – писал он²⁰. В другом месте Рамовш прямо указывал, что для словенской диалектологии Срезневский «сделал столько, сколько никто до него и после него»²¹.

Скорее всего, Срезневский полагал сделать классификацию и наречий словацкого языка, с которым познакомился еще в начале 30-х гг. XIX в. в Харькове. До отъезда в славянские земли он изучил труды словака П. Й. Шафарика, в частности «Славянские древности», о которых был высокого мнения. Большое влияние Шафарика на становление Срезневского как слависта отмечает и один из крупнейших российских филологов начала XX в. А. И. Соболевский. «Первые шаги Измаила Ивановича на поприще славяноведения, – пишет он, – связаны с знаменитыми “Славянскими древностями” Шафарика... Я имею в виду, главным образом, диссертацию Измаила Ивановича “Святылища и обряды языческого богослужения древних славян” 1846 г., доставившую ему, первому в России, ученую степень доктора славянской филологии»²².

Первым крупным славянским центром, который посетил Срезневский, где он лично познакомился со многими чешскими и словацкими просветителями, в том числе с Шафариком, была Прага. Здесь он впервые ощутил на себе, что значит славянская взаимность. «Литературное братство славян – могущественное братство, – делился он своими впечатлениями о Праге с матерью. – Я это испытываю на себе и душевно благодарю за приязнь... В политическом отношении мы все европейцы, в народном – славяне»²³. Дружеское отношение со стороны славян Срезневский ощущал на протяжении всего своего путешествия.

В словацкие земли Срезневский прибыл в конце своей командировки. Он уже до этого познакомился с виднейшими деятелями чехославянского национального движения: с Я. Колларом, П. Й. Шафариком, Л. Штуром и др. В Братиславу Срезневский прибыл 19 марта 1842 г., а оставил словацкие земли 15 июля 1842 г. В самой Братиславе он пробыл более месяца, где серьезно занимался словацким языком, слушал лекции Штура, который как раз в это время готовился к кодификации словацкого языка. Еще до этого Срезневский слушал лекции Шафарика и Коллара. Таким образом, Срезневский из первых рук познакомился с двумя концепциями развития словацкого литературного языка. Коллар и Шафарик считали, что он должен формироваться в русле чешского литературного языка. Они понимали, что архаический «библейский» чешский язык не может служить эффективным средством развития словацкой национальной культуры. Поэтому они полагали необходимым несколько модернизировать его в плане приближения к разговорному словацкому языку. Практически ученые выступали за общий чехославянский литературный язык (в духе разделения славянского языка на четыре наречия, предложенного Колларом)²⁴. Штур же стоял за самостоятельное развитие словацкого литературного языка. И этой же точки зрения придерживался и Срезневский во время своего путешествия по славянским землям. Чешский политик К. Гавличек-Боровский был убежден, что именно русские профессора Бодянский и Срезневский во время своего путешествия по Словакии якобы склонили словаков к литературному сепаратизму в отношении чехов, руководствуясь девизом «разделяй и властвуй»²⁵. Конечно же, это утверждение безосновательно. Вопрос о создании самостоятельного литературного языка решался самими словацкими просветителями, сначала в 20-е гг. XIX в. А. Бернолаком и его сторонниками, а в 40-х гг. Штуром и его сторонниками. Столь резкое суждение Гавличека о русских ученых можно объяснить только его решительным русофобством, которое, кстати, отмечал и такой знаток славянских деятелей, каким являлся протоиерей русской православной церкви в Вене М. Ф. Раевский. В записке от 21 июля 1859 г. он отмечал, что Гавличек «отъявленный антирус» и хорошо пишет о России только тогда, когда желает подражать немцам²⁶.

Срезневский приехал в словацкие земли, чтобы ознакомиться со словацкими наречиями, преданиями, этнографическими особенностями. Из Братиславы он совершал походы по словацким землям. По мнению отечественного историка М. Ю. Досталь, многие годы

исследовавшей деятельность И. И. Срезневского и его научные связи со словаками, «он, как ни один из других русских славистов, наиболее основательно объехал Словакию, посетив практически все ее уголки»²⁷.

В своем отчете Срезневский четко указывал на цели своего путешествия по словацким землям. «Кроме наблюдений над нравами и обычаями народа, – писал он, – собирал материалы для словаря и характеристики местных наречий, которые очень разнообразны и очень любопытны для филолога и историка»²⁸. Как и в словенских землях, выполнить его задачу ему помогали многочисленные словацкие патриоты из числа сельских священников и учителей. Среди тех, кто предоставил Срезневскому свои материалы, Досталь упоминает Я. Халупека, А. Г. Шкультеты, П. С. Ямришека, Г. Салая, Я. Гловика, Л. Рейса, Ш. Дакснера. Словацкий филолог Ц. Зох, также помогавший Срезневскому в сборе материалов, отмечал в 1846 г.: «Срезневский не мог нахвалиться богатством и благозвучием словацкого языка, особенно он подчеркивал ту особенность последнего, что в нем содержатся элементы, свойственные каждому из славянских языков»²⁹.

Сам Срезневский, по-видимому, предполагал обобщить свои материалы по словацким наречиям. В его рукописном наследии находится около 7000 словацких слов и более 700 выражений. На это надеялись и словацкие культурные деятели. Так, Штур писал Срезневскому: «Ты хорошо сделаешь, если напишешь трактат об особенностях словацких говоров, так как ни у кого другого нет столь богатого опыта и такого количества материалов»³⁰.

Встает вопрос, почему Срезневский, сделав классификацию словенских наречий, не взялся за обработку словацких диалектов, которые он изучил не менее серьезно? На мой взгляд, причиной этого являлся тот факт, что именно в это время в словацком национальном движении началась борьба двух течений, стремившихся по-разному направить развитие словацкого литературного языка. Срезневский не одобрял это размежевание, считая, что оно еще более ослабит и без того слабую словацкую интеллигенцию, что скажется на формировании словацкой национальной культуры. В этом споре он старался занимать нейтральную позицию. Опубликованные Досталь заметки Срезневского, которые она назвала «Прощальное письмо Срезневского при отъезде из Словацкой земли», показывают, что в то время русскому ученому была ближе позиция Штура. Так, горячо благодаря своих словацких друзей «за братский прием, которым

вы почтили меня, и помощь, которую мне вы оказывали в изучении вашего языка и ваших народностей», Срезневский подчеркивал: «Ваши понятия о народности должны будут в свое время сделаться господствующими и в вашем кругу принесут драгоценные плоды»³¹. Но это письмо так и не было отправлено и не было опубликовано при жизни Срезневского.

Срезневский очень высоко ценил труды Я. Коллара и П. Й. Шафарика. Так, во вступительной лекции, которую он прочел в Харьковском университете в 1842 г., он сказал: «Коллар – истинный поэт, начитанный, ученый... сильно действовал на других сочинением и живым словом и перепиской, не молчал ни перед кем, будучи уверен, что молчанием нарушал бы святой закон жизни». Срезневский высоко оценивал сборники народных словацких песен, изданных Колларом в середине 30-х годов. «Собрание огромное, ученое в двух больших томах... Это лучшее из собраний народных славянских песен»³².

Еще более высоко оценивал Срезневский творчество П. Й. Шафарика. Об этом свидетельствуют отзывы русского ученого на его книги. Так, Срезневский писал о «Славянской этнографии» Шафарика: «Что это за книга, поймет каждый, кто с ней познакомится хоть сколько-нибудь. Ее можно перевести, сократить, переделать, но не заменить. Каждый факт проверен в ней по несколько раз. Как легко трудиться, имея ее под рукой»³³.

Добрые отношения у Срезневского сложились и с Л. Штуром. Он, по-видимому, знал о языковой реформе, которую Штур собирался проводить, и сочувствовал ей. В 60-е гг. в своих лекциях по словацкому языку Срезневский указывал: «Самая лучшая доселе грамматика Штура». Но к научным успехам Штура Срезневский относился более критично, чем к трудам Коллара и Шафарика. Так, в рецензии на книгу Штура «О народных песнях и сказаниях славянских племен» (Прага, 1853) он отзывался достаточно строго: «Ни на одном вопросе автор не остановился с должною подробностью»³⁴.

Следует отметить, что в 50-е гг. Срезневский стал отходить от своих прежних взглядов на самостоятельность словацкого языка. Об этом свидетельствуют лекции, прочитанные им в Петербурге в это время. В них он утверждал, что в словацком языке такие же грамматические формы, как и в чешском, и разница между ними только «провинциальная и в том, что словак крепче придерживается старины, чем чех»³⁵.

Кроме того и в политическом отношении взгляды Коллара и Шафарика были Срезневскому ближе, чем взгляды Штура. Коллар и

Шафарик считали, что чехославянская (по классификации Коллара) культура должна развиваться в рамках существующей политической системы, они были вполне лояльны австрийскому императору и австрийскому государству. Все улучшения этой системы они ожидали получить от законных властей, законным путем.

Позиция Штура по отношению к австрийским властям была более радикальной, борьбу с мадьяризацией, угрожавшей словакам, он считал возможным вести и насильственным образом. Это Штур продемонстрировал во время революции 1848 г., когда собрал отряд словацких патриотов для противодействия венграм в словацких землях.

Все это, очевидно, и помешало Срезневскому занять решительную позицию в споре между Колларом и Шафариком, с одной стороны, и Штуром и его сторонниками, с другой. А это он вынужден был бы сделать, занявшись серьезно классификацией словацких диалектов.

Помимо словенских и словацких наречий, Срезневский изучал серболужицкие, чешские, моравские и сербохорватские наречия. И если он им не уделил такого пристального внимания, как словенским, то ознакомление с ними дало ему возможность создать новую классификацию славянских языков. В 1845 г. в «Журнале министерства народного просвещения» была опубликована статья Срезневского «Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях славянских», в которой он дал первые наброски новой классификации славянских языков. Он указал, что существуют 3 главных ветви славянских наречий:

1) восточная, которую составляют русский и малорусский языки;

2) юго-западная, включающая болгарский, сербский, хорватский (кайкавское и чакавское наречия), хорутанский (верхнекраинское, нижнекраинское, словинское, резьянское, зильское, забельское штирийское, угро-словинское наречия) языки;

3) северо-западная, в которую входят полабский, польский, лужицкий, чешский, словацкий языки³⁶.

Окончательное определение различных групп славянских языков Срезневский дал в рецензии на книгу П. Й. Шафарика «Славянская этнография». Вслед за известным русским этнографом М. А. Максимовым он предложил разделить славянские языки по историко-географическому принципу, а не только по характеру наречий, как это делал Шафарик. Срезневский различал три группы славянских языков: восточные, юго-западные и юго-восточные. Первая

и третья группы остались без изменения по сравнению со статьей «Обозрение черт сродства звуков в наречиях славянских», во вторую группу он поместил дополнительно церковнославянский язык³⁷.

Классификация славянских языков, сделанная Срезневским с некоторыми изменениями принята современными славистами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Шахматов А. А.* Вступительное слово на торжественном собрании Отделения русского языка и словесности (далее ОРЯС) императорской Академии наук, посвященном памяти И. И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Петроград, 1916. Кн. 1. С. VI.

2 *Срезневский В. И.* Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. С. 16.

3 Маршрут путешествия Срезневского по славянским землям дан по кн.: *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 78, 79.

4 *Срезневский В. И.* Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского. С. 16, 19.

5 *Францев В. А.* И. И. Срезневский и славянство // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. С. 165, 166.

6 Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель (1839–1842). СПб., 1895. С. 187.

7 *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 322.

8 *Срезневский И. И.* Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке // Сборник ОРЯС. СПб., 1873. С. 349.

9 *Толстой Н. И.* О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку // И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М., 1960. С. 73.

10 Российский государственный архив литературы и искусств. Ф. 436. Оп. 1. Д. 19. Л. 14 с об.

11 Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского... С. 38.

12 Там же. С. 203, 204.

13 Там же. С. 207.

14 *Срезневский И. И.* Библиографические записки // Известия АН ОРЯС. СПб., 1852. Т. 1. Л. 3–5, с. 58, 50.

15 Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского... С. 207.

16 Описание выставки на память со дня рождения И. И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. С. 319.

- 17 Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. СПб., 1852–1856. Тетр. 1–4. С. 125–128.
- 18 *Францев В. А. И. И.* Срезневский и славянство. С. 166.
- 19 *Срезневский И. И.* О наречиях славянских // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). СПб., 1841. № 9. С. 1–29.
- 20 *Ratovš F.* Karta slovenskih narečij v priročni izdaji. Ljubljana, 1957. S. 11.
- 21 *Nahtigal R.* Uvod v slovansko filologijo. Ljubljana, 1949. S. 23.
- 22 *Соболевский А. И.* Заслуги И. И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. С. 170.
- 23 Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского... С. 67.
- 24 *Смирнов Л. Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1789–1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 119–120.
- 25 *Рокина Г. В.* Ян Коллар и Россия. История идей славянской взаимности в российском обществе. Йошкар-Ола, 1998. С. 154.
- 26 Российский государственный архив древних актов. Ф. 1274. Д. 2423а. Л. 29.
- 27 *Досталь М. Ю. И. И.* Срезневский... С. 447.
- 28 Отчет о состоянии и деятельности имп. Харьковского университета за 1842/1843. Харьков, 1843. С. 54.
- 29 *Досталь М. Ю. И. И.* Срезневский... С. 95.
- 30 Там же. С. 452, 453.
- 31 Там же. С. 520.
- 32 *Рокина Г. В.* Ян Коллар и Россия... С. 136, 179.
- 33 *Голикова Л. П. И. И.* Срезневский в Словакии: из истории русско-словацких контактов // И. И. Срезневский и современная славистика: наука и образование. Рязань, 2002. С. 72.
- 34 *Досталь М. Ю. И. И.* Срезневский... С. 479, 485, 486.
- 35 Там же. С. 480.
- 36 *Срезневский И. И.* Обзорение черт сродства звуков в наречиях славянских // ЖМНП. 1845. Декабрь. С. 149, 150.
- 37 *Досталь М. Ю.* Как феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 110, 111.

Čurkina I. V.

I. I. Sreznevskij about Slovenes and Slovaks

In 1839–1842 I. I. Sreznevskij was travelling in the Slavic lands of Austria to get prepared for his professorship to head the newly created chair of history and literature of Slavic dialects in Kharkov University. He gave special attention to the study of Slovene and Slovak as less described languages. As a result he created a new classification of Slavic languages that survived until today.

Keywords: *I. I. Sreznevskij, Slovenes, Slovaks, literary language, P. J. Šafárik, L. Štur, S. Vraz, U. Jarník, classification of Slavic languages.*

А. Д. Дуличенко
(Тарту)

**Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ
и «казанская кашубология» второй половины XIX в.**

Статья посвящена исследованию зарождения русской кашубологии в Казанском университете и роли Бодуэна де Куртенэ в этом процессе. Рассматриваются студенческие кашубологические работы Витольда Юшкевича и Чеслава Багенского, отзывы о них профессора А. И. Александрова и судьба этих сочинений. Ключевые слова: *славистика, история науки, русская кашубология, Казанский университет, Бодуэн де Куртенэ, Витольд Юшкевич, Чеслав Багенский, Александр Александров.*

Русская кашубология заявляет о себе в XVIII в.: кашубский языковой материал, наряду с польским, попадает в поле зрения русской славистики еще со времен появления «Сравнительных словарей всех языков и наречий» 1787–1789 гг., в которых кашубщина выделена в качестве самостоятельного языка. В XIX в. в русской славистике П. И. Прейс был первым, кто посетил кашубов и кто настаивал на польском происхождении кашубского языка (1840). И. И. Срезневский в этом плане был осторожнее, он специально интересовался кашубщиной, писал о ней и имел контакт с основоположником кашубского возрождения Флорианом Цейновой, публикуя в России его материалы. Очень много сделал для изучения кашубов и словинцев, которых считал отдельными славянскими племенами, А. Ф. Гильфердинг, автор монографии «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря» (1862). Отдельный очерк развитию кашубской письменности и литературного языка посвятил во втором томе «Лекций по славянскому языкознанию» Т. Флоринский (1897). В 1897 г. кашубской проблематикой заинтересовался финско-российский ученый И. А. Миккола, съездивший к кашубам и опубликовавший в «Известиях ОРЯС» статью «Несколько заметок по кашубским говорам в северо-восточной Померании» (1897). В XX в. интерес к кашубологии усиливается, а в начале 90-х гг. этого века автором этих строк в архиве была найдена и первая кашубская грамматика Ф. Цейновы, написанная в 1840-х гг. по-немецки, но в то время не опубликованная. Подробнее об истории кашубологии в России писали В. А. Францев, Ф. Цейнова, А. Д. Дуличенко и др.¹

Во второй половине XIX в. русская славистика значительно расширяет круг изучаемых ею направлений. Достаточно указать здесь на научную деятельность И. А. Бодуэна де Куртенэ, который занимался различными славянскими и шире – индоевропейскими языками. Примечательно, что именно в это время Бодуэн касается «мелких» языков, на которые обычно не обращали особого внимания либо просто игнорировали. Так было, например, с кашубщиной.

В лекциях в Казанском университете он постоянно обращался к материалу этого языка. Правда, еще до его приезда в Казань местные историки иногда обращались к кашубологии. Если судить по «Годичному акту в Императорском Казанском университете», то уже в 1873 г. отмечены «полным баллом» работы студентов Егора Тихомирова «О Помории Заодерском» и «Очерки Ганзы в связи с колонизацией немцев в земле Балтийских Славян» Николая Коробицина. В 1882 г. награждена была и работа студента Петра Миндалева «Быт Поморских Славян по сказаниям об Оттоне Балебергском». Последней работой, кстати, руководил и Бодуэн де Куртенэ.

В 1877 г. Бодуэн написал рецензию на сочинение П. Стремлера «Фонетика кашубского языка», опубликованное в «Журнале министерства народного просвещения»². Кстати, уже в конце века – начале следующего Бодуэн опубликовал фундаментальные работы по кашубологии – «Кашубский “язык”, кашубский народ и “кашубский вопрос”» (1897) и «Kurzes Resumé der “kašubischen Frage”» (1904)³. Однако это было уже за пределами Казани.

Есть все основания полагать, что Бодуэн де Куртенэ стоял у истоков «казанской кашубологии» и стимулировал ее развитие. По крайней мере, один из его учеников, А. И. Александров (1861 – около 1918), специалист в области сравнительного языковедения и славянской филологии, ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского, курировал кашубологическую проблематику, хотя основные его работы были связаны с балтистикой. А. И. Александров практиковался и писал диссертацию у Бодуэна в Дерпте (Тарту). Позднее, в 1896 г., он стал ординарным профессором славянской филологии в Казанском университете. Именно благодаря Александрову мы знаем о том, что в Казанском университете под его руководством и при его содействии продолжалась кашубологическая традиция.

В 1890 г. в «Годичном акте в Императорском Казанском университете 5 ноября 1890 года» напечатана рецензия проф. А. И. Александрова под названием «Мнение экстраординарного профессора А. И. Александрова о сочинении на тему: “История языка и лите-

ратуры Кашубов” с эпитафией: “...eine schlechte Hypothese besser als keine ist”⁴. Сочинение принадлежит студенту-поляку Витольду Юшкевичу. На трех неполных страницах А. И. Александров достаточно подробно описывает достоинства и недостатки студенческого труда. Работа состоит из небольшого введения, очерка кашубской фонетики, «рассуждения о том, принадлежит ли Кашубский говор к наречию Польскому, или же он должен быть поставлен в связь с вымершим наречием Полабских Славян», затем следуют рассуждения о произведениях народного творчества, а в самом конце работы приложен список слов и оборотов, попавших в кашубский из немецкого языка. Фонетические явления рассматриваются автором сочинения самостоятельно, но с опорой на работы А. Ф. Гильфердинга и других авторов. Рецензент с сожалением отмечает, что «автор почему-то совершенно оставил в стороне явления морфологические и синтаксические в Кашубском наречии»⁵. Что касается кашубского генезиса, то автор сочинения склоняется к мнению И. А. Бодуэна де Куртенэ и А. Ф. Гильфердинга, считавших кашубщину ближе «к вымершему Полабскому говору»⁶. Что касается «народного творчества», то автором сочинения «о литературной деятельности известного доктора Флор. Цейнова сказано несколько слов и представлен только сухой перечень его произведений»⁷. А. И. Александров указывает на недостаточность используемой литературы и предлагает наградить автора сочинения «серебряной медалью»⁸.

В «Годичном акте в Императорском Казанском университете 5 ноября 1899 года» напечатан еще один «Отзыв ординарного профессора А. И. Александрова о сочинении под заглавием “Фонетические и морфологические особенности говоров языка Кашубов”, с эпитафией: “Ч. Псевдоученый”»⁹. Работа написана также студентом-поляком Чеславом Багенским, причем, как пишет рецензент проф. А. И. Александров, «в первой [части] рассмотрены особенности кашубской речи, а вторая представляет диалектологический материал, собранный автором во время поездок в Кашубию, предпринятых им летом 1898 и 1899 года»¹⁰. Таким образом, автор использовал не только данные других исследователей, но и свои наблюдения над живой кашубской речью. Автор сочинения опирался также на работы С. Рамулта, который в своем «Словаре языка поморского или кашубского» (1893) и в позднейших публикациях настаивал на «самостоятельности кашубского языка». Во второй части работы собран «весьма интересный материал, представляющий из себя сказки, пословицы и разговоры, научно-фантастически

записанные и являющиеся ценным материалом для характеристики кашубского говора»¹¹.

Далее рецензент пишет: «Тексты распределены по местностям, на диалектах которых они записаны, с обозначением лиц, сообщавших материал. Тексты собраны из разных деревень Гданской регенции, Вейгеровского и Пуцкого уездов, где в наибольшей чистоте сохранился язык Кашубов, и Гельского полуострова»¹².

Несмотря на мелкие недостатки в работе, автор отмечает: «Это собрание материала имеет значение не для одного только языкознания; оно важно для этнографов и для историков литературы и поэтов, являясь вполне своевременным в виду отмеченной автором быстрой германизации Кашубов, было бы весьма желательным явлением в печати»¹³.

Автор рецензии предлагает присудить Ч. Багенскому золотую медаль¹⁴.

Наши поиски работы Ч. Багенского, как и других авторов «казанской кашубологии», которые мы предприняли в 90-е гг. XX в., не дали результата. Обращения к некоторым профессорам и доцентам Казанского университета ни к чему не привели. На мое письмо от 14 апреля 1996 г. в Центральный государственный архив Казани через три месяца пришел через таллинское посольство России короткий ответ, что указанных работ ни В. Юшкевича, ни Ч. Багенского «не обнаружено». Оставим поиски особенно работы Ч. Багенского для будущего поколения молодых славистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Францев В. А. К истории так называемого кашубского возрождения (Хр. Ц. Мронговиус и Фл. Цейнова в их сношениях с русскими учеными) // Известия ОРЯС. СПб., 1912. Т. 17. Кн. 3. С. 30–76; *Seypowa F.* Kurze Betrachtungen über die kašubische Sprache als Entwurf zur Gramatik / Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert A. D. Duličenko und W. Leheldt. Göttingen, 1998; Дуличенко А. Д. Kaszubiana в русской славистике XIX века // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия 2. Л., 1988. Вып. 1. С. 76–79; Дуличенко А. Д. Из архивных кашубологических находок в России: первая рукописная кашубская грамматика и другие документы XVIII–XIX вв. // *Badania kaszuboznawcze w XX wieku. Materiały pokonferencyjne.* Gdańsk, 2001. S. 237–250.

2 *Бодуэн де Куртенэ И.* [Рец.]: Фонетика кашубского языка. Исследование П. Стремлера // ЖМНП. 1877. Август. С. 307–313.

3 *Бодуэн де Куртенэ И.* Кашубский «язык», кашубский народ и «кашубский вопрос» // ЖМНП. 1897. Апрель. С. 306–357; *Бодуэн де Куртенэ И.* Kurzes Resumé der «kašubischen Frage» // Archiv für slavische Philologie. 1904. Bd. 26. S. 366–405.

4 Мнение экстраординарного профессора А. И. Александрова о сочинении на тему: «История языка и литературы Кашубов» с эпиграфом: «...eine schlechte Hypothese besser als keine ist» // Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1890 года [ошибочно напечатано: 1887 г.; так же и в выходных данных бюллетеня]. Казань, 1890. С. 77–79.

5 Годичный акт... 1890 года. С. 78.

6 Там же.

7 Там же.

8 Там же. С. 79.

9 Отзыв ординарного профессора А. И. Александрова о сочинении под заглавием «Фонетические и морфологические особенности говоров языка Кашубов», с эпиграфом: «Ч. Псевдоученый» // Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1899 года [ошибочно напечатано: 1894 года; так же и в выходных данных бюллетеня]. Казань, 1899. С. 173–176.

10 Годичный акт... 1899 года. С. 173–174.

11 Там же. С. 174.

12 Там же. С. 174–175.

13 Там же. С. 175.

14 Там же. С. 176.

Duličenko A. D.

Ivan Aleksandrovič Baudouin de Courtenay and the Kazan Kaszubian studies of the second half of the XIX century

The article dwells upon the beginning of Russian Kaszubian studies in Kazan University and the role of Baudouin de Courtenay in this process. In the scope of analysis are the student papers of Witold Juszkiewicz and Czesław Bageński, their reviews by professor A. I. Aleksandrov and their later reception.

Keywords: *Slavic studies, history of science, Russian Kaszubian studies, University of Kazan, Baudouin de Courtenay, Witold Juszkiewicz, Czesław Bageński, Aleksandr Aleksandrov.*

М. Э. Клопова
(Москва)

**Национальные движения
восточнославянского населения Галиции XIX–XX вв.
в современной русской и украинской историографии**

Статья содержит анализ современной российской и украинской научной исторической литературы, посвященной проблеме формирования двух направлений в национальном движении восточнославянского населения Галиции. Автор отмечает, что российские исследователи подчеркивают существование реальной альтернативы между двумя этими направлениями, украинские же историки скорее видят в русофильском направлении один из вариантов украинского движения.

Ключевые слова: *Галиция, национальное самосознание, идентичность, украинское и русофильские направления, национальные движения, альтернатива, исторические исследования.*

История Западной Украины полна мифов и нередко является предметом общественно-политических спекуляций. Не будет преувеличением сказать, что основная масса современных потребителей информации воспринимает ее как место зарождения украинского национального самосознания, как в позитивном, так и в негативном смысле. В то же время важнейшей исторической особенностью региона, так же как и всей Украины в целом, долгие годы являлось существование реальной альтернативы в поиске национальной идентичности. Восточнославянское или, как оно само себя называло, «руськое» население австрийской части Украины на протяжении второй половины XIX – начала XX в. стояло перед выбором – считать ли себя частью единого русского народа или же самостоятельного украинского. Существовали носители и других разновидностей этнического самосознания: полонизированные русины в Галиции, мадяроны в Угорской Руси, население Буковины, чью этническую самоидентификацию определяют как «буковинизм».

Целью данной статьи является анализ проблемы исторической альтернативы в процессе формирования национальной идентичности применительно к западноукраинским землям в современной российской и украинской исторической литературе.

В российской историографии интерес к истории Украины заметно повысился с середины 1990-х гг. При этом в отечественной исто-

рической литературе можно выделить две группы исследований. К первой можно отнести работы, посвященные истории национальных движений восточнославянского населения Австро-Венгрии. Среди них следует выделить монографию Н. М. Пашаевой¹, которая на протяжении уже нескольких лет является, по сути, единственным трудом, непосредственно анализирующим одно из направлений национального движения галицийских русинов, а именно, общерусское или русофильское. Автор в значительной степени продолжает традицию, сложившуюся в славянофильских кругах еще в XIX в., согласно которой «Прикарпатская Русь» была неотъемлемой частью единого общерусского культурного и духовного пространства. Основной акцент в монографии сделан на культурной и конфессиональной деятельности русофилов, их полемике с украинской стороной по вопросам языка и литературы. Н. М. Пашаева также отметила, что до конца 1860-х гг. антагонизма между «русским» (русофильским) и украинским движениями практически не существовало, о чем свидетельствуют многочисленные примеры личных контактов представителей обоих направлений. Лишь по мере общей политизации общественной жизни в Галиции эти противоречия усилились и приобрели необратимый характер. Автор подчеркнула, что «в конкретных условиях первых лет дуализма [...] и вплоть до Первой мировой войны политические судьбы русского движения носили во многом тупиковый характер»². Работая много лет над проблемой «русского» движения в Габсбургской монархии, Н. М. Пашаева внесла важный вклад в изучение истории национальных движений в Галиции.

Проблема формирования национального самосознания населения Восточной Галиции рассматривается также в статье В. Н. Савченко³. Констатируя наличие двух взаимоисключающих подходов к национально-политической истории региона – общерусского и украинского, автор поставил перед собой задачу рассмотрения сути и причин расхождения между ними на основе сопоставления источников, отражающих позицию по этому вопросу министерства иностранных дел России, а позднее, в 1920-х гг., – советского руководства. Савченко в целом солидаризовался с общерусской концепцией, считая ее носителей подлинными выразителями интересов восточнославянского населения региона.

Однако при подборе источников исследователь проявил определенную односторонность. В его статье встречаются также фактические неточности, во многом вызванные некритическим отношением к источникам. Это, безусловно, снижает научную

ценность работы, которая, тем не менее, представляет немалый интерес для исследователя.

К вопросу формирования национальной идентичности русинов Галиции неоднократно обращался А. И. Миллер. В своей статье «Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов»⁴ он отметил, что важную роль в этом процессе сыграли два фактора – относительная отсталость Галиции и, как следствие, запаздывание процесса формирования национальной идентичности, и стратегическое значение провинции, находившейся на пограничье двух могущественных империй. Именно влиянием внешнего, в том числе и внешнеполитического фактора Миллер объясняет тот факт, что реальное воплощение получили три варианта национальной идентичности галицийских русинов – пропольский, общерусский и украинский. Первый, доминировавший до 1860-х гг., пришел, с точки зрения исследователя, в упадок во многом благодаря усилиям русского и австрийского правительств, каждое из которых стремилось подорвать чрезмерное польское влияние в крае. Общерусское (русофильское) и украинское направления просуществовали до Первой мировой войны, причем, как отметил автор, «ход и исход этой борьбы может быть понят только при учете внешних по отношению к собственно русинам факторов».

Говоря о русофильском движении, А. И. Миллер отметил сравнительно слабую его поддержку со стороны России и возрастающее негативное отношение венской администрации, что также обуславливалось общим состоянием австро-русских отношений. Применительно к украинскому движению исследователь выделил такой важный момент, как союз поляков и Вены, направленный на поддержку украинской ориентации в ущерб пророссийским симпатиям, поскольку в украинофилах ряд польских политиков видели возможных союзников в борьбе против Российской империи. Важно при этом отметить, что в данной статье речь идет прежде всего о периоде 1860–1880-х гг., когда и украинское, и пророссийское течения только формировались как национальные движения. В дальнейшем политическая ситуация в регионе заметно трансформировалась, однако влияние внешних факторов, в том числе и указанных выше, сохранялось и даже возрастало.

Другая группа работ объединяет исследования, которые непосредственно не посвящены изучению национальных движений русинов Галиции, но касаются их в той или иной степени. Среди них следует отметить монографические исследования того же А. И. Милле-

ра. В его работе, посвященной истории развития украинского вопроса в Российской империи⁵, Галиция рассматривается как своего рода арена политического соперничества реально существовавших проектов. В этом контексте русофильское движение в Галиции выступает как объект политического влияния Санкт-Петербурга в противовес укрепившей свои позиции «украинской партии». При этом автор подчеркнул, что меры, принимавшиеся российской стороной, носили в основном сдерживающий характер: акцент делался не на усилении российского влияния в австрийских владениях, а на недопущении украинских идей в российские пределы. Приводя ряд красноречивых примеров, А. И. Миллер отметил, что подобная политика российских властей была заведомо обречена на поражение. Результатом ее был заметный отток пророссийски настроенных деятелей из Галиции в Россию и, напротив, массовая эмиграция украинофилов, которая привела к тому, что с конца XIX в. Галиция становится идейным центром украинского движения.

К Галиции А. И. Миллер также обратился в своей работе «Империя Романовых и национализм»⁶. История этого региона, по его мнению, подтверждает тезис, что «при изучении национальной политики и процессов формирования наций... важно держать в поле зрения макросистему империй Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых»⁷. Действительно, именно Галиция, возникшая как историческая область в результате разделов Речи Посполитой и испытывавшая на себе влияние самого широкого круга внешних сил, является удачным примером влияния фактора империи на национальные процессы.

И. В. Михутина в своей монографии⁸ говорит о Галиции как о центре украинского движения, оставляя проблемы русофильства несколько в стороне. Автор не рассматривает русофилов как проводников российского влияния накануне и в первые месяцы Первой мировой войны. Следует отметить также монографию А. Ю. Бахтуриной⁹, посвященную политике российских гражданских и военных властей в период оккупации Галиции русской армией в 1914–1915 гг. Автор сосредотачивается на двух направлениях: формирование и деятельность гражданского управления на занятых территориях, а также конфессиональная политика. Бахтурина уделяет значительное место проблемам региона в довоенный период, в том числе украинскому и русскому движениям. При этом автор рассматривает украинское движение прежде всего как инструмент антироссийской политики Вены.

Анализируя современные российские работы, посвященные национальным движениям в Галиции либо затрагивающие их опосредованно, следует отметить несколько моментов. Прежде всего, это общее усиление интереса к проблеме становления национального самосознания восточнославянского населения Австро-Венгрии. Большинство исследователей выделяют ряд характерных для этого процесса черт, прежде всего наличие реального выбора между общерусской и украинской идентичностью, а также влияние внешнего фактора.

В современной украинской историографии проблемы развития национального самосознания восточнославянского населения Галиции занимают значительное место. На наш взгляд, в первые годы существования независимого государства украинские историки стремились скорее к созданию новой национальной идеологии, нового исторического мифа, нежели к серьезным фундаментальным исследованиям. Современные исследователи украинского движения в Галиции во многом опирались на те представления, которые сложились еще в начале XX в., причем непосредственно в среде галицийских украинофилов, и, таким образом, несли на себе отпечаток политической борьбы давно прошедшего времени. Именно благодаря этому в первой половине 1990-х гг. были возвращены в научный оборот работы М. Грушевского, В. Липинского, М. Аркаса, впервые изданы на родине труды И. Лысяк-Рудницкого, Н. Шлемкевича, О. Субтельного. Столь активное издание практически недоступных в советское время сочинений позволило существенно расширить научные горизонты украинских исследователей.

Параллельно в начале 1990-х гг. на Украине вышел целый ряд работ, авторы которых стремились к созданию целостной и широкой картины украинской истории, охватывающей значительные периоды времени – от нескольких десятилетий до столетий. Немалое место в этих исследованиях занимала и история западноукраинских земель, прежде всего благодаря той роли, которую сыграли деятели украинского движения в Галиции в становлении украинской национальной идеи. В этом ряду стоит особо выделить книгу известного украинского историка Я. Грыцака¹⁰, написанную на хорошем теоретическом уровне и вместе с тем доступным широкому читателю языком, что было особенно важно для популяризации нового видения истории Украины. Как и многие другие украинские исследователи, Грыцак говорит о населении Галиции исключительно как об украинцах, при этом важно отметить, что автор использует

термины «русский» и «украинский», фактически ставя между ними знак равенства.

Возникновение и развитие русофильского движения Грыцак объясняет недостаточной зрелостью национального сознания «русского» населения и невыгодными для украинского движения политическими обстоятельствами, прежде всего усилением польского влияния в регионе в последней трети XIX в. При этом автор выделяет в русофильском движении две группы – «старорусинов», опиравшихся на общую для всего восточнославянского населения древнерусскую историческую традицию, на церковнославянскую литературу; и «москвофилов», ориентировавшихся на современную Российскую империю.

По мнению Грыцака, усиление позиций галицийских русофилов на фоне активизации антиукраинской политики в Российской империи могло оказаться роковым для судеб украинского национального самосознания, если бы не целенаправленные усилия российских украинцев, увидевших в Галиции плацдарм для развития всего украинского движения. В результате с конца 1880-х гг. преобладающей силой в Галиции становятся украинофилы. При этом Грыцак в целом следует уже сложившейся традиции, в соответствии с которой украинское движение в Галиции последовательно развивалось от национально-культурного к политическому, охватывая широкий идеологический спектр, от консервативных до леворадикальных взглядов. Русофильское же движение являлось скорее «побочным продуктом» развития национального самосознания в австрийской Украине, нежели одной из его полноценных форм.

В середине 1990-х гг. в изучении истории национальных движений в австрийской Украине произошли заметные изменения. Отныне все больше внимания стало уделяться исследованию конкретных исторических проблем на основе глубокого анализа исторических источников. Это совпало, по словам одного из львовских историков, с появлением нового поколения исследователей, свободных от влияния идеологических стереотипов¹¹. В центре их интересов были такие проблемы, как формирование национального самосознания, возникновение первых политических организаций галицийских русинов, польско-украинские отношения во второй половине XIX – начале XX в., история греко-католической церкви. Безусловно, в рамках настоящей статьи нет возможности подробно осветить все работы, касающиеся указанной проблематики, однако стоит остановиться на анализе наиболее характерных для данной тематики исследований.

Работы львовского историка О. Середы посвящены проблеме формирования национального самосознания галицийских русинов во второй половине XIX в. При этом автор постоянно расширяет сферу своих исследований, стремясь охватить больший временной промежуток и тем самым проследить динамику развития национальной идентичности. В статье «Место России в дискуссиях о национальной идентичности галицких украинцев в 1860–1867 гг. (по материалам прессы)»¹² СерEDA подчеркивает, что вопрос отношения к России был одним из самых дискуссионных. Сделав целый ряд интересных наблюдений относительно эволюции взглядов русофилов и украинцев, автор приходит к заключению, что на восприятие России галицийской общественностью оказывали влияние как внутренняя борьба в среде самих галичан, так и изменения в австро-российских отношениях.

Тему формирования национальной идентичности СерEDA развивает в другой своей статье, посвященной политической программе первой украинской партии – «Народной Рады»¹³. С точки зрения исследователя, изучение идеологии «народовцев» в ранний период их деятельности имеет особое значение, поскольку, с одной стороны, она до сих пор остается сравнительно мало изученной, а с другой – этот временной промежуток приходится на период конституционных реформ в Габсбургской монархии. Исследователь отмечает, что «ранние народовцы», то есть деятели украинского движения 1860-х гг., мыслили в категориях, характерных для периода позднего романтизма. Они стремились к сближению с украинским движением Надднепрянской Украины прежде всего путем развития национальной культуры и языка, перенося на галицийскую почву такие элементы украинского движения, как увлечение народной культурой и казацкими традициями, внедрение нового фонетического правописания и т. д. Говоря о политической программе «ранних народовцев», СерEDA приходит к выводу, что она сложилась во второй половине 1860-х гг., когда из-под пера редактора «Меты» К. Климковича вышел ряд статей, посвященных политическому положению русинов и перспективам их дальнейшего развития, которые Климкович связывал с Габсбургской империей. В то же время, как подчеркивает автор, несмотря на незрелость движения «ранних народовцев», было бы неверным недооценивать их роль в формировании украинской национальной идентичности.

Тему поиска национальной идентичности О. СерEDA продолжил и в своем докладе, прочитанном на V конгрессе украинистов в 2002 г.¹⁴

На примере трех известных представителей галицко-русской интеллигенции, И. Наумовича, Б. Дедицкого и о. В. Терлецкого, автор проследил тенденции развития национальной идеи в Галиции. Будучи в молодости типичными представителями полонизированной русинской интеллигенции, все они постепенно пришли к осознанию своей национальной идентичности. При этом Наумович и Дедицкий стали заметными представителями русофильского направления, а Терлецкий примкнул к украинскому лагерю. Подобные, если не более неожиданные, изменения происходили и во взглядах других политически активных галичан. Анализируя причины этого явления, Середа приходит к выводу, что, обретая свою национальную идентичность в достаточно зрелом возрасте, участники национального движения рассматривали ее как некую концепцию, которую можно и принять, и отвергнуть.

Наряду с проблемой формирования национального самосознания русинского населения Галиции большой интерес украинской историографии вызывает история украинских политических организаций, а также польско-украинские отношения 1880–1890-х гг. Истории двух избирательных кампаний посвящена монография О. Аркуши¹⁵. Автор отмечает, что с началом конституционной эпохи в Габсбургской монархии открылся и новый период в истории украинского движения. Парламентская и околопарламентская деятельность стала неотъемлемой частью политической жизни галицийских украинцев на рубеже XIX–XX вв. При этом особое значение для них имела работа в галицийском сейме. На примере работы сейма, по мнению автора, можно проследить, как нарастали польско-украинские противоречия, как неоднократно предпринимались попытки поиска компромисса, всякий раз заканчивавшиеся неудачей. При этом О. Аркуша подчеркивает, что большое значение имела не только собственно деятельность сейма, но и избирательные кампании, в ходе которых вырабатывались политические программы, заключались временные союзы. Каждая кампания была своего рода срезом общественной жизни, высвечивавшим интересы различных политических групп, существовавшие между ними противоречия, и исследование Аркуши позволяет существенно расширить наши представления о политической жизни Галичины.

Говоря о тенденциях в современной украинской историографии, безусловно, следует отметить усиление интереса к истории русофильского движения. Именно здесь особенно заметны изменения во

взглядах исследователей, произошедшие за последние десятилетия. Ранее уже отмечалось, что вслед за советской историографией в первые годы независимости украинские авторы оценивали русофильство исключительно негативно, не вдаваясь в подробный анализ этого явления. В середине 1990-х гг. в украинской исторической литературе наметилась новая тенденция – исследование деятельности русофилов в Габсбургской монархии как составной части единого украинского национального движения. На протяжении длительного времени украинские исследователи утверждали, что еще до 1848 г. в среде «русской» интеллигенции сложился четкий образ сугубо украинской национальной идентичности. Автоматически это накладывало на русофилов печать отступничества, причинами роста популярности их идей считались внешние факторы, прежде всего финансовая поддержка со стороны России. В то же время внимательное и непредвзятое изучение источников привело к тому, что украинские исследователи все чаще стали рассматривать русофильское движение как закономерный этап развития украинского национального самосознания. Одним из первых шагов в этом направлении можно назвать статью С. Макаруча¹⁶, в которой автор, первоначально исходя из указанного выше тезиса, тем не менее пришел к выводу, что русофильское движение было сложным и противоречивым явлением, включавшим в себя разнообразные подходы, в том числе и достаточно «украинские» по духу.

Русофильское движение как закономерный этап развития общественной и национальной мысли в восточнославянских владениях Габсбургов рассматривается в монографии О. Сухого¹⁷. В ней исследователь проследил, с одной стороны, оформление русофильского движения и его переход на пророссийские позиции, а с другой – воздействие на этот процесс внешнего фактора, в данном случае – политики Российской империи. По мнению львовского исследователя, возникновение русофильского течения в рамках формирования национального самосознания восточнославянского населения Галиции можно рассматривать как одно из проявлений общего для большинства народов Европы процесса осмысления своей идентичности. В результате в первой трети XIX в. «русская» элита, осознав свою самобытность по отношению к полякам, одновременно почувствовала свое родство с южно- или малороссийским населением соседней Российской империи, не определив при этом ни точных границ его расселения, ни отличий малороссов от великороссов. При этом автор отмечает, что ни в годы революции 1848–1849 гг., ни в последующие

десятилетия отношения между русофилами и украинофилами не носили конфронтационного характера. Более того, их позиции по тем или иным вопросам были нередко идентичными.

Говоря о влиянии России на процесс поиска галицийскими русинами собственной национальной идентичности, О. Сухий подчеркивает, что в это время ни правящие круги Российской империи, ни российское общественное мнение не сформировали единого, целостного представления о Галиции. Этот регион воспринимался как часть общерусского исторического и культурного пространства. При этом именно в русофилах и тем, и другим виделась сила, способная поддерживать и развивать осознание общерусского единства и противостоять польскому натиску и поддерживаемому поляками украинскому направлению. В то же время, опасаясь обострения отношений с Габсбургской монархией, российские официальные круги сохраняли дистанцию в отношениях с пророссийски настроенными галичанами, и основная часть контактов с ними приходилась на долю общественных, прежде всего славянских организаций.

Среди исследований украинских специалистов необходимо особо выделить статью М. Мудрого и О. Аркуши¹⁸. Отметив, что в украинской историографии русофильство является слабоизученным явлением, с которым связано значительное количество мифов и стереотипов, авторы постарались дать всесторонний анализ генезиса русофильского движения. При постановке проблемы они подчеркнули, что широко используемые в украинской литературе термины «москвофильство», «москвофилы» не соответствуют всей широте явления и не отражают полностью его содержания. По их мнению, внутри всей обширной группы деятелей общерусского направления следует выделить несколько категорий. К старорусинам Мудрый и Аркуша отнесли первую генерацию галицийских общественных деятелей, чьи взгляды отличались от воззрений первых украинских активистов. Русофилами они называют представителей той части старорусинов, чьи взгляды носили пророссийский характер, к москвофилам же, по мнению авторов, следует относить тех русофилов, которые ориентировались не на общерусское культурное пространство, а собственно на Россию, ясно осознавали различия между Россией и Украиной. Последняя группа была достаточно малочисленной и не располагала, по мнению украинских исследователей, каким-либо влиянием в рамках общего русофильского направления.

Тему русофильского движения в Австрийской монархии продолжают и материалы круглого стола «Русофильство в австрийской Галиции: современные исторические исследования и уроки», состоявшегося в декабре 2000 г. в Русском культурном центре во Львове¹⁹. Особый интерес эти материалы представляют в том числе и потому, что наряду с историками Л. Зашкильняком, М. Мудрым и С. Марчучоком в его работе приняли участие и современные львовские сторонники пророссийской ориентации Л. Соколов, С. Евсеев и др. Заметим, что представители «украинской» стороны склонны рассматривать русофильство как одно из направлений украинского движения, которое возникло в процессе трансформации старых архаичных стереотипов мышления в конституционный период развития Австро-Венгрии. Модернизация галицийского общества неизбежно должна была привести и в итоге привела к упадку русофильского движения. Напротив, их оппоненты видят в русофильском или, как они его чаще называют, «русском» движении в Галиции закономерное явление, чья гибель была обусловлена внешними, а не внутренними факторами.

Таким образом, в восприятии процесса формирования национальной идентичности восточнославянского населения Габсбургской монархии между российскими и украинскими исследователями существует принципиальная разница. Российские исследователи, как правило, рассматривают общерусское и украинское движения как две альтернативы, и, соответственно, одним из основных является вопрос о причинах упадка русофильского направления. В свою очередь, украинские историки изначально трактуют национальное движение восточнославянского населения Австро-Венгрии как украинское, а русофильство рассматривается ими как один из его вариантов, который неизбежно должен был сойти с исторической сцены по мере складывания зрелого украинского национального самосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Пашаева Н. М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001.

2 Там же. С. 79.

3 *Савченко В. Н.* Восточная Галиция на историческом перепутье. 1910 – начало 1920-х гг. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 133–189.

4 *Миллер А. И.* Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 68–75.

5 *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

6 *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. М., 2006.

7 Там же. С. 33.

8 *Михутина И. В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX в.). М., 2003.

9 *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.

10 *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX століття. Київ, 2000.

11 *Мудрий М.* Галицьке русофільство в сучасній історіографії: стан і перспективи дослідження // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 2001. Вип. 9. С. 254–281.

12 *Середа О.* Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках (за матеріалами преси) // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 157–171.

13 *Середа О.* Національна свідомість і політична програма раних народовців у Східній Галичині (1861–1867) // Вісник Львівського університету. Сер. історична. Львів, 1999. Вип. 34. С. 199–214.

14 *Середа О.* У пошуку національної ідеї: індивідуальні зміни національної ідентичності серед руської інтелігенції Східної Галичини. 1848–1880 // П'ятий конгрес Міжнародної асоціації українців. Чернівці, 26–29 серпня 2002 р.: Історія, ч. 1–3. Чернівці, 2003, 2004, 2005.

15 *Аркуша О.* Галицький Сейм. Виборчі кампанії 1889 і 1895 рр. Львів, 1996.

16 *Макарчук С.* Москвофільство: витоки та еволюція ідеї (середина XIX ст. – 1914 р.) // Вісник Львівського університету. Львів, 1997. Сер. історична. Вип. 32. С. 82–98.

17 *Сухий О.* Від русофільства до москвофільства (російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті). Львів, 2003.

18 *Аркуша О., Мудрий М.* Русофільство в Галичині на середині XIX – на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Львів, 1999. Сер. історична. Вип. 34. С. 231–269.

19 Русофільство в австрійській Галиції: сучасні історичні дослідження і уроки. По матеріалам круглого стола 02.XII.2000 / Сост. А. В. Труханенко. Львов, 2000–2002.

Klopova M. E.

National movements of the East Slavic population of Galicia
in the 19th–20th centuries in recent Russian
and Ukrainian historical literature

The article suggests the analysis of recent Russian and Ukrainian works, dealing with the problem of the emergence of the two trends in the national movement among the East-Slavic population of Galicia. As the author puts it, Russian scholars rather underline that there was a real alternative between these two trends, while their Ukrainian counterparts tend to treat the Rusophil direction as a variation of the Ukrainian movement.

Keywords: *Galicia, national consciousness, identity, Ukrainian and Rusophil trends, national movements, alternative, historical studies.*

В. В. Марьина
(Москва)

Создание и начало деятельности Комиссии историков СССР и ЧССР (1967–1968 гг.)

В статье говорится об обстоятельствах, предшествовавших созданию Комиссии историков СССР и ЧССР, влиянии событий «Пражской весны» 1968 г. на диалог между учеными двух стран, о роли, которую идеологическое руководство КПСС играло в судьбах советской науки.

Ключевые слова: *Комиссия историков СССР и ЧССР, идеология, «Пражская весна».*

Комиссия историков СССР и Чехословакии – так она официально называлась вначале¹ – была создана формально в 1966 г. в соответствии с планом научного сотрудничества в области общественных наук между академиями наук СССР и ЧССР². Сопредседателями Комиссии стали академики Петр Николаевич Поспелов (1898–1979) и Йозеф Мацек (1922–1991). В ЧССР тогда стремительно менялась общественно-политическая обстановка, бурно шел процесс вызревания Пражской весны, расшатывалась идеологическая основа коммунистического режима. По мнению его адептов, под предлогом культа личности Сталина протаскивались антисоветские взгляды и создавалась угроза отрыва Чехословакии – форпоста СССР на Западе – от лагеря социализма. В подготовке Пражской весны активно участвовали деятели культуры, а также чешские и словацкие историки³, о чем, в частности, советское посольство в Праге информировало Москву. Например, 28 марта 1966 г. советник-посланник И. И. Удальцов⁴ сообщал на Старую площадь, где находилось здание ЦК КПСС, о беседе с секретарем ЦК КПЧ Й. Гендрихом следующее:

«[Я] сказал т. Гендриху, что, насколько я знаком с последними статьями чехословацких историков, у меня складывается впечатление, что в основе некоторых неправильных положений, содержащихся в этих статьях, лежит отказ от классового подхода к оценке исторических событий и деятельности отдельных лиц. Это, по моему мнению, проявилось, в частности, в статье Я. Кршена о Э. Бенеше и в некоторых других статьях.

Тов. Гендрих согласился с этим и сказал, что он считает этот вопрос главным при характеристике положения в чехословацкой исто-

рической науке. Отход от классовых позиций у некоторых историков объясняется, с одной стороны, серьезным влиянием западной буржуазной науки, а с другой стороны, политической и теоретической незрелостью ряда молодых историков, которые проявляют большую активность, но не имеют необходимого идейного фундамента. [...] Гендрих рассказал о состоявшейся 11 марта в ЦК КПЧ его встрече с группой ведущих историков и отметил, что он не вполне удовлетворен тем, как она прошла, поскольку ее участники больше ставили вопросы организационного характера, чем историко-партийные и теоретические проблемы».

Далее, по словам И. И. Удальцова, Гендрих остановился на дискуссии в связи с выходом в свет книги Г. Гусака «Свидетельство о Словацком национальном восстании»⁵, подвергшейся критике в опубликованной с ведома Президиума ЦК КПЧ статье В. Крала⁶.

Тогда в центре внимания чешских и словацких историков, занимавшихся проблемами современности, находилась тематика Второй мировой войны и антифашистского освободительного движения чешского и словацкого народов. Разрабатывались вопросы истории первых послевоенных лет, в частности, развернулась дискуссия о характере революции 1944–1948 гг. в стране. Многие чехословацкие историки, анализируя сложные процессы этого периода, снова обратились к забытому в 1950-е гг. термину «чехословацкий путь к социализму», активно обсуждались возможности альтернативной сталинизму модели демократического социализма и роли Национального фронта в послевоенной истории страны. Однако в целом эти дискуссии, несомненно, имевшие творческий и новаторский для своего времени характер, не вышли (да и не могли тогда выйти) за рамки марксистско-ленинской доктрины с ее незыблемым постулатом о руководящей роли рабочего класса во главе с компартией в революциях XX в. Тем не менее дискуссии и новые подходы к оценкам событий недавнего прошлого вызвали интерес в чехословацком обществе, содействовали подъему его активности и национального самосознания.

Руководство КПЧ и ЧССР было явно обеспокоено начавшимся в обществе идеологическим брожением. Встревожено этим было и советское посольство в Праге. В его политическом отчете за 1966 г. говорилось, что в отчетный период «продолжалось с нарастающей силой идеологическое давление с Запада, под воздействие которого попали значительные слои населения, прежде всего – интеллигенции и молодежи. Seriously активизировались внутренние враждебные

элементы [...] это также оказало отрицательное воздействие на определенные слои интеллигенции, служащих государственных учреждений и молодежи. Именно в этих слоях стало нарастать проявление антисоциалистических и антисоветских настроений, вызывавших серьезную озабоченность и тревогу у руководства ЦК КПЧ», который «оказался перед необходимостью принимать неотложные меры для оздоровления обстановки, пресечения антисоциалистических и антисоветских проявлений [...] выражением тенденций, противостоящих политике ЦК КПЧ, явились попытки некоторых работников хозяйственных органов, государственного аппарата, идеологических учреждений, определенных групп интеллигенции ослабить связи и сотрудничество ЧССР с Советским Союзом, расширить контакты с Западом, опорочивать деятельность КПЧ и органов народной власти в прошлом и настоящем, распространять социалистические, мелкобуржуазные взгляды, противопоставлять молодежь старшему поколению и т. п. Эти тенденции проявились в ряде фильмов, произведений художественной литературы и изобразительного искусства, в позиции ряда литературно-художественных, молодежных и даже историко-партийных журналов. Борьба этих двух тенденций нашла отражение и в рядах КПЧ»⁷.

В «Политическом письме» посольства СССР за первый квартал 1966 г. «О некоторых вопросах, связанных с возможными внешнеполитическими мероприятиями в отношении ЧССР на ближайшие годы» (24 марта 1966 г.) высказывались рекомендации относительно укрепления политических и экономических отношений между обеими странами. Важное место, считали авторы письма, должны занять «проблемы нашего идеологического влияния [...] факты настоятельно требуют разработки в Центре акций, направленных на активное противодействие идеологическому натиску Запада, а также на усиление внешнеполитической пропаганды и идеологического влияния Советского союза на социалистические страны [...] Как нам известно, руководство КПЧ весьма обеспокоено проникновением западной идеологии в ЧССР [...] Важным вопросом, на наш взгляд, является более четкая разработка идеологических установок. Одновременно назрела необходимость уточнить и вопрос о главной опасности в международном коммунистическом и рабочем движении. В последние годы, прежде всего в связи с раскольническим курсом китайского руководства и осуществлением линии XX съезда КПСС на ликвидацию последствий культа личности, острое идеологической борьбы было направлено против догматизма. В то же время

была несколько ослаблена борьба против ревизионистских тенденций. Следует отметить, что издержки курса по ликвидации последствий культа личности были особенно чувствительны в тех братских партиях и странах, где этот курс переплетался с тенденциями так наз[ываемой] либерализации внутривластной жизни. Все это, по нашему мнению, требует усиления борьбы за чистоту марксизма-ленинизма как против догматизма, так и против ревизионизма. Ослабление борьбы с ревизионизмом может привести к тому, что он превратится в главную опасность в нашем движении, особенно в настоящих условиях»⁸.

В Советском Союзе в это время, с одной стороны, явно обозначилась тенденция отхода от линии XX и XXII съездов КПСС, с другой – начало оформляться движение инакомыслящих, представители которого стремились к продолжению демократического преобразования общества и пытались донести свое, отличное от официального, мнение до слуха общественности. Среди них были и историки. Так, в частности, несогласие с существовавшей тогда концепцией коллективизации сельского хозяйства в СССР попытался высказать и историк-аграрник В. П. Данилов. Под его руководством коллектив молодых ученых подготовил двухтомный коллективный труд, основанный на архивных материалах, доступ к которым с 1959 г. несколько приоткрылся. После Пленума ЦК КПСС в октябре 1964 г. по распоряжению Отдела науки ЦК КПСС типографский набор этой монографии был рассыпан. С критических позиций по вопросу об отношении партии к интеллигенции и науке в условиях научно-технической революции выступили в 1965 г. академики А. М. Румянцев (тогда член ЦК КПСС, редактор «Правды», вскоре освобожденный от этой должности) и физик П. Л. Капица. Накануне XXIII съезда КПСС (февраль 1966 г.) Л. И. Брежнев получил письмо 25 представителей науки и культуры, указывающих на опасность ресталинизации в стране. Последовали гонения на интеллигенцию. В феврале 1966 г. перед Верховным судом СССР предстали и были приговорены к тюремному заключению писатели Ю. Даниэль и А. Синявский, обвиненные в антисоветской пропаганде. Вскоре за книгу «1941, 22 июня» из рядов КПСС был исключен, а потом уехал за границу историк А. М. Некрич⁹. Ужесточилась цензура. В октябре 1967 г. научная и творческая интеллигенция направила в ЦК КПСС «Петицию о свободе слова», в которой предлагалось принять закон о печати и отменить цензуру. «Развитие демократической общественной мысли в СССР шло в это время в том же направлении, что и в Чехословакии»¹⁰.

В атмосфере ожидания «идеологического подкопа» в недрах партийного аппарата ЦК КПСС и возникла, по-видимому, мысль о создании советско-чехословацкой комиссии историков. Можно даже предположить, что идея исходила от И. И. Удальцова, историка по образованию, в недалеком прошлом директора Института славяноведения АН СССР. О. В. Павленко, исследовавшая вопрос об освещении советским посольством в Праге ситуации в ЧССР в 1967–1968 гг., считает, что «люди, работавшие в посольстве и формировавшие основные информационные материалы, играли большую роль в выработке советской политики». Тем более что информация от Удальцова, например, поступала непосредственно Л. И. Брежневу, А. А. Громыко, заведующему Отделом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами К. В. Русакову¹¹.

Опасение со стороны советских и чехословацких партийных верхов в подрыве идеологических основ коммунистического режима и содействовало вызреванию мысли об усилении сотрудничества советских и чехословацких историков с целью если не контроля, то наблюдения за положением дел в чехословацкой историографии и настроениями развивших высокую политическую активность историков. Первое, по сути, организационное, заседание Комиссии историков СССР и ЧССР состоялось в Праге 24–29 мая 1967 г. Советскую и чехословацкую делегации возглавляли соответственно П. Н. Поспелов и Й. Мацек¹². В состав советской делегации входили также член-корр. АН СССР А. М. Самсонов (заместитель председателя), к.и.н. П. И. Резонов (ученый секретарь), к.и.н. Г. А. Белов (Главное архивное управление при СМ СССР), член-корр. АН СССР Ю. А. Поляков, д.и.н. А. И. Недорезов, к.и.н. Я. Б. Шмераль. Чехословацкая делегация была более многочисленной. Помимо академика Й. Мацека в нее входили член-корр. ЧСАН П. Рейман (заместитель председателя), к.и.н. З. Сладек (ученый секретарь), к.и.н. Б. Граца (директор Института истории КПС при ЦК КПС), к.и.н. Т. Гохштайгер (директор Института военной истории), член-корр. ЧСАН Л. Голотик (директор Института истории САН), д.и.н. В. Крал (директор Истории европейских социалистических стран ЧСАН), к.и.н. Й. Грозиенчик (директор Института европейских социалистических стран САН), д.и.н. Я. Кладива, кандидаты исторических наук Ф. Яначек, О. Яначек, Й. Сладек. На открытии заседания с чехословацкой стороны присутствовали В. Коуцкий (секретарь ЦК КПЧ), И. С. Гаек (министр образования ЧССР), З. Фирлингер (председатель ЦК Союза чехословацко-советской дружбы), Й. Гавлин (заведующий Отдела школ и науки

ЦК КПЧ), Й. Шимек (заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПЧ), П. Олива (председатель научной коллегии по вопросам истории), А. Шнейдарек (директор Института международной политики и экономики), Й. Чтвречка (работник ЦК КПЧ). С советской стороны в открытии заседания участвовали С. В. Червоненко (Чрезвычайный и полномочный посол СССР в ЧССР), И. И. Удальцов (советник-посланник посольства СССР), С. И. Прасолов (советник посольства СССР). Заседание открыл президент ЧСАН академик Фр. Шорм. Репрезентативность чехословацкой стороны на заседании свидетельствовала о том огромном значении, которое придавалось работе Комиссии в Чехословакии.

Академик Й. Мацек от имени чехословацкой части комиссии и академик П. Н. Поспелов от имени советской части в своих выступлениях подчеркнули значение сотрудничества советских и чехословацких историков в деле укрепления дружбы между народами обеих стран и высказали ряд соображений об основных задачах, стоящих перед комиссией¹³. Было обсуждено и принято «Положение о Комиссии историков СССР и ЧССР», в котором формулировались ее задачи и определялось основное содержание деятельности. Рассматривались и другие вопросы: выполнение Протокола совещания делегаций Президиума АН СССР и Президиума ЧСАН от 14.06.1966 г. о научном сотрудничестве в области исторических наук (В. Крал и П. И. Резонов); подготовка в Чехословакии конференции, посвященной 50-летию образования ЧСР, V конгресса славистов в Праге в 1968 г., международного конгресса историков в Москве в 1970 г.; совместная публикация документов по истории советско-чехословацких отношений в 1917–1945 гг. (В. Крал); содействие работе историков в архивах СССР и ЧССР. Члены Комиссии приняли также участие в общегосударственном симпозиуме, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (25–26 мая, Либлице), посетили ряд институтов ЧСАН, встретились с сотрудниками архива и издательства ЧСАН, а также активом Союза чехословацко-советской дружбы (председатель З. Фирлингер). Работа Комиссии широко освещалась чехословацкой печатью¹⁴.

Согласно принятому на заседании Положению о работе Комиссии предусматривались ее ежегодные совместные заседания поочередно в той и другой стране. Предметом обсуждения на них могли стать теоретические и методологические вопросы по актуальным проблемам исторической науки, а также доклады и сообщения о результатах и планах исследований по исторической проблемати-

ке. Определялись важнейшие задачи Комиссии: оказание помощи в расширении координационной деятельности советских и чехословацких историков; выдвижение тем для обсуждения на совместных научных форумах; содействие координации работы историков обеих стран в период подготовки и проведения международных встреч, конгрессов, конференций; оказание взаимной помощи при получении архивных материалов и научной литературы; определение наиболее важных направлений исследовательской работы, по которым было бы целесообразно создание совместных или координируемых трудов¹⁵. Как видно из сказанного, задачи Комиссии и направления ее деятельности были весьма разнообразны. Это давало возможность оказывать соответствующее советское влияние – нет сомнений, что именно такова была главная цель созданной Комиссии – на развитие исторической науки в Чехословакии, уклонившейся с марксистско-ленинского пути.

Второе заседание Комиссии состоялось в Москве 28–31 мая 1968 г., то есть за три месяца до вторжения войск стран – участниц Варшавского договора в Чехословакию. Секретариат ЦК КПСС 27 мая 1968 г. рассмотрел ряд материалов, связанных с подготовкой этого заседания, а именно: Записку Отдела науки и учебных заведений и Отдела ЦК КПСС «О заседании советско-чехословацкой Комиссии историков» (с согласием секретарей ЦК КПСС); сопроводительную записку АН СССР в ЦК КПСС от 16 мая 1968 г.; записку председателя советской части Комиссии историков СССР–ЧССР П. Н. Поспелова; план проведения заседания советско-чехословацкой Комиссии историков в мае-июне 1968 г.¹⁶

Научная часть заседания проходила в конференц-зале Института истории СССР АН СССР (ул. Дмитрия Ульянова, 19). О том, какое значение придавалось этому мероприятию, свидетельствовало присутствие на его открытии академика-секретаря Отделения истории АН СССР Е. М. Жукова, членов Бюро Отделения академиков А. А. Губера, И. И. Минца, С. Д. Сказкина. Советскую делегацию возглавлял П. Н. Поспелов, чехословацкую – директор Института истории компартии Словакии Б. Граца¹⁷. Й. Мацек почему-то не приехал. Возможно, у него как члена ЦК КПЧ в то время возникли более важные дела внутри страны. Чешские историки тогда активно участвовали в пропаганде идей Пражской весны. 26 июня 1968 г., например, 300 историков новейшего времени, собравшиеся на философском факультете Карлова университета, выступили с требованием свободы науки и беспрепятственного распространения результатов научной ра-

боты, высказались за естественную конкуренцию всех марксистских и немарксистских школ, потребовали освобождения исторической науки от политической и идеологической опеки, отказа от существовавших методов управления научной работой, создания автономных демократических организаций самих историков. В мае-июне 1968 г. на страницах партийной прессы («*Rudé právo*», «*Život strany*») были опубликованы статьи секретаря ЦК КПЧ по идеологии Ч. Цисаржа, в которых доказывалось, что ленинизм может рассматриваться как одна из интерпретаций марксизма, пригодная только для некоторых стран. Возможно, предполагалось, что путем публикации статьи Цисаржа настроения и некоторые мысли части чехословацкого исторического сообщества, поднявшегося на защиту своих прав, можно будет донести до советских коллег. Советский философ академик Ф. К. Константинов выступил в «Правде» (14 июня 1968 г.) против Цисаржа, которого поддержали Ф. Шорм, Й. Мацек, Й. Гайек и др.¹⁸

Й. Мацек в Москву не приехал. Но состав чехословацкой делегации на втором заседании Комиссии был весьма импозантен. Для участия в нем прибыли чл.-корр. ЧСАН Л. Голотик (директор Института истории САН), Т. Гохштайгер (директор Военно-исторического института), Й. Грозиенчик (директор Института истории европейских социалистических стран САН), З. Шолле (вице-президент Чехословацкого общества историков) и др. Но открытых представителей новых веяний в чехословацкой исторической науке было мало. Вероятно, не случайно значительную часть делегации составляли словацкие историки, представленные директорами основных словацких исторических институтов: в Словакии тогда активную часть общества волновало в первую очередь решение национального вопроса, претворение в жизнь требования федерализации Чехословакии, а не общие направления ее демократизации.

На втором заседании Комиссии обсуждалась важная научная проблема: «Образование самостоятельного Чехословацкого государства в 1918 г. (к 50-летию возникновения)». В то время эта тема особенно интересовала чешских историков, а словацких – постольку, поскольку она связывалась с решением национального вопроса в ЧСР. С основным докладом выступал доцент К. Пихлик (ЧССР), который, проанализировав обстановку, сложившуюся в Чешских землях и Словакии в годы Первой мировой войны, акцентировал роль чешской и словацкой эмиграции в создании ЧСР, разобрал концепции, программы и планы различных ее группировок. Такой взгляд на проблему вовсе не соответствовал оценкам марксистской

исторической науки, представлявшей образование ЧСР как результат влияния Великой Октябрьской социалистической революции на развитие чешского и словацкого национально-освободительного движения, главную роль в котором играли народные массы. Развернулась полемика. Возражавшие докладчику (В. М. Турок-Попов, И. И. Минц, Л. Голотик, Я. Б. Шмераль, З. Шолле) подчеркивали решающее значение Октябрьской революции, коренным образом изменившей расстановку сил на международной арене и всей стратегии империалистических держав. При оценке роли буржуазных лидеров чехословацкого национально-освободительного движения большинство участников дискуссии, как с советской, так и с чехословацкой стороны, склонялись к тому, что необходим более глубокий научный подход к этому вопросу, что следует учитывать классовые позиции и другие побудительные мотивы, накладывавшие отпечаток на деятельность, политику и тактику Т. Г. Масарика, Э. Бенеша, М. Р. Штеффаника. Известная их роль в борьбе за создание чехословацкого государства не отрицалась, но особое внимание обращалось на их стремление затормозить дальнейшее углубление революции, задержать ее на общедемократическом этапе, не допустить, чтобы рабочий класс Чехословакии пошел по пути русского Октября.

О внешней политике молодого советского государства и ЧСР в первые годы ее существования говорили А. Х. Клеванский, А. О. Чубарьян, З. Сладек, А. Е. Иоффе, о революционном движении на территории Закарпатской Украины – И. Н. Мельникова, о выступлении чехословацкого легиона против советской власти – В. Вавра. Были заслушаны научно-информационные сообщения по интересующим обе стороны вопросам: о допуске в архивы и предоставлении архивных материалов исследователям (начальник Главного архивного управления при Совмине СССР Г. А. Белов и представитель Чехословацкого архивного управления К. Гренер), о применении в СССР математических методов и электронных счетных машин в исторических исследованиях (И. Д. Ковальченко), о разработке в ЧССР истории СССР и КПСС (Ф. Яначек) и изучении в СССР истории Чехословакии (А. И. Недорезов) и др.

Следующее заседание намечено было провести в Чехословакии в мае-июне 1969 г., посвятив его проблемам Второй мировой войны и советско-чехословацким отношениям в эти годы¹⁹. Но встреча не состоялась. Этому помешали события августа 1968 г., начавшийся в Чехословакии процесс «нормализации» и последовавший затем разгром чешского, в меньшей мере словацкого исторического

фронта²⁰. Работа Комиссии на несколько лет была прервана. Она восстановила свою деятельность по обоюдному согласию сторон в 1972 г. Пост председателя советской части Комиссии по-прежнему занимал П. Н. Поспелов, чехословацкую ее часть возглавил академик Йозеф Поулик, директор Института археологии ЧСАН. Я была назначена ученым секретарем советской части Комиссии, а затем стала заместителем ее председателя (в моем личном архиве сохранились некоторые материалы работы Комиссии). Всего она провела 20 заседаний и фактически прекратила свое существование, собравшись последний раз в Москве, тоже на ул. Дмитрия Ульянова, 19, в сентябре 1989 г., то есть в канун распада СССР и свершения так называемой «бархатной революции» в ЧССР. В середине 1990-х гг. начала действовать российско-чешская Комиссия историков и архивистов. Ее сопредседателями являлись академик Г. Н. Севостьянов и д.и.н. Ф. Яначек. Аналогичная российско-словацкая Комиссия была создана позже, в 2000 г. Российскую ее часть возглавил тогда чл.-корр. (позже – академик) РАН В. А. Тишков, словацкую – д.и.н. Михал Барновский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Позднее она получила наименование: Комиссия историков и архивистов СССР и ЧССР.

2 Об этом упоминалось в докладе главного ученого секретаря Президиума АН СССР академика Я. В. Пейве на годичном собрании АН СССР в 1967 г. См.: Вестник АН СССР. 1967. № 3. С. 188–189.

3 См. подробнее: *Марьина В. В.* Чешская и словацкая историческая наука на пути к ноябрю 1989 г. и в первое десятилетие после него // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. С. 280–324; *Она же.* Историческая наука на переломе: чешские и словацкие историки на пути к «Пражской весне» и после ее подавления // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива (далее – 1968 год. «Пражская весна»). М., 2010. С. 687–709.

4 Иван Иванович Удальцов (1918–1995): историк, дипломат, сотрудник аппарата ЦК КПСС (1950–1954), директор Института славяноведения АН СССР (1959–1962), заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС (1962–1965), советник-посланник советского посольства в Праге (1965–1970).

5 Книга в срочном порядке была переведена на русский язык, когда Г. Гусак в апреле 1969 г. занял пост первого секретаря ЦК КПЧ.

6 *Джалилов Т. А.* К вопросу о влиянии советского фактора на чехословацкие события 1964–1967 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 58.

7 Там же. С. 60.

8 Там же. С. 61.

9 Книга вышла в свет в 1965 г. в Издательстве «Наука» тиражом 50 тыс. экземпляров. Она была обсуждена, одобрена и рекомендована к печати на совещании, организованном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС по инициативе Комитета по делам печати 16 февраля 1966 г. Тем не менее А. М. Некрич в конце года был исключен из КПСС по постановлению Комитета партийного контроля, в котором говорилось: «Исключить члена КПСС Некрича Александра Моисеевича, члена КПСС с марта 1943 года [...] за преднамеренное извращение в книге «1941, 22 июня» политики ко]ммунистической партии и советского правительства накануне и в начальный период Великой Отечественной войны, что было использовано зарубежной реакционной пропагандой в антисоветских целях». Постановление подписано членом Политбюро ЦК КПСС, председателем КПК А. Я. Пельше. Книга была изъята из продажи и библиотек, часть тиража ликвидирована (www.alieng.ru/d/hist/hist099.htm).

10 *Мурашко Г. П.* «Пражская весна» и советская интеллигенция: к вопросу о формировании «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму // 1968 год. «Пражская весна». С. 389–399, 404.

11 *Павленко О. В.* Советское посольство в Праге о ситуации в ЧССР в 1967–1968 гг. // 1968 год. «Пражская весна». С. 93, 96.

12 П. Н. Поспелов (1898–1979), доктор исторических наук, историк КПСС, в 1961 – мае 1967 г. – директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, с мая 1967 г. – член Президиума АН СССР; Й. Мацек (1922–1991), в 1952–1970 гг. – директор Института истории ЧСАН, выступил против оккупации ЧССР войсками пяти стран – участниц Варшавского договора в августе 1968 г. В 1969–1970 гг. снят со всех постов и исключен из КПЧ. В 1970–1988 гг. работал в Институте чешского языка, затем – в Институте археологии ЧСАН.

13 Заключительный протокол о 1-м заседании Комиссии историков СССР и ЧССР. – Личный архив автора.

14 *П[авел] Р[езонов]*. Заседание Комиссии историков СССР и ЧССР // Советское славяноведение. 1967. № 6. С. 103–104.

15 Положение о Комиссии историков СССР и ЧССР. Принято на

заседании Комиссии историков СССР и ЧССР в Праге 26 мая 1967 г. – Личный архив автора.

16 В Российском государственном архиве новейшей истории рассекречен материал о событиях в Чехословакии в 1967–1969 гг. (Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 4. Оп. 20. Д. 997. Л. 151–160. Постановления Секретариата ЦК КПСС с приложенными материалами). См.: Бюллетень рассекреченных документов федеральных государственных архивов. М., 2008. Вып. 9.

17 Богумил Граца – выпускник Ленинградского государственного университета, был снят с поста директора Института истории КПС и репрессирован в период «нормализации».

18 *Prečan V.* V kradeném čase. Výběr ze studii, článků, a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994. S. 322–324; *Hanzal J.* Cesty české historiografie 1945–1989. Praha, 1999. S. 154–157.

19 *П[авел] Р[езонов]*. Второе совместное заседание Комиссии историков СССР и ЧССР // Советское славяноведение. 1968. № 6. С. 124–125.

20 См. подробнее работы В. В. Марьиной: примечание 3.

Mar'ina V. V.

The creation and the beginning of the activities
of the Historical commission of USSR and CSSR (1967–1968)

The article tells about the circumstances, which preceded the foundation of the Joint Commission of Historians of the USSR and CSSR, the impact of the Prague Spring of 1968 on the dialogue between scholars of the two countries, the role the ideological leadership of the CPSU played in the destiny of the Soviet academia.

Keywords: *Commission of historians of the USSR and Czechoslovak Socialist Republic, Ideology, «Prague Spring».*

Д. В. Карев
(Гродно)

Белорусоведение в контексте европейской славистики XX – начала XXI в.

Статья посвящена анализу историографической традиции и источников по истории становления зарубежного белорусоведения в странах Западной Европы и ЕС второй половины XX – начала XXI в. На основе изучения данных источников делаются предварительные выводы, характеризующие степень изученности проблемы, специфику основных групп источников, на базе которых проводится историко-культурологическая реконструкция данной проблемы, намечается круг основных задач, решение которых позволит создать целостную системную картину изучаемого явления.

Ключевые слова: *зарубежное белорусоведение, белорусская диаспора, университетские и академические центры, историография и источники проблемы.*

Особенностью развития белорусоведения и белорусской историографии конца XVIII – начала XX в., их роли в процессе становления национального исторического сознания белорусов, является коренная эволюция парадигм. Отрасли гуманитарного знания, по преимуществу шляхетские (по своему социальному профилю), «краевые» (по предмету исследования) и «билингвистичные» (по типу исторического сознания) в конце XVIII – начале XIX в., к концу XIX – началу XX в. становятся национальными, выдвинувшими на авансцену исторического рассмотрения судьбу народов, а не государства и его правящей элиты. Определяющая роль в формировании белорусской историографии и белорусоведения, своеобразии основных этапов, пройденного ими исторического пути принадлежит политическому фактору (политика правительства царской России и вызванные ею неоднократные изменения социально-политического контекста, в рамках которого развивалась белорусская и украинская культура этой эпохи)¹.

Развиваясь в рамках полуторавекового спора разнонаправленных историографических потоков (шляхетского, официально-охранительного, либерального и демократического, народнического), белорусская историография напряженно искала свой образ, свое

место в системе славянских историографий XIX – начала XX в. И в зависимости от политической и идеологической ориентации этих потоков находила их то в растворении и подчинении великодержавной идее единой Речи Посполитой или Великой России и Империи, то в открытии своего собственного национального и культурного исторического «Я» (белорусские народники – демократы), попытке создания народной, а не государственной историографии («западнорусизм»).

Рождение белорусской национальной историографии было трудным и искусственно заторможенным имперской политической системой. И все же у белорусов «ребенок» родился и, быстро пройдя возрасты детства и отрочества, вступил в пору напряженных юношеских раздумий, историографической рефлексии о месте белорусов в мировой семье народов, о пройденном ими историческом пути и перспективах их развития в будущем. По сравнению с первой половиной XIX в., в начале XX в. значительно расширились горизонты исторического видения белорусской историографии, изменилось содержание объекта и предмета исследований. Ученые, интересовавшиеся преимущественно историей политической и конфессиональной, обратили свое внимание на историю социальных отношений, крестьянства, белорусского города, белорусской культуры. В рамках ее структуры наметилось выделение «отраслевых» отделов, без методов которых малопродуктивно реалистическое постижение исторических факторов, явлений и самого исторического процесса в целом (историческое краеведение, историческая география, этнография, археология, археография и архивоведение, источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины). С помощью российской либеральной, университетской исторической науки белорусская историография была неплохо оснащена для дальнейшего изучения прошлого своего народа.

И хотя по темпам и степени профессионального созревания белорусская историография и белорусоведение значительно отставали как от россиеведения, так и украиноведения, накопленный ими потенциал был достаточным для дальнейшего развития в режиме «автономного плавания».

Как показывают наблюдения за историографической практикой XX столетия, у историков БССР и Республики Беларусь в конструировании концепций этнополитической истории Белоруссии нашли отражение три основных концептуальных и политических подхода к изучению истории белорусов, сформировавшиеся к концу XIX – на-

чалу XX в. («западнорусизм»; либерально-позитивистский, народнический – национал-демократический)².

Изучение источников позволяет утверждать, что первое двадцатилетие XX в. – это переломное, «рубежное» время не только для создания национально-ориентированных концепций прошлого Беларуси (в основном на базе исследований по истории Великого княжества Литовского (ВКЛ)), но и для первых попыток донести их в формате генеральных репетиций 1917–1920 гг. до массового сознания белорусов (работы М. Довнар-Запольского, В. Ластовского, братьев А. и И. Луцкевичей, В. Ивановского, Е. Канчера, В. Игнатовского, А. Цвикевича). Тогда же белорусский этнос получил ощутимые, хотя и неоднородные в идеологическом и политическом плане, импульсы для развития исторического сознания.

По масштабам и степени этого воздействия на историческое сознание белорусского этноса белорусская историография к началу XX в. значительно отставала от украинской. Главные причины отставания в уровне профессиональной и «орудийной» зрелости мы усматриваем в четырех основных факторах: 1) разном «качестве» и этнической ориентированности украинской и белорусской интеллектуальных элит XIX – начала XX в.; 2) наличии в украинской историографии XIX – начала XX в. профессиональных университетских центров гуманитарного и исторического образования; 3) различиях в политике российского правительства относительно Украины и Белоруссии XIX – начала XX в.; 4) сохранившихся традициях значимости этнически ориентированной «исторической памяти» украинских элит XIX – начала XX в. в отличие от элит белорусских. Можно вполне согласиться с доказательными выводами современного белорусского этнолога П. В. Терешковича о том, что формирование белорусской национальной общности в ареале Центрально-Восточной Европы XIX–XX вв. протекало в «едва ли не наименее подходящих для этого условиях», когда практически все значимые для успешного развития национального движения факторы либо были слабо выражены (рыночная активность, урбанизация, социальная мобильность, грамотность, этнолингвистическое и конфессиональное своеобразие), либо вообще отсутствовали (университетские центры, «историчность», «Пьемонт»). Поэтому очевидное запаздывание национальной консолидации белорусов в XIX – начале XX в. носило объективно обусловленный характер³. Замедленное, по сравнению с украинской историографией, развитие белорусской историографии как «индикаторной лампочки» и фактора, влияющего на содержание

и характер исторического сознания белорусов, в этом плане достаточно объективно отражает данные процессы. Этот же момент запаздывания позволяет понять, почему белорусская народническая интеллектуальная элита конца XIX – начала XX в. так активно использовала украинский опыт создания национального идеологического проекта в качестве ближайшего аналога, а белорусские историки (М. В. Довнар-Запольский и др.) испытали явное влияние исторической концепции М. С. Грушевского.

В 20–80-е гг. XX в. перед белорусоведением вставала и другая важная задача – знакомство с богатой культурной традицией и историей своей страны народов-соседей. Однако до конца 1980-х гг. решалась она крайне неэффективно и непоследовательно. Главные «виновники»: неблагоприятный социально-политический и идеологический контекст советского периода существования БССР (физическое истребление интеллектуальной элиты Беларуси в 30–40-е гг. XX в.; политика сворачивания национально-культурных традиций; жесткое идеологическое противостояние со странами Запада и др.). Это привело к тому, что реальными трансляторами «образа Беларуси» в европейском культурном пространстве в 30–80-е гг. XX в. выступали представители белорусской эмиграции за рубежом. Поэтому данная статья посвящена главным образом анализу историографической традиции и источников по истории становления зарубежного белорусоведения в странах Западной Европы и ЕС второй половины XX – начала XXI в.

В современных условиях приобретения Республикой Беларусь реального суверенитета и глобализации международных отношений большое значение приобретает информация об «образе» молодого европейского суверенного государства в общественном сознании международного сообщества, особенно тех государств, которые связаны с сегодняшней Беларусью тесными экономическими, политическими и культурными отношениями. Вопросы сотрудничества с зарубежными странами, поиска своего места в мировом культурном пространстве на сегодняшний день особенно актуальны для нашей страны. Важное место во внешней политике Беларуси отводится контактам со странами Европейского союза и СНГ. Партнерские отношения с этими странами не ограничиваются лишь политическим и экономическим сотрудничеством, большое значение в развитии двусторонних отношений имеют связи в сфере культуры, науки и образования. «Образ» страны (в данном случае Беларуси) формируется и в сфере правительственной политики, и

в культурном, медийном контекстах этих государств в основном на базе аналитических оценок экспертного сообщества (прежде всего исследователей-славистов и тех влиятельных представителей белорусской диаспоры, которые так или иначе представляют Беларусь в этих странах).

Поэтому изучение истории и современного состояния зарубежного белорусоведения является актуальным и позволяет выявить причины, условия и механизмы формирования системы историко-культурологического знания о Беларуси в европейском страноведческом «ландшафте». Это дает возможность получить полезную информацию для формирования научно обоснованной культурной политики, которую проводят Министерство иностранных дел РБ, Министерство культуры РБ, Министерство образования РБ, НАН Беларуси относительно стран – партнеров Беларуси в мировом политическом и культурном сообществе с конца XX в. и до начала XXI в. Кроме того, научная актуальность данной проблемы обусловлена и фактической слабой разработанностью представленной тематики в белорусской и зарубежной историографии и культурологии второй половины XX – начала XXI в. Все вышесказанное позволяет утверждать, что намечаемое исследование способствует в значительной мере восполнению этого пробела и дает возможность научным и правительственным кругам, широкой общественности нашей страны более точно определить степень знания о Беларуси в научно-культурном пространстве зарубежных стран Европы.

Целью нашего исследования в данном направлении, начатого в рамках отдельного проекта Государственной комплексной программы научных исследований (ГКПНИ) РБ в 2011 г., является комплексное изучение и выявление специфики процесса генезиса и формирования белорусоведения в Европе и Северной Америке XVI – начала XXI в., рассматриваемого на фоне социокультурного и политического контекстов взаимоотношений Беларуси со странами этих континентов в данное время. Основным объектом исследования (ближайшим «научным» контекстом) для такого рода исследования является история зарубежного белорусоведения новейшего времени. Предметом исследования является история зарождения и формирования белорусоведения в этих субрегионах. Исходя из такого понимания предмета исследования, в качестве первостепенных выделяются и основные задачи, без которых невозможно системно-аналитическое представление данного феномена:

– раскрытие характерных особенностей и степени разработанности данной проблемы в предшествующей историографической традиции и источниковом «поле» XX – начала XXI в.;

– выявление причин (политического, социокультурного и научного характера), определивших особенности генезиса и становления белорусоведения в XX – начале XXI в.;

– исследование специфики основных этапов и форм изучения Беларуси и ее культуры в научной славистической традиции и исследовательской практике представителей белорусской диаспоры этих стран (XX – начале XXI в.);

– определение основных направлений и доминантной проблематики белорусоведческих исследований в этих странах в данный период как на персональном (работы ведущих славистов этих стран, посвященных Беларуси и ее культуре), так и на институциональном уровне (университетские и академические научные центры Европы и СНГ; культурно-просветительские и научные центры белорусской диаспоры этих стран);

– выделение «зон влияния» оценок экспертного сообщества этих стран, исследующего историю и культуру Беларуси, на формирование «образа» Беларуси в СМИ и культурной политике государств этих континентов относительно Республики Беларусь.

В формулировании рабочей гипотезы своего исследования мы исходили из следующих представлений:

– на зарождение интереса к Беларуси в политической элите и научном сообществе Европы XX века оказали самое непосредственное влияние: 1) социально-политический контекст, связанный с итогами Первой и Второй мировых войн и той заметной ролью, которую играла Беларусь в этих событиях как часть Российской империи и БССР как часть Советского Союза; 2) белорусская диаспора, осевшая в странах зарубежной Европы и СНГ в 20–90-е гг. XX в. и создавшая первые культурно-просветительские и научные центры на их территории; 3) развитие в рамках славистики особого политизированного направления – советологии – в странах Западной Европы;

– эволюция и оформление белорусоведения как отдельного направления в славистике стран ЕС и СНГ 90-х гг. XX – начала XXI в. определялись: 1) распадом СССР и рождением нового суверенного государства – Республики Беларусь; 2) активизацией влияния белорусской диаспоры как части экспертного сообщества этих государств на процесс принятия правительственных решений в сфере национально-культурной и внешней политики относительно «бе-

лорусской проблемы»; 3) формированием отдельного белорусоведческого направления в среде академического научного сообщества Великобритании, Польши, РФ, Украины, ФРГ, США и Канады, специализирующегося на изучении культуры и истории восточнославянских этносов государств СНГ (университетские, академические и аналитические центры при правительственных организациях).

Проблемы истории формирования белорусоведения в странах Европы очень фрагментарно и выборочно отражены в отечественной и зарубежной исследовательской традиции. В этом плане можно назвать лишь небольшое число работ по сопряженной тематике, раскрывающих социально-политический и культурный контекст международных культурных и научных связей Беларуси со странами Европы и США 80-х гг. XX – начала XXI в. (исследования Д. Кривошея, В. Шадурского, Л. Короленок, А. Ледневой, Л. Языкович, Л. Власовой, Н. Воробей, Дж. Робертс, А. Егорова, О. Голубович, А. Розанова, Г. Сергеевой и др.). Работ, специально посвященных данной проблеме, за исключением статей А. Ледневой, Г. Сергеевой и Л. Языкович, практически нет. В отечественной исторической науке нет и специальных работ, в которых бы содержался анализ зарубежной историографии по вопросу генезиса и формирования белорусоведения в Европе XX – начала XXI в.

В то же время, как показывает изучение библиографических источников и работа с ресурсами Интернета, изучение данной проблемы вполне может опираться на достаточно представительную, широкую и разнообразную в видовом отношении источниковую базу (источников как опубликованных, так и архивных).

К группе опубликованных источников, изданных в Республике Беларусь и имеющих первостепенное значение для исследования нашей проблемы, относятся многочисленные публикации и интервью белорусских послов в странах ЕС и СНГ. Вопросы двусторонних контактов (в том числе научных и культурных) отражены в много-томном издании «Внешняя палітыка Беларусі», выпущенном Издательским центром БГУ⁴.

Неоднократно белорусская проблематика была предметом внимания ведущих СМИ этих стран в связи с достаточно сложным характером политических взаимоотношений стран западного сообщества ЕС с Беларусью со второй половины 90-х гг. XX в. и интересом к яркой личности первого Президента РБ А. Г. Лукашенко (газеты «Обсервер», «Файнэншл таймс», «Индепендент», «Таймс», «Гардиан», «Зюдойче Цайт», «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», журна-

лы «Дипломат», «Экономист», «Таймс», «Форбс», «Белорусская хроника», «Шпигель» и др.). Нередко проблематика белорусских культурных и научных связей с соседними народами привлекала внимание в эти же годы и периодической печати Беларуси: газеты «Звязда», «Советская Беларусь», «Рэспубліка», «Голас Радзімы», «ЛіМ», «Веды», «Культура»; журналы «Беларуская думка», «Беларускі гістарычны часопіс»; периодические научные издания Национального научно-просветительского центра им. Ф. Скорины «Беларусіка = Albaruthenika», «Кантакты і дыялогі» и др. Публикуемая в этих изданиях информация, помимо личных оценок авторов статей и интервьюируемых деятелей культуры и внешнеполитических ведомств Беларуси, Великобритании, ФРГ, США и Канады, включает в себя и официальные дипломатические документы юридического характера, на основе которых в 90-е гг. XX – начале XXI в. создавались «правовые рамки» международных отношений этих стран в сфере культурного и научного сотрудничества⁵.

В значительной мере эта информация дополняется и корректируется архивными источниками из фондов правительственных и научных учреждений, непосредственно связанных с реализацией культурной политики этих государств в сфере международных отношений. Это официальные ноты правительств, отчеты о визитах, встречах, круглых столах, аналитические справки о состоянии культурного и научного сотрудничества.

Хранящиеся в фондах белорусских архивов документальные коллекции по периоду 70–80-х гг. XX в. дополняют и в значительной мере конкретизируют эту информацию. Здесь в первую очередь заслуживают внимания документы Национального архива Республики Беларусь (фонд МИДа БССР, фонд Белорусского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами). В Центральном научном архиве Национальной академии наук Беларуси содержится достаточно полная и многообразная в видовом отношении информация, отражающая научные связи между Беларусью и государствами Европы в 70–90-е гг. XX в. Постсоветский период в истории культурных и научных связей этих государств наиболее полно представлен в документах посольств РБ в странах ЕС и СНГ: отчетах, аналитических записках, справках, переписках по проблемам межкультурного сотрудничества.

Активное вовлечение в сферу международного культурного и научного сотрудничества с 90-х гг. XX в. университетских, вузовских и академических центров Республики Беларусь, где в эти годы появляются специальные структуры, ответственные за осуществле-

ние международных контактов (отделы зарубежных связей и управления международных отношений), привело к созданию новых документальных комплексов, раскрывающих развитие научного сотрудничества между Беларусью и государствами ЕС и СНГ на уровне специализированных учреждений научно-исследовательского характера. Здесь прежде всего можно выделить фонды тех университетов и научных центров Беларуси, где научное сотрудничество с академическим сообществом этих стран приобрело вполне конкретный предметный характер (Белорусский государственный университет, Национальный научно-просветительский центр им. Ф. Скорины, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Белорусский государственный лингвистический университет, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы и др.⁶

Сегодняшняя ситуация, связанная с широким внедрением в практику научных и культурных коммуникаций компьютерных технологий и Интернета, позволяет исследователям данной проблемы на порядок расширить свои возможности в поиске источников по изучаемой проблеме через быстро растущую систему электронных ресурсов: сайты Форин Офис Великобритании, МИД ФРГ, МИД РБ, МИД РФ, университетских, исследовательских и аналитических центров, занимающихся белорусоведческой проблематикой в этом регионе. В Великобритании это: 1) Школа славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета; 2) Институт российских и восточноевропейских исследований университета Ноттингема; 3) Центр по изучению рукописей славянской и восточноевропейской коллекции Британской библиотеки; 4) Библиотека-музей им. Ф. Скорины в Лондоне. В ФРГ наибольшее внимание истории и культуре Беларуси уделяли в 90-е гг. XX – начале XXI в. кафедры восточноевропейской истории университетов Тюбингена, Бремена, Мюнхена, Геттингена, Констанцы, Гамбурга, Киля, Берлина, Украинского университета в Мюнхене, Института военной истории в Потсдаме и др.⁷

Отдельным видом источников, дающим расшифровку мотивации деятельности исследовательских учреждений, где в той или иной степени прозвучала белорусоведческая проблематика, являются изданные в 90-е гг. XX – начале XXI в. мемуары активных деятелей белорусской диаспоры Запада, которые играли видную роль в формировании интереса научной общественности этих стран к истории культуры Беларуси (В. Кипель, З. Кипель, Я. Запрудник, В. Тумаш, В. Жук-Гришкевич, М. Белямук, Е. Калубович, о. Ч. Сипович, о. А. Надсон, Ю. Веселковский, П. Урбан, В. Пануцевич и др.)⁸.

Но самым главным в ракурсе заявленной темы, на наш взгляд, является комплекс источников историографического характера – работы историков, литературоведов, филологов и искусствоведов европейского зарубежья XX – начала XXI в., в чьих исследованиях белорусская проблематика занимает доминирующее или очень существенное место (в Великобритании: монографии и статьи Л. Горшко, Ч. Сиповича, А. Надсона, Дж. Дингли, Д. Клиера, А. Макмиллана, Г. Пикарды, В. Рич, Э. Вильямса, А. Тихоновецкого, И. Огинского, Ю.Веселовского; в ФРГ – П. Урбана, И. Любочко, Р. Линднера, А. Зам, Б. Кьяри, А. Лоренц; в США и Канаде – Я. Запрудника, В. Тумаша, Л. Окиншевича, В. и З. Кипелей, М. Белямука, З. Когута, С. Плохия, Д. Марплс, Р. Шпарлюка, З. Гимпелевич, Ю. Туронка, А. и Е. Мироновичей, О. Латышонка и др.). В их работах нередко была представлена цельная система взглядов на особенности исторического процесса на белорусских землях и оценки, основанные на результатах собственных исследований по отдельным важнейшим аспектам истории белорусской культуры (белорусская ментальность, выдающиеся деятели белорусской культуры и их роль в становлении этнополитического и исторического сознания белорусов, роль христианских конфессий в формировании системы ценностей белорусского этноса, роль политического фактора в судьбе белорусского народа и его культуры и др.). С их деятельностью было связано инициирование многих важных научных и культурных акций по знакомству англичан, немцев, поляков, французов с культурой и историей Беларуси в 50–90-е гг. XX в. (проведение круглых столов, конференций, семинаров). Материалы и личные архивы этих историков, культурологов позволяют создать достаточно полное, системное представление о процессе формирования традиций научного белорусоведения в этих странах после Второй мировой войны.

Период 1950–70-х гг. XX в. можно считать временем становления историографических традиций в трактовке западными учеными культуры и истории Беларуси. Рассматривая проблемы становления белорусоведения в странах ЕС, следует отметить, что до конца 80-х гг. XX в. интерес к Беларуси проявлялся чаще всего не как к самостоятельному государству. В большинстве исследований Беларусь изучалась как составная часть многонациональных государств: ВКЛ, Речи Посполитой, Российской империи, СССР. Поэтому до провозглашения независимости Республики Беларусь отдельных центров белорусоведения на территории стран ЕС не существовало. Вопросы истории и культуры Беларуси изучались отдельными

учеными, которые работали в центрах, занимающихся исследованием истории и культуры восточных славян. Особый интерес в таких исследованиях вызывала Россия как политически и экономически мощное государство. Беларусь чаще всего упоминалась в контексте данных исследований.

Важно и то, что не все явления белорусской культуры и истории в одинаковой степени притягивали внимание зарубежных славистов Европы. Пробуждение интереса к истории и культуре Беларуси со стороны европейского научного сообщества было тесно связано с событиями и эпохами, где история стран ЕС явственно резонировала в белорусском историко-культурном контексте. Знакомство с основными источниками – историческими исследованиями европейских ученых-славистов 50–90-х гг. XX в. – позволяет выделить следующие исследовательские тематические доминанты:

- X–XII вв. (контакты кривичей и немцев (тевтонов));
- Киевская Русь и Священная Римская империя;
- XIII–XV вв. (борьба балтских и восточнославянских народов, народов Восточной Европы с Тевтонским орденом);
- Реформация на восточнославянских землях;
- Магдебургское право на восточнославянских землях;
- «Саксонский период» в истории ВКЛ и Речи Посполитой;
- война 1812 г. (участие армии Рейнского союза в войне на территории современной Беларуси);
- Первая и Вторая мировые войны;
- события 1939 г.;
- распад СССР и постсоветская РБ.

Наиболее интенсивным исследованиям в работах, например, немецких славистов новейшего времени подвергались проблемы, связанные с историей взаимоотношений восточнославянского мира и Германии в период Первой и Второй мировых войн. Несомненно, темы Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации занимают лидирующее место в трудах немецких ученых о Беларуси.

Большинству исследований в странах Западной Европы 50–80-х гг., посвященных истории восточнославянских народов, был присущ субъективизм, тенденциозный подход, антисоветская направленность, описательный характер. Недостаток объективности во многих работах определялся в первую очередь отсутствием достаточной информации об истории и культуре Беларуси, стереотипами и представлениями о советской действительности. Несмотря

на то, что белорусоведение не стало самостоятельным объектом крупных исследований в тот период, большой фактический материал, многие обобщения и оценки не потеряли своей актуальности и на сегодняшний день, явились фундаментом для дальнейшего развития белорусоведения в Западной Европе как самостоятельной исторической дисциплины.

Второй этап изучения Беларуси в славяноведении Европы начался на рубеже 80–90-х гг. XX в. и продолжается до настоящего времени. Основным критерием его выделения является уже не столько идеологическая направленность исследований, сколько институциональный аспект. Процессы, происходившие в Европе и СССР в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., коренным образом повлияли на развитие белорусоведения, что связано с появлением интереса европейских славистов и политиков к Беларуси как к независимому и суверенному государству, как к значимому политическому и экономическому партнеру. Белорусская тематика, например, в ФРГ сегодня прочно входит в круг научных интересов А. Рара, А. Зам, А. Лоренц, Р. Линднера, Б. Кьяри, Х.-Л. Ферстера, Д. Зиберт и других авторов, которыми в последние годы написаны многочисленные статьи и крупные научные монографии по истории и культуре Беларуси. Для этих работ характерен глубокий анализ белорусской культуры и истории, широкое использование документальных и архивных источников.

Таким образом, даже первичное с знакомство имеющейся пока еще незначительной историографической, исследовательской традицией изучения проблемы становления белорусоведения в странах Европы показывает одновременно отсутствие в историческом белорусоведении систематизирующего, обобщающего ее рассмотрения в комплексе. Никто из белорусских и зарубежных европейских авторов-славистов не проводил специального исследования по истории зарождения и формирования белорусоведения в Европе в период XX–XXI вв. В то же время имеющееся источниковое «поле» выглядит весьма представительным и перспективным как в плане научной реконструкции исследуемого феномена в целом, так и в плане изучения составляющих его компонентов в частности (научно-исследовательские институты, университетские центры, творчество наиболее видных славистов-исследователей и др.)⁹.

Изучение истории и культуры Беларуси к началу XXI в. стало заметным явлением европейской традиции исследования обществ и культур восточнославянских народов. Это направление в европейской славистике обладает определенными традициями и опытом

теоретико-концептуального осмысления, хотя по интенсивности, масштабности и глубине исследовательских наработок оно еще явно уступает славистическим традициям изучения «россики», «полоники» и украиноведения¹⁰.

Сравнение тех путей, которыми прошли отечественное и зарубежное белорусоведение в XX в., позволяет сделать несколько выводов предварительного характера: 1) в своем исследовании истории и культуры отечественное и зарубежное белорусоведение стояли на различных методологических позициях (марксистских и позитивистских в БССР и СССР и плюралистичных – от неопозитивизма до постмодернизма – на Западе); 2) отечественная белорусистская традиция, несомненно, выглядит более основательно в аспекте привлечения и освоения корпуса источников по истории Беларуси; 3) в силу политического и идеологического противостояния Запада и СССР в 20-е – начале 80-х гг. обе эти историографические традиции развивались подобно двум непересекающимся «параллельным прямым», что, несомненно, не пошло на пользу как одной, так и другой историографической традиции; 4) в связи с последним в нашей историографии обнаруживается настоятельная необходимость профессионального непредвзятого осмысления того вклада, который был внесен зарубежным белорусоведением в исследование проблемы роли и места Беларуси в истории Восточной Европы и разработки новых концептуальных подходов к этой проблеме с учетом этих реалий¹¹.

К XXI в., по сравнению с началом XX столетия, узнаваемость Беларуси в европейском славистическом контексте выросла очень существенно. Но и сегодня как на Востоке Европы (в странах СНГ и Балтии), так и на Западе (Великобритания, ФРГ, Франция) отсутствуют влиятельные научно-аналитические институты, сфокусированные на белорусскую проблематику. Если попробовать разместить эти страны по степени интенсивности исследовательских знаний о Беларуси, то выстраивается следующая «рейтинговая линейка»: 1. Польша; 2. Россия и Литва; 3. Украина; 4. ФРГ; 5. Чехия и Словакия; 6. Великобритания; 7. Франция. Причем в этом знании Беларуси преобладают две составляющие: филологическая и политологическая. Знание истории, экономики, культурных традиций страны, как правило, идет «вторым и третьим планом». Очевидно, что отсутствие сбалансированного, системного знания о народе-соседе для России, Украины, Литвы, Латвии и Польши имеет не только научно-познавательное, но серьезное геополитическое значение для выработки эффективной внешней политики. Сегодняшняя ситуация с недостаточно значимой степенью

транслируемости образа Беларуси в европейском славистическом и экспертном пространстве – серьезный сигнал для правительственных кругов самой Республики Беларусь о необходимости перехода от «деклараций о намерениях» к реальной эффективной культурной политике в европейском геополитическом и социокультурном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Карев Д. В.* Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального сознания белорусов и украинцев. Вильнюс, 2007. С. 253–257.

2 Там же. С. 254–256.

3 *Терешкович П. В.* Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004. С. 198.

4 *Карев Д. В., Карева А. Д., Змитрукевич А. А.* Восточнославянский мир в зарубежном белорусоведении второй половины XX – начала XXI в.: историографические и источниковедческие аспекты проблемы (Великобритания, ФРГ, США и Канада) // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2009. Вып. 10. С. 11–22.

5 Там же.

6 Там же.

7 *Караў Д.* Беларусы і беларусазнаўства ў ЗША і Канадзе ў другой палове XX стагоддзя // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 6. С. 21–25; *Карава А.* Беларусы і беларусазнаўства ў Вялікабрытаніі ў 1940-я – 1990-я гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 6. С. 26–30; *Змитрукевич Г.* Беларуская дыяспара і беларусазнаўства ў ФРГ у другой палове 1940-х – 1990-я гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 6. С. 31–34.

8 *Караў Д.* Беларуская гістарыяграфія XX ст. – адна з крыніц фарміравання менталітэту нацыі // Беларускі гістарычны часопіс. 1995. № 3. С. 99–107.

9 Там же.

10 Там же.

11 *Сяргеева Г.* Гісторыя Беларусі ў даследаваннях нацыянальнай эміграцыі // Беларусіка = Albaruthenicaio. Мінск, 1995. Кн. 5. Культура беларускага замежжа. С. 39–47; *Карев Д. В., Змитрукевич А. А., Карева А. Д.* Великое княжество Литовское в отечественном и зарубежном белорусоведении XX – нач. XXI в. // Смена парадигм в историографии всеобщей истории в Республике Беларусь и Российской Федерации: сборник научных статей. Гродно, 2013. С. 388–400.

Karev D. V.

Belarussian studies in the context of European Slavic studies
in the 20th–21st centuries

The article is dedicated to the analysis of the historiographic tradition and the sources for the history of Belarussian studies in Western Europe and European Union in the second half of the 20th – the beginning of the 21st century. Basing on the sources preliminary conclusions are made about the level of our knowledge about the problem, the common traits of several sources for historical and cultural reconstruction of the problem are established, the main research tasks are formulated. Solving of these tasks will create a whole systemic picture of the phenomenon under scrutiny.

Keywords: foreign Belarussian studies, Belarussian diaspora, universities and academic centres, historiography and the sources for the problem.

Г. Ф. Матвеев
(Москва)

Чем живут историки-слависты Московского университета в начале XXI в.

В статье рассматриваются история становления, развития и нынешнее состояние кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, ее цели и задачи в свете последних реформ российского образования.

Ключевые слова: *славистика, кафедра история южных и западных славян, МГУ им. М. В. Ломоносова, реформа, высшее образование в РФ*

Кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова приступила к подготовке историков-славистов 1 сентября 1939 г.* За прошедшие семь с лишним десятилетий усилиями нескольких поколений ее сотрудников был отлажен достаточно эффективный механизм подготовки кадров, способных с равным успехом работать как в науке, так и везде, где нужны креативные, приученные к самостоятельной мыслительной деятельности специалисты. Казалось, что конструкция этого механизма настолько безупречна, что он может работать без сбоев в заданном режиме бесконечно долго, лишь изредка подвергаясь небольшим рационализаторским усовершенствованиям. Только в нулевые и в начале 10-х гг. XXI в. кафедрой подготовлено свыше 200 студентов (полтора набора на истфак!), а через ее аспирантуру прошло и в основном успешно завершило свои исследования около 40 аспирантов. Многие выпускники кафедры поступили в аспирантуру Института славяноведения РАН, а также других академических институтов и вузов. Не пожелавшие по тем или иным причинам продолжать свое дальнейшее восхождение по научной тропе выпускники делают вполне успешную карьеру на других поприщах. В этом им помогают хорошая подготовка к аналитической работе, а также знание, поми-

* С ее славной историей можно познакомиться на страницах юбилейного труда, посвященного 70-летию исторического факультета и 250-летию Московского университета: Историческая наука в Московском университете 1755–2004. М., 2004. С. 424–459.

мо западных, славянских языков, причисляемых к разряду редких. Казалось бы, мы можем уверенно смотреть в будущее.

Однако нам выпала нелегкая доля жить и трудиться в эпоху перемен в системе высшего образования, причем столь стремительных, что нас буквально захлестывают «гениальные» бюрократические проекты, смысл которых не всегда понятен. Вот только одно новшество последних лет: в большинстве классических университетов России вдруг исчезли исторические факультеты, уступив место институтам. Хорошо еще, что сохранились кафедры, но надолго ли?

Но главная проблема не в структурных перестройках, а в том, что задачи высшего образования в настоящее время определены, мягко скажем, недостаточно вразумительно. С одной стороны, от нас требуют повышения качества подготовки, а этого можно добиться только с помощью серьезного отсева на стадии как набора, так и обучения нерадивых, немотивированных и неспособных студентов. Но с другой стороны, каждому россиянину гарантировано право на все виды образования, в том числе и на высшее, что в современных условиях избытка предложения на рынке образовательных услуг автоматически придает ему характер почти всеобщего. Не нужно быть мудрецом, чтобы понять, что этого можно добиться только снижением уровня обучения. Успешное функционирование (в финансовом смысле) большого числа коммерческих вузов в России свидетельствует в пользу того, что российская высшая школа идет по второму пути.

Московский университет и исторический факультет как его составная часть, понимая важность для судеб страны подлинного высшего образования, пошли по пути установки фильтра уже на этапе набора кандидатов на обучение, добившись права на проведение дополнительных приемных испытаний. Соответствующие директивные документы высшего руководства страны закрепляют за МГУ и Санкт-Петербургскими университетами особый (эвфемизм элитарного) статус. Но при этом никто не освобождает эти университеты от обязанности зарабатывать так называемые внебюджетные деньги, в том числе и для того, чтобы оплачивать коммунальные платежи.

Гуманитариям проще всего заработать деньги с помощью платного обучения, а это равнозначно частичной коммерциализации элитарного государственного Московского университета. Но такая гибридность порождает очередную проблему: вступительные испытания отпугивают от МГУ потенциальных платных студентов, в результате чего мы уже несколько лет не выбираем дозволенную нам

квоту платных студентов. Проще всего преодолеть это противоречие – ввести разные уровни требований при наборе на бюджетное и на платное отделения, но тогда нужно практиковать и два уровня образования. Но существует только один образец диплома об окончании Московского университета! Поистине, квадратура круга! Отпугивает наших потенциальных финансовых доноров и слишком высокая плата за обучение на факультетах МГУ, нижний предел которой определяется не нами. Так выглядят в самом общем виде условия, в которых сегодня приходится работать историческому факультету.

Помимо условий, изменилось и содержание обучения. Сейчас фактически узаконено то, что когда-то называлось незаконченным высшим образованием. Это бакалавриат. Бакалаврская программа построена на основании средневековых подходов – учить всему понемногу, как бы продолжая и углубляя изучение программы специализированной средней школы. Следует признать, что особый статус МГУ помог сохранить нашу старую систему подготовки, но не полностью, из учебных планов исчезли курсовые работы. В результате у бакалавров не формируются исследовательские навыки, первую свою курсовую работу они пишут на четвертом курсе, она же является их выпускной квалификационной работой. Можно представить себе, каков уровень этого научного труда, первого в жизни завтрашнего бакалавра.

Далее следует магистратура, теоретически доступная всем бакалаврам, независимо от того, в каком вузе они до этого учились: гуманитарном, естественнонаучном или техническом. И в течение двух лет их нужно научить тому, чему прежде мы учили 5 лет. Ко всему прочему, бесконечные аудиторные занятия, длящиеся до конца бакалавриата и магистратуры, не оставляют студентам времени для работы в библиотеках и архивах, для поездок в страны изучаемого языка. Единственное, что им остается, – это Интернет. Поскольку в подавляющем большинстве вузов России славянские языки не изучаются, то возможности поступления к нам на кафедру так называемых внешних магистров невелики.

Изменился характер аспирантуры, теперь это еще одна ступень обучения с огромным числом аудиторных занятий, экзаменов и зачетов, но без обязательной диссертации, можно ограничиться еще одной выпускной квалификационной работой.

С 90-х гг. мы работаем в условиях полного отсутствия финансирования зарубежных производственно-ознакомительных практик, преддипломных и аспирантских стажировок, повышения квалифи-

кации преподавателей в изучаемых странах. Теперь все это делается за собственный счет учащихся и сотрудников, а также на зарубежные гранты. Кстати, как это ни парадоксально звучит, но с нашей стороны подобные гранты практически отсутствуют.

Вывод из всего сказанного выше неутешительный: прежних условий подготовки историков-славистов на старейшей в России специализированной кафедре больше нет. И теперь, если мы не хотим, чтобы на нас кончилась отечественная историческая славистика, нужно не рационализировать прежнюю, а создавать новую систему.

Хочу сказать, что работа в этом направлении ведется уже не первый год. Мы идем по двум направлениям. Во-первых, сохранили статус истории южных и западных славян как обязательного общего курса на факультете. В большинстве других вузов страны славянская история – всего лишь один из ряда предметов регионоведения, без статуса обязательного. Во-вторых, добились права читать общий курс на 2, 3 и 4 годах бакалавриата. Выигрыш от этого изменения двояк: 1) история славян теперь преподается синхронно с другими курсами по всеобщей истории; 2) о нашей кафедре знают не понаслышке студенты 2 курса, решающие для себя вопрос о дальнейшей специализации.

В-третьих, мы постоянно работаем над углублением специализации, смещая акцент в преподавании дисциплин специализации в бакалавриате с региона на страну и расширяя их круг за счет прежде не читавшихся курсов, например, введения во вспомогательные исторические дисциплины. Много новых курсов будет читаться в магистратуре и аспирантуре. Несомненно, на этом пути имеются и свои сложности. Например, существенно увеличивается нагрузка на преподавателей без адекватного повышения их заработной платы. Кроме того, сохраняя за студентами традиционное право добровольного выбора страны специализации и научного руководителя, очень трудно обеспечить равномерность нагрузки преподавателей.

У нас еще нет опыта работы в магистратуре, но уже сейчас понятно, что и там возникнут проблемы. С одной стороны, удлинение срока обучения на один год позволит нагрузить студентов бóльшим багажом знаний, наладить изучение второго славянского языка, расширив тем самым исследовательские возможности и тематику магистерских сочинений. Но уже сейчас видно, что в магистратуре для научной работы так же мало времени, как и в бакалавриате, и поэтому выигрыш на практике может оказаться иллюзорным. А еще хотелось бы учить в магистратуре не только истории, но и, например,

основам менеджмента, права, экономики, психологии и т. д., чтобы увеличить конкурентное преимущество наших выпускников. Но кто этому будет учить? На какие деньги?

Общий вывод таков: несмотря на все сложности, порожденные реформой высшей школы, кафедра истории южных и западных славян остается верной тем целям и задачам, которые были сформулированы ее отцами-основателями. Мы по-прежнему нацелены на подготовку кадров историков-славистов высшей квалификации, на привитие им вкуса к научной работе, но способных столь же успешно находить себя и в других областях деятельности.

Matveev G. F.

What the Slavic historians of the Moscow University live by
in the beginning of the 21st century

The article deals with the history of creation, development the current state of the chair of Southern and Western Slavic history in the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University. The author also speculates over its goals and tasks with the respect to the latest reforms of the educational system in Russia.

Key words: Slavic studies, the chair of Southern and Western Slavic history, Lomonosov Moscow State University, reform, higher education in Russia.

Е. Н. Ковтун
(Москва)

Вузовская филологическая славистика сегодня: проблемы и перспективы

В статье анализируется эволюция вузовской славистики (преимущественно ее филологической части) в СССР и России на протяжении XIX–XXI вв., рассматриваются достоинства и недостатки славистической образовательной модели советской эпохи в сопоставлении с нынешней вузовской практикой. Констатируется снижение на протяжении последних двух десятилетий спроса на выпускников-славистов, имеющих традиционную монопрофильную подготовку. Причины падения интереса к славистике рассматриваются в контексте общего кризиса отечественного гуманитарного знания. Оцениваются перспективы существования славистической специализации и предлагаются пути ее совершенствования в условиях рыночной экономики и реформы системы отечественного высшего образования.

Ключевые слова: *славистика, российское образование, отечественное славяноведение.*

Отечественное славяноведение за последние два столетия прошло славный путь развития от синкретичной научной дисциплины, изучающей преимущественно древние письменные памятники, до авторитетной группы наук, занимающихся историческими, этнографическими, культурологическими и иными разысканиями, связанными со славянскими народами. Интерес к общему прошлому славян в процессе эволюции славистики был дополнен обращением к современности, живым славянским языкам и литературам XIX–XX вв.

Аналогичный путь прошла и российская вузовская славистика¹. В XIX столетии, начиная с 1835 г., когда по уставу университетов в составе философских факультетов была учреждена кафедра истории и литературы славянских наречий, она представляла собой набор схожих по тематике, главным образом сопоставительно-исторических курсов, читаемых, как правило, единственным профессором-славистом. В XX же веке после многих перемен, экспериментов и даже вынужденных перерывов в развитии вузовское славяноведение

превратилось в самостоятельную специализацию в рамках специальностей «Филология», «История», «Журналистика», «Лингвистика» и др., которую реализует особая кафедра, то есть коллектив преподавателей различного, хотя и родственного, научного профиля.

Рост спроса на специалистов в области отдельных славянских языков и культур после Второй мировой войны в связи с образованием восточноевропейского блока социалистических государств привел к сужению – при одновременном углублении содержания – славистических образовательных программ, все более приобретающих направленность на специализацию по одной славянской стране. Так (ино)славянская филология превращается в одну из наиболее фундаментальных – но и одну из самых узких – филологических специализаций (преимущественно по одному языку и литературе).

К концу советского периода в университетах СССР сложилась вполне гармоничная структура учебного плана славянских отделений. Для филологов данный план включал (не считая обязательных к изучению всеми студентами социально-экономических и иных вспомогательных дисциплин) четыре группы предметов: общепилологические и русистические (общее языкознание, теория литературы, классические языки, современный русский язык, история русского языка, история русской и зарубежной литературы и др.), общеславистические (введение в славянскую филологию, славянский фольклор, история славянских литератур, сравнительная грамматика славянских языков, старославянский язык и др.), дисциплины специальности (история, культура, литература страны изучаемого языка) и, наконец, дисциплины научной специализации (лингвистические и литературоведческие спецкурсы, спецсеминары, курсовые и выпускные квалификационные работы).

Славистические дисциплины преподавались и вне рамок специализированных отделений. Достаточно репрезентативным был славистический компонент подготовки филологов-русистов. Учебный план этой специализации традиционно включал курсы «Введение в славянскую филологию», «Старославянский язык», один из современных славянских языков, сравнительную грамматику славянских языков; в МГУ имени М. В. Ломоносова уже несколько десятилетий русистам читается и курс одной из славянских литератур. Тем самым, хотя подготовка специалистов по русскому языку и литературе формально и была отделена от собственно славистики (как это принято во всех славянских странах для «своих» языковых специализаций), фактически она сохраняла с ней тесную связь, формируя

у филологов-русистов сознание родства славянских народов. Кроме того, изучение инославянских языков и культур велось в ряде специализированных вузов, таких как Дипломатическая академия МИД СССР, Военный институт Министерства обороны СССР и др.

Итак, к концу XX столетия российское славяноведение представляло собой совокупность наук о славянах, развитие которых обеспечивалось системой специализированных институтов АН СССР и выпускающих кафедр в ведущих университетах, имеющих целью подготовку специалистов по отдельным славянским языкам и странам. В советские годы славистика пользовалась у студентов достаточно заметным успехом, в том числе по прагматическим причинам. Ее изучение гарантировало возможность выезда за рубеж (начиная со стажировок и практик в период обучения) и возможность трудоустройства в дипломатических представительствах, СМИ, совместных предприятиях и т. п. Широкое сотрудничество СССР со славянскими странами в рамках СЭВ и ОВД гарантировало регулярный спрос на специалиста, подготовленного в рамках любой славистической образовательной программы.

Путь же университетского славяноведения со времени его возникновения до сегодняшнего дня можно, таким образом, охарактеризовать как все большую дифференциацию в рамках не только славистики, но и отдельных славистических дисциплин. Узость специализации выпускников-славистов, сопровождающаяся большой глубиной их познаний, была удобна в рамках социалистической экономической и политической модели, не предполагавшей частых скачков конъюнктуры и быстрой смены интереса общества (и работодателей) к разным странам и регионам планеты.

В 1990–2000-е гг. концепция и структура славистического образования начала достаточно заметно меняться под влиянием событий и процессов, идущих вне вузовских стен. В их числе были как благоприятные для развития славяноведения, так и негативные факторы. К последним, например, следует отнести сокращение количества специализированных кафедр в связи с распадом СССР и выходом из ответственного образовательного поля вузов бывших советских республик.

В противовес этому бесспорно положительными факторами стали:

– отказ от «типового» (единого для всех вузов) учебного плана; рост самостоятельности университетов в определении содержания обучения – вплоть до 50% программы подготовки бакалавра и 70% программы подготовки магистра ныне;

– появление новых учебных дисциплин (например, в учебном плане филолога-слависта в МГУ имени М. В. Ломоносова: история страны изучаемого языка, культура страны изучаемого языка, современная культура и литература страны изучаемого языка и др.);

– рост возможностей выезда студентов за рубеж не только на стажировки и практику, как ранее, но и (после присоединения РФ к Болонскому процессу в 2003 г.) на так называемое включенное обучение;

– открытие новых славистических филологических подразделений (в Государственной академии славянской культуры, Российском государственном гуманитарном университете);

– возможность реализации экспериментальных образовательных программ – например, программ дупрофильной подготовки, открытых в СПбГУ и РГГУ (подробнее об этом будет сказано ниже).

Данное увеличение количества и улучшения качества подготовки славистов сопровождалось, однако, постепенным, но неуклонным падением спроса на этих специалистов. Начиная с 2000-х гг. в России наблюдалось ежегодное снижение конкурса при поступлении в высшие учебные заведения на наукоемкие гуманитарные специальности, в том числе филологию, а в рамках филологии – на так называемые редкие специализации, в частности славистическую. Итоги приемных кампаний из года в год демонстрировали и продолжают демонстрировать падение интереса абитуриентов к узкой славистической подготовке – невзирая на то, что она предусматривает, помимо основного славянского языка специализации, обязательное изучение второго славянского и как минимум одного из ведущих западных языков.

Приведем данные о количестве филологов-славистов, в течение последних десяти лет поступивших в два ведущих вуза Москвы – МГУ имени М. В. Ломоносова и Российский государственный гуманитарный университет (в последнем славистическая подготовка открыта в 2007 г.).

год	МГУ	РГГУ
2004	20	–
2005	25	–
2006	12	–
2007	14	6
2008	7	6

2009	12	5
2010	14	3
2011	6	7
2012	12	5
2013	6	4

Следует учитывать еще и тот факт, что далеко не все поступившие на славянские отделения в дальнейшем успешно справляются с выполнением учебного плана. Таким образом, количество обучающихся, особенно на старших курсах, в действительности оказывается еще более скромным.

В достаточно сложном конгломерате причин падения спроса на славистическое (и шире – филологическое) образование в России можно выделить следующие:

– изменение социального контекста российского образования: осязаемое снижение авторитета гуманитарного знания, особенно фундаментальных гуманитарных наук – философии, филологии, истории, столкнувшихся с сокращением государственного финансирования и отсутствием общественного «заказа», что привело к неопределенности судьбы выпускников соответствующего профиля в условиях рынка²;

– появление конкурентов – новых гуманитарных специальностей, вошедших в университетскую практику в постперестроечный период («Социология», «Лингвистика», «Культурология», «Связи с общественностью») и привлечших внимание абитуриентов рекламной ориентацией на «прикладные» аспекты гуманитарного знания: перевод, социологический анализ, пиар, широкие международные (преимущественно западные) контакты;

– общий рост числа вузов, ведущих гуманитарную, в том числе филологическую подготовку;

– ориентация обучающихся на быструю послевузовскую карьеру, обеспечивающую высокий заработок; их преимущественный интерес к образовательным программам, связанным с ведущими мировыми языками, прежде всего английским;

– изменение политической конъюнктуры (в социалистическую эпоху славянская филология была одной из редких специализаций, обеспечивающих выезд за рубеж на ознакомительную, производственную и преддипломную практики, а затем и для профессиональной деятельности, что обеспечивало дополнительный приток абитуриентов);

– наличие в учебном плане подготовки славистов большого количества нелегких для освоения фундаментальных курсов, в том числе истории литератур – основной славянской, всех инославянских, русской, – предполагающих чтение большого количества художественных текстов (учебная нагрузка студента-слависта традиционно была и остается одной из самых высоких в рамках направления подготовки и специальности «Филология»);

– узость профилизации: в условиях рынка активное владение одним (реже двумя) живыми славянскими языками оказывается недостаточным для престижного – в понимании нынешней молодежи – трудоустройства.

К данному перечню можно добавить и ряд более общих факторов: декларируемый властными верхами поворот от «фундаментальности» к «практикоориентированности» и рыночной конкурентоспособности высшего образования в России; изменение внутривузовской образовательной политики: приоритет ныне вынужденно отдается коммерчески выгодным специальностям; мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций со стороны профильных министерств и ведомств – с последующим ранжированием вузов и ограничением финансирования многих образовательных организаций; ориентация отечественной системы образования на европейские («болонские») образовательные модели, в том числе на так называемого «бакалавра широкого профиля», и т. д.

Снижающийся спрос на славистику поставил под угрозу само существование соответствующих специализированных кафедр. На повестке дня оказалась необходимость расширения компетенций студента, ухода от монодисциплинарности, узости традиционной славистической подготовки. Однако попытки (имевшие место, например, на филологическом факультете МГУ) простого дополнения славистических дисциплин иными – появление в учебном плане вместо второго славянского языка венгерского, новогреческого, турецкого для студентов-словакистов, болгаристов и сербистов соответственно – не увенчались успехом. Причиной тому, думается, стали как экстраординарные обстоятельства, так и отсутствие должного теоретического подкрепления этих сугубо практических курсов.

Другие вузы искали выход из наметившегося кризиса на путях изменения содержания обучения в сторону «мультикультурности», то есть параллельного освоения нескольких (и даже многих) славянских и неславянских языков и культур. Санкт-Петербургский и Российский государственный гуманитарный университеты пошли

по пути сочетания славистики с более привлекательными для студентов западными профилизациями.

Например, в СПбГУ ныне славянские языки (польский, чешский, словацкий, сербский, хорватский, болгарский, украинский) преподаются как однопрофильно (традиционно), так и в сочетании с германскими языками (английский или немецкий). Группы формируются из пяти человек. В последние годы набор славистов в этом вузе выглядит так: 2011 г. – 3 группы славяно-германских + 2 группы славянских; 2012 г. – 1 группа славяно-германская + 2 группы славянских; 2013 г. – 1 группа славяно-германская. Как видим, экспериментальная «диглоссия» не защитила вуз от сокращения набора славистов с 25 до 5 человек. К этому следует добавить, что обучение славистов в СПбГУ ведется в рамках направления подготовки «Лингвистика», а не «Филология» – что подразумевает значительную редукцию литературоведческой составляющей образовательной программы.

Тем не менее к неизменным достоинствам петербургского славистического образования, помимо его солидной истории и бесспорного авторитета вуза, следует отнести фундаментальность обучения. Для студентов-славистов по-прежнему читаются традиционные курсы: введение в славянскую филологию, история и география страны изучаемого языка, история изучаемого языка, история литературы страны изучаемого языка, лексикология изучаемого языка, теоретическая грамматика изучаемого языка, стилистика изучаемого языка, второй славянский язык. Столь же традиционно занятия по одному из славянских языков (польский, болгарский, украинский) ведутся и для русистов – студентов и магистрантов.

В Российском государственном гуманитарном университете упор решено было сделать на региональный принцип выбора языков и культур (Центральная и Юго-Восточная Европа). Вот как выглядит структура образовательной программы (профильная часть, набор «Чехия – Германия»), которую кафедра славистики и центральноевропейских исследований РГУ реализует в течение последних семи лет (варианты набора: «Хорватия–Италия», «Польша–Германия», «Украина–Германия»). В программе предпринята попытка гармоничного сочетания «славянской», «неславянской» и «центральноевропейской» составляющих. Объемы курсов славянских и неславянских языков и литератур кафедры старается всемерно уравновесить.

первый (славистический) профиль	второй профиль
Чешский язык	Немецкий язык
История и культура Чехии	История и культура Германии
История чешской литературы	История литературы Германии
История и литература западных и южных славян	История мировой литературы
Теория и история чешского языка	
Введение в славянскую филологию	
Старославянский язык	
Второй славянский язык	
Славянский фольклор	
Введение в центральноевропеистику	
Введение в проблематику центральноевропейского языкового союза	
История и культура Австро-Венгрии	
Практикум по переводу (чешский, немецкий языки)	

Подобный регионоведческий подход характерен в последние десятилетия и для зарубежной славистики. Центральноевропейские университеты, традиционно являющиеся сильными славяноведческими центрами, создают исторические, филологические и культурологические подразделения, призванные вести ареальные исследования. Регионоведческие кафедры (институты, центры) появились, например, в Германии: Институт восточноевропейской истории и страноведения (Тюбинген); Юго-восточный институт в Регенсбурге (специализация по Восточной и Юго-Восточной Европе), Collegium Carolinum в Мюнхене (специализация по Чехии, Словакии и Восточно-Центральной Европе), семинар по восточноевропейской истории (Гейдельберг) и т. д. На философском факультете Карлова университета (Прага) с его известной славистической традицией (реализовывавшейся, помимо кафедр чешского и словацкого языков и чешской литературы, на кафедрах русистики и славистики), был сначала создан общий Институт славистики и восточноевропейских исследований. В дальнейшем ареальный подход к преподаванию все более расширялся, что было закреплено разделением Института на три самостоятельных подразделения: кафедру центральноевропейских исследований (унгаристика, полонистика, словакистика), южнославянских и балканских исследований (южно- и восточнославистические исследования, болгаристика, кроатистика, македонистика, сербистика, словенистика, общее и сопоставительное славяноведение), а также Институт вос-

точноевропейских исследований (русистика, украинистика, балтистика)³.

В рамках философского факультета университета имени Т. Г. Масарика (Брно) с 2009 г. существует Центр филологическо-ареальных исследований, призванный усилить региональные исследования в Институте славистики, подразделением которого является центр. Сам Институт славистики, помимо традиционных направлений подготовки (болгарский / хорватский / македонский / польский / русский / словенский / сербский / украинский язык и литература)⁴ и прикладных программ (педагогических, переводоведческих и направленных на использование языка в деловой области, сфере услуг и туризма), предлагает ряд направлений подготовки сопоставительного характера. Это «литературная компаративистика», «славистика» (магистратура), «балканистика» и «филологическо-ареальные исследования» (магистратура и бакалавриат)⁵.

Ягеллонский университет (Краков) в числе прочих предлагает студентам программы по русской и украинской филологии и по культуре России и соседних народов. Последняя из программ является редким примером синтетической специализации по восточно-славянским языкам, литературам и культурам. И так далее.

Тем не менее и регионоведческий подход отнюдь не является панацеей. Как и в Санкт-Петербургском университете, в РГГУ он не смог обеспечить устойчивого конкурса на двухпрофильные программы. В том числе не состоялся в 2014 г. полноценный набор на экспериментальную программу «Центральноевропеистика», в рамках которой абитуриентам было обещано изучение в равных объемах украинского, польского и немецкого языков с добавлением на старших курсах второго славянского или балтийского языка (и с возможностью поддерживающего курса английского языка).

До сих пор речь шла о специализированных славистических выпускающих кафедрах и институтах. Но, как упоминалось выше, славистическая компонента в отечественных вузах традиционно присутствовала в учебных планах отделений русской филологии. Как обстоит сейчас дело с ней?

Приведем выборочные (по необходимости, в связи со сложностью получения информации) данные о славистических дисциплинах в университетах РФ (по состоянию на 2013 г.; образовательные программы бакалавриата)⁶.

Университет	Языки	Объем (час.)	Другие дисциплины	Дополнительная информация
Сыктывкарский	польский	180	введение в славянскую филологию, старославянский язык, сравнительная грамматика славянских языков	вуз имеет договоры о сотрудничестве с университетами Болгарии и Польши
Волгоградский	польский	108	введение в славянскую филологию, старославянский язык	вуз сотрудничает с Познаньским и Лодзинским университетами (Польша), университетом в г. Русе (Болгария)
Казанский (Приволжский) федеральный	польский, украинский	72 36	введение в славянскую филологию, старославянский язык	вуз имеет договоры о сотрудничестве с Варшавским и Лодзинским университетами
Нижегородский	чешский, польский, болгарский	252	введение в славянскую филологию, старославянский язык, углубленный курс славянского языка	функционирует Чешский центр образования и культуры, реализуется магистерская программа «Славянская филология», вуз имеет договоры о сотрудничестве с вузами Чехии
Саратовский	польский, украинский, болгарский	180	введение в славянскую филологию, старославянский язык	
Самарский	польский, болгарский	144	введение в славянскую филологию, старославянский язык	

Челябинский	польский		введение в славянскую филологию, старославянский язык	вуз имеет договор с Силезским университетом
Башкирский	польский, болгарский, чешский	72	введение в славянскую филологию, старославянский язык (второй славянский язык, история славянских литератур – в рамках завершающейся пятилетней подготовки)	вуз имеет договоры о сотрудничестве с Софийским и Великотырновским университетами, с последним реализуется договор о программе «двойных дипломов» по прикладной славистике в магистратуре; сотрудничает с Центром польской культуры, издает сборники переводов польской поэзии
Уральский федеральный (Екатеринбург)	польский, чешский, болгарский	36	введение в славянскую филологию, старославянский язык	реализуется магистерская программа «Славянская филология», вуз имеет широкие зарубежные славистические контакты
Пермский	македонский, польский, словенский, чешский	144	введение в славянскую филологию, старославянский язык, теория и практика перевода (на материале славянских языков)	в программу магистратуры включены курсы второго славянского языка и литературы славянских народов; вуз имеет договоры о сотрудничестве с университетами Словении, Македонии, Польши

Сопоставление показывает, что пока все опрошенные вузы сохраняют в обучении филологов-русистов по крайней мере один инославянский язык. Однако объем его преподавания все более различается в разных университетах из-за растущей вариативности образовательных программ в соответствии с требованиями действующих Федеральных государственных образовательных стандартов

(ФГОС). При этом можно заметить тенденции как к сокращению объема с наиболее распространенных ранее 72 часов (два семестра) до 36 часов, так и к увеличению продолжительности курса в ряде вузов по некоторым языкам до 144–180 часов (четыре и пять семестров изучения).

В большинстве опрошенных университетов славистический компонент (помимо языков) представлен в минимальном объеме (введение в славянскую филологию, старославянский язык). Если же предпринимаются попытки расширить данный компонент, то предлагаются курсы перевода, сравнительной грамматики славянских языков и (очень редко) истории славянских литератур.

На общем фоне заметно выделяются Нижегородский государственный и Уральский федеральный университеты. В первом помимо курсов, указанных в таблице выше, читаются также: курс по выбору студентов «Чешский язык для начинающих» – в рамках бакалаврских программ «Отечественная филология», «Романо-германская филология», «Журналистика»; курс по выбору «Современный польский / болгарский язык» в рамках программ «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью». Имеется и дополнительная специализация «Иностранный (чешский) язык», предусматривающая освоение дисциплин: «Чешский и русский языки: сопоставительный лингвистический портрет», «Лингвострановедение Чехии», «История и культура Чехии», «История чешской литературы», «Чешский язык в сфере делового общения», «История чешского языка». В магистерскую программу «Русский язык» в качестве дисциплин по выбору включены курсы «Письменная культура Болгарии» и «История славянской филологии». Реализуется также магистерская программа «Славянская филология», в которую входят курсы «Современные славянские языки в типологическом и сопоставительном плане», «История славянского языкознания», «Лексикология и грамматика изучаемого современного славянского языка», «Сравнительно-историческая фонетика и грамматика славянских языков» и дисциплины по выбору «История и культура западных и южных славян», «История славянской филологии», «Славянская ономастика».

Уральский федеральный университет реализует магистерскую программу «Славянская филология» (ежегодный набор 4–5 чел.), которая предусматривает изучение курсов истории основного славянского языка, сравнительной фонетики славянских языков, сравнительной грамматики славянских языков, происхождения славян и славянских языков, истории литературы страны основного изуча-

емого славянского языка, литературного чтения на основном изучаемом языке, истории славянских литератур, истории славянских стран Восточной Европы в новое и новейшее время. УрФУ имеет устойчивые контакты с зарубежными вузами: Университетом Марии Кюри-Склодовской (Люблин), Ягеллонским университетом (Краков), Белорусским национальным университетом (Минск), Оломоуцким университетом, Институтом славистики Венского университета, Белградским университетом, Карловым университетом (Прага), Институтом филологии, литературы и культуры Дрезденского технического университета.

Оба рассмотренных российских вуза, безусловно, могут гордиться собственными славистическими школами. Однако более типичной для отечественной вузовской славистики, увы, является картина, нарисованная филологами Пермского государственного национального исследовательского университета. «Изучаемые славянские языки – македонский, польский, словенский, чешский; до 2012 г. изучался также украинский язык. С 2012/2013 уч. г. украинский язык был исключен из учебных планов. Причины: сокращение приема студентов по направлению «Филология»; сокращение штата преподавателей кафедры; отсутствие у студентов интереса к изучению данного языка. Ранее (в 2000–2005 гг.) из учебных планов были убраны болгарский, словацкий и сербохорватские языки (причины 1 и 2)».

О снижении интереса студентов к изучению славистики мы подробно сказали выше. Здесь же хотим подчеркнуть, что на уменьшение количества студентов, осваивающих славистические дисциплины, и преподавателей, эти дисциплины преподающих, существенно влияет общая ситуация, складывающаяся на филологических факультетах российских вузов с середины 2000-х гг.

По данным УМС по филологии УМО по классическому университетскому образованию, в 2005–2012 гг. бюджетный набор на первый уровень высшего филологического образования (бакалавриат) сократился в среднем по стране на 50–55%, в том числе: в Башкирском государственном университете на 58% (237/100 человек), Самарском – на 70% (111/33), Саратовском – на 42% (116/68), Пермском – на 68% (78/25), Удмуртском – на 46% (146/79), Магнитогорском – на 43% (35/15), Челябинском – на 64% (45/16), Уральском – на 59% (85/35).

Статистика набора 2014 г. демонстрирует дальнейшее сокращение количества бюджетных мест, выделяемых на обучение по направлению подготовки «Филология» (бакалавриат).

Год	СПбГУ	СамГУ	ПГУ	СыктГУ	ЧелГУ	УрФУ	ВолгГУ	НГУ	МарГУ	ВГУ
2013	60	31	21	17	10	37	13 ⁷	46	14	40
2014	55	24	13	20	0	32	0	29	11	20
% сокр.	8	23	38	0	100	16	100	37	22	50

Наконец, в 2015 г., по данным Министерства образования и науки РФ, объем контрольных цифр приема (то есть бюджетных мест) еще более сокращен в отношении направлений подготовки и специальностей, относящихся к наукам об обществе, образованию, педагогическим и гуманитарным наукам. При этом на 21% относительно уровня 2014 г. увеличены контрольные цифры приема по инженерно-техническим направлениям подготовки и специальностям.

Столь существенное сокращение бюджетных мест для гуманитариев, в частности филологов, нередко вынуждает руководство вузов осуществлять структурную перестройку соответствующих подразделений: вначале объединять специализированные кафедры в кафедры так наз. «общей» филологии, а затем и вовсе в ряде вузов ликвидировать филологические факультеты, административно совмещая их с другими направлениями подготовки в рамках институтов гуманитарных наук и иных аналогичных структур.

В подобных условиях становится практически невозможным ведение обучения по «наукоемким» (в том числе славистическому) профилям подготовки, чтение разветвленной системы специализированных курсов и т. п. Невозможным оказывается и сохранение кадрового потенциала, включающего достаточное количество преподавателей, имеющих степени доктора и кандидата наук, ведущих фундаментальные исследования в специализированных областях знания.

Все это вместе взятое неизбежно ведет к унификации подготовки, которая в большинстве вузов реализуется по русистическому

профилю в наименее специализированном или прикладном аспекте. Утрата редких специализаций, прекращение преподавания вспомогательных филологических дисциплин, к которым относятся курсы славянских языков и (тем более) литератур, становятся практически неизбежными.

Какие прогнозы развития отечественной вузовской славистики возможны в данной ситуации? К сожалению, действующие в сфере высшего образования тенденции не позволяют рассчитывать на скорое изменение положения дел к лучшему. В ближайшие годы продолжится плановый рост показателя численности студентов в расчете на одного преподавателя (2013 – 10,2 чел.; 2015 – 10,7 чел.; 2018 – 12 чел.)⁸, что неизбежно приведет к дальнейшему сокращению профессорско-преподавательского состава. Уменьшение количества преподавателей вызывает и сокращение периода обучения в связи с переходом на уровневую образовательную модель и четырехлетнюю подготовку бакалавров вместо пятилетней подготовки специалистов.

Не упростит положение редких специализаций, в том числе славистической, и введение в действие так называемых профессиональных стандартов, формулирующих, по замыслу их разработчиков, требования рынка к определенным профессиям и должностям. Не только слависты, но и выпускники других филологических профилей – при неплохой фактической востребованности в различных секторах экономики (издательское дело, СМИ, государственное управление, связи с общественностью и т. п.)⁹ – испытывают трудности с прямой «привязкой» их компетенций к конкретным рабочим местам (ибо, как известно, не существует ни профессии «филолог», ни должности «славист»). В итоге более или менее «профильными» для выпускников славистических кафедр оказываются лишь профессиональные стандарты преподавателя и научного работника. А столь существенное сужение круга предполагаемых занятий способно еще более сократить приток абитуриентов в соответствующие специализированные подразделения.

Сказанное не означает, конечно, отсутствия необходимости в поиске решений, которые позволили бы сохранить накопленные отечественным славяноведением знания и преемственность подготовки славистов. При сужении «магистральных» путей развития вузовской славистики следует, по всей вероятности, шире использовать маршруты, ранее воспринимавшиеся как вспомогательные или локальные, в том числе:

– мультикультурность (регионализм) как базовый принцип славистической подготовки (одновременное изучение нескольких славянских языков и культур);

– усиление славистического компонента русистики, увеличение спектра образовательных программ, которые можно условно обозначить как «Русская и славянская филология»;

– расширение славистической магистерской подготовки;

– наконец, более интенсивная «просветительская» и «популяризаторская» образовательная деятельность за пределами собственно филологической славистики: например, разработка славистических курсов для неспециалистов (в том числе негуманитариев).

Примером реализации последнего подхода можно считать опыт чтения в 2013–2014 уч. г. в МГУ имени М. В. Ломоносова межфакультетского курса «Наши братья – славяне: история – культура – литература»¹⁰, который прослушали в общей сложности около четырехсот человек. Уже есть планы продолжения той же темы в весеннем семестре 2014–2015 уч. г. в рамках межфакультетского курса «Славянские литературы и культуры между Востоком и Западом».

Хочется верить, что российскую славистику – пусть и по иным причинам, нежели в середине XX в., – не придется больше когда-нибудь восстанавливать из руин. Но для этого необходима активность всех специалистов-славистов как в поиске новых научных и образовательных моделей, так и в привлечении внимания руководства вузов и общественности к проблемам их области знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В настоящей публикации использованы фактические данные, аналитика и оценки научно-исследовательского проекта «Создание инновационной междисциплинарной образовательной программы подготовки бакалавров “Центральноевропеистика”», выполненного в 2014 г. по теме 1.3.1 «Разработка, апробация и внедрение междисциплинарных образовательных программ разного уровня» в рамках реализации Программы стратегического развития Российского государственного гуманитарного университета.

2 Подробнее об этом см.: *Ковтун Е. Н., Бородкин Л. И., Кротов А. А.* Гуманитарная катастрофа // Аккредитация в образовании. 2013. № 62. С. 48–52.

3 Подробнее см. на сайте философского факультета: <http://www.ff.cuni.cz/studium/studijni-obory-plany/studijni-plany/>

4 И эти «монодисциплинарные» программы обеспечены обязательными курсами и курсами по выбору сопоставительного, общеславянистического и ареального характера, такими как «Современная история Польши в контексте Центральной Европы», «Поляки и чехи в современной истории», «Славянские языки в ракурсе диахронии», «История Югославии и Болгарии», «Славянские языки Балкан» и т. д.

5 <http://www.phil.muni.cz/wusl/home/studium>

6 Опрашивались преимущественно ведущие университеты, входящие в состав президиума Учебно-методического совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию. Следует иметь в виду, что у вузов запрашивались лишь данные о составе и объеме изучаемых славянских языков и о перечне основных читаемых славянистических дисциплин. При этом (помимо дополнительно сообщаемых вузами по собственной инициативе) в стороне вынужденно оставались данные о публикационной активности преподавателей-славистов, о существующих в вузах славянистических школах, научных контактах и т. п.

7 Включая магистратуру.

8 Распоряжение Правительства РФ № 722-р от 30 апреля 2014 г. «О плане мероприятий (“дорожной карте”) “Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки”».

9 Подробнее об этом см.: *Ковтун Е. Н., Родионова С. Е.* Зачем быть филологом сегодня? (Презентационная привлекательность филологического образования в России). Тверь, 2006.

10 Подробнее об этом курсе см.: *Ковтун Е. Н., Шешкен А. Г.* Из опыта прочтения межфакультетского курса по истории, культуре и литературе славянских народов в МГУ имени М. В. Ломоносова // *Stephanos: Сетевое издание / Мультязычный научный журнал*. URL: <http://www.stephanos.ru>. М., 2014. № 5. С. 128–141.

Kovtun E. N.

Slavic studies in Russian universities today.

The problems and the perspectives

The article analyses the evolution of Slavic studies (mainly linguistics and literature) in Russian and Soviet universities in the 19th–21st century. The advantages and disadvantages of the educational model of the Soviet era in comparison with modern university practice are dwelt upon. We face the decrease of demand for single-profile Slavists. The lack of interest to Slavic studies is described as a part of the general crisis in humanities in Russia. The perspectives of Slavic studies as specialization are evaluated and several ways of its enhancement within market economy and during the reform of Russian higher education system are suggested.

Keywords: *Slavic studies, Slavic studies in Russia, educational system in Russia.*

Ф. И. Мелентьев
(Москва)

**«Плыл по Волге князь с боярами...» Письмо цесаревича
Николая Александровича вел. кн. Алексею Александровичу
8 июля 1863 г.**

Старший сын Александра II цесаревич Николай Александрович высоко ценил русскую словесность, изучая ее под руководством Я. К. Грота, И. А. Гончарова и Ф. И. Буслаева. Особый интерес наследника вызывала древнерусская стилистика, которой он пытался подражать в посланиях к родным. Публикуемое письмо демонстрирует не только оригинальность эпистолярного стиля несостоявшегося императора, но и своеобразие его личности.

Ключевые слова: *цесаревич Николай Александрович (1843–1865), путешествие, русская словесность.*

В 1863 г. старший сын Александра II 19-летний цесаревич Николай Александрович совершил путешествие по России¹. Оно стало для рано умершего наследника «проверкою учебных доводов на мере действительности», как мечтал об этом в 1857 г. его тогдашний наставник В. П. Титов². В июне 1863 г. одаренный юноша вместе со своей немногочисленной свитой начал путешествие в Крым по Мариинской системе водных каналов, Волге и Дону, затем отправился на Кавказ, а после повторного посещения Крыма вернулся сухим путем в октябре того же года в Царское Село.

Как справедливо подчеркивает А. А. Григорьев, «путешествие всегда имеет свое логическое завершение в *рассказе о путешествии*»³. Самым известным повествованием о вояже вел. кн. Николая Александровича стали «Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма», появившиеся в газете «Московские ведомости» в 1863 г., а затем вышедшие отдельным изданием с предисловием, которое было подписано сопровождавшими цесаревича профессорами И. К. Бабстом и К. П. Победоносцевым⁴. Однако это было не единственное описание путешествия.

Наследник вел активную переписку с Александром II и императрицей Марией Александровной, писал письма великим князьям Александру, Владимиру и Алексею Александровичам. Но, пожалуй, самое яркое письмо было послано цесаревичем именно последнему. Как вспоминал о наследнике входивший в число его

спутников художник А. П. Боголюбов, тот «прекрасно писал и говорил иногда древнеклассическою русскою речью. После на пути как-то К. П. Победоносцев достал одно из его писем к в[еликому] кн[язю] Александру Александровичу, писанное им с этим пошибом, и надо было видеть всех нас, с каким вниманием мы слушали его слово и как оно было красиво и фигурально по-русски писано. Жаль, что такие перлы, свидетельствующие о прекрасном знании и любви русского языка, останутся навсегда, пожалуй, неизвестными, как семейные документы»⁵. Речь, по-видимому, идет о письме цесаревича к 13-летнему вел. кн. Алексею Александровичу, так как в сохранившейся переписке наследника с вел. кн. Александром Александровичем не найдено письма, подходящего под определение, данное Боголюбовым⁶, а в мемуарах художника, написанных в конце XIX в., есть неточности.

Напротив, под это определение идеально подходит письмо, написанное цесаревичем вел. кн. Алексею Александровичу 8 июля 1863 г. Интерес наследника к древнерусской стилистике, которой он, видимо, пытался подражать в письме, сформировался у него под влиянием занятий с Ф. И. Буслаевым в 1859–1860 гг. «Любовь к языку, – вспоминал о склонностях великого князя анонимный мемуарист (скорее всего, близко знавший цесаревича князь В. П. Мещерский), – приняла более поэтические, так сказать, формы: она нашла себе пищу в изучении словесности, в сближении с древностями, под руководством почтенного и знаменитого профессора Буслаева»⁷. Эти поэтические формы интереса к русской словесности отразились и в письме цесаревича к брату.

Вел. кн. Алексей Александрович был четвертым сыном Александра II и готовился к службе на флоте. С 11 по 26 июля 1863 г. он находился в практическом плаваньи по Рижскому и Финскому заливам⁸. Несмотря на то, что цесаревич в письме шуточно упрекал брата в «малой... грамотности»⁹, тот, хотя и не блистал успехами в области русской словесности, с 1862 г. вел дневник, количество грамматических ошибок в котором не было чрезмерным¹⁰.

Примечательно, что уже спустя небольшое время после написания письма спутники наследника знали его содержание. Видимо, цесаревич Николай Александрович старался произвести впечатление не только на брата, но и на членов своей свиты. Известно несколько копий этого письма. Профессор Б. Н. Чичерин, преподававший наследнику государственное право, хранил список письма¹¹, а в 1911 г. граф П. С. Шереметев сообщил содержание письма княгине

В. И. Горчаковой, предварительно сняв копию¹². Именно эту, далеко не во всем верную, копию в 2004 г. процитировала З. И. Белякова в книге о вел. кн. Алексее Александровиче¹³. Приведенная ею цитата воспроизводится и в других научно-популярных работах¹⁴. С текстом же подлинника читатели впервые смогли ознакомиться в 2011 г., когда его разместил в интернете В. А. Астанков¹⁵. Впрочем, в его задачу не входила археографическая подготовка текста и его комментирование.

Публикуемое письмо позволяет увидеть в цесаревиче Николае Александровиче не символическое действующее лицо в династическом сценарии, но разглядеть в наследнике личность, лучше понять чувства и внутренний мир 19-летнего молодого человека, а также оценить его путевые впечатления. Пародийное своеобразие стиля давало великому князю возможность полнее передавать впечатления и свободнее выражать чувства. Пожалуй, с такой иронией, как цесаревич Николай Александрович, никто из наследников российского престола к себе не относился.

Публикация осуществляется по подлиннику, хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации в именном фонде вел. кн. Алексея Александровича (ф. 681), в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей, присущих автору. Без оговорок исправлены явные описки. Авторские подчеркивания переданы курсивом.

**Цесаревич Николай Александрович –
вел. кн. Алексею Александровичу**

Пароход «Поспешный»¹⁶.

Нижний Новгород.

8 июля 1863 г.

Понедельник.

Ваше Высочество!!!

Августейший Братец мой

Алексей Александрович!!!!!!

Здравствуйте! и. Преуспевайте!!!

Ваш братец Николашка Вам кланяется и желает много лет здравствовать.

Думается мне, что позабыли Вы братца Вашего на́большего, вот и взял перо гусиное и отписываю Вам цыдулу сию неграмотную. Я, слава Богу, жив и здоров¹⁷ и преуспеваю во путь-шествии моем. Газет и писем моих к братцам¹⁸, думаю, Вы не читаете по малой Вашей, не в обиду будь сказано, грамотности, так я сам хочу Вашу милость известить и с Вами малое время покалякать. Теперь аз плыву на некоем паровом ките, именуемом «Поспешный», сиречь «скоро ползающий». Идем мы вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью¹⁹. Воистину, Ваше Высочество, широкое раздолье! Хорошо море, да Волга лучше. А рыб сколько! тьма-тьмущая! Осетров да стерлядей хоть руками бери. Вот сегодня один осетр (сущий кит – 3 пуда, длины 2 аршина будет) приказал кланяться: пустили его, голубчика, в Волгу-реку́, да с подарком – *серебром-сергом*, пусть там в подрыбье своем про нас рассказывает: как плыл по Волге князь с боярами²⁰ и его, осетра, выпускал на волю-вольную, в мать-Волгуреченку²¹. Берега, Ваше высочество, какие! Страсти сущие! Почище будут, чем в Петергофской речке. Высоко и привольно. Гуляй сколько душе угодно. Вот мы в Оке-реке когда плыли, останавливаться изволили и гуляли по бережку-песку. Натешились, находились, белых уток, куличков, чаечек постреляли²². Хорошо, доложу Вам также, на Нижний смотреть: из себя красив выглядит; ну и город важный, богатый – все есть. Вот, доложу также, есть тут на Волге (давно уж тут стоят и проживают) городища: Рыбинск, Ярославль, Кострома прозываются – пресущественные города! Особливо Ярославль из себя красив, ну и богатеющие купцы тут проживают и на ярманку в Низовой Новгород ездят, там торг свой ведут. Эти города называю Вам, потому что, может, Вы в географии *еще* не тверды, а может, до того не дошли, а где-нибудь по Америке или по Африке прогуливаться с указкою изволите. Ну, признаться, и я не твердо их знал, а вот как теперь проехал, так и помню. Слышно, что братец наш дворяродный Никола²³ к Вам прибыл, так поклон мой ему. Также и наставникам Вашим²⁴, ну и сестрице²⁵ поклонитесь, даже и поцеловать можете от меня. Также ей доложите, что желание имею и Ей такую цыдулицу отписать, чтоб также знала-ведала, где я обретаюсь и что подельваю хорошего. (Нехорошего ничего не делаю – право.) Пишу крупно, чтоб Вы, братец мой, читать смогли без помощи наставников или братцев Ваших.

Теперь простите, не поминайте лихом! Чем богаты, тем и рады. Пришлю непременно Вам гостинцев²⁶, а чтоб меня не забывали и рожицу мою в памяти держали, шлю ее персонально²⁷.

Прощай, Алёха!
 Твой братишка Никса.
 Еще прощай!!!!
 и меня не забывай.

ГАРФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 38. Л. 2–3 об. Подлинник. Автограф

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Нередко великого князя путают с его племянником, который в 1894 г. стал императором Николаем II. См. об этом: *Егоров Б. Ф.* Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры. В 5 т. М., 1996–2002. Т. 5: (XIX век) / Сост. Б. Ф. Егоров, А. Д. Кошелев. С. 288. 12 (24) апреля 1865 г. наследник умер в Ницце во время заграничного путешествия (*Зимин И. В.* Болезнь и смерть цесаревича Николая Александровича // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 140–147).

2 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 970. Л. 7об.

3 *Григорьев А. А.* Философская тематизация концепта «путешествие» // Золотой век Grand tour: Путешествие как феномен культуры / Сост. и общ. ред. В. П. Шестакова. СПб., 2012. С. 275. Курсив автора. – Ф. М.

4 Путешествие Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864.

5 *Боголюбов А. П.* Записки моряка-художника / Публ., вступ. ст., комм., указат. имен Н. В. Огаревой // Волга. 1996. № 2–3. С. 99.

6 О переписке великих князей Николая и Александра Александровичей в 1863 г. см.: *Мелентьев Ф.* Саша и Никса летом 1863 года // Родина. 2015. № 2. С. 8–10.

7 Освящение часовни в Ницце в память покойного Цесаревича Николая Александровича и воспоминание о нем. СПб., 1868. С. 14. Гипотеза о написании процитированной брошюры князем В. П. Мещерским подкрепляется содержательным и стилистическим сходством брошюры с воспоминаниями о цесаревиче, составленными Мещерским в 1865 г. для поднесения Александру II (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817). Об этих воспоминаниях см. комментарий Н. В. Черниковой: *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / Сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М., 2011. С. 644–645.

8 Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2006. С. 24.

9 ГАРФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

10 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 890. Оп. 1. Д. 83.

11 ГАРФ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 1127.

12 Российский государственный исторический архив. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 889.

13 *Белякова З.* Великий князь Алексей Александрович. За и против. СПб., 2004. С. 52–53.

14 См., например: *Вербицкая Т.* Несостоявшийся император. Великий князь Николай Александрович (1843–1865). М., 2010. С. 108–109; *Бокова В.* Детство в царском доме. Как растили наследников русского престола. М., 2011. С. 291–292.

15 Юмор в Доме Романовых. Шуточное письмо цесаревича Николая Александровича к брату, вел. кн. Алексею Александровичу. [Электронный ресурс] URL: <http://wasiliy-kot.livejournal.com/1699.html> (дата обращения: 14.01.2015).

16 «Поспешный» – пароход пароходного общества «Самолет», на котором цесаревич Николай Александрович и члены его свиты путешествовали в 1863 г. от Рыбинска до Казани.

17 В начале путешествия цесаревич Николай Александрович чувствовал недомогание, симптомы которого описаны в его дневнике (ГАРФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 53. Л. 4–10об.), но скупо освещены в письмах и телеграммах.

18 Речь идет о вел. кн. Александре Александровиче (1845–1894) и вел. кн. Владимире Александровиче (1847–1909).

19 «Вниз по матушке по Волге» – начальные слова одноименной русской народной песни.

20 Имеются в виду члены свиты цесаревича Николая Александровича: попечитель наследника граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882); состоявший при наследнике Оттон Борисович (Отто Деметриус Карл Петер) Рихтер (1830–1908); граф Николай Сергеевич Строганов (1836–1906); граф Алексей Борисович Перовский (1842–1887); врач Николай Александрович Шестов (1831–1876); секретарь Федор Адольфович Оом (1826–1898); художник Алексей Петрович Боголюбов (1824–1896), а также профессора Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) и Иван Кондратьевич Бабст (1823–1881).

21 7 июля 1863 г. нижегородское купечество, писал О. Б. Рихтер Александру II в журнале путешествия, «поднесло трехпудового осетра, которого решили выпустить, отметив каким-нибудь знаком, долго толковали о том, какого рода сделать отметку, и, наконец, придумали за каждую жабру зацепить по серебряной серьге с надписью числа, года и что осетр выпущен Цесаревичем». 8 июля, продолжал Рихтер, «перед отъездом выпущен был украшенный серьгами осетр; он тотчас нырнул на дно реки, но был столь любезен, что через несколько секунд показал нам еще раз на прощанье свою черную лоснящуюся спину» (ГАРФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 36–36об.). О судьбе осетра см.: *Осоргин М. А. Достопамятный осетр // Собр. соч. В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 479–483.*

22 «Так как в Нижний приходиться поздно вечером не хотели, – писал О. Б. Рихтер о событиях, произошедших 6 июля, – то стали на якорь близ Дудина монастыря. Живописная местность манила на берег, а охотничий инстинкт нашептывал, что, может быть, придется пострелять; решено сойти с парохода и взять с собой на всякий случай ружья». «Результатом нашей стрельбы, – заключал Рихтер, – были 3 утки, несколько куликов и чаек и ястреб» (ГАРФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 12. Л. 35об., 36).

23 Речь идет о вел. кн. Николае Константиновиче (1850–1918) – старшем сыне вел. кн. Константина Николаевича и вел. кн. Александры Иосифовны, который воспитывался вместе с вел. кн. Алексеем Александровичем.

24 «Наставниками» вел. кн. Алексея Александровича являлись состоявшие при нем контр-адмирал Константин Николаевич Посыет (1819–1899) и капитан-лейтенант барон Николай Густавович Шиллинг (1828–1910).

25 Цесаревич пишет о вел. княжне Марии Александровне (1853–1920).

26 Одним из таких гостинцев стала лодка, которую цесаревич купил у местных жителей 8 июля 1863 г. и прислал в Царское Село.

27 Видимо, к письму прилагалась фотография.

Melent'ev F. I.

«The prince with boyards were going down the river...»: a letter of the crown prince Nikolaj Aleksandrovič to grand prince Aleksej Aleksandrovič on July, 8th, 1863

The elder son of Alexander II, the crown prince Nikolaj Aleksandrovič highly estimated the Russian literature, studying it under the supervision of J. K. Grot, I. A. Gončarov and F. I. Buslaev. He was especially interested in the Old Russian stylistics and he tried to imitate it in his letters to the relatives. The letter being published shows the peculiarity of style of the prince who never became emperor, as well as his peculiar personality.

Keywords: *crown prince Nikolaj Aleksandrovič (1843–1865), tour, Russian literature.*

Е. С. Узенёва
(Москва)

Новый труд по этнолингвистике

В рецензии анализируется новый труд по этнолингвистике (Плотникова А. А. «Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки». М., 2013. 384 с.), в котором исследуются культурные и языковые явления Южной Славии в общеславянском и балканском контексте.

Ключевые слова: *этнолингвистика, балканистика, южные славяне, ареальная лингвистика, традиционная народная культура, лингвистическая география, карпато-балканские исследования, Московская этнолингвистическая школа.*

В рамках Московской этнолингвистической школы, созданной академиком Н. И. Толстым в 70-е гг. XX в. в Институте славяноведения РАН, которая успешно и плодотворно развивается и в наши дни, разрабатывается этнолингвистическая ареалогия – одно из важнейших направлений МЭЛШ¹. Интерес к географии и «диалектологии» традиционной культуры неизменно присутствовал во многих трудах представителей этой школы – в этнолингвистическом энциклопедическом словаре «Славянские древности»², в коллективных и авторских монографиях, в отдельных статьях³. Особое внимание к этому аспекту этнолингвистики, важность которого всегда подчеркивал Н. И. Толстой, последовательно проявляли Т. А. Агапкина, представившая ряд карт в своей фундаментальной монографии «Мифопоэтические основы славянского народного календаря» (2002), и А. А. Плотникова. В 1996 г. ею была составлена этнолингвистическая часть вопросника так называемого Малого диалектологического атласа балканских языков, работа над которым осуществлялась коллективом ученых Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург – Марбург) и Института славяноведения РАН⁴. По вопроснику был собран обширный полевой материал по термино-

Авторская работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФНФ № 14-04-00592а «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация – языковой менеджмент – языковая политика» под рук. Г. П. Нещименко.

логии духовной культуры как на Балканах (в десятках сел Сербии, Болгарии, Македонии, Хорватии, Боснии), так и в карпатском регионе (в Румынии, Словакии, Венгрии, Украине)⁵. Вопросник был переведен на несколько языков. В частности, он успешно используется в полевой работе в сербских регионах в различных вузах Сербии и в Институте балканистики САНУ. Многие материалы, собранные по вопроснику, были опубликованы в серийных изданиях Института славяноведения РАН⁶.

В 2004 г. увидела свет монография А. А. Плотниковой, исследовавшей этнокультурные диалекты южной Славии на материале обрядовой терминологии, мифологической лексики и соответствующих реалий и форм обрядов и верований, содержащая 49 карт⁷. Рецензируемая книга А. А. Плотниковой «Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки» (М., 2013. 384 с., карты) является своеобразным продолжением предыдущей монографии автора, представляющим собой итог многолетней работы ученого в области славянской этнолингвистики, прежде всего южнославянской. Монография состоит из предисловия и пяти глав. В первой главе «Этнолингвистическая география» представлены новые работы по южнославянской ареалогии, опубликованные после выхода в свет фундаментального труда автора «Этнолингвистическая география Южной Славии» (М., 2004). А. А. Плотникова подчеркивает важность применения ареального метода в исследовании балканских традиций, в частности, в изучении терминологической лексики народной духовной культуры. Этот метод предполагает необходимость географической систематизации и сравнительного анализа огромного корпуса данных, накопленных учеными-славистами в течение двух последних столетий. Отмечается, что Южная Славия представляет собой весьма сложный по структуре культурно-языковой континуум, изучение которого невозможно без привлечения данных других балканских (неславянских) традиций. Автор исследует семантику и содержание термина «балканизм», дифференцирует понятия «семантический» и «культурный балканизм». Опираясь на традиционное выделение восточной (входящей в балканский языковой союз) и западной частей Южной Славии, А. А. Плотникова уточняет, что используемый в книге термин «балканославянский» имеет в первую очередь лингвогеографическое наполнение, принятое в современной балканистике: сюда относятся болгарская, македонская и восточносербская традиции, хотя анализ отдельных терминов и явлений духовной культуры выявляет широкое распространение

балканизмов (лингвистических, культурных, фольклорных и др.) далеко на запад Южной Славии. Важным представляется вывод автора о том, что поскольку некоторые явления балканской народной духовной культуры, в отличие от собственно языковых, имеют более широкое распространение на территории Балкан и выходят за рамки балканского языкового союза⁸.

В отдельных разделах первой главы подробно описываются: сербский новогодний обряд магической молотьбы в ареальной перспективе; на примере рождественского обряда заклания животного, для которого устанавливается наиболее архаичная форма обряда – заклание свиньи, постулируется сложность, многопластовость термина «балканизм»; анализируется фрагмент мифологической лексики юго-западной части Южной Славии (мотив, связанный с воздушной битвой демонов-героев со змееподобными существами, отражающей явления непогоды); исследуются весенние заклинательные формулы изгнания гадов и оцениваются возможности лингвогеографического изучения фольклора. Автор наглядно демонстрирует, что установление ареальных характеристик этих формул дает возможность картографирования не только содержания (сюжетов и мотивов), но и прагматики (времени ритуального исполнения) отгонных заклинаний, и их формы (зачина и особенностей структуры текста, в данном случае), а на его основании определяются компактные и противопоставленные южнославянские ареалы.

Особую значимость труду А. А. Плотниковой придают карты (всего – 14), составленные самим автором. Например, в последнем разделе первой главы приведены 6 карт, иллюстрирующих различные возможности картографирования, и обширный документированный источниковый материал (170 пунктов фиксации материала с подробным его описанием), легший в их основу, который сам себе представляет огромную ценность для последующих исследований⁹.

Вторая глава содержит работы, посвященные разным фрагментам традиционной культуры (народному календарю, свадебным обрядам, мифологии и метеорологии) в различных регионах южнославянского культурно-языкового континуума. Отметим, что все они в большей или меньшей степени основаны на полевых экспедиционных материалах автора и привлекают широкий архивный материал, а также данные диалектных, этнографических и фольклорных источников, что делает выводы А. А. Плотниковой еще более убедительными (это разделы «Заметки о народном календаре Драгачевского края», «Зимние обычаи в области Горни Висок (этнолингви-

стический аспект)», «Лада – предсвадебный ритуал в области Горни Висок», «Былички из восточной Сербии», «Мифология атмосферных и небесных явлений», «Мифологические ипостаси тени»).

В своем исследовании автор выходит за пределы Южной Славии, рассматривая в третьей главе южнославянские данные в общеславянском контексте, а нередко и в индоевропейском¹⁰. Четвертая глава, одна из наиболее значимых, с нашей точки зрения, характеризуется привлечением к сравнительно-сопоставительному этнолингвистическому исследованию карпатских данных, в большей степени – восточнороманских, с учетом полевых исследований, проведенных автором в Южных Карпатах (Румыния), а также восточно-карпатских (Закарпатская область Украины).

А. А. Плотникова, наряду с Г. П. Клепиковой, опираясь на опыт работы над Малым диалектологическим атласом балканских языков (МДАБЯ), стала одним из вдохновителей продолжения карпатологических исследований в области этнолингвистики и традиционной духовной культуры, обосновав идею расширения ареала полевого исследования на дакорумынскую территорию севернее Дуная и на соседние карпатославянские регионы (западноукраинский, словацкий, южнопольский)¹¹. Ею были осуществлены новые экспедиции на территории карпато-балканского ареала с целью восполнения некоторых лакун в этнолингвистическом исследовании неоднородных в генетическом плане карпатской и балканской культурно-языковых общностей. Результаты этих экспедиций нашли свое отражение в рецензируемой книге. Изучение процессов формирования сходных или противопоставленных друг другу явлений в карпато-балканской зоне требует лингвогеографического подхода к диалектным фактам языка и культуры, что убедительно доказала в своей монографии А. А. Плотникова, опираясь на принципы выявления культурных диалектов, заложенные в этнолингвистических трудах Н. И. Толстого. Собранные автором новые полевые материалы и сделанные выводы и обобщения создают основу для составления культурно-языкового атласа карпато-балканского ареала.

Заключительная, пятая глава, состоящая из диалектных записей-этюдов, включает разнообразные по жанру заметки об экспедиционных исследованиях – от отчета об экспедиции до сравнительного анализа традиции в окружении иных культурных формирований («Село Рудно в Голии (юго-западная Сербия)»; «Культурный диалект родопских помаков»), исследованных ранее или описанных в источниках так называемого «этнографического настоящего» (XIX–

XX вв.). Привлекаемые к исследованию источники охватывают весь ареал Южной Славии, то есть южнославянские традиции от Черного моря до Альп, представляющие собой непрерывный культурно-языковой континуум.

Завершает работу внушительный список литературы (более 400 библиографических единиц), включающий значительное число работ автора. Большинство рассмотренных явлений народной культуры было картографировано: в книге даны также ссылки на опубликованные в других работах А. А. Плотниковой карты. Но в случае, когда для какого-либо явления карта не приводится, ее компенсирует вербальная ареальная характеристика, даются сведения о географической локализации явления.

Структура книги и композиционное построение ее разделов выглядят логично и последовательно выдержанными: первые два раздела («Этнолингвистическая география» и «Южнославянские традиции»), а также четвертый («Карпато-балканские параллели») – распределены по тематическому принципу, принятому в этнографических описаниях южнославянских традиций: ритуалы, обряды, обычаи и верования, посвященные народному календарю, затем – семейной обрядности, и в конце – представлениям народной мифологии. В первом разделе также важное место занимает работа, посвященная языку вербальных клише и анализирующая географию приговоров («Весенние заклинательные формулы изгнания гадов»). В третий раздел, раскрывающий общеславянский контекст ряда южнославянских этнолингвистических концептов, вошли работы, характеризующие акциональный код славянской обрядности («встреча», «витье», «свист», «зевота» и др.). Ценные полевые материалы, не вошедшие в предыдущие главы труда, нашли свое применение в пятой главе книги («Из полевых записей»).

В монографию вошли разные по жанру исследовательские работы: собранные воедино новые статьи по ареальной этнолингвистической лингвогеографии; расширенные версии некоторых словарных статей для энциклопедического словаря «Славянские древности»; фрагменты этнолингвистического диалектного словаря того или иного региона Южной Славии; описание полевых материалов; собрание народных нарративов с анализом их особенностей и географического распределения в пространстве Южной Славии; отчеты об этнолингвистических экспедициях в разные южнославянские регионы. Подавляющее большинство статей было ранее опубликовано в разных журналах, серийных изданиях и труднодоступных сбор-

никах. Однако эти статьи были доработаны: исправлены стилистические неточности, ссылки на литературу; уточнена библиография; добавлены новые ссылки на некоторые важные публикации, вышедшие с момента появления той или иной статьи.

Издание монографии А. А. Плотниковой «Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки» является важной вехой в развитии отечественной славистики и балканистики, поскольку в ней не только обобщены результаты научных исследований в этой области, но и намечены дальнейшие перспективы использования лингвогеографического метода в изучении народной духовной культуры. Она, безусловно, будет востребована не только учеными, занимающимися славянской этнолингвистикой и фольклором, но и специалистами других научных направлений: балканистики, контактологии, ареальной лингвистики, диалектологии, культурологии, искусствоведения и др. Теоретические разработки А. А. Плотниковой могут быть использованы при составлении курсов лекций и спецкурсов как для студентов-славистов, так и для студентов других специальностей, интересующихся славянской народной духовной культурой и ее отражением в языке в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее о школе см. в статье: *Толстая С. М.* Московская школа этнолингвистики // *Наука в России.* 2010. № 3. С. 67–69.

2 *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5.

3 Библиография трудов представителей Московской этнолингвистической школы опубликована в издании: «Славянская этнолингвистика. Библиография». М., 2013. Изд. 4-е, исправл. и доп.

4 *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. (Переизд.: М., 2009).

5 Подробнее о карпато-балканских исследованиях в ИСл РАН см. в статье: *Узенева Е. С.* ОКДА и современные полевые этнолингвистические исследования карпато-балканского региона // *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации.* М., 2013. С. 272–286.

6 В частности, в: «Исследования по славянской диалектологии». М., 2004–2008. Вып. 9–13; «Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура». М., 2008–2014. Вып. 1–3.

7 Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

8 Подробнее об этом см. в книге в разделе «Семантические и культурные балканизмы»: Плотникова А. А. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки. М., 2013. С. 38–40.

9 Там же. С. 92–122.

10 Там же. С. 217–218.

11 На этой основе был задуман и реализован проект «Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура во взаимодействии», поддержанный Программой фундаментальных исследований Президиума РАН (2006–2008). Исследования были продолжены в процессе работы над новым проектом «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе» в рамках Программы ОИФН РАН (2009–2011) и проектом Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Карпато-балканские территориальные диалекты: реконструкция культуры по данным языка» (2012–2014). Руководителем всех трех проектов была д.ф.н. А. А. Плотникова.

См. также работу: Плотникова А. А. Карпато-балканский диалектный ландшафт – новые перспективы: язык и культура во взаимодействии // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Г. П. Клепиковой. М., 2008. С. 10–25.

Uzeneva E.S.

A new book on the Ethnolinguistics

The review performs the analyses of a new book on the Russian ethnolinguistics (Plotnikova A.A. “South Slavs in the light of Balkan and All-Slavic context: ethnolinguistic essays”) where a cultural and linguistic interpretation of several fragments of the traditional culture of the South Slavs and its terminology in the light of Balkan and All-Slavic context is given.

Keywords: ethnolinguistics, Balkan studies, south-Slavic languages, areal linguistics, folk culture, Carpathian-Balkan issues, Moscow scientific school of ethnolinguistics.

С. М. Слоистов
(Москва)

Фундаментальное справочное издание по истории и культуре карпатских русинов

В рецензии представлена «Энциклопедия истории и культуры карпатских русинов» под общей редакцией П.-Р. Магочи.

Ключевые слова: *карпатские русины, П.-Р. Магочи, И. И. Поп, энциклопедия.*

Специалистам по истории Карпатского региона хорошо знакомо фундаментальное справочное издание «Encyclopedia of Rusyn History and Culture» (Toronto, 2002; 2005). В 2010 г. вышла его долгожданная украинская версия (Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / Уклад.: Павло Роберт Магочій, Іван Поп; заг. ред.: Павло Роберт Магочій. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2010. 854 с.). Перевод энциклопедии на украинский язык и публикация ее в Ужгороде способствовали расширению читательской аудитории, она стала более доступна исследователям из Восточной Европы.

Энциклопедия издана под редакцией известного американского русиниста П.-Р. Магочи. Он же совместно с И. И. Попом является ее составителем. Четыре пятых всех статей также написано ими. Большинство статей о Лемковщине и русинах-лемках в США принадлежат авторству Б. Горбала (с. X). Остальные авторы представлены специалистами из Ужгорода, Нитры и Прешова, Нови Сада, Кракова, Ньиредьхазы, Турту и ряда городов США. При написании статей использовалась помощь 25 консультантов, также работающих в странах, где традиционно развивалось карпатоведение (с. XIV–XV). Видно, что в процессе работы сложился уникальный международный коллектив. Доминирование двух авторов, которые одновременно являются составителями всей энциклопедии, можно рассматривать как ее преимущество. Издание представляет единый корпус статей с высокой степенью интегрированности представленной в них информации. Благодаря такой цельности удалось не только создать крупный справочник, но и выполнить полноценное, ставящее собственные научные задачи исследование. В этой куда более наукоемкой, чем простое составление регионального словаря, работе авторы-составители решают проблему комплексного описания истории карпатских русинов, пытаются представить их культуру как имеющий

мировое значение самодостаточный феномен.

Принятая авторами-составителями концепция выбора тем при формировании корпуса статей изложена в предисловии. Исходя из того, что карпаторусины никогда не имели полноценной, с точно определенными границами, государственности, в основу концепции энциклопедии положено понятие «Карпатская Русь». Под ней подразумеваются земли «по обе стороны Карпат, где в начале XX в. карпаторусины составляли большинство населения» (с. IX). По мнению автора предисловия П.-Р. Магочи, такая трактовка является ключевой для понимания логики, которой придерживался авторский коллектив в работе над энциклопедией. В статье «Карпатская Русь» (с. 319–320) им подчеркивается, что уже в 1850 г. А. Дешко понимал под данным термином заселенную русинами территорию Венгерского королевства (только Подкарпатскую Русь и Пряшевщину). Первая мировая война внесла в эти представления небольшие коррективы. В петиции, поданной карпаторусинскими лидерами на Парижской мирной конференции в 1919 г., они включали в Карпатскую Русь также и Лемковщину. Тем самым иллюстрируется существование с середины XIX в. традиции определения Карпатской Руси без включения других, также заселенных восточными славянами, территорий монархии Габсбургов (русинов Восточной Галиции и Буковины).

Эта мысль детально развивается в статье И. И. Попа «Этнография» (с. 214–219). Доминирующему с конца XIX в. описанию восточнославянского населения региона с разделением на три равнозначные этнографические группы (лемки, бойки и гуцулы) противопоставлена четырехчленная схема. Представленные в ней группы не равнозначны: лемки, бойки и гуцулы занимают периферийное положение по отношению к долинянам, которым в прежней классификации не отводилось особой роли. Долинян – восточнославянское население предгорий и равнин от р. Лаборец и Уж на западе до р. Шопурка на востоке – рассматривали лишь как утратившую патриархальные черты и мало отличающуюся от своих соседей (венгров, словаков, румын) часть массива бойков. В энциклопедии именно долинянам отводится место главных носителей русинской самобытности. Их исторически обусловленная интегрированность с восточнославянским соседним населением из характеризующего периферию свойства в трехчленной схеме в новой концепции становится основной чертой, определяющей карпатских русинов.

Если использовать популярное в последнее время среди культурологов понятие «пространство национальной культуры», то мож-

но разобраться, каким образом авторам энциклопедии удалось выделить собственно русинскую культуру в кругу тесно связанных с ней других национальных культур карпатского региона – в первую очередь дифференцировать русинскую культуру от культуры украинской. Пространство национальной культуры не сводится к узкому понятию этнографической территории, оно шире связанных с ним географических границ. Важным его свойством является возможность существования вне данных границ – там, где творит апеллирующий к этнонациональным символам деятель культуры, самостоятельно или создавая различные социокультурные институты. Если, прибегая к данному источнику, автор произведения культуры всегда вписывает его в более крупное этнонациональное пространство, то мы имеем дело лишь с проявлениями регионализма. Так, для русина-украинца могут быть дороги Карпаты, они источник его вдохновения, но при этом они всегда остаются частью более крупного образования – Украины, которая ему дорога не меньше, а скорее даже больше, чем милая сердцу малая родина.

Обособленность русинского культурного пространства хорошо прослеживается на примере творчества выработавшей свой особый стиль подкарпатской школы живописи (см. статьи: Искусство, Й. Бокшай, Ф. Манайло, А. Эрдели и др.). Для художников этой школы было естественно в силу образования и более развитой художественной жизни тяготение к Будапешту и Праге, но при этом источник их вдохновения всегда оставался в пределах Карпатской Руси. Даже проявляя особый интерес к народному типу верховинца или гуцула, они не стремились уйти в своих творческих фантазиях за территорию Подкарпатской Руси, на Прикарпатье и далее в другие области Украины. Ни Львов, ни Киев, покоровившие своими памятниками и красотами многих художников, не затмили в их творческих душах родного карпатского края.

Обратившись к энциклопедии, исследователь может получить достаточно полную справку как по общим темам (например, статьи: Археологические поселения, Архитектура, Закарпатская Украина, Интернет, Искусство, Историография, История, Карпатская Русь, Карпатская Украина, Кино, Книгопечатание и издательское дело, Коммунизм, Лемки, Лемковщина, Литература, Подкарпатская Русь, Пряшевщина, Русин, Русин-украинец, Русские, Украинцы, Этнография, Язык и др.), так и по частным вопросам. Особое место занимают материалы, посвященные различным культурообразующим организациям (просветительским обществам, епархиям православной и

греко-католической церкви, известным монастырям, музеям и т. д.). Широко представлена информация о русинских периодических изданиях. Очень ценно, что наряду с библиографическими данными газет и журналов авторы стремились отобразить особенности национально-культурной политики их редакций. Существенный массив статей посвящен биографическим справкам об общественных деятелях, политиках, проявивших себя в национально-культурной жизни представителях духовенства, известных художниках, посвятивших себя карпатоведению ученых и т. п.

Тщательно подобранный фактический материал, биографические сведения или история организации, анализируется с точки зрения отношения к трем национальным ориентациям: русинофильской, русофильской и украинофильской. Данная трехчленная схема является важной частью принятой авторами концепции описания культуры карпатских русинов. Каждому из этих направлений посвящена отдельная статья. В основу выделения отдельной ориентации положено отношение ее сторонников к этнонациональной самобытности русинов (признается ли за ними полная самостоятельность или они считаются лишь частью более крупного русского или украинского этнонационального массива) и языковой вопрос (необходимо ли существование самостоятельного высокоразвитого русинского языка и какова должна быть область его применения). Ключевым элементом этой схемы является жесткое противопоставление данных ориентаций между собой, когда исключается любое взаимоотношение между ними, кроме взаимоисключения. Реальная жизнь, конечно, была намного сложнее. Если обратиться к текстам, представленным только в энциклопедии, то даже на этом материале хорошо видно, что на своем начальном этапе русинская культура формировалась и росла в первую очередь с опорой на культуру общерусскую. Это хорошо прослеживается в биографиях русинских будителей, прославившихся скорее культурной, нежели чисто политической деятельностью, в первую очередь подвизавшихся на ниве литературы и духовного пастырства. Так, в статье о заложившем основы русинской литературы А. Духновиче (с. 204–207) справедливо показано, что его любовь к литературному русскому языку не отвергала активного применения в литературе собственно местного русинского начала. Такой подход соподчиненности и определенного соработничества культуры общерусской и карпаторусской был немислим для сторонников украинофильской ориентации, которые воспринимали язык карпатских русинов только как диалект, тем самым сильно ограничивая сферу

его потенциальных возможностей. Показательно, что, скрупулезно перечисляя все связи А. Духновича с русской культурой, авторы избегают возможности прямо охарактеризовать его как деятеля русофильской ориентации.

Использование такой жесткой, предусматривающей лишь взаимоисключение, концепции описания русофильской и русинофильской ориентаций также повлияло на подачу материала о русинах, переехавших вглубь России. Как уточняется в предисловии, «несколько деятелей карпаторусинского происхождения, которые сделали блестящую карьеру, но не внесли вклад в карпаторусинскую историю и культуру (самые яркие примеры Михаил Балугьянский, Игорь Грабарь и Энди Уорхол), также представлены в отдельных статьях, поскольку имена этих личностей широко использовались карпаторусинскими деятелями и влияли на их понимание карпаторусинской истории и культуры» (с. X). Данная постановка в один ряд биографий русинов, покинувших карпатский регион, но продолжавших творить в пространстве культуры, неотъемлемой частью которой они себя считали, с жизнеописаниями деятелей культуры с типично эмигрантской судьбой неминуемо сужает взгляд на историю культуры карпатских русинов.

Ведь одни действительно максимально отдалились от нее и, например, как Э. Уорхол, работали в американской среде, используя присущие американскому культурному пространству достижения, другие, как они сами предполагали, продолжали работать на русинскую культуру, не покидая ее, поскольку они оставались в пространстве общерусском. Так, для И. Грабаря был естественен (и, что не менее важно, абсолютно понятен и приемлем для московской и петроградской среды) его призыв спасать памятники Угорской Руси во время Первой мировой войны как достояние не только карпаторусской культуры, но и общерусской. Более того, инициатива по организации экспедиции в прифронтовую зону, в «Галицию, а если окажется возможным, в Буковину и Угорскую Русь»¹ получила полную поддержку Императорской академии художеств. Была создана специальная Комиссия по обследованию памятников искусства в Галичине, Буковине и Угорщине, работой которой фактически руководил И. Грабарь.

Культурные связи карпатских русинов с Россией – тема, имеющая огромный потенциал для изучения, и многие важные сюжеты, как вышеприведенный пример с идеей отправки экспедиции, остаются еще слабо разработаны. Однако даже общеизвестные и широ-

кодоступные источники не всегда используются в энциклопедии достаточно целостно. В рассматриваемой нами статье о И. Грабаре (с. 148–149) существенное место занимает сюжет из его детских воспоминаний о бытовании в крестьянской среде критического отношения к солдатам российской армии, посланным Николаем I для подавления восстания в Венгрии. И. Грабарь, не претендуя на обобщающую характеристику тех событий, упоминает об этом лишь с целью ярче показать, насколько его дед А. Добрянский идеализировал царскую Россию. С тем, что контакты русинов с русскими солдатами в разное время сыграли положительную роль в формировании позитивного образа России, соглашаются и сами авторы энциклопедии. «Тем не менее периодическое присутствие российских войск в крае сыграло решающую роль в распространении так называемого народного русофильства, то есть благорасположения к русским в среде крестьян-лемков, которое спустя некоторое время интеллигенция преобразовала в целую теорию про то, что лемки и все русины относятся к русскому народу» (статья Русские, с. 643).

Однако, посвятив значительное место столь частному сюжету из воспоминаний И. Грабаря, автор статьи о нем опустил, на наш взгляд, более важные для понимания особенностей русинской культуры темы, которые запечатлел в своей автобиографии выдающийся художник и искусствовед. И. Грабарь начинает описание своей богатой событиями жизни с акцентирования внимания читателя на своем русинском (угрорусском) происхождении. Используя в качестве оправдания то, что он не является специалистом в вопросах лингвистики, он фактически позволяет себе не согласиться с утверждением о принадлежности русинов к украинцам. Более того, своим тезисом, что «наши отцы и деды решительно оспаривали это утверждение, считая себя коренными русскими»², И. Грабарь задает линию дальнейшему повествованию, позволяющую воспринимать его постоянный интерес к истории русского искусства во многом как следствие детского воспитания в карпаторусской среде, которая являлась для него частью общерусской культуры. Служение ей – это одновременно и работа по продолжению дела своей семьи (русинских будителей: деда А. Добрянского, матери О. Грабарь и отца Э. Грабаря). О том, что его восприятие мира общерусской культуры не являлось лишь шаблоном и привычной, доставшейся от опыта жизни в дореволюционной России, упрощенной схемой, свидетельствует признание наличия двух, русофильской и украинофильской, ориентаций в Галиции. Угорская Русь «до сих пор, – писал художник, – окружена с

севера и востока русским и украинским населением Галиции и Буковины»³. Весьма интересно также отсутствие удивления, неприятия, маркировки «чужого» и т. д. в детских впечатлениях И. Грабаря при его переезде на постоянное жительство в Центральную Россию. Хотя от его чуткого и наблюдательного взора не ускользает атмосфера Пряшевской гимназии, где царил венгерский язык и порядки.

Столь подробный разбор статьи о И. Грабаре хорошо иллюстрирует, как из-за определенного концептуального упрощения в представленных материалах недостаточно раскрыта проблема влияния общерусской культуры на становление и развитие культуры карпатских русинов вне зависимости от принадлежности к той или иной ориентации. Полагаем, что дальнейшие исследования глубоко уважаемых нами авторов энциклопедии будут способствовать устранению этой лакуны.

Стоит отметить, что издание содержит достаточно богатый справочный аппарат. Имеется общий перечень всех статей (к сожалению, без указания страниц). Практически каждая статья имеет список основной литературы по представленной в ней проблеме. Существенным достоинством энциклопедии является богатый иллюстративный материал. К большинству биографий подобран соответствующий портрет. Также имеются цветные вклейки с 13 картами, видами природы региона и репродукциями работ русинских художников. Отрадно, что среди предоставивших иллюстративный материал присутствуют два исследователя из России – Н. М. Пашаева (1926–2013) и М. Ю. Дронов. В энциклопедии есть удобная система выделения слов и словосочетаний, которым посвящены отдельные статьи. Навигация по энциклопедии была бы удобнее при наличии традиционных для справочного издания колонтитулов, указывающих на начальные буквы или полное название первой и последней статьи книжного разворота. В целом энциклопедия по своему оформлению и издательской подготовке вызывает лишь чувство благодарности к сотрудникам сыскавшего заслуженное признание читателей издательства В. Падяка.

Надеемся, что наряду с фондами Российской государственной библиотеки энциклопедия в скором времени займет свое достойное место также в других центральных книгохранилищах России, и использование этого фундаментального труда отечественными исследователями будет способствовать расширению знаний по истории и культуре карпатских русинов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Российский государственный исторический архив. Ф. 789. Оп. 13, 1915 г. Д. 71. Л. 27.
- 2 *Грабарь И. Э.* Моя жизнь. Автобиография. М.; Л., 1937. С. 15.
- 3 Там же.

Sloistov S. M.

A fundamental reference book on history
and culture of Carpatian Rusyns

This is a review of «Encyclopedia of Rusyn History and Culture»,
edited by P. R. Magocsi.

Keywords: *Carpatian Rusyns, P. R. Magocsi, I. I. Pop, encyclopedia.*

С. М. Слоистов
(Москва)

**Круглый стол «Москва и Восточная Европа:
государственно-территориальное урегулирование в регионе
и проблема национальных меньшинств.
События. Документы. Комментарии»**

16 декабря 2014 г. в Институте славяноведения РАН (ИСл РАН) Центром по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны был проведен круглый стол. Модератором мероприятия выступила *д.и.н. А. Ф. Носкова*. Свои доклады представили сотрудники Центра, в обсуждении приняли участие также сотрудники из других подразделений ИСл РАН.

Организаторы круглого стола поставили перед докладчиками и участниками обсуждения цель наметить наиболее перспективные подходы в изучении национально-территориальных споров в регионе и попытаться выявить основные существующие на данный момент пробелы в отечественных и зарубежных исследованиях по следующим вопросам:

- национальные меньшинства и их роль в формировании границ государств в Восточной Европе после Второй мировой войны;
- влияние фактора национальной политики внутри стран региона на причины, ход и последствия Второй мировой войны;
- власть и общество в период становления и последующего развития режимов советского типа в рассматриваемом регионе в свете национально-территориальных проблем.

Основными задачами заседания было выяснить причины слабой разработанности выявленных узловых тем, в первую очередь разобраться с методологическими трудностями, а также оценить доступность и репрезентативность имеющихся в распоряжении исследователя источников.

Содержательную часть работы круглого стола открыл доклад *С. М. Слоистова* «Установление границ Чехословакии после Второй мировой войны: проблема национально-государственного размежевания». Рассмотрев основные критерии формирования границ территории Чехословакии в результате Второй мировой войны, докладчик проанализировал наиболее перспективные для исследования сюжеты. Наиболее подробно он остановился на словацко-венгерском пограничном споре и связанных с ним вопросах. Также им был затронут круг проблем, связанных с передачей Подкарпатской Руси СССР и польско-чехословацким спором вокруг Тешина. Данные

сюжеты позволили наглядно продемонстрировать, насколько важно при изучении вопросов государственно-территориального урегулирования и проблем национальных меньшинств пытаться связать два направления исследований:

1. анализ этнонационального подхода в политике спорящих государств (с этим связаны такие темы, как проблема разделенных наций, активизация национального чувства в результате пропагандистских кампаний, вопросы этнонациональной идентичности на пограничье и пр.);

2. региональные исследования (проблематика экономики и управления регионом, оценка значения его оборонного и экономического потенциалов, вопросы региональной идентичности населения и т. д.).

Ведущая круглого стола *д.и.н. А. Ф. Носкова* познакомила собравшихся с докладом «Польско-украинский национальный конфликт и его решение (1940-е – начало 1950-х гг.)». В ее выступлении были раскрыты основные факторы формирования социальной базы украинского националистического движения (ОУН) в межвоенной Польше. Особый акцент был сделан на неудавшихся попытках ОУН оформить украинскую независимость на землях Подкарпатской Руси (Чехословакия) и Восточной Галиции (Польша) в условиях кризиса 1938–1939 гг. Были также приведены сведения о подавлении этого движения в УССР с сентября 1939 по июнь 1941 г.

В выступлении исключительный интерес вызвала проблематика гитлеровской оккупации, когда попытка ОУН создать правительство во Львове и провозгласить независимую Украину была подавлена нацистами. В своей деятельности ОУН стремилась к этой цели посредством создания партизанских отрядов (УПА), сотрудничества с немецкой разведкой, участия в боевых действиях вермахта против СССР. Пытаясь реализовать идеологические антикоммунистические, антисоветские, антисемитские и антипольские постулаты, украинские националисты физически истребили десятки тысяч поляков и советских людей разных национальностей, были причастны к уничтожению еврейского населения гитлеровцами.

В своем сообщении *А. Ф. Носкова* обратила внимание на то, что немецкие нацисты никогда не поддерживали идею «независимой Украины для украинцев», не обещали участвовать в ее создании, а лишь использовали ОУН-УПА исключительно в собственных целях. В заключение докладчиком были приведены данные о подавлении НКВД СССР вооруженных отрядов украинских нацио-

налистов на территории УССР и Польши в военные и первые послевоенные годы.

Проблематику влияния крупных держав на ситуацию национальных меньшинств в регионе продолжил доклад *к.и.н. Т. А. Покивайловой* «Румыния: национальные конфликты и национальные меньшинства 1918–1947 гг. Дискуссионные вопросы». Подробно остановившись на политике румынского правительства по дискриминации венгерского населения Трансильвании, русского населения Бессарабии, евреев и цыган в межвоенный период, докладчик проанализировала весь комплекс принимавшихся Румынией мер в социально-экономической, национальной и культурно-языковой сферах, которые в конечном итоге привели к отторжению от нее в 1940 г. территорий Бессарабии и Северной Буковины, Северной Трансильвании, а также Южной Добруджи.

Этноконфессиональную специфику Южной Добруджи подробно осветила *А. С. Гладышева* в докладе «Этноконфессиональная карта Южной Добруджи: 1913–1947 гг.». С привлечением богатого иллюстративного материала и современных мультимедийных технологий был представлен обзор основных переписей населения Болгарии и Румынии конца XIX – первой половины XX в. с анализом данных по Южной Добрудже. Был выявлен ряд интересных закономерностей в миграционных процессах в межвоенный период в данной крайне неоднородной по этноконфессиональному составу населения области. Раскрытые докладчиком тенденции позволили более комплексно объяснить причины отторжения Южной Добруджи от Румынии в 1940 г.

Тематика, связанная с Балканами, была также представлена в проблемно-аналитическом докладе *д.и.н. Т. В. Волокитиной* «Македонский вопрос в контексте болгаро-югославских отношений (1948–1953)». Вопрос о судьбе болгарской и югославской части Македонии (Пиринского края и Вардарской Македонии соответственно) является показательным с точки зрения соединения трех различных групп факторов:

- внутренних этнонациональных процессов внутри данной исторической области, разделенной между Югославией и Болгарией;
- часто разновекторной национально-культурной политики Болгарии и Югославии по отношению к населяющему ее коренному населению;
- роли глобальной политики и связанных с ней изменений внутри советского блока, в частности перипетии, связанные с советско-югославским конфликтом.

Такой подход позволил докладчику представить македонский вопрос в динамике с обоснованным выделением наиболее значимых причин принятия конфликтующими сторонами решений, разграничив роль локальных и глобальных участников.

Так, задолго до начала советско-югославского конфликта активно рассматривалась идея при образовании южнославянской федерации объединить Пиринский край и Вардарскую Македонию. Однако в 1946 г. на встрече с югославской и болгарской делегациями в Москве Сталин посоветовал не спешить с объединением, что послужило для болгарских властей сигналом для активизации политики «македонизации» в Пиринском крае. Активную поддержку этим во многом искусственным в виду болгарского самосознания местного населения процессам оказывала и Югославия. Советско-югославский конфликт, окончательно закрыв идею славянской федерации на Балканах, одновременно вывел нарастающие противоречия между Югославией и Болгарией в новую плоскость. Болгария, полагая, что Белград взял курс на присоединение к себе части ее территории, естественным образом стремилась скорректировать ранее проводимую политику в Пиринском крае. Но постоянная оглядка на позицию Москвы не способствовала последовательной политике в данном вопросе.

Д.и.н. Г. П. Мурашко сделала в своем сообщении упор на особенности работы по публикации архивных материалов. Она поделилась информацией о ходе выявления новых документов в фондах ряда российских архивов (Архив внешней политики РФ, Российский государственный архив социально-политической истории, Архив РАН и др.) в рамках совместного проекта ИСл РАН и Архивного института Культурного, научного и информационного центра Венгрии в Москве «Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии. 1944–1951. Документы российских архивов». Реализация данного проекта позволит проследить процесс формирования государственной политики Чехословакии в отношении национальных меньшинств. Отобранные для публикации материалы существенно дополняют уже введенные в научный оборот источники, что позволит существенно расширить ракурс видения, казалось бы, уже изученных ранее событий.

С завершающим докладом «Силезский вопрос в Польше: история и современность» выступила *д.и.н. Л. С. Лыкошина*. Обратившись к теме самоидентификации населения пограничья, она наглядно продемонстрировала, как влияла перемена государственных границ в регионе на структуру идентичности населения Силезии.

В докладе был сделан акцент на современном положении, когда все большую активность набирают различные общественные движения за особый, автономный статус региона. Были рассмотрены различные варианты политического решения существующих противоречий: от попытки их замалчивания до популярной в последние годы идеи образования еврорегионов.

Подводя итоги, все участники круглого стола согласились в том, что, несмотря на большой массив публикаций по проблеме национальных меньшинств в Восточной Европе, данная тема является крайне актуальной и имеет значительный потенциал для дальнейшего изучения. Выступления сотрудников Центра и активное обсуждение представленных докладов их коллегами способствовали систематизации знаний об имеющихся наработках по проблеме национальных меньшинств. Были конкретизированы наиболее слабо изученные на данный момент темы. Удалось уточнить, насколько данные проблемы обеспечены источниковой базой и какие методологические трудности необходимо преодолеть для их решения. Намечены возможности для координации будущих исследовательских проектов Центра с другими, занимающимися смежными вопросами подразделениями ИСЛ РАН, отечественными учеными из других институтов РАН и ВУЗов, а также иностранными партнерами из стран региона.

Т. В. Шалаева
(Москва)

XXXI Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2015»

XXXI Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2015» прошло в Русском географическом обществе, в Санкт-Петербурге, 2–3 февраля 2015 года. Оно было посвящено вопросам русской диалектной лексикологии, лингвогеографии и, в частности, проблемам, связанным с составлением Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ). В создании этого многотомного труда принимают участие сотрудники крупнейших региональных вузов Российской Федерации под руководством Института лингвистических исследований РАН и Института славяноведения РАН. Ежегодное совещание, проводимое Институтом лингвистических исследований РАН, имеет своей целью обсуждение актуальных вопросов лексики русских говоров с точки зрения общей и исторической лексикологии, этимологии, лингвистической географии, этнолингвистики и ономастики. Необходимость рассмотрения данных проблем особенно отчетливо проявляется в процессе работы над ЛАРНГ. Доклады, представленные на совещании, содержат результаты разноаспектных исследований русской диалектной лексики, что, с одной стороны, дает надежные теоретические основания для отбора картографируемого материала ЛАРНГ, а с другой – позволяет наиболее полно и последовательно отображать его на картах Атласа.

Совещание открыл директор Института лингвистических исследований РАН, академик РАН *Н. Н. Казанский*. Он поприветствовал участников совещания и отметил общенациональную значимость проектов такого масштаба. Затем *Т. И. Вендина* (Институт славяноведения РАН, Москва) выступила с докладом на тему «Русское диалектное слово во времени и пространстве», где рассмотрела русские эксклюзивные лексемы в их противопоставлении материалам других славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа. Также *Т. И. Вендина* сделала презентацию своей книги «Типология лексических ареалов Славии» (СПб., 2015). *С. А. Мызников* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) сделал доклад на тему «Начало работы над ЛАРНГ по дневниковым записям И. А. Попова», в котором привел отрывки из дневника основателя ЛАРНГ И. А. Попова.

Далее звучавшие на совещании доклады можно разделить по нескольким тематическим направлениям. Так, ряд выступлений касался общих проблем картографирования лексики: это доклады *А. А. Бурькина* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) «Лексическая лингвогеография к востоку от Урала», *Л. А. Климковой* (Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского) «Явления параллелизма в русских народных говорах (на материале некоторых карт ЛАРНГ)», *Л. Я. Костючук* (Псковский государственный университет) «Какие лингвистические решения скрываются за системой знаков на карте», *А. Д. Черенковой* (Воронежский государственный педагогический университет) «“Непопулярные” значения в диалектных словарях».

Некоторые доклады были посвящены источникам материала для карт ЛАРНГ: *Н. С. Ганцовская*, *Е. Г. Веселова* (Костромской государственный университет) «Принципы отбора полноценного материала для ЛАРНГ по теме “Животный мир” (материал живых говоров и иные источники)», *Е. В. Цветкова* (Костромской государственный университет) «Костромская микротопонимия как источник сведений для ЛАРНГ по теме “Животный мир”».

Кроме того, были доклады по темам конкретных вопросов ЛАРНГ: *Т. Е. Баженова* (Поволжская государственная социально-гуманитарная академия), *Н. Ю. Баженов* (Самарский государственный университет) «Наименование ящерицы в русских говорах», *Н. А. Красовская* (Тульский государственный педагогический университет) «Особенности названий дятла в русских говорах», *Ю. Н. Драчева* (Вологодский государственный университет) «Игровое начало народной культуры и его отражение в ЛАРНГ», *Я. В. Мызникова* (Санкт-Петербургский государственный университет) «Наименование пищи в говорах Ульяновской области (по материалам экспедиций ЛАРНГ)».

В части выступлений описывались лексические особенности отдельных регионов России: *Г. М. Курбангалеева* (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа) «Лексика русских говоров Башкирии: некоторые особенности функционирования», *Ю. В. Каменская* (Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского) «Лексические средства репрезентации социальной стратификации общества в диалекте», *А. И. Буранова* (Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского) «Особенности диалектной речи в конфессионально неоднородном говоре».

Значительная часть докладов была посвящена анализу конкретных лексических групп в отдельном регионе: *Н. В. Шевченко* (Государственная полярная академия, Санкт-Петербург) «Из истории отдельных лексических наименований растительного и животного мира Тверской области», *Е. Н. Ильина* (Вологодский государственный университет) «Лексика народной медицины в вологодских говорах», *Л. Ю. Зорина* (Вологодский государственный университет) «Формулы диалектных благопожеланий: устаревание или активизация?», *И. И. Русинова* (Пермский государственный национальный исследовательский университет) «Названия колдуна, знахаря на карте Пермского края», *О. А. Слюсарева* (Воронежский государственный педагогический университет) «Лексика свадебного обряда (на материале говора села Краснолипья Репьёвского района Воронежской области)», *Н. А. Стародубцева, Н. А. Туникова* (Волгоградский государственный университет) «Средства выражения семантики 'сельскохозяйственный труд, труд на земле' в устной речи носителей донских говоров», *Е. В. Колосько* (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) «Лексика со звукоподражательной основой в архивных диалектных материалах Ленинградской области».

Некоторые доклады касались региональной ономастики: *В. Н. Гришанова* (Орловский государственный университет) «Патронимы в орловских говорах», *В. С. Катавенко* (Смоленский государственный университет) «Национально-культурная информативность микропонимов Смоленского края», *А. А. Соколова* (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) «Топонимическая и ландшафтная дифференциация острова Гогланд (Финский залив) по данным финских источников первой половины XX в.».

Кроме того, звучали доклады, посвященные взаимодействию лексики и грамматики: *И. Б. Качинская* (Московский государственный университет) «Проблемы грамматики и словарь (на примере Словаря терминов родства в архангельских говорах)», *Л. Н. Новикова* (Тверской государственный университет) «Деривационная специфика качественных и относительных прилагательных в тверских говорах», *Л. И. Меркулова* (Орловский государственный университет) «Грамматические диалектизмы в говорах Орловской области».

Были представлены доклады по истории диалектной лексики: *М. В. Флягина* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) «О составе диалектной лексики в "Донских делах"», *И. В. Бегуни* (Московский государственный университет) «О функционирова-

нии некоторых частиц в архангельских говорах». Также в отдельных сообщениях рассматривалась этимология диалектных лексем: *Л. П. Михайлова* (Карельская государственная педагогическая академия, Петрозаводск) «Название полотенца в русских народных говорах», *Т. В. Шалаева* (Институт славяноведения РАН, Москва) «К этимологии русск. и блр. *лайно́* ‘отходы при обработке льна’ и ‘белье, одежда’».

Два выступления были посвящены новым источникам диалектного лексического материала: доклад *Л. Л. Крючковой* (Амурская региональная академия наук и образования, Благовещенск) «Словарные материалы Г. С. Новикова-Даурского как источник для изучения дальневосточных говоров» и презентация *О. Г. Ровновой* (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва) книги Д. Зайцева «Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева» (М., 2015), рассказывающей о жизни современных старообрядцев в Аргентине и написанной на русском диалектном языке.

После заседаний участники совещания выступили с отчетами о диалектологической практике в вузах: *Л. Я. Костючук* рассказала об экспедициях в Псковской области, *Г. М. Курбангалеева* – об экспедициях в Башкирии, *Т. Е. Баженова* – о практике на территории Самарской области, *Е. В. Цветкова* – об экспедициях в Костромской области.

По результатам совещания планируется издание сборника статей «Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2015».

В рамках совещания ЛАРНГ 4 февраля 2015 г. в Институте лингвистических исследований РАН состоялся ежегодный картографический семинар. В ходе семинара участники проекта представляют готовые материалы Атласа, обсуждают их, происходит отбор картографируемой лексики и планирование работы над будущими картами. В этом году семинар был посвящен готовящемуся к выходу тому ЛАРНГ «Растительный мир» и находящемуся в стадии разработки тому «Животный мир». Вначале *Т. И. Вендина* представила отчет о работе над томом «Растительный мир». Затем состоялось обсуждение следующих карт по данной теме: Л 27 «Лес, растущий на возвышенности», Л 67 «Можжевельник», Л 68 «Куст можжевельника», Л 69 «Ветка можжевельника», Л 94 «Кора ивы», Л 95 «Кора, используемая при дублении» (автор – *О. И. Жмурко*, Ивановский государственный университет); Л 85 «Часть ствола без сучьев» (авторы – *Н. С. Ганцовская, П. П. Виноградова*, Костромской государственный

университет); Л 104 «Опушка леса» (автор – Ю. В. Каменская, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского). По теме «Животный мир» были представлены следующие карты: Л 179 «Волк» (автор – Т. К. Ховрина, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского), Л 249 «Воробей», ЛСЛ 250 «Самка воробья», ЛСЛ 251 «Птенец воробья» (автор – В. Н. Гришанова, Орловский государственный университет), Л 252 «Издавать звуки, характерные для воробья» (автор – Л. И. Меркулова, Орловский государственный университет), Л 254 «Ворона» (автор – А. В. Приображенский, Карельская государственная педагогическая академия, Петрозаводск), Л 259 «Галка», ЛСЛ 262 «Собирательное название для галок» (автор – Л. А. Климкова, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского), Л 275 «Дятел» (автор – Н. А. Красовская, Тульский государственный педагогический университет), Л 304 «Соловей» (авторы – Т. М. Малыгина, Л. Е. Писарева, Курский государственный университет), Л 207 «Издавать громкие, характерные для волка звуки», Л 208 «Издавать громкие, характерные для медведя звуки», Л 315 «Издавать звуки, характерные для тетерева» (автор – С. А. Ганичева, Вологодский государственный университет), Л 356 «Ящерица» (автор – Н. Ю. Баженов, Самарский государственный университет), Л 363 «Рой мошек, комаров» (автор – А. А. Попов, Карельская государственная педагогическая академия, Петрозаводск).

Участники совещания выразили надежду на публикацию первого тома ЛАРНГ «Растительный мир» в ближайшем будущем.

*И. В. Вернер
(Москва)*

Пятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения

3–6 февраля 2015 г. в Риме состоялись V Римские Кирилло-Мефодиевские чтения, организованные Институтом славяноведения РАН, кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова при поддержке Российского центра науки и культуры в Риме, Папского Восточного Института и научно-издательского центра «Индрик».

Чтения представляют собой важнейшую часть международного междисциплинарного славистического проекта, автором которого является доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН и руководитель научно-образовательного семинара *Slavia Christiana: язык, текст, образ* Н. Н. Запольская. Проект включает в себя несколько составляющих: научно-исследовательскую на базе Центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения, научно-образовательную, реализуемую на кафедре славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, и научно-издательскую, осуществляемую совместно Центром междисциплинарных исследований славянской книжности и научно-издательским центром «Индрик». Целью проекта является объединение разных типов научной деятельности в рамках комплексного славистического знания и реализация многоуровневого диалога в общеевропейском гуманитарном пространстве.

Приуроченные ко дню памяти св. Кирилла (27 февраля), похороненного в базилике Святого Климента в Риме, ежегодные Римские Кирилло-Мефодиевские чтения (Рим, февраль 2011 г.; Рим, февраль 2012 г.; Рим–Флоренция, февраль 2013 г.; Рим–Бари, февраль 2014 г.) включают в свою программу разнообразные формы реализации исследовательской и образовательной деятельности: научные доклады, тематические блоки, круглые столы, лекции, мастер-классы, презентации исследовательских проектов и научных изданий. В конференциях регулярно принимают участие научные сотрудники Института славяноведения РАН, Института русского языка РАН, Института старославянского языка в Загребе, Института литовского языка, профессора, преподаватели, аспиранты и студенты МГУ им.

М. В. Ломоносова, РГГУ, Волгоградского университета, Казанского (Приволжского) федерального университета, Вильнюсского университета, Минского государственного университета, университетов Италии (Рим, Флоренция, Бари, Пиза, Пескара, Венеция, Милан, Павия, Салерно, Удине, Мачерата, Болонья, Неаполь, Сиена), Германии (Галле, Вюрцбург, Мюнхен), Венгрии (Будапешт, Ньиредьхаза), Австрии (Вена), Словакии (Нитра).

С приветственным словом на открытии V Римских чтений, прошедшем в Российском центре науки и культуры в Риме, выступил директор Института славяноведения РАН *К. В. Никифоров*, а в Папском Восточном Институте участников приветствовал ректор *о. Джеймс МакКан*. Доклады, прозвучавшие на пленарном заседании, продемонстрировали очевидную необходимость и плодотворность обращения взгляда исследователей, занимающихся языковой славистической проблематикой в историческом контексте, не на точечные изолированные факты, но на комплексную взаимосвязь каждого из них с целым рядом сопутствующих концептов, фактов и обстоятельств славянской культурной истории, прежде всего богословских, исторических и семиотических. Только такое интегративное рассмотрение языковых явлений, совмещающее теоцентризм средневековой культуры и антропоцентризм современной методологии исследований, позволяет ставить и решать задачи гуманитарного научного знания как задачи адекватного понимания и интерпретации, а не описания и констатации. Именно такие подходы и были представлены в пленарных выступлениях. *М. Гардзанини* (Флоренция) в докладе «Происхождение Изборника 1073 г. в свете библейского пространства Кирилло-Мефодиевской деятельности и миссионерского проекта Византии» удалось представить новую трактовку происхождения Изборника 1073 г. – как текста, греческий источник которого восходит к миссионерскому проекту Константинополя второй половины IX в., в котором ключевую роль играл патриарх Фотий, – и предназначения Изборника 1073 г. не просто как сборника универсально-энциклопедического характера, а как набора инструментов для истолкования Священного Писания. В докладе *Б. Ломаджистро* (Бари) «Восприятие старой христианской письменной модели в славянской среде» была проанализирована славянская и греческая лексика, относящаяся к сфере письменности (*буква – книга – письмо*). В языковом творчестве первых славянских переводчиков отразилась, с одной стороны, иудео-христианская концепция сакральности письма как воплощения божественного откровения, а с другой стороны

– греческая техническая лексика, связанная с письменной сферой и укоренившаяся еще до принятия христианства. Доклад *А. Золтана* (Будапешт) «По страницам исторических словарей восточнославянских языков» был посвящен словарным ошибкам и недоразумениям, которые часто оказываются эвристически ценными, поскольку их анализ с учетом различных контекстов позволяет уточнить происхождение и значение тех или иных лексем.

Одной из постоянных тем в рамках проекта *Slavia Christiana* является цитатное пространство славянской книжности. В рамках одноименного тематического блока V Римских чтений состоялась презентация книги *М. Гардзанини* «Библейские цитаты в церковнославянской книжности» (М., 2014) и были прочитаны доклады, посвященные механизмам цитирования в текстах разных типов: четыхх (*Т. Пентковская* «Цитаты из Нового Завета в переводе Бесед на Евангелие от Матфея старца Силуана и Максима Грека») и служебных (*В. Легких* «Служба свв. стрст. Борису и Глебу как модель княжеских служб»; *М. Живова* «Деноминативные формулы введения памяти римских пап в православно-славянской средневековой литургической традиции»). Завершился тематический блок мастер-классом *Н. Мосягиной* (Санкт-Петербург), представившей интерпретацию вставок-«аненаек» в древнерусских певческих текстах как цитирования ангельского славословия.

Тематический блок «Перевод, книжная справа и правка библейских текстов» включал в себя доклад *М. Новак* (Казань), посвященный синтагматическому членению текста в Толстовском Апостоле XIV в., позволившему исследовательнице предложить новое истолкование смысла текста, доклад *И. Вернер* (Москва), представившей особенности глоссированных интерлинейрных списков Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека, и доклад *Н. Запольской* (Москва), посвященный проблеме правильности церковнославянского языка в деятельности книжных справщиков библейских текстов XVII–XVIII вв.

Тематический блок «Новое в палеославистике: концепции, тексты, комментарии» открылся докладом *Е. Ухановой* (Москва) «“Идеальный канон кириллицы” и глаголическое влияние: к вопросу о датировке древнейших кириллических памятников», в котором ряд «архаичных начертаний» кириллицы был увязан с активным использованием глаголической азбуки книжниками контактной зоны, где употреблялись оба славянских алфавита. Обсуждение вызвал доклад *Н. Кориной* (Нитра), представившей монографию словацкого слависта

Л. Кралчака «Рôvod hlalohiky a Konštantínov kód» (2014), однако заочную дискуссию в отсутствие автора было решено не продолжать.

Программа чтений 5 февраля в Папском Восточном Институте была полностью посвящена 70-летию В. М. Живова и открылась мемориальной вступительной частью, на которой прозвучали многочисленные воспоминания коллег, учеников и близких Виктору Марковичу людей, аудиозаписи его голоса в сопровождении фотохроники. Почетным гостем заседания стала супруга В. М. Живова М. К. Поливанова. Все прочитанные в этот день доклады были посвящены культурно-языковой проблематике, связанной с XVIII веком, который занимал немалое место среди научных интересов В. М. Живова. Пленарные доклады были сосредоточены на различных типах характерного для XVIII в. межкультурного взаимодействия. К. Станчев (Рим) в докладе «Алфавитный вопрос в славяноязычной издательской политике конгрегации De Propaganda Fide в XVII веке и его отголоски в XVIII–XIX вв.» представил две линии в издательской политике Римской церкви: взявшую верх тенденцию распространения латинского алфавита как обязательного для всех славян-католиков и более гибкую позицию Р. Леваковича и его круга, отстаивавшего сохранение употребления славянских азбук, в частности глаголицы. А. Наумов (Венеция) в докладе «Гетман Мазепа в церковнославянском творчестве» подробно остановился на литературно-языковых средствах создания образа Мазепы как «нового Иуды» в «Слове пред проклятием Мазепы» митрополита Стефана Яворского.

Тематический блок «XVIII век: история, литература, язык» объединил доклады, в центре внимания которых находились разнообразные культурные коллизии Петровской эпохи: ее социокультурные и семиотические преобразования (доклады М. Ди Сальво (Милан) «Названия кораблей Петра I – Азовский период», Ф. Росси (Пиза) «Долгоруков и русская архитектура XVII–XVIII вв.»), лингвистические проблемы переводов Петровского времени (доклады М. К. Брагоне (Павия) «Заметки о языке перевода И. Копиевского басен Эзопа и «Батрахомиомахии», Н. Марчалис (Рим) «Три перевода «Разговора Лукианова между Александром Великим и Ганнибалом», О. Марченко (Москва) «О переводах Григория Сковороды из Цицерона и Плутарха», Р. Евстифеевой (Рим) «Благоразумие» и «мудрость» С. Волчкова: наблюдения над переводом лексемы «prudense» в «Придворном человеке»), пути формирования нового русского литературного языка и его кодификации (доклады С. Менгель (Галле) «Альтернативный вариант “русского литературного языка нового типа” в Западной Европе

начала XVIII в.», *А. Плотниковой* (Москва) «Первый словарь Академии Российской: специфика жанра»), наконец, актуальные процессы в живом русском языке Петровского времени (доклады *Л. Абдулхаковой* (Казань) «Словообразовательные отношения в русском языке XVIII в. и их дальнейшее развитие», *Я. Пеньковой* (Москва) «Конкуренция формантов *нибудь* и *ни (на) есть* в процессе формирования экзистенциальных неопределенных местоимений в русском языке XVIII в.»).

В рамках чтений состоялись также лекции и презентации нескольких научных проектов, часть из которых носила междисциплинарный характер. Продолжением темы цитатного пространства стали лекции *А. Наумова* о метатекстовых библейских элементах в молитвах св. Кирилла Туровского и в акафистах Ф. Скорины. Лингвистические проекты представили *Ф. Ромоли* (Пиза) и *М. К. Ферро* (Кьети-Пескара), а также *Д. Сичинава* (Москва). Первый проект был посвящен церковнославянско-русско-итальянскому лексикону религиозных и философско-богословских слов, призванному уточнить имеющиеся на сегодняшний день толкования с учетом проблемы культурных различий и соответствия понятий, контекстов, конфессий. Во втором проекте были продемонстрированы возможности исследования грамматики с помощью подкорпуса текстов XVIII в. в составе Национального корпуса русского языка. Историкографический характер носил проект *М. Лявинец* (Будапешт), которая охарактеризовала культурно-просветительскую и научно-издательскую деятельность Общества св. Василия Великого в Галиции. Лекция искусствоведа *А. Де Мео Арборе* (Рим-Пиза) «*Dalle pergulae alle balaustre: le recinzioni dello spazio liturgico in Occidente*» была посвящена истории разграничения и семиотике маркирования литургического пространства базилики. *Э. Галлуччи* и *Б. Нерони* (Рим) провели для участвовавших в чтениях студентов экскурсионное занятие «Рим Константина и Мефодия». Завершающим оригинальным проектом чтений стал дизайн хорватского модельера *В. Милкович* (Загреб). Научными консультантами дизайнера выступили сотрудники Старославянского Института в Загребе, а источником вдохновения – хорватские глаголические миссалы и breviарии.

Всего на конференции прозвучало 32 доклада. В качестве докладчиков и слушателей в чтениях принял участие 51 исследователь, из которых 21 представлял Россию, 20 – Италию, по 2 участника – Венгрию, Германию, Хорватию, по 1 – Словакию, Австрию, Польшу, Канаду. Тезисы прочитанных на чтениях докладов доступны на сайте *Slavia Christiana* (www.slaviachristiana.ru).

*М. Ю. Дронов
(Москва)*

К 70-летию Пола-Роберта Магочи

26 января 2015 г. исполнилось 70 лет со дня рождения профессора Пола-Роберта Магочи (Paul Robert Magocsi) – крупного американско-канадского историка, русиниста и украиниста.

Будущий ученый родился в г. Энглвуд штата Нью-Джерси (США) в семье детей иммигрантов из Австро-Венгрии. Русинские и венгерские этнические корни П.-Р. Магочи впоследствии определили его научный путь. Рано проявив многообещающие задатки, молодой человек, серьезно заинтересовавшийся историей, успешно закончил Рутгерский университет (бакалавр – 1966 г.; магистр – 1967 г.). Уже в 1972 г. он получил степень доктора философии в области истории в Принстонском университете. В 1976 г. Магочи был принят в качестве действительного члена в Академическое ученое общество Гарвардского университета. В 1978 г. Магочи возглавил Карпаторусинский исследовательский центр, а двумя годами позже – кафедру украиноведческих исследований Торонтского университета. Оба эти поста ученый успешно занимает вплоть до настоящего дня. Выдающиеся заслуги Магочи были подтверждены, например, в 1996 г., когда он стал членом Академии наук Королевского общества Канады, и в 2013 г. – после присвоения историку титула почетного доктора Прешовского университета в Словакии.

В общей сложности П.-Р. Магочи – автор более 600 работ (данные 2010 г.) по истории, библиографии, языкознанию, картографии и политологии. Подмечено, что более половины из них посвящены прошлому и настоящему карпатских русинов.

Имя Магочи неразрывно ассоциируется с русинским национальным возрождением конца XX – начала XXI в., в котором академический ученый принимал самое непосредственное участие. Начиная с 1991 г. он являлся членом Всемирного совета русинов при Всемирном русинском конгрессе (в данный момент Магочи – почетный председатель этой организации). В каком-то смысле феномен ученого заключается в том, что ему, как исследователю национализма, удалось на практике влиять на становление и развитие современной карпаторусинской идентичности.

Пожалуй, российским специалистам не всегда близка общественно-политическая позиция североамериканского ученого, которая начала формироваться в условиях «холодной войны» и вне традиций русинского русофильства. Однако сложно не признать, что именно П.-Р. Магочи является самым крупным русинистом современности, который может служить младшему поколению исследователей непревзойденным примером интеллектуализма и научного трудолюбия. Хочется пожелать юбиляру крепкого здоровья и реализации новых исследовательских проектов.

М. Ю. Дронов

Сведения об авторах

Амосова Светлана Николаевна – младший научный сотрудник Центра славяно-иудаики Института славяноведения РАН. sveta-amosova@yandex.ru

Ананьева Наталья Евгеньевна – доктор филологических наук, зав. кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. slavlang@philol.msu.ru

Байдалова Екатерина Викторовна – младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. kuzmukk@mail.ru

Белякова Таусия Алексеевна – аспирантка Университета им. Гуттенберга в Майнце (Германия). belta@list.ru

Вендина Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, зав. Центром ареальной лингвистики Института славяноведения РАН. vendit@rambler.ru

Вернер Инна Вениаминовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН. inna.verner@mail.ru

Волобуев Вадим Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. wolobuev@yahoo.com

Волокитина Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, зав. Центром по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны Института славяноведения РАН. tanyaslav@rambler.ru

Дуличенко Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Тартуского университета (Эстония). aleksd@list.ru

Ильюшин Игорь Иванович – доктор исторических наук, зав. кафедрой международных отношений Киевского славистического университета (Украина). iljushyn@diawest.net.ua

Казак Олег Геннадьевич – магистр исторических наук, аспирант Белорусского государственного университета (Белоруссия). olegkazak@tut.by

Карев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Гродненского государственного университета им. Я. Купалы (Белоруссия). karev-dv@yandex.ru

Кирилина Любовь Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению истории многонациональных империй отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. kirilina.ljuba@rambler.ru

Клопова Мария Эдуардовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mkloпова@yandex.ru

Ковтун Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, зав. кафедрой центральноевропейских исследований РГГУ. kovelena@mail.ru

Кулешова Мария Львовна – аспирантка кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. seveda@rambler.ru

Лабынцев Юрий Андреевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotmail.com

Лантева Людмила Павловна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. slav-ca@yandex.ru

Левкиевская Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ. elena_levka@mail.ru

Лукашова Светлана Станиславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. submare@yandex.ru

Лыкошина Лариса Семеновна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны Института славяноведения РАН. lykoshina.lara@yandex.ru

Майорова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. maiorova-olga@list.ru

Марьина Валентина Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН.

Матвеев Геннадий Филиппович – доктор исторических наук, зав. кафедрой южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. slav-ca@yandex.ru

Мелентьев Федор Ильич – аспирант кафедры истории России XIX – начала XX в. исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. fim91@mail.ru

Молдован Александр Михайлович – доктор филологических наук, академик РАН, директор Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, председатель Национального комитета славистов РФ. ruslang@ruslang.ru

Никифоров Константин Владимирович – доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН. k.nikiforov@voxnet.ru

Новосельцев Борис Сергеевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра по изучению общественных процессов

в Восточной Европе после Второй мировой войны Института славяноведения РАН. bnovoseltsev@yandex.ru

Пилько Надежда Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. nbg2005@mail.ru

Сератионова Елена Павловна – доктор исторических наук, зав. отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. serapion@hovgino.net

Слоистов Сергей Михайлович – младший научный сотрудник Центра по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны Института славяноведения РАН. sergiusz@pochtamt.ru

Станков Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Волгоградского государственного университета. stankov11@yandex.ru

Старикова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, зав. отделом славянских литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru

Узенёва Елена Семеновна – кандидат филологических наук, ученый секретарь Института славяноведения РАН. lenuzen@mail.ru

Чуркина Искра Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. iskracurk@mail.ru

Шалаева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник исследовательского центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН. koulkuk@gmail.com

Шемякин Андрей Леонидович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. anshemjakin@rambler.ru

Щавинская Лариса Леонидовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotbox.ru

About the authors

Amosova Svetlana Nikolaevna – senior research fellow of the Centre of Judeo-Slavic Studies. Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. sveta-amosova@yandex.ru

Anan'eva Natal'ja Evgen'evna – Doctor of Letters, the chair of Slavic Philology, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. slavlang@philol.msu.ru

Bajdalova Ekaterina Viktorovna – senior research fellow in the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. kuzmukk@mail.ru

Beljakova Taisija Alekseevna – Ph.D. student in The Johannes Gutenberg University of Mainz (Germany). belta@list.ru

Čurkina Iskra Vasil'evna – Doctor of History, leading research fellow in the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. iskracurk@mail.ru

Dronov Mixail Jur'evič – Ph.D. in History, research fellow in the Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mikhaidronov@rambler.ru.

Duličenko Aleksandr Dmitrievič – Doctor of Letters, a professor of Slavic philology in Tartu University (Estonia). aleksd@list.ru

Il'jušin Igor Ivanovič – Doctor of History, the chair of International Relations in Kyiv Slavonic University. iljushyn@diawest.net.ua

Kazak Oleg Gennad'evič – Master of History, a Ph.D. student in Belarusian State University. olegkazak@tut.by

Karev Dmitrij Vladimirovič – Doctor of History, a professor in Janka Kupala State University of Grodno. karev-dv@yandex.ru

Kirilina Ljubov Alekseevna – Ph.D. in History, senior research fellow in the Centre of Multinational Empires History in the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. kirilina.ljuba@rambler.ru

Klopova Marija Eduardovna – Ph.D. in History, leading research fellow in the Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mklopova@yandex.ru

Kovtun Elena Nikolaevna – Doctor of Letters, a professor in the chair of Slavic philology, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University, the chair of Central European Research, Russian State University for the Humanities. kovelena@mail.ru

Kulešova Maria L'ovna – Ph.D. student in the chair of Slavic Philology, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. seveda@rambler.ru

Labyncev Jurij Andreevič – Doctor of Letters, leading research fellow in the Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. slavica@hotbox.ru

Lapteva Ljudmila Pavlovna – Doctor of History, a professor of the chair of history of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. slav-ca@yandex.ru

Levkievskaja Elena Evgen'evna – Doctor of Letters, a professor of the Teaching and Research Centre of Typology and Semiotics of Folklore in the Russian University for the Humanities. elena_levka@mail.ru

Lukašova Svetlana Stanislavovna – Ph.D. in History, senior research fellow in the Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. submare@yandex.ru

Lykošina Larisa Semjonovna – Doctor of History, leading research fellow in the Centre of Social Processes Study in Eastern Europe after the WWII, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. lykoshina.lara@yandex.ru

Majorova Ol'ga Nikolaevna – Ph.D. in History, senior research fellow in the Department of Modern History of Central and South-Eastern Euro-

pean Countries, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. maiorova-olga@list.ru

Mar'ina Valentina Vladimirovna – Doctor of History, principle research fellow the Department of Modern History of Central and South-Eastern European Countries, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Matveev Gennadij Filippovič – Doctor of History, the chair of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State Universtiy. slav-ca@yandex.ru

Melent'ev Fjodor Il'ič – Ph.D. student of the chair of Russian History in the 19th-the Beginning of the 20th Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State Universtiy. fim91@mail.ru

Moldovan Aleksandr Mixajlovič – Doctor of Letters, a member of the Russian Academy of Sciences, the Director of Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, the head of the Russian National Slavistic Committee. ruslang@ruslang.ru

Novosel'cev Boris Sergeevič – Ph.D. in History, minor research fellow of the Centre for Social Processes Study in Eastern Europe after the WWII, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. bnovoseltsev@yandex.ru

Pil'ko Nadežda Sergeevna – Ph.D. in History, senior research fellow in the Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. nbg2005@mail.ru

Serapionova Elena Pavlovna – Doctor of History, the chief of the Department of Slavic History of the World Wars Period Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. serapion@hovrino.net

Sloistov Sergej Mixajlovič – minor research of the Centre for Social Processes Study in Eastern Europe after the WWII, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Stankov Nikolaj Nikolaevič – Doctor of History, a professor of the chair of International Relations and Foreign Area Studies in Volgograd State University. stankov11@yandex.ru

Starikova Nadežda Nikolaevna – Doctor of Letters, the chief of the Department of Slavic Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru

Šalaeva Tatjana Vladimirovna – Ph.D., a research fellow in the Centre for Areal Linguistics in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. koulkuk@gmail.com

Šemjakin Andrej Leonidovič – Doctor of History, leading research fellow in the Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. anshemjakin@rambler.ru

Ščavinskaja Larisa Leonidovna – Ph.D., senior research fellow in the Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. slavia@hotmail.ru

Uzenjova Elena Semjonovna – Ph.D., the academic secretary of Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. lenuzen@mail.ru

Vendina Tat'jana Ivanovna – Doctor of Letters, the head of the Centre for Areal Linguistics in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. vendit@rambler.ru

Verner Inna Veniaminovna – Ph.D., a research fellow in the Centre of Interdisciplinary Research of Slavic Medieval Texts. Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. inna.verner@mail.ru

Volobuev Vadim Vadimovič – Ph.D. in history, senior research fellow in the Department of Modern History of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. wolobuev@yahoo.com.

Volokitina Tat'jana Viktorovna – Doctor of History, the head of the Centre of Social Processes Study in Eastern Europe after WWII, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. tanya slav@rambler.ru

Правила публикации статей в «Славянском альманахе»

Редколлегия «Славянского альманаха» принимает к рассмотрению только оригинальные статьи, присланные файлом в формате Word, прикрепленным к электронному письму. В письме необходимо сообщить сведения о себе: фамилия, имя и отчество полностью, ученые степень и звание, место работы (учебы) и должность, телефон и электронный адрес.

E-mail редакции: slav-almanakh@yandex.ru

Статьи и публикации не должны превышать 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами и с учетом сносок), рецензии – 0,5 п. л. (20 000 знаков), хроника – 0,25 п. л. (8000 знаков).

Члены редколлегии знакомятся с материалами и принимают коллективное решение о публикации. Отзывы членов редколлегии и рецензентов автору не сообщаются, но направляются вопросы, замечания и предложения по тексту. В случае отрицательного решения о публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ.

Формат текста

Выравнивание основного текста – по ширине страницы

Фамилия автора, город (в скобках) – по правому краю (курсив)

Название статьи – по центру (полужирный)

Абзац – отступ 1,25 см

Междустрочный интервал – 1,5 (сверху и снизу – 0)

Шрифт – Times New Roman, размер 14

Без переносов

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова или фразы; во всех остальных случаях – е.

Сокращения

При первом упоминании фамилии обязательно указываются инициалы, которые разделяются пробелом и отделяются пробелом от фамилии.

Годы, обозначающие определенный период, указываются только в цифрах: 1960-е годы, 60-е годы XX в.

Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1861 г., 1870–1875 гг.

Век или века обозначаются римскими цифрами с сокращением в. или вв.: XVIII в., IX–XI вв.

NB: между цифрами ставится короткое тире (не дефис).

Допускаются сокращения: т. д., т. п., др., проч., см.

Писать полностью: так как, так называемый, то есть, например.

Цифры: тысячи от сотен и миллионы от тысяч отделяются пробелом: 12 350, 5 780 462, 2 900 000 000. Нули (000) могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд, кг, т, м, км и др.

Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст. и др.

Кавычки

Кавычки только « ». Если закавыченное слово (слова) находятся внутри цитаты, употребляются кавычки в кавычках: «“...”».

Примечания

Сноски – концевые, автоматические, нумеруются арабскими цифрами

В конце предложения цифра сноски ставится перед точкой

Шрифт сносок: Times New Roman, размер 10

Междустрочный интервал в сносках – 1,5 (выравнивание – по ширине)

Возможны текстовые (пояснительные) сноски внизу страницы, которые обозначаются звездочкой (*)

Научное издание

Славянский альманах

1-2 2015

Издательство «Индрик»

Корректор *М. Н. Толстая*
Оригинал-макет *Ю. Е. Рычаловская*

Условия публикации и правила оформления статей
помещены на сайте <http://inslav.ru/izdaniya/slavianskij-almanah>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95
3800 5

Формат 60×90¹/16. Печать офсетная.
30,0 п. л. Тираж 400 экз.
Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6